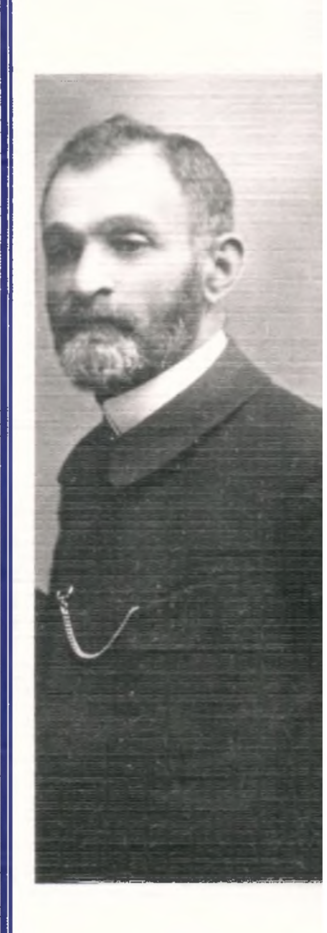
Н.БАРАНОВА-ШЕСТОВА

ЖИЗНЬ
ЛЬВА ШЕСТОВА

I

La Presse Libre
Paris

Н.БАРАНОВА-ШЕСТОВА

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

По переписке
и воспоминаниям современиков

I

La Presse Libre
Paris

Titre original en russe:

N.Baranoff-Chestov
JIZN' L'VA CHESTOVA
T. I

ISBN 2-904228-09-8

Imprimé en France.

Посвящается правнукам Шестова

Бернарду и Сюзанне Машке
и Каролине Скоб

Автор выражает глубокую признательность Еве Иоффе за помощь в работе над книгой и перепечатку рукописи; внучке Шестова Светлане Машке; Владимиру Баранову, Михаилу Лазареву, Александру Лурье и Александру Севу — за поддержку автора при создании книги; а также г-же Бланш Бронштейн-Винавер за перевод рукописи на французский язык и г-ну Мишелю Карассу за подготовку французского издания этой книги в издательстве «Плазма».

Февраль 1983
Париж

Содержание

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

I

Глава I

Детство в Киеве. — Университет в Москве и диссертация. — Первые статьи в Киевской прессе (1895).

Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман) родился 31 января (13 февраля) 1866 года в Киеве. Его отец, Исаак Моисеевич Шварцман, талантливый коммерсант, создал из мелкой лавки большую мануфактурную торговлю в Киеве, с отделением в Кременчуге, — «Мануфактурные склады Исаака Шварцмана» с миллионным оборотом, славившиеся во всем Юго-Западном Крае добротностью английских тканей и изделиями лучших московских фабрикантов. Так как дело быстро развивалось, в 1908 году оно было реорганизовано в акционерное общество «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман». Помещалось оно на Подоле, в большом доме на Александровской площади.

У Шестова было два младших брата: Михаил и Александр и четыре сестры: Софья, Мария, Елизавета и Фаня. Эта большая семья вносила много оживления в дом на Подоле. Его отец был одним из ранних сионистов и большим знатоком еврейской древней письменности, ходил в синагогу, но в то же время был тем, кого евреи называют «эпикойрес» — свободомыслящий. Он охотно подшучивал над ограниченностью фанатиков, был очень остроумен и устраивал в синагоге иногда род клуба, рассказывал анекдоты, его даже хотели одно время исключить из синагоги за кощунство. Однако при всем своем свободомыслии он, бывало, говорил: «Все-таки, когда в торжественный праздник проносят по синагоге свитки Торы, я их целую». Шестов любил слушать из уст отца старинные легенды и поверья. Отец взял к де-

тям, скорее из уважения к традиции, учителя древнееврейского языка, но Шестов впоследствии этот язык совершенно забыл.

В статье, опубликованной учениками Фани Ловцкой по случаю ее 80-летия в израильской ежедневной газете «Джерузалем Пост» в 1954 г., несколько строк посвящено жизни в доме Шварцманов в 80-х и 90-х годах:

> Такие видные сионисты, как Членов, Темкин, Усышкин, бывали в доме Исаака Моисеевича. Шолом Алейхем у него читал свои ранние произведения*.

Доктор Ефим Членов, Владимир Темкин и Михаил Усышкин, упомянутые в статье, были видными еврейскими общественными деятелями. Они примкнули к Сионистской Организации с ее основания на первом международном конгрессе сионистов, который собрался в Базеле в августе 1897 г. под председательством Герцля. Об основании Сионистской Организации рассказали французские авторы Д.Лапьер и Л.Коллинс в книге «О, Иерусалим!» (стр. 51)**.

> Herzl fonda officiellement le mouvement sioniste au cours du premier Congrès sioniste mondial reuni au "Casino" de Bâle en Suisse. Etrange congrès qui mêle l'utopie et le réalisme, et décide la création d'un Etat, sans savoir où ni comment car l'Empire turc refusait toute ouverture en Palestine. Les délégués élurent cependant un bureau executif international et créèrent un Fond national ainsi qu'une banque pour l'achat de terres en Palestine... "A Bâle, écrit Herzl le soir même dans son journal intime, j'ai fondé l'Etat juif. Si je disais ça à haute voix, je soulèverais un éclat de rire universel. Dans cinq ans peut-être, dans cinquante ans certainement ce sera une évidence pour tous"***.

---

* Эти чтения происходили, несомненно, между 1885 и 1889 гг., когда Шолом Алейхем жил в Киеве.

** Подробные библиографические данные упоминаемых в тексте книг см. во втором томе, в разделе «Использованная литература».

*** Перевод этого и последующих иноязычных текстов на русский язык см. в конце второго тома в соответствующем разделе.

Не подлежит сомнению, что Исаак Моисеевич принимал участие в сионистском движении, но в чем именно заключалось его участие, не удалось установить. Известно, что по его просьбе Шестов присутствовал на втором конгрессе сионистов, который собрался в Базеле в 1898 г. (см. стр.39 и приложение).

* *
*

О своем детстве Шестов кое-что рассказал жене и Ловцким. Вот три записи жены и запись Ловцкого:

> Когда ему было лет десять, он нашел дворняжку, совсем плохую, голодную, и взял к себе; очень ее полюбил и назвал ее «Букетом». Мальчика как-то послали отнести суп отцу. Дорогой он задумался, что бы было, если бы Букет стал человеком, и нечаянно пролил суп. Ему, конечно, досталось.
>
> У его родителей жила их старая родственница, очень бедная. Жила она в кухне, но по субботам в уголке устраивала стол, покрытый белой скатертью, и зажигала свечи. В его семье субботу не отмечали. Он, когда был мальчиком лет десяти, прибегал к ней и слушал, что она ему читала и говорила, любил ее простую веру.
>
> Раз он случайно зашел в православную церковь. Ему так понравилась тишина, горящие лампадки, вся обстановка, что он пожалел, что это не его церковь, где, ему казалось, было бы так хорошо молиться.
>
> Мальчик любил бегать в соседний Братский монастырь, на торжественные богослужения. Облачения, иконы, масса свечей и песнопения покоряли его воображение, и он говорил мне, что, найдись в то время какой-нибудь усердствующий монах, он бы легко обратил его. Блеск и великолепие богослужения он невольно сравнивал с убогой синагогой, где евреи в затасканных талесах громко молились и били себя в грудь со словами — «Я согрешил...» (Ловцкий, неизд., стр.20).

ЖИЗНЬ ЛЬВА ШЕСТОВА

Конец семидесятых годов прошлого столетия был бурной эпохой террористических покушений, закончившейся убийством императора Александра II 1 марта 1881 г. После смерти царя начались еврейские погромы. Александр Михайлович Гринберг (см. приложение), двоюродный брат Шестова, эмигрировавший в Америку в 1882 г., рассказал своему сыну Стэнли Грину (Stanley Grean) о еврейских погромах в Киеве:

> В Киеве громили еврейский квартал. Магазин моего дяди Исаака Шварцмана на базарной площади охранялся солдатами, так как Шварцман был купцом первой гильдии. Мы жили недалеко от базарной площади, как раз в том месте, где начался погром. Нам пришлось бежать из нашего дома и укрыться под защиту монахинь, которые повесили крест на двери дома. Оттуда мы ушли под защитой полиции. (Стэнли Грин. История семьи).

В семье Исаака Моисеевича в эту эпоху случилось двойное горе, о котором рассказал Ловцкий:

> Его старшая дочь, от первого брака, Дора вышла замуж за «гоя», Дениса Ник. Поддерегина, директора технической школы в Александровске и затем в Нежине, и стала революционеркой. Отец с ней порвал отношения...*
>
> А тут подошло второе несчастье — Лев Ис., двенадцати лет от роду, исчез из дому. Он был похищен какой-то подпольной политической организацией, по-видимому, в надежде на богатый выкуп и пополнение партийной кассы. Отец, после тяжелого раздумья, решил не поддаваться политическому шантажу и на требование денежного выкупа ответил ре шительным отказом... Лев Ис. не любил вспоминать об этом эпизоде из своего детства. Твердость, проявленная его отцом, принесла свои плоды — через некоторое время друг семьи М.И.Кулишер привел измож-

* С Шестовым у нее остались прежние отношения, и, может быть, благодаря его ходатайству, отец впоследствии не отказывал Доре в материальной поддержке, когда у нее бывали трудности.

исхудалого 12-летнего мальчика домой со словами: вот вам ваш Леля! Нетрудно себе представить радость бедной матери и всей семьи. (Ловцкий, неизд., стр.20, 21).

О похищении Шестова Александр Гринберг тоже рассказал своему сыну:

Старший сын Исаака, Лев, был похищен в 1878 г. и задержан как заложник группой анархистов. Правительство запретило заплатить выкуп. Лев вернулся невредимым шесть месяцев спустя. (Стэнли Грин. История семьи).

* *
*

Евреи заботились о том, чтобы дать как можно больше «прав» своим детям. Царское правительство предоставляло особые льготы по воинской повинности и по праву жительства вне черты еврейской оседлости евреям, получившим образование. Шестов был отдан в Киевскую 3-ю гимназию, но, будучи замешан в политическом деле, вынужден был ее оставить и перевестись в Москву. По окончании гимназии (1884) он поступает в Московский университет, сперва на математический факультет, а затем на юридический. Один семестр он учится в Берлинском университете. Из-за недоразумений со знаменитым инспектором студентов Брызгаловым Шестов бросает Московский университет и переезжает обратно в Киев, где и оканчивает юридический факультет в 1889 г.

В университете Шестов заинтересовался экономическими и финансовыми вопросами. В Москве он ревностно посещал лекции И.И.Янжула и А.И.Чупрова (см. С.Познер. Биография Л.Шестова. — «Последние Новости», 1926, 25 февр.). Чупров (1842-1908) — видный экономист, публицист и общественный деятель, занимал кафедру политической экономии и статистики в Московском университете.

> Он был самый блестящий и самый популярный знаменосец идеи служения университетской науки началам гуманизма и общественного идеализма... Духовная сила университета как фактора прогрессивного общественного развития олицетворялась и символизировалась для широких кругов общества... в лице Чупрова. (Кизеветтер).

Чупров посвятил несколько трудов железнодорожному хозяйству, насущному тогда вопросу русской экономической жизни.

Янжул (1846-1914), видный экономист и статистик, занимал кафедру финансового права в Московском университете. В 1882 г. он стал инспектором московского фабричного округа. Но закон 1886 г. изменил к худшему положение фабричной инспекции, и в 1887 г. Янжул оставил должность инспектора, так как потерял веру в возможность плодотворной деятельности на этом посту. Профессор Янжул всегда собирал многочисленную аудиторию и на лекции приносил много свежего материала. Он одним из первых организовал в университете практические занятия (по финансовому праву), которые усердно посещались. Располагая богатой библиотекой, он охотно предоставлял ее всем, желавшим работать. Янжул сотрудничал во многих журналах умеренно-либерального направления и опубликовал множество научных трудов.

Во время пребывания в университете Шестов написал две большие работы о рабочем вопросе: статью в Москве и диссертацию в Киеве. Несомненно, их темы или были ему предложены Янжулом, или были навеяны его трудами «Фабричный быт Московской губернии за 1882-1883 гг.» и «Отчет фабричного инспектора за 1885 г.». О своей первой работе Шестов пишет в автобиографии*, а о второй (диссертация) он рассказал Фондану:

---

* Лев Шестов. Автобиография. В сб.: Первые литературные шаги. М., Сытин, 1911, стр.173-176.

> Еще в бытность студентом, я с товарищем своим написал работу о «Положении рабочих в России» по данным фабричной инспекции, — работу, которой не суждено было увидеть свет, так как редакции журналов (хотя и признавали ее интересной) находили слишком обширной и специальной, а цензура — слишком резко написанной для того времени. Но то была общая, а не моя личная работа. (Автобиография).

> Я кончил юридический факультет... На выпускных экзаменах я получил в среднем четыре с плюсом. Чтобы стать кандидатом прав... я написал диссертацию на тему о новых Рабочих Законах, недавно вошедших в силу и по поводу которых начали появляться рапорты инспекторов труда. Моя диссертация прошла в Киевском Университете: для того чтобы ее напечатать, я должен был представить ее в Московский Цензурный Совет. Но докладчик Совета дал заключение, что если моя диссертация появится, она послужит сигналом к революции во всей России. Я поехал в Москву выяснять, в чем дело. Один из членов Совета мне посоветовал затребовать рукопись для изменения в духе, указанном цензурой. Но докладчик убедил Совет, что никакие исправления не могут изменить революционной сути книги. Мне не вернули рукописи. Другая копия принадлежала Университету. Мои черновики исчезли. Книга никогда не появилась. В ней шла речь о крайней нищете русского крестьянства и т.д. (Фондан, стр.86).

По поводу диссертации Шестова Ловцкий пишет:

> К Гегелю и марксизму он относился отрицательно уже с молодости, хотя Маркса знал основательно, как доказывает его ненапечатанная и отвергнутая, как сигнал революции, профессором Янжулом диссертация. (Ловцкий, неизд.).

Очевидно, труд Шестова, хотя и исследовал тему, интересовавшую Янжула, был отвергнут как слишком резко написанный.

Заглавие первой работы «Положение рабочих в России» указано Шестовым в автобиографии. Для второй работы

(диссертация) Фондан заглавия не дает. В других исследованиях о Шестове приводятся два разных заглавия диссертации. Познер называет ее «Фабричное законодательство в России», а Сюис и Лефевр — «Положение рабочего класса в России»; сам Шестов дает последнее заглавие в письме к Г.Ловцкому от 5.01.1931. По всей вероятности, правильное название диссертации указал Познер, а заглавие, данное Шестовым в письме к Г.Ловцкому, надо отнести к статье, упомянутой в автобиографии. Также не удалось определить, для какой ученой степени была написана диссертация. Фондан ее называет «кандидатской», а в другом месте своих воспоминаний — «докторской». Вернее всего, что Шестов окончил юридический факультет со званием «кандидата прав» и что отвергнутая диссертация была написана для получения степени магистра.

После окончания университета Шестов записался в Петербурге в сословие адвокатов, но дел никогда не вел, а юридической деятельностью занимался только очень короткое время в Москве.

В молодости Шестов, как и большинство его сверстников, увлекался политикой и был революционером. О революционных настроениях молодого Шестова свидетельствуют его указанные выше исследования о рабочем вопросе, написанные в университете. В «Записках писателя» Лундберга есть несколько строк на эту тему:

> С юности он [Шестов] был связан с народовольцами... Был момент, когда Н.К.Михайловский привлекал его к участию в своем журнале. Позже он изучал К.Маркса и стал одним из ранних его толкователей в Киеве. (Лундберг, стр.75).

Фондану Шестов рассказал:

> Я был революционером с восьмилетнего возраста к великому огорчению моего отца. Я перестал быть революционером много позже, когда появился «научный, марксистский социализм». (Фондан, стр.62).

Трудно определить, когда именно Шестов перестал быть революционером и отошел от политики. Можно предположить, что в эпоху, которая будет рассматриваться в следующей главе (1891-1896), он уже отошел от марксизма и занимался литературой и философией. По духовному пути, пройденному Шестовым, впоследствии пошли Бердяев, Струве, Булгаков и некоторые другие. Все они в молодости были убежденными марксистами, а потом отвернулись от марксизма. В 1903 г. Булгаков опубликовал книгу, заглавие которой «От марксизма к идеализму. 1896-1903» характеризует духовный перелом, пережитый этой группой и Шестовым.

* *
*

После окончания университета (1889) Шестов поступил на военную службу вольноопределяющимся. Короткое время он работал помощником присяжного поверенного в Москве. Вскоре (1891 или 1892) ему пришлось вернуться в Киев, ибо его отец запутался в делах и надо было спасать семейное предприятие. В Киеве он остается до начала 1896 г. Он работает в деле, много читает и продолжает заниматься экономическими и финансовыми проблемами. К этому времени, а может быть, и более раннему, относятся его попытки писать повести и рассказы. Шестов пишет в автобиографии:

> Пробовал я писать повести и рассказы — написал немало, но эти работы не нашли доступа к публике. И я сам и те немногие друзья, которым я показал эти опыты, осудили их.

В архиве Шестова сохранились недатированные черновые рукописи десяти неоконченных рассказов. Они интересны тем, что, несомненно, содержат некоторый автобиографический элемент. Герои большинства этих рассказов — бедные

талантливые юноши-идеалисты, мечтающие о том, чтобы «сказать новое слово и начать новое дело». По-видимому, сам Шестов в молодости мечтал о том же. Привожу отрывки из двух неоконченных рассказов. В них описывается в мрачных тонах гимназический быт. В обоих рассказах героя зовут Мировичем. В первом, без заглавия, Шестов описывает жизнь бедного гимназиста Мировича. Во втором, под заглавием «Не туда попал», молодой неудачливый писатель Мирович рассказывает свою жизнь. Повествование ведется от первого лица.

> В пятом и шестом классе Мирович уже хорошо ознакомился с существовавшими в России «направлениями», и первым безусловным требованием ко всякому, претендовавшему на его уважение человеку была принадлежность к последнему направлению, стремление продолжать еще при Пушкине начатое дело русской интеллигенции. Он знал Онегина, Печорина, Рудина, Базарова, Нежданова, как последовательных носителей русской идеи, и требовал от современников стремления к выработке новой идеи, которая была бы для них тем же, чем идеи 20-40-60 и 70 годов были для перечисленных выше представителей литературных типов... Все размышления его сводились в конце концов к определению современного русского интеллигента. Идеалисты сороковых годов, реалисты-шестидесятники имели свое дело и сделали его... Что теперь нам нужно делать? Он не мог ни в первые годы юности, ни, как выяснилось впоследствии, и в зрелые годы, ответить на этот вопрос, но он глубоко был убежден в том, что ответ на этот вопрос есть и должен быть, что со временем он его узнает. Он нисколько не сомневался, что людям его времени нужно сказать свое новое слово и начать новое дело. Необходимо подсчитать оставленное предками наследство, и тогда все станет ясным. России, несомненно, предстоит великая будущность. Она осуществит те великие задачи, перед которыми оказалась бессильна Западная Европа — государства и народы которой пошли быстро по ложной, ведущей к погибели дороге... Он уже тогда с

гордой радостью ходил взад и вперед по комнате, декламируя известные стихи Пушкина:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Это четверостишие, говаривал он, было первым призывом гениального поэта к русской интеллигенции. И она успела откликнуться на эти великие слова. Она бодро работает, как работала с Белинским во главе над самообразованием и над выяснением предстоящей задачи. Сколько поработали люди 60-х годов над делом освобождения крестьян. Где еще, восхищался он, бывало, в упоении, можете указать вы нам акт столь великой государственной мудрости, как освобождение крестьян. Он благоговел перед Александром II и его сотрудниками в великих реформах...

Постоянное чтение наших лучших писателей привело его к тому убеждению, что всякое великое общественное дело предварительно обсуждается в литературе и что эта последняя является инициатором всякого нового общественного движения. Он видел, что литература нашего времени не могла выработать ясных и определенных задач. Он ждал того счастливого времени, когда «накануне» перейдет, пройдет и «наступит, наконец, настоящий день». В том, что этот день наступит, он не сомневался. Нужно только дружно, энергично, беззаветно отдаться великому делу служения обществу, т.е. как нужно теоретически — в литературе — вырабатывать программу деятельности. Поэтому дело пока сводится к литературной работе. Всякий человек, чувствующий в себе «душу живу», должен оставить в стороне все интересы и предаться исключительно общественному делу... (Рассказ без заглавия).

◇

Очень рано, когда я был в четвертом классе гимназии, т.е. 13 лет от роду, вкоренилось во мне убеждение, что не писать я не могу и что я непременно стану хорошим писателем... Основной взгляд на литературу у меня уста-

новился уже в то время, и я свято, неизменно следовал своим детским верованиям, несмотря на всю «суровость» пройденной мною в последние 15 лет жизненной школы. Когда мне было 13 лет, я уже много прочел. Не говоря уже о Пушкине, Лермонтове, Гоголе и других наших классиках, я читал тогда уже иностранных писателей — Шекспира, Гете и даже менее крупных — Ауэрбаха, Шпильгагена и т.п. Из русских писателей особенно полюбил я в то время Некрасова. Т.е. любил я и Пушкина, и Лермонтова, ибо я каким-то чудом избегнул господствовавшего в то время, даже среди гимназистов, отрицания Пушкина, должно быть потому, что успел прежде полюбить этих писателей, чем познакомиться с отрицательным направлением своих товарищей. Но и в Некрасове я высоко чтил любовь к ближнему, любовь к простому народу. Его поэзия санкционировала в моих глазах еще тот уголок правды, о котором мало говорили другие поэты. Вся поэзия представлялась мне тогда апофеозом правды, точнее добра... Я всегда думал, что жизнь есть не что иное, как постоянное стремление этого «добра» к победе над злом и что носители идеи добра постоянно увеличиваются в своем числе и победа их есть только вопрос времени. (Не туда попал).

* *
*

В поисках жизненного пути Шестов серьезно думал о карьере певца, обладая отличным слухом и голосом, но, по словам Ловцкого, его учительница пения испортила ему голос, а сам Шестов рассказал Герцык, что он «в юности со страстью пел, готовился на сцену и сорвал, потерял голос» (Герцык, стр.101). Пытался он и стихи писать, но эти попытки не были удачными. Талантливый юноша, полный духовных сил, искал приложения своих незаурядных способностей. Одно время он очень увлекался Альфредом Мюссе и другими французскими романтиками.

«Цветы зла» Бодлера, стихи Верлена произвели на него неотразимое впечатление. «De la musique avant toute chose et tout le reste est littérature» — говаривал он часто. В альбом стихов А.Е. он написал 8.4.1898 несколько строф из «Октябрьской ночи» Мюссе, вероятно, им же переведенной на русский. Все эти попытки не увенчались успехом, и Шестов перешел к «величайшей музыке», по выражению Платона, — к философии. Шестов об этом рассказывает в статье о Гуссерле. Он пишет:

> Может быть, иным это покажется странным, — но моим первым учителем философии был Шекспир. От него я услышал столь загадочное и непостижимое, а вместе с тем, столь грозное и тревожное: время вышло из своей колеи...
>
> От Шекспира я бросился к Канту, который с неподражаемым искусством своей «Критикой практического разума» и своими знаменитыми постулатами пытался замазать и замазал на столетия щели бытия, обнаруженные его же собственной «Критикой чистого разума». Но Кант не мог дать ответы на мои вопросы. Мои взоры обратились тогда в иную сторону — к Писанию. (Умозрение и откровение, стр.304).

В 1895 году Шестов начинает сотрудничать в киевской передовой печати; он пишет на литературные и философские темы. Сам Шестов рассказывает об этом в автобиографии:

> Я написал несколько статей... Статьи были небольшие, жил я тогда в Киеве и потому, естественно, пытался пристроить их в киевских газетах. Тогда в Киеве было три газеты: «Киевлянин», «Киевское Слово» и «Жизнь и Искусство». «Киевлянин» литературой и философией мало интересовался. Притом, он уже и в то время держался определенного консервативного направления, — так что я и не пытался вступать с ним в переговоры. Я обратился с первой своей статьей, которая называлась, помню, «Вопросы совести», в «Киевское Слово». Редакция

отказалась печатать, ссылаясь на то, что я ставлю вопросы, не разрешая их. Статья была написана по поводу какого-то (уже не помню, как он назывался) рассказа Потапенки и напечатанной тогда в «Ниве» Вл.Соловьевым главы из «Оправдания добра» — «О смысле войны». Я хотел было обратиться в «Жизнь и Искусство», но мне сказали, что нужно, если я хочу, чтобы напечатали, обратиться не прямо в редакцию, а к сотруднику газеты, некоему Т. Я так и сделал. Т. взял статью и обещал напечатать. И в самом деле, напечатал, но в исправленном и дополненном виде. Все, относящееся к Потапенке, он вычеркнул, а затем то, что относилось к Соловьеву, переделал. Кода я увидел статью* в печати, я ее не узнал... Потом Т. отдал еще две статьи** (он их отдавал как свои, — иначе бы их не приняли), которые и были напечатаны за подписью «Читатель» — одна без всяких поправок, только с искажающими смысл опечатками, другая в сильно сокращенном виде и с несколькими поправками, вроде приведенной выше.

К декабрю того же года произошла перемена в составе редакции «Киевского Слова», и мне удалось поместить там свою статью «Брандес о Гамлете»***. Так как, на этот раз, мне не пришлось скрываться, то статья напечатана без исправлений и без опечаток.

В начале 1896 г. Шестов написал статью-рецензию «Идеализм и символизм "Северного вестника"»****, черновая руко-

---

* Вопросы совести. — «Жизнь и Искусство», 5 декабря 1895. Подпись : Черный.

** Одна из них: «Журнальное обозрение» (о Владимире Соловьеве). — «Жизнь и Искусство», 9 января 1896. Подпись: Читатель. Вторую статью найти не удалось.

*** Георг Брандес о Гамлете. — «Киевское Слово», 22 декабря 1895. Подпись: Л.Ш.

**** Журнал «Северный вестник», основанный в 1885 г., пользовался широкой известностью, благодаря участию Н.К.Михайловского. С 1891 или 1892 г. во главе издания стоял А.Л.Волынский. Он выступал против упрочившихся тогда позитивно-материалистических традиций и принимал на страницы своего журнала произведения декадентов и символистов. Журнал Волынского успеха не имел и закрылся летом 1898 г.

пись которой была найдена в архиве Шестова. В 1979 г. статья была опубликована по-русски, вероятно впервые, по черновой рукописи в американском журнале «R.L.T.» («Russian Literature Triquaterly») №16. В этой статье Шестов дает критическое обозрение №11 и 12 (1895) и №1 (1896) «Северного вестника». В ней он выступает как литературный критик, она отражает его личность и переживания молодости и характеризует литературные настроения конца XIX века. Он выражает свое преклонение перед деятелями 60-х годов и перед позитивной проповедью Толстого. Взгляд на Толстого Шестов впоследствии изменил, но чувство благоговения перед ним, выраженное в этой статье, хотя не прямо высказанное, присуще всем работам, которые Шестов впоследствии посвятил Толстому. Почти всем статьям и стихам, опубликованным в «Северном вестнике», Шестов дает резко отрицательную оценку. Он говорит о пустословии Волынского, возмущается статьей Каренина* о Жорж Занд и Мюссе, насмехается над стихами Мережковского и Минского. Положительный отзыв Шестов дает только драме Метерлинка «Смерть Тентажиля» и стихотворению Гиппиус «Песня», напечатанному в «Северном вестнике» №12 за 1895 г. Он пишет, что это стихотворение — «перл, которым нельзя не любоваться» и что г-н Волынский может гордиться им. Это стихотворение Гиппиус впоследствии было цитировано множество раз, главным образом, две его последние строки:

«Мне нужно то, чего нет на свете / Чего нет на свете».

Любопытно заметить, что свое мнение о «Северном вестнике» Шестов впоследствии изменил. В статье «Литературный сецессион», опубликованной в 1905 г. в газете «Наша Жизнь», Шестов посвящает несколько строк Волын-

* В.Каренин, псевдоним В.Д.Комаровой-Стасовой — автора капитального исследования о Жорж Занд.

скому и отзывается о нем с уважением как о «пионере», давшем приют новым писателям. Он пишет: «"Северный вестник" закрылся, но начатая им борьба не прекратилась».

* *
*

К этому времени (1893-1895) у Шестова уже завязались литературные знакомства. Он был знаком с петербургской писательницей Зинаидой Венгеровой (см. приложение) и с петербургским журналистом, сотрудником петербургской газеты «Речь», юристом Давидом Абрамовичем Левиным (1863- ?). Вероятно, у него в эту эпоху были и другие знакомства в столице.

В Киеве семья Шварцман была близка с семьей сахарозаводчика Григория Балаховского. Сестра Шестова Софья была замужем за Даниилом Григорьевичем Балаховским, а Софья Григорьевна, сестра Даниила, очень образованная и культурная женщина, была дружна с Шестовым и с большим интересом следила за его работами. В эти годы она была уже замужем за французским адвокатом Евгением Юльевичем Пети и жила в Париже. Сохранилось 19 писем Шестова к Софье Григорьевне. Самые интересные относятся к 1896 и 1897 гг. (6 писем). В них Шестов пишет о ходе своей работы, о прочитанных книгах и литературных планах. Отрывки из них даны ниже. Софья Григорьевна была из состоятельной семьи и часто помогала своим товарищам-студентам, когда училась в Париже, и не раз выручала людей, попадавших в трудное положение. Выручала она и Шестова, когда ему почему-либо было «неудобно» обращаться с просьбой о деньгах к родителям.

Шестов был дружен с журналистом Г.Работниковым. Сохранилось 5 писем Работникова к Шестову, написанных

в Житомире 20.07.1895 — 24.11.1895. В них Работников говорит о десятилетнем знакомстве, о своей работе в разных газетах и журналах, о том, что он пишет статью о Мюссе и Шенье, и, главным образом, о своих трудностях и безденежьи. Шестов ему «доставал деньги» и исполнял разные поручения. В 1895 г. Шестов вел переговоры о своем участии и участии Работникова в переводе на русский язык многотомного труда Генриха Греца «История евреев». В архиве Шестова сохранилась черновая рукопись перевода нескольких глав этого труда. Хотя в письмах Работникова этого и не чувствуется, но очевидно, что их связывала с Шестовым искренняя дружба. Шестов пишет в письме к Софье Григорьевне от 3.11.1896, что это «старый друг», который «лучше новых двух». Судьба Работникова трагична. Его карьера журналиста была, по-видимому, не очень удачной, кроме того он был болен чахоткой. В конце 1895 г. или в начале 1896 г. он поехал лечиться в Рим. Семья Шестова посылала ему деньги на жизнь, но спасти его не удалось, и он скончался в Италии в 1897 г. (см. ниже письмо Шестова к Софье Григорьевне от 22.09.1897).

Шестов был также дружен с писательницей Варварой Григорьевной Малахиевой-Мирович из Воронежа, которая в те годы писала в киевских газетах, а позже стала сотрудницей московских и петербургских журналов. В конце десятых годов она заведовала беллетристическим отделом «Русской мысли». Сохранилось 17 ее писем к Шестову. Из них 9 написаны в 1895 и 1896 гг. и 8 — между 1921 и 1925 гг. Одно приведено ниже, другое в приложении. Тон писем весьма дружественный. В них немало рассуждений на возвышенные темы, но Варвара Григорьевна также часто обращалась к Шестову за помощью, и он ей никогда не отказывал. Можно предположить, что они познакомились в 1892-1893 гг. Потом встречались в Киеве и Москве.

Она гостила у Шестова в Швейцарии, когда он жил в Коппе (1910-1914). Отношение к Работникову и Малахиевой-Мирович очень характерно для Шестова. Всю жизнь Шестов помогал друзьям. Некоторым — деньгами, некоторых выручал из трудных ситуаций, за других хлопотал.

В августе 1895 года Шестов гостил в имении отца Софьи Григорьевны Переверзовке, где собралось несколько членов семьи Балаховских (Софья Григорьевна, ее муж Евгений Юльевич Пети, Дмитрий Григорьевич, Татьяна Григорьевна и Софья Исааковна с детьми). Там же жила Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (в это лето и зиму Варвара Гр. была гувернанткой детей Софьи Ис.). После отъезда Шестова из Переверзовки Варвара Гр. оттуда написала ему два письма. Приводим выдержки из первого:

> Как грустно смотрит лес и озеро и вся Переверзовка после Вашего отъезда! Я очень привыкла к Вам и поняла Вас лучше и Ваша близость стала мне дорогой. Но «Les joies sont toujours trop courtes, les adieux sont toujours trop longs». Так сказал Виктор Гюго. А я начала письмо не для того, чтобы сказать это, да как-то само сказалось. Впрочем, я уверена, что это будет Вам приятно, — а чего бы я ни сделала, чтобы Вам было приятно, чтобы Вы не имели такого изнеможенного и угнетенного вида, как в последние дни. Вы сделали меня лучше, чем я была раньше... Как жаль, что Вы не могли еще побыть здесь. Я вижу теперь, что каждый день Ваше присутствие доказывало мне убедительней, чем все тома Толстого, что «Царство Божие внутри нас есть». Я во многом еще не разобралась, но в хаос моей души уже внесен свет и предчувствие несомненного рождения из этого хаоса... И когда Вы будете умирать, то Ваша встреча со мной даст мир Вашей совести, хотя бы Вы ничего другого не сделали в жизни. И как хорошо, что Вам дано делать это «другое» почти везде, где Вы ни появитесь. И если бы не Ваши дела с сукнами, Вы создали бы себе путь в жизни, не похожий на другие пути.

> Трудный, но без фальши и компромиссов, ведущий к правде. И вот опять отвлеклась от цели письма. Цель его прозаическая. Нужно узнать в редакции размеры гонорара за недавно напечатанный в «Жизнь и Искусство» бессодержательный рассказ... «В мае». [Переверзовка, 14.08.1895].

К этим же годам относится связь Шестова с горничной семьи Шварцманов, Анютой Листопадовой, и рождение внебрачного сына Сергея (вероятно, 1892). Шестов был очень привязан к мальчику и всю жизнь о нем заботился. Сережа жил в Москве с матерью, а затем в семье одного московского журналиста. В Москве он окончил гимназию. Неизвестно, успел ли он поступить в университет до войны. На войну он пошел вольноопределяющимся и был награжден двумя георгиевскими крестами и произведен в прапорщики. Он был убит на войне, вероятно, весной 1917 г. Во время своих отпусков он бывал у Шестовых в Москве. В один из приездов он встретился с Борисом Пастернаком (Борис Пастернак. Охранная грамота, стр.80).

Глава II

Поездка за границу (1896-1898). — Женитьба. — «Шекспир и его критик Брандес».

Как было указано, Шестову пришлось вернуться в Киев, чтобы привести в порядок дела отца. Ему удалось добиться строгой отчетности, сбалансировать спрос и предложение. Но работа в семейном деле не соответствовала природе и устремлениям Шестова. К концу 1895 г. он заболел (нервное расстройство, сильные мучительные невралгии, полное изнеможение) — вероятно, из-за того, что приходилось так много времени отдавать нелюбимому делу, и вследствие потрясения, вызванного трагическим событием в его личной жизни. Что произошло, неизвестно. Некоторые из друзей Шестова, вероятно, с его слов знали о трагическом событии, и упоминания о нем встречаются в их работах, но в чем именно заключалась трагедия, они, очевидно, не знали. Евгения Герцык пишет:

> Этот такой чистый человек нес на совести сложную, не вполне обычную ответственность, от которой может быть и гнулись его плечи, и глубокие морщины так рано состарили его... Это было время глубочайшего отчаяния Льва Исааковича, его внутренней катастрофы. (Герцык, стр.102, 106).

Близкий друг Шестова А.М.Лазарев пишет в своей статье о Шестове, что «с ним случилось нечто более страшное». В.Зеньковский пишет о том же (стр.322), и сам Шестов говорит об этом в своем «Дневнике мыслей», в записи от 11.06.1920:

В этом году исполняется двадцатипятилетие, как «распалась связь времен» или, вернее, исполнится — ранней осенью, в начале сентября. Записываю, чтобы не забыть: самые крупные события жизни — о них же никто, кроме тебя, ничего не знает — легко забываются.

В эти тяжелые и мучительные дни сестра В.Г.Малахиевой-Мирович, Настя, поддержала Шестова, и он хотел на ней жениться, но родители не дали своего согласия. Этот новый удар еще ухудшил состояние Шестова. При первой возможности он передал свои обязанности в деле Владимиру Евсеевичу Мандельбергу (муж Марии Исааковны), который, по просьбе Шестова, был посвящен в дело отцом, когда Шестов почувствовал первые приступы болезни, и уехал за границу (вероятно, март 1896), чтобы лечиться и по возможности заниматься литературой и философией.

За границей он переезжал из одного города в другой, в поисках подходящих докторов и климата. Он побывал в Вене, Карлсбаде (апрель), Берлине (летом), Рейхенгалле. В этих городах он обращался к докторам, которые ему назначали разные виды лечения. В Берлине профессор Бергман сделал ему операцию. Потом он провел несколько дней в Париже, где, вероятно, виделся с С.Г.Пети, и оттуда с ее братом Дмитрием Григорьевичем Балаховским поехал в Трепор на морские купания (сентябрь), после которых несколько окреп. Из Трепора Шестов отправился в Германию, с остановкой в Париже, где он опять повидал семью Пети. В октябре он живет в Мюнхене, а в ноябре и декабре — в Берлине. В начале 1897 г., после года скитаний, он поехал в Рим, где обосновался на более продолжительный срок, до весны 1898 г. Там он встретил студентку-медичку Анну Елеазаровну Березовскую, которая стала его женой (вероятно, февраль 1897), но, по тогдашним законам, он не мог узаконить брак. Он должен был скрывать от родителей свою женитьбу, так как невеста была из православной семьи. Весну и лето Шестовы

жили в Вико (Viссо) около Неаполя, а на зиму 1897/1898 вернулись в Рим.

Несмотря на болезнь, Шестов много занимался и писал все это время. Писал статьи и работу о Шекспире и Брандесе, изучал Нитше*. О своих занятиях и чтениях он пишет Варваре Григорьевне. Начало письма к Варваре Григорьевне не сохранилось. Его можно с большой вероятностью отнести к апрелю 1896 г., когда Шестов жил в Карлсбаде, так как бумага, на которой она написано, имеет заставку «Карлсбад». Шестов пишет:

> Хорошо было бы вам Данте прочесть, Гюго, Дюма сына и русских Толстого, Достоевского, Писемского, Гоголя, Тургенева, Белинского, Добролюбова. И затем — историю. Полезно — историю литературы, искусства и общественных движений. Видите, как много! Когда вы будете опять с нами, я все свое влияние употреблю, чтоб направить вас именно по этому пути. Но напишите все-таки, что вы сами намерены читать: вы говорите, что у вас есть уже программа. Да — еще: непременно **пишите**. Я знаю, что у вас есть планы. Старайтесь их осуществить. Вам это необходимо, чтоб давать себе отчет в своих настроениях. И затем — не бойтесь бездны премудрости. Она не так страшна. И мне много недостает в знаниях: больше, чем вам, если принять в соображение, что от меня требуется. А я не робею. Не робейте и вы. Бывают грустные настроения — но они относятся к тому проклятому случаю, который наделал столько бед в моей жизни. А помимо этого, я убежден, что еще добьюсь своего, и выведу и вас, и Настю** на путь. Но вы, Вава, вы не бегите моих указаний и не вздумайте подчиниться влиянию того круга, который встретится вам в Париже. Там теперь, кажется, и Минский, и Волынский, и Мережковский с супругой — они ездили вдохновляться искусством. Волынский — это просто глупый человек, Минский потерял

---

* См. прим. к стр.27.

** Сестра Варвары Григорьевиы.

почву под ногами. Я боюсь, что вы падете ниц, увидав на них панцыри и копья современного литературного образования. Помните, что это — пустяки, что Волынский, помимо всего, помимо того, что у него пустая душонка, еще в конце концов круглый невежда. Он знает только заглавия и самые громкие современные слова. Вам не под силу будет его допрашивать, и он, может быть, и победит вас. Но это не должно вас смутить. Победит вас лишь ваш собственный страх. Вот все, что пока могу вам сказать, не знаю, что еще о подробностях говорить. Спросите — я скажу.

Мои занятия идут сносно. Писать — здесь не пишу. Условия неподходящие. И очень тяжело бывает на душе /.?./. Но вот скоро все уладится, тогда, верно, начну и писать. А тем временем — подготовляюсь. Кстати, читали ли вы «Ткачей» и «Таннен» Гауптмана? Они, верно, переведены на французский. Прочтите — вы увидите, что новейшая литература заключает в себе элементы христианства в /.?./ большей мере, чем это можно думать, судя по Минскому и Волынскому, этим жалким выродкам российской словесности. А с Зудерманом вы знакомы? Вы Верлена читали? У него есть искренность и дарование. Я Насте перевел выбранные места из него. Вот вам тоже три строчки из него (конец стихотворения):

Aimez-moi donc, aimez, quels que soient les soucis
Plissant parfois mon front et crispant mon sourire,
Ma haute pauvreté plus chère qu'un empire*.

Чудесный конец! И все стихотворение хорошее. В последующих письмах, по мере того как я буду знакомиться с Нитше (он ужасно трудно читается и я с ним много хлопочу), я буду, если вы хотите, и вас знакомить с ним на тот случай, если его сочинения попадутся в ваши руки. А пока — прощайте. Поклонитесь С.Г. и г-ну Пети. Напишите, что вы нашли в Париже, каких людей и какие нравы. И встречали ли вы Флексера (Волынского) и какое впечатление произвел на вас этот бумажный арлекин. (Карлсбад, [апрель 1896]).

* P.Verlaine. A Maurice du Plessys. Из цикла «Amour».

О своих публикациях того времени Шестов пишет в автобиографии:

> Весной 1896 года я уехал за границу. Оттуда я присылал статьи по экономическим и юридическим вопросам в «Жизнь и Искусство», и их печатали*. Первую большую свою работу «Шекспир и его критик Брандес» я послал в петербургские журналы, но получил отовсюду отказы. Пришлось выпустить ее отдельной книгой. Но издателя я найти не мог: неизвестного автора не хотели издавать. Оставался один выход: печатать на свой счет.

На печатание книги потребовалось 350 рублей. Их Шестову одолжила Софья Гр. в октябре 1897 г. Книга была напечатана в Петербурге в типографии Менделевича и вышла в 1898 г. (вероятно, в декабре). По его просьбе его друг, писатель Давид Левин следил за печатанием. Эта книга была подписана псевдонимом «Лев Шестов». Впоследствии все его работы появлялись за этой подписью.

О том, как возникла у Шестова мысль написать работы о Шекспире и Брандесе: «Георг Брандес и Гамлет» и «Шекспир и его критик Брандес», опубликованные в 1895 и 1898 г., Шестов рассказал Фондану:

> В это время [вероятно, 1892-1894] я читал Канта, Шекспира и Библию. Я сейчас же почувствовал себя противником Канта. Шекспир же меня перевернул так, что я потерял сон. И вот однажды я прочитал в одном русском журнале перевод нескольких глав из книги Брандеса, посвященной Шекспиру**. Я сильно разгневался. (Фондан, стр.35).

После чтения этих глав Шестов написал статью «Георг Брандес о Гамлете». Затем Шестов рассказывает Фон-

---

* Найти эти статьи не удалось. В архиве Шестова (Мс.№1) есть запись, в которой указано, что осенью 1896 г. Шестов послал в журнал статью о крестьянских движениях. Возможно, что эта статья — одна из тех, которые появились в «Жизнь и Искусство».

** Несколько глав книги Брандеса появились в журнале «Русская Мысль» в 1895 г. (№8 и №9).

дану, как он снова, несколько лет спустя, столкнулся с Брандесом:

> Будучи заграницей... я однажды увидел в витрине книгу Брандеса о Шекспире*. Я ее покупаю [вероятно, лето 1896], читаю, и гнев снова распаляется во мне. Брандес был тогда крупной личностью. Он открыл Нитше**, он поддерживал связь со Стюартом Миллем и т.д. ... Но это был род «под-Тэна», маленький Тэн, конечно, не лишенный некоторого таланта. Но читал он, не углубляясь, и скользил по поверхности вещей. «Мы чувствуем с Гамлетом», «мы испытываем с Шекспиром» и т.д. ... Словом, Шекспир не мешал ему спать. (Фондан, стр.85).

Чтение книги Брандеса, по всей вероятности, и побудило Шестова писать вторую работу о Шекспире и Брандесе. В архиве Шестова сохранились две рукописи, относящиеся к этой работе. Первая, начатая 10 сентября 1896, содержит наброски и выписки из Брандеса и Шекспира. Вторая, с пометкой «Берлин, 8.11.1896», содержит черновики некоторых глав этой работы. Работа была задумана как статья, но по мере написания Шестов убедился, что обилие материала позволяет ему создать книгу. Он закончил ее в Риме в марте 1897 г. Шестов продолжает свой рассказ:

> В моей книге «Шекспир и его критик Брандес» я еще стоял на точке зрения морали, которую оставил несколько времени спустя... Вы помните строки: «Время вышло из своей колеи»***. Я тогда пытался вставить время обратно в колею. Только позже я понял, что надлежит оставить

---

* Georg Brandes. William Shakespeare. Paris, Leipzig, München, Verlag Albert Langen, 1896, 1006 S. Книга с пометками Шестова находится в архиве Шестова. Книга Брандеса вышла несколько лет спустя в русском переводе, изд. К.Т.Солдатенков, 1899.

** Поскольку во времена Шестова в написании фамилий Кьеркегора и Ницше не было единообразия, мы сохраняем шестовское написание их.

*** Шестов часто цитирует это изречение Гамлета. В книге «Шекспир и его критик Брандес», стр.62, он приводит подлинник: «The time is out of joint: o cursed spite / That ever I was born to set it right» и дает другой перевод: «Пала связь времен, / Зачем же я связать ее рожден».

> время вне колеи. Пусть оно разлетится в куски. Не стоит говорить, что в этом меня надоумил не Брандес, он был далек от такой проблемы... Для Брандеса трагедия Шекспира была развлечением, наслаждением искусством. (Фондан, стр.85).

О работе над книгой о Шекспире и Брандесе и о своей жизни в это время Шестов также рассказывает в письмах к Софье Гр. Вот выдержки из трех писем:

> Пришлите книги! Тэна историю литературы всю, его же De l'intelligence, и потом у Вас есть моя книга об Огюсте Конте, перевод с английского. Если пришлете — премного обяжете. В библиотеку ходить и там работать мне невозможно, хотя я себя гораздо лучше чувствую, а без Тэна нельзя мне писать. Я уже начал писать, но по памяти невозможно цитировать. А меж тем все дело в том, чтобы во вступлении охарактеризовать роль и значение так называемой «научной», т.е. тэновской критики и связь ее с ленивым эпосом Брандеса... (Берлин, 3.11. 1896).

> Болезнь не проходит и полдня я провожу на диване — и это при соблюдении всех предосторожностей, при ваннах, ...при лекарствах. Вот Вы все жаловались, что я не жалуюсь. Право, если бы не стыдно было, я б волком завыл. Надоело мне это без конца. Главное, я чувствую, что болезнь наложит свою печать на работу. Я пишу и уже два важных отдела кончил. Но немощность физическая будет сквозить сквозь каждую строчку моего первого духовного детища, так что, если ему суждено увидеть все-таки свет — что мало вероятно из-за многочисленных ересей, прорывающихся на каждом шагу — то мне, вероятно, придется услышать Ваше восклицание: «От Льва Исааковича я ожидала большего». Что делать?.. Авось когда-нибудь лучше станет, болезнь оставит меня, тогда во второй работе о Нитше может исправлю свою репутацию. Это значит, что надежды никогда не покидают человека, иначе говоря, — червяка раздавят, а он все еще извивается... (Берлин, 20.11.1896).

Пишу и написал уже очень много. Статья выйдет гораздо большей, чем я рассчитывал: страниц 200 будет. А я надеялся всего на 100. Уже написал большую половину. Общее введение о Тэне, биография Шекспира, Гамлет, Цезарь, Кориолан. Сейчас пишу о Лире. Почто не дан мне дар витийства?.. Вы знаете: если бы я мог хорошо написать о Шекспире и если бы мне удалось обосновать свой взгляд, — ничего бы больше и писать мне не нужно было. Но для этого нужны были бы годы. И я бы так и сделал, если бы не болезнь, обстоятельства и т.д. То, что я теперь пишу, так недостойно Шекспира! И если я все-таки решусь отправить в редакцию, то исключительно потому, что Слонимский и Герье не лучше пишут и кроме того пишут большие глупости...

Скажите правду, не было ли у Вас тайного умысла в Вашем продолжительном молчании? Не было ли в этом скрытого желания поменьше иметь моей философии, от которой не избавлен ни один мой корреспондент? Не стесняйтесь, я не обижусь, это дело житейское. Вообще я одно время очутился в положении проповедовавшего Чацкого: все разбежались, я разослал с полдюжины писем, одно умнее и ученее другого, и ни от кого не получил ответа. Как истинный философ, т.е. как человек, который размышляет, ибо не в силах ничего иного, более нужного делать, — я, конечно, нашел себе оправдание и примирился с этим. Но так хотелось бы все-таки точно знать, неужто в самом деле так уже страшны мои Шекспировские письма? А потому, не за страх, а за совесть, ответьте мне правдой...

Декадентов я не читал, здесь нет. А новая пьеса Метерлинка может быть и интересна. Хотя я декадентство считаю исчерпанным. И, представьте, я его целиком в Шекспире нашел, о чем в своей статье и заявляю. Но не как законченное миросозерцание его, конечно, а как один из бесчисленных вопросов, заданных ему жизнью. Между прочим, заметьте себе, что теперь я лишь убежден в том, что мне нужно изучать Шекспира и что слова, которыми характеризовал его сочинения Гете, назвавший их «необъят-

ными итогами человеческих судеб», не метафора и не преувеличение... Необъятные книги человеческих судеб!.. Чего бы я не дал, чтобы уметь объяснить это другим! И теперь представьте себе, какой жалкой будет моя статья. В сущности даже Гервинус, лучше всех писавший о Шекспире, ничтожен в сравнении с ним, а я ничтожен в сравнении с Гервинусом. О Шекспире написал бы хорошо тот, кто был сперва Аполлоном, потом Аристотелем, а потом Прометеем... (Берлин, 19.12.1896).

В книге «Шекспир и его критик Брандес» Шестов выступает против позитивизма Тэна и скептицизма Брандеса во имя идеализма и возвышенной морали. Это единственная догматическая книга Шестова. Авторитет датского критика был в то время чрезвычайно высок, и многие не одобряли яростной атаки молодого Шестова. Книга Шестова, страстно и горячо написанная, не обратила на себя в то время большого внимания критики. Впрочем, о ней писали Ю.Айхенвальд («Вопросы Философии и Психологии», март 1899), Зинаида Венгерова («Образование», янв.1900), Андреевич («Жизнь», февр.1900) и А.Горнфельд (рецензия без подписи в «Русском Богатстве», январь 1900). Через несколько лет после выхода книги Иванов-Разумник разбирает ее в своем труде «О смысле жизни» (СПб, 1908), в главе, посвященной Шестову. Эту книгу Шестова он называет «апологией трагедии». Позднее Лундберг о ней писал:

...еще гимназистом я прочитал первую книгу Шестова о Шекспире. Я не понял ее, но тревога в ней была родная, несмотря на разницу поколений и вкусов. (Лундберг, стр.75).

В.Вейдле рассказывает, что, будучи молодым студентом, он прочел эту книгу и что она произвела на него неизгладимое впечатление. Кент Хилл (Hill) пишет в своей диссертации о Шестове:

Атака Шестова на позитивизм... и его неутолимое искание ответа на основные жизненные вопросы — все

эти основные темы зрелого Шестова появляются уже в его первой книге. (Хилл I, стр.57).

«Шекспир и его критик Брандес» — единственная книга Шестова, не переведенная ни на один иностранный язык.

В то время (1896), когда Шестов писал свою первую книгу «Шекспир и его критик Брандес», он с увлечением читал Нитше. В своей книге он несколько раз о нем упоминает, но на нем не останавливается. Слова Нитше: «Я ненавижу всех читающих бездельников» он взял как эпиграф к этой книге. Этими же словами он ее закончил. Чтение Нитше побудило Шестова о нем писать. Как только он кончил свою первую книгу (Рим, март 1897), он начал новую работу, посвященную Толстому и Нитше.

О впечатлении, произведенном на него чтением Нитше, Шестов пишет Софье Григорьевне и рассказывает Фондану:

> Митя* совсем не пишет... А знаете, я очень рад, что ему... не я попался в товарищи. В конце концов — я ему совершенно не нужен. Он объективно признает, что я не совсем напрасно размышляю, но то, о чем я думаю, ему не нужно и только вносит напрасную двойственность в его душу. Правда, двойственность есть хорошее начало, обещающее в конце концов большую цельность, чем та, которая была вначале. Но тем не менее, где можно, стараешься избавить от нее людей... Как оглянешься на пройденный путь, жутко станет и рука не подымается посылать человека в ту мастерскую, где выковываются все по той же нитшевской терминологии «люди будущего». Пускай сама судьба направит его, если ему суждено. А если не суждено, то значит не надо. (Письмо к С.Г.Пети, Берлин, 20.11.1896).

> Мне было 28 лет, когда я читал Нитше. Сначала я прочел «По ту сторону Добра и Зла», но я не очень-то ее

* Дмитрий Григорьевич Балаховский, брат Софьи Гр.

понял, вероятно, из-за афористичности формы... Затем я читал «Генеалогию Морали». Я начал читать в 8 часов вечера и кончил только в 2 часа ночи. Книга меня взволновала, возмутила все во мне. Я не мог заснуть и искал аргументов, чтобы противостоять этой мысли ужасной, безжалостной... Конечно, Природа жестока, безразлична. Несомненно, она убивает хладнокровно, неумолимо. Но мысль ведь не природа. Нет никаких оснований, чтобы она желала также убивать слабых, подталкивать их; зачем помогать Природе в ее страшном деле. Я был вне себя... Тогда я ничего не знал о Нитше; я ничего не знал о его жизни. Впоследствии однажды, кажется, в издании Брокгауза, я прочитал заметку о его биографии. Он также был из тех, с которыми Природа расправилась жестоко, неумолимо: она нашла его слабым и толкнула его. В этот день я понял. (Фондан, стр.102-103).

Некоторое время спустя я был в Европе и я читал Нитше. Я чувствовал, что в нем мир совершенно опрокидывался. Я не могу передать впечатление, которое он произвел на меня. (Фондан, стр.135).

В первом отрывке Шестов рассказывает Фондану, что ему было 28 лет, когда он читал Нитше. Это значит (если Фондан не ошибся), что Шестов читал Нитше до отъезда за границу, вероятно, в 1895 г. Трудно сказать, было ли у него уже тогда намерение посвятить работу Толстому и Нитше.

Первое проникновение в Россию нитшеанства относится к началу девяностых годов. Тогда П.Д.Боборыкин, живший подолгу за границей, привез в Россию первые книги Нитше. Вскоре в «Вопросах Философии и Психологии» (ноябрь 1892) появилась статья о Нитше В.П.Преображенского. Маковский пишет об этой статье, что она «состояла из остроумно подобранных цитат и давала возможность ссылаться на слова немецкого философа, не читая его в подлиннике. Парадоксы Нитше заразили многих» (стр.121). Со страниц специального журнала философия

Нитше быстро была подхвачена столичными и провинциальными журналистами (Иван Бигалец, «Киевское Слово», 3.04.1893; В.Чуйко, «Наблюдатель» №2 и др.). Любопытно заметить, что на тему «Толстой и Нитше» уже в то время были опубликованы работы. Н.Я.Грот в 1893 г. напечатал статью «Нравственные идеалы нашего времени, Фридрих Нитше и Лев Толстой» в журнале «Вопросы Философии и Психологии» (кн.16, М., 1893). В 1898 г. проф. В.Г.Щеглов напечатал в Ярославле статью «Очерк философско-нравственного их мировоззрения — Гр. Л.Н.Толстой и Фридрих Нитше» (Л.Толстой, т.54, стр.405. Примечания к дневнику, 8.11.1910).

* *
*

Как было указано, Шестов провел лето 1897 г. в Вико, около Неаполя. Оттуда Шестов написал два письма Софье Гр., в которых он описывает жизнь в Вико и рассказывает о смерти Работникова. В этих письмах Шестов не упоминает об Анне Ел., которая, конечно, была с ним в Вико, потому что в то время Софья Гр. о его браке еще не знала. Шестов пишет:

> Представьте себе — я домой Бог знает сколько времени не писал, так что меня там оплакивали, как погибшего или погибающего. Мне было очень скверно: я выехал из Рима в Неаполь, из Неаполя поехал на Капри в Сорренто, потом в К. ... и наконец только добрался до Вико, где и устроился. Сколько пришлось провозиться, Вы и вообразить себе не можете. Жизнь в итальянских достопримечательных местах ужасна... Теперь зато я устроен чудесно. Живу почти в раю, ибо если есть рай на свете — такой, каким его представляли себе люди, — то этот рай в Вико. Здесь живут не знающие скорбей человеки. Право! Все здесь так довольны своим существованием, что в молитвах никто ни о чем не просит Бога, как только о том, чтобы все осталось по-прежнему. И я скоро тоже стану таким.

Правда, мне еще хочется быть здоровым. Но когда мне становится лучше, я все позабываю и тоже ничего больше не хочу. Передо мной Везувий, Неаполитанский залив и Неаполь. Воздух дивный. Квартира — в которой может быть жил сам Брут. Макароны десяти сортов разнообразят стол. Общество — Работников (я его вытащил сюда) — что же лучше? Тем более, что статью я уже услал в Питер и забыл о ней... Хорошо, совсем хорошо. Скоро купанья начнутся. Вот Вам все о себе... Мы с Работниковым думаем, что нам должен весь мир теперь завидовать и удел всех людей, которые не живут в Вико, кажется нам очень печальным. Вот хорошо было — если бы Вы с Евг. Юльевичем и Венгеровой прикатили к нам на лето. Здесь очень хорошо. Все говорят, что в Вико летом не жарко. Купанья здесь чудесные! Сверх того, мы с Работниковым, если выздоровеем, возьмем на себя обязанность сделать Вас веселой. А я надеюсь, что мы окрепнем. Работников уже теперь окреп до неузнаваемости. Авось и я как-нибудь!.. Приезжайте. (Письмо к С.Г.Пети. Вико, 3.04.1897).

Что сказать Вам о Работникове? Он ужасно, несказанно мучался, и смерть была для него истинным избавлением. Последние четыре недели совсем напоминали то, что рассказывает Толстой о болезни Ивана Ильича. И, знаете, мне кажется, что в жизни человека — смерть далеко не самое нелепое и ужасное... Мистического ужаса перед смертью у меня нет. И не потому, что она для меня «слово между слов», как удачно выразился когда-то Минский, а потому, что я в ней вижу лишний шаг для человека. Если бы для людей не было бы надежды, что они уйдут когда-нибудь из этого мира, жизнь стала бы невозможной. Ждет ли нас за гробом лучшее, или человек навсегда исчезнет в пустом «нигде» — все же смерть для него — шанс. Ну, скажите, что это была за жизнь у Работникова, когда над ним вечно висел Дамоклов меч, когда ему только и приходилось думать, что о своем здоровье, когда все, что есть лучшего для человека, было у него отнято проклятой болезнью, больше десяти лет державшей его в своих лапах.

Вы правы — он любил жизнь и не хотел умирать, ибо все мы боимся неизвестности. Но так жить не стоит. Если правы те философы, которые видят в жизни человека одно цветение на поверхности бытия, если живое — только дополнение к мертвому, если мы настолько бессильны, что случай может играть нами, то будь трижды проклята эта вся комедия: не будем жалеть о жизни. Вы знаете, что я не так думаю. Вы знаете, что я не могу себе представить, чтоб нелепость владычествовала над тем чудом, которое называется человеком, живым, думающим, чувствующим существом. А в таком случае — смерть снова наш шанс, и бояться ее не приходится. Когда-то я думал иначе. Это потому, что я считал человека бессмертным: думал — что Кай смертен, а я, Работников и т.д. — бессмертны и вообще охранены от той нелепости, которая была мне известна под именем несчастья, трагедии и т.д. Теперь дело иное... Если бояться смерти, то нельзя жить. Это одна из замолчанных истин. А замолчанные истины становятся ядовитыми, как сказал когда-то Нитше. (Письмо к С.Г.Пети. Вико, 22.09.[1897]).

Чтобы полнее осветить год, прожитый Шестовым в Италии, привожу письмо, написанное им отцу. В первой части он пишет о своей работе. Вторая часть письма касается ведения киевского семейного дела. Всю жизнь Шестову пришлось заботиться о деле, и он на него затратил много времени и труда. Большое количество писем с отчетами и советами было им написано родителям в последующие годы:

Дорогой папаша! Фаня передала мне письмо твое и все, что ты на словах просил ее передать мне. Если я до сих пор писал только краткие извещения о здоровьи своем, — то потому, что больше нечего было говорить. И у меня самого жизнь теперь так сложилась, что заботы о здоровьи выступают на первый план, и затем, откровенно говоря, мне всегда казалось, что другие мои заботы не представляют для тебя особенного интереса. Я говорю о своих занятиях. Мне кажется, что ты не придаешь им того зна-

чения, которое они имеют для меня, — и потому я в своих письмах никогда о них не говорил. Я не хочу сказать этим, что ты невнимателен ко мне. Но всегда всем первые шаги на каком-нибудь поприще кажутся сомнительными. И мне совершенно потому понятно, если ты относишься с недоверием к моим работам и не хочешь в них видеть основание моего будущего. Тем более, что без борьбы ничего в жизни не удается — даже скромное и маленькое дело всегда требует от человека большого терпения и настойчивости. Теперь печатается моя первая книга — и можно заранее предвидеть, что ее встретят нехорошо. Меня лично это не пугает. Я знаю, что в литературе завоевать себе успех никогда не удается сразу. Каждый думает по-своему и считает другого, думающего и говорящего иначе, невеждой или глупым человеком. Меня поэтому не очень сильно огорчит даже самый резкий отзыв критики. Но тебе, я боюсь, покажется, что я взялся не за свое дело. А меж тем у меня другого дела уже не может быть. И главное — мне теперь другим делом невозможно заниматься — уже хотя бы в силу моей болезни. Правда, литература не обещает больших доходов. Но ведь мне много и не нужно. Теперь еще, вследствие того, что я лечусь и затем расплачиваюсь за чужие долги, у меня большие расходы. Но когда всего этого не будет, с меня будет достаточно и малых средств, которые впоследствии я, как и всякий другой писатель, буду в состоянии выработать себе. Все дело лишь в том, чтобы теперь, пока болезнь еще мешает мне работать как следует и пока мне приходится делать первые шаги, иметь возможность жить в тех условиях, которые требуются занятиями. Т.е. иметь необходимые для жизни средства и жить заграницей, где все лучше приспособлено для работы и где я могу следить за новыми литературными течениями. Но в Россию мне теперь все равно нельзя приехать из-за учебного сбора. Значит, все сводится к тому, что у меня здесь уйдут лишние деньги. А затем, если только мне не станет хуже, если я смогу дальше работать и не тратить, как теперь, большую часть дня на лечение — я надеюсь, что добьюсь

чего-нибудь в жизни. Конечно, я не могу тебе представить прочных доказательств того, что я в конце концов успею. Кто может за это поручиться? Тем более, что и книги моей почти никому пока я не показывал, кроме Левина, который теперь в Петербурге следит за ее печатанием. Он отозвался о ней очень лестно. Я лично его мнением очень дорожу: он очень образованный, умный человек, и сам опытный писатель. Для меня его слова больше значат, чем мнения официальных критиков. Но ты его ведь и не знаешь совсем. Остается, таким образом, один выход — который волей-неволей приходится принять: нужно ждать. И мне это ожидание нелегко. Но что же пока остается делать? Когда можно выбирать — то рассуждаешь, что лучше, что хуже. У меня же выбора нет. Я не хочу этим сказать, что мне не по душе литературная работа. Наоборот, она мне очень нравится и я ею охотно занимаюсь. Мне только тяжело сознавать, что я не могу еще так скоро рассчитывать на заработки. Отсюда, из заграницы, немыслимо думать о том, чтобы сотрудничать в газетах. Пока напишешь статью и отошлешь ее, проходит много времени и статья запаздывает. Да и, кроме всего, газетная работа отнимает слишком много времени, которое теперь мне было бы лучше потратить на занятия.

Если бы мне знать, что я не должен особенно хлопотать до поры до времени о заработках — это было бы большим для меня облегчением. И ведь несомненно, что, если бы только у нас в деле соблюдался немного больший порядок, я мог бы без тяжелого сознания своей вины получать из дому необходимые средства. Я видел отчет магазина за прошлый год. Дела в хорошем положении. Одно плохо: опять стали покупать товару больше, чем нужно. За прошлый год куплено на 584 тысячи, а продано, за вычетом прибыли, на 560 тысяч. Значит, увеличилось на 24 тысячи товару. А должно было бы на столько же уменьшиться. Выходит, что у нас не следят за покупкой с той осторожностью, какая необходима, если не желают иметь лишней обузы в товаре и затем затруднений в платежах. Я могу на это сказать только одно: необходимо, чтобы

за поступлением товара и платежами следил один человек. Это может сделать только Володя, теперь он уже покидает Кременчуг. Но если в Киеве он будет только заведывать оптовым отделением, — то выйдет, что он делает гораздо меньше и менее важное дело, чем ему следует делать. Оптовая торговля — у него не отнимет много времени. Нужно сверх того, чтобы он регулировал все платежи и поступления товаров. Теперь он настолько опытен, что может хорошо исполнить все это. Тем более, что ведь это очень легко. Без него не должно ни заказывать, ни выписывать, ни покупать товара, и не подписывать векселя. Если ты мне напишешь, что согласен поручить ему все это, я ему напишу сам подробное письмо. Я уверен, что при таком условии в нашем деле будет больше порядка — а ведь нам только недостает, что порядка. В Кременчуге дядя Сегаль справится, а Володя в Киеве сделает многое, если он будет делать то, что действительно особенно важно и нужно. Тогда и мое отсутствие не будет так заметно; и вам будет легче, и мне: ибо ведь и мне не очень приятно думать, что там каждый раз возникают затруднения и неприятности. Это — единственное, что я могу сказать. Если бы не учебный сбор, я бы нарочно приехал в Киев, несмотря на свою болезнь, чтобы это устроить. Но теперь, конечно, о приезде и думать нечего — и остается только одно средство: писать. Я бы и писал в каждом письме об этом, если бы надеялся, что это поможет. (б/д.; вероятно, Рим, март 1898).

Весной 1898 г. (вероятно, в марте) Шестовы переехали из Рима в Швейцарию. Анна Ел. с дочерью Таней приехала в Цюрих продолжать прерванное учение. В марте Шестов жил некоторое время в Цюрихе, а летом побывал в Берне, где училась на философском факультете его сестра Фаня Исааковна. Туда же приехал на летний отдых Герман Леопольдович Ловцкий, ученик консерватории, повидаться со своей будущей невестой Фаней. Он взял пианино напрокат и угощал брата и сестру листовским переложением вагнеровской Isoldens Liebestod. Шестов оказался восторженным

слушателем. Через некоторое время он их покинул для уединенных трудов на берегу Тунского озера, оставив сестре Фане произведения Нитше. В конце августа, по просьбе отца, Шестов присутствовал в Базеле на втором конгрессе сионистов (28-30 августа 1898). Оттуда он поехал в Терите (около Монтре) и написал для отца подробный отчет о конгрессе. После этого перерыва Шестов снова возвращается к работе над своей книгой о Толстом и Нитше, начатой в марте 1897 г., и заканчивает ее всю, кроме предисловия, в Лозанне в декабре 1898 г. Затем он возвращается в Россию (вероятно, конец декабря 1898) с рукописью новой книги.

Анна Ел. осталась с Таней в Швейцарии и продолжала прерванное учение.

Глава III

Знакомство с петербургскими литераторами (1899). — «Добро в учении Толстого и Нитше» (1900). — Статья о Пушкине. — «Достоевский и Нитше. Философия трагедии» (янв. 1903). — Две статьи о Мережковском. — Знакомство в Киеве с Бердяевым и Булгаковым.

31.12.1898 сестра Шестова Фаня вышла замуж за Германа Леопольдовича Ловцкого. Они поселились в Петербурге. Ловцкий рассказывает:

> После моей женитьбы я, ученик консерватории по классу композиции Римского-Корсакова, нанял небольшую квартиру в Петербурге, на Торговой ул., поблизости от Мариинского театра и Большого театра, куда перешла из старого помещения Императорская СПб-ая Консерватория. Шестов у нас прожил некоторое время (вероятно, февраль и март 1899). Мы жили дружно, спокойно, каждый отдаваясь своему любимому делу. Лев Ис. был рад избавиться от «проклятой лавки», я сочинял музыку, жена занималась хозяйством. Мы духовно общались с рядом молодых людей, литераторов... Скоро эта идиллия кончилась: моя жена заболела, квартиру ликвидировали. Я в поисках подходящего климата для жены поселился в Париже, где я учился в Консерватории у Габриэля Форэ. (Ловцкий, стр.38).

В Петербурге Шестов встречался со старыми знакомыми — Давидом Абрамовичем Левиным и Зинаидой Афанасьевной Венгеровой. Его незаурядная личность, искренность, правдивость мысли привлекали к нему людей. В это время он познакомился (возможно, даже несколько ранее) с юристом

Максимом Моисеевичем Винавером, с писателем и литературным критиком, сотрудником «Русского Богатства», Аркадием Георгиевичем Горнфельдом (1867-1941), с Леопольдом Александровичем Севом и другими. Л.Сев (1867-1921) был литературным деятелем, философом, другом Владимира Соловьева. Он перевел несколько философских трудов с немецкого на русский и был редактором нескольких еврейских журналов. Не написав ничего, кроме нескольких статей, он тем не менее активно участвовал в литературной жизни Петербурга. Благодаря его стараниям, Шестову удалось найти издателя для своей второй книги. В это же время Шестов познакомился также с П.Б.Струве и встречался с Н.М.Минским. Об этом он пишет в письме к жене:

> Здесь в Петербурге все хожу смотреть литераторов. Был у Венгеровой и встретил там Струве, того самого, который заведует экономическим материализмом и являет собой Мазини* марксистов. Ведь он здесь в концертах выступает: поет арии из политической экономии. И после концертов марксистки обрывают ему фалды, чтобы иметь кусок сюртука на память... Сам длинный, тощий, бледный. За неимением другого сравнения, в нем находят сходство с Христом. Разве после 40 дней искушений в пустыне Христос был таким! Только я не полагаю, чтобы Струве знал искушения. Он уже от природы лохматый и тощий, да еще от Маркса... А сама Венгерова очень милая женщина, такая простая и искренняя, совсем не то, что Минский и вся эта компания «декаденствующих». (СПб, март /?/ 1899, А.Е. в Швейцарию).

В Петербурге Шестов искал издателя для своей второй книги: «Добро в учении гр. Толстого и Ф.Нитше», которую он закончил в Лозанне перед возвращением в Россию. Он пишет в автобиографии:

---

* Итальянский певец Мазини, которого нередко в ту пору называли в печати «королем теноров».

И с ней мне не повезло. Журналы отказывались ее печатать. В рукописи она была у Михайловского, Вл. Соловьева, Спасовича, в «Жизни», в «Вопросах Философии и Психологии». Правда, я лично ни с кем из названных лиц и редакций дела не имел. За меня хлопотали знакомые. Но так или иначе — во всех редакциях ответ был один, хотя мотивировки были разные. Где отказывались из-за направления, где из-за «нападок» на Толстого. Любопытно было суждение Вл.Соловьева. Он сказал г.С.*, передавшему ему на прочтение рукопись: «Совесть мне не позволяет содействовать напечатанию в "В.Е." [«Вестнике Европы»] такой работы. Передайте от меня автору, что я вообще не советую ему печатать эту статью, — он, наверное, впоследствии раскается, если напечатает».

Впрочем, Вл. Соловьев помог все-таки г.С. добиться в типографии Стасюлевича хотя бы того, чтоб книгу напечатали в кредит, и в начале 1900 г. «Добро» вышло в свет**.

Н.К.Михайловский, который отказался напечатать в «Р.Б.» [«Русское Богатство»] «Добро», написал о нем статью, довольно сочувственную***.

Вскоре появились отзывы и в других журналах, тоже благоприятные — и с тех пор я уже не встречал больших трудностей, когда приходилось пристраивать свои работы.

Закончив в Петербурге хлопоты по приисканию издателя для своей книги, Шестов вернулся в Киев (в марте или апреле). Тогда же им написана статья «А.С.Пушкин», начинающаяся словами: «Через месяц без малого исполняется сто лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина»,

---

* Леопольд Александрович Сев.

** Книга вышла в свет в декабре 1899 г. На книге указано — 1900.

*** Михайловский («Русское Богатство», 1900, №2 и 3) нашел книгу Шестова «странной, но интересно и красиво написанной». О ней писал также Перцов («Мир искусства», 1900, первое полугодие). Толстой беседовал о ней с Горьким (см. стр.106).

— следовательно, Шестов начал писать статью в апреле 1899 г., но она была опубликована (вероятно, впервые) лишь в 1960 г. в Нью-Йорке, в альманахе «Воздушные пути» №1, по черновой рукописи, сохранившейся в архиве Шестова. Хотя статья написана по окончании второй книги Шестова, она близка по духу не к этой, а к первой его книге «Шекспир и его критик Брандес», написанной еще в 1897 г., где Шестов выступает как идеалист и моралист. В статье ощущается влияние речи Достоевского, произнесенной на открытии памятника Пушкину в Москве в июне 1880 г., где Достоевский говорит о «всемирности» и «всечеловечности» пушкинского гения и мессианской роли России. В статье Шестова ярко проявляется его любовь к Пушкину, которую он пронес через всю жизнь.

Указанная статья — единственная крупная работа Шестова о Пушкине. В книгах «Апофеоз беспочвенности» и «Власть ключей» ему посвящено лишь несколько кратких афоризмов, в других работах Шестов вскользь и коротко говорит о Пушкине. В 1977 году в архиве Шестова был обнаружен неизданный фрагмент о Пушкине, опубликованный затем в парижской еженедельной газете «Русская Мысль» (1.09.1977, см. стр.137-138).

В июне 1899 года Шестов начал новую рабочую тетрадь (Мс.5). Она содержит ряд набросков, из которых некоторые вошли впоследствии в книгу «Достоевский и Нитше», а другие — в «Апофеоз». В июле он написал предисловие к книге «Толстой и Нитше» (Мс.4).

Осенью Шестов опять поехал в Петербург, чтобы наблюдать за печатанием книги «Толстой и Нитше». Оттуда он пишет жене:

> Теперь я уже, собственно, печатание книги совсем окончил. Остаюсь только, чтобы дождаться решения цензуры: выпустят ли книжку или нет. Это невесело ждать, но еще прежде, чем получишь это письмо, вопрос будет решен.

> Если, паче чаяния, книжку выпустят — можно будет ехать домой. Если нет, опять неделя беготни наступит, но зато уже самая последняя. Думаю, что в Киеве не заживусь и к концу семестра — уже выберусь заграницу. Это было бы лучше всего... В среду ответ от цензуры должен быть. Я тебе в среду же вышлю книжку и, значит, в субботу или воскресенье, т.е. 18 или 19 ты ее получишь, как знак того, что все по этой части благополучно. Выйдет опять в рождение Тани. Увидим, какое ее счастье. (СПб, 10(?).12.1899, А.Е. в Швейцарию).

В конце декабря Шестов снова в Киеве. Он пишет жене:

> Недавно один из моих товарищей в Петербурге прислал мне следующее письмо, полученное им от сотрудника* «Русского Богатства»: «сообщите мне, пожалуйста, адрес Л.И. После его отъезда на него в П-е объявилась мода. Михайловский собирается писать о нем, «Мир Божий» хочет вступить с ним в какую-то переписку»... По-видимому, моей книге [«Толстой и Нитше»] не суждено уже так бесследно пройти, как первой. Видно, тема много значит. И здесь в Киеве она производит бóльшую с /...?/, чем первая, хотя, признаться, хвалят ее маловато. Я здесь познакомился с проф. Челпановым**... Книга ему, по-видимому, по душе не пришлась, т.к. он, хотя мягко, но настойчиво возражал мне на основные положения. Здесь даже по поводу книги устроили что-то вроде диспута. Позвали в знакомый дом меня, Челпанова и Водовозова*** (экономический материализм). Но вышел не диспут,

---

* По всей вероятности, от А.Г.Горнфельда.

** Георгий Иванович Челпанов (1863-1936), профессор психологии и философии Киевского университета. В конце девяностых годов читал курс, посвященный критике материализма. Был руководителем образцовых философских семинаров. В Киеве у него бывали журфиксы по субботам, и его дом был интеллектуальным центром. Впоследствии перешел в Московский университет (1907), при котором в 1912 г. основал Психологический Институт.

*** Василий Васильевич Водовозов (1862-1933), публицист, юрист и экономист, автор статей по социально-экономической и политической истории. За участие в народническом революционном движении подвергался арестам и ссылкам. Эмигрировал в 1926 г.

а скандал. Экономический материализм, к великому моему удовольствию, отчаянно разговаривал и бушевал. Я ему аплодировал... (Киев. 14(?).01.1900, А.Е. в Швейцарию).

В «Толстом и Нитше» Шестов порывает с идеализмом и противопоставляет «философию жестокости» Нитше проповеди яснополянского мудреца. Заключение книги многозначительно: «Добро — братская любовь — мы знаем теперь из опыта Нитше — не есть Бог. Горе тем любящим, у которых нет ничего выше сострадания. Нитше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога». Эта мысль является ведущей для всего творчества Шестова.

* *
*

В конце января 1900 г. Шестов опять уехал за границу на продолжительное время. Сначала он поехал в Берлин, лечить ишиас, а потом (февраль) в Нерви. Туда же приезжает на весенние каникулы Анна Ел. с маленькой Таней. В Нерви Шестов работает над новой книгой, посвященной Достоевскому и Нитше. Там он получает из Петербурга письмо (не сохранившееся) от Аркадия Георгиевича Горнфельда, в котором тот предлагает Шестову от имени журнала «Мир Божий» сотрудничать в этом издании. Шестов ему отвечает:

Признаться, меня удивило предложение «М.Б.» [«Мир Божий»]. Показалось странным и то обстоятельство, что редакция не обратилась прямо ко мне. Я никак не думал (да и сейчас не думаю), что мои работы могут напечатать в этом журнале. Доказательство уже в том, что «М.Б.» не счел нужным высказаться о моих предыдущих книгах. Я истолковал себе это в том смысле, что бранить они меня почему-либо не хотят, а хвалить не могут. Ведь вы сами, в качестве сотрудника «Р.Б.» [«Русское Богатство»]

были поставлены в такое же положение. Я читал Вашу рецензию*, к слову сказать, и нахожу, что Вы отлично разрешили свою задачу. Но если в отношении к автору разбираемой книги и возможно то разрешение, которое придумали Вы, то, конечно, оно неприменимо к сотруднику. Не могут же они печатать статьи, в которых излагаются чужие мысли. Наша публика к такой терпимости еще не привыкла, даже пожалуй не знает, что такое отношение есть терпимость. Ведь вот же «Р.Б.» отказалось меня печатать. Я уверен, что «М.Б.» тоже откажется, тем более, что теперь в своей новой работе, я самой темой буду принужден высказаться гораздо резче, чем мне до сих пор приходилось высказываться. (Тема «Достоевский и Нитше — философия трагедии»). Т.ч., нужно думать, что «М.Б.», если бы даже я и обратился к нему, откажет мне. А т.к. мне надоело уже получать отказы от редакций, то я предпочитаю не делать больше напрасных попыток, тем более, что у меня /.?./ теперь есть типография Стасюлевича, дело о печатании книжки сладится: ведь только первый шаг труден!

Во всяком случае я очень благодарен Вам за внимание ко мне. Я думаю, что Вам я обязан и тем, что Михайловский обратил внимание на мою вторую книжку. Для меня это, конечно, много значит, ибо, раз печатаешь книги, то ведь нужно, чтоб хоть об их существовании знали и во всяком случае неприятно быть совсем замолчанным.

Видите Вы Сева? Спросите его, где его совесть? Можно ли три месяца, кажется, даже больше, не отвечать на письма?! Вы можете и Давида Абрамовича Левина о том же спросить... Ну, да ведь в наше время считается, что человек с совестью есть анахронизм. Верно, потому и не пишут. (Нерви, 4.02.1900. А.Г.Горнфельду в СПб.).

В мае Шестов живет в Берне. Оттуда он пишет Софье Григорьевне:

---

*«Русское Богатство», янв. 1900. Рецензия без подписи о книге Шестова «Шекспир и его критик Брандес».

У меня все по-старому. Провел последние недели в скучном обществе теоретических философов. Насилу дотягиваю последние страницы. Даже, если уж признаваться, не выдержал всей программы — и опять в гостях у Нитше и Достоевского. Это свои люди. С ними поссоришься, разбранишься — но уж не проскучаешь. А без философов нашему брату тоже нельзя: назвался груздем — полезай в кузов. Впрочем, уж не долго с ними возиться. Скоро совсем кончу*. (Берн, 31.05.1900. С.Г.Пети в Париж).

До конца года Шестов живет в Берне или в его окрестностях и работает над третьей книгой. Писать ее он начал, вероятно, в ноябре. Анна Ел. жила в это время в Лозанне и продолжала учиться. В ноябре она приехала в Берн, где 26 ноября 1900 г. родилась дочь Наталья (Наташа). Затем она вернулась в Лозанну, а Шестов поехал в Нерви, откуда он пишет жене:

...торчать в Италии из-за сочинения [книга о Достоевском и Нитше] — разве это не злит, может не злить?.. В какие дебри забрался по поводу сочинения... иногда надоедает мое уединение... но noblesse oblige. Нужно добывать славу /...?/, чтобы ты имела ко мне почтение. (Нерви, 6.01.1901, Анне Ел. в Лозанну).

Через несколько месяцев Шестов опять в Швейцарии, где заканчивает книгу (кроме предисловия). Этой же весной Анна Ел. отвезла маленькую Наташу в Шарханталь — небольшую деревню над Тунским озером, недалеко от городка Райхенбах, и оставила ее у г-жи Кернле, с семьей которой Шестовы подружились. Наташа прожила у них до 1905 г. Там же Шестовы проводили в течение нескольких лет летние каникулы, снимая домик у тех же Кернле.

* *
*

* Фразу «Скоро совсем кончу» надо, по всей вероятиости, отнести не к книге о Достоевском и Нитше, а к подготовительной работе иад ней.

Если раньше Лев Шестов был хорошо известен в литературных кругах родного Киева, то первые две книги стяжали ему известность в столицах. Уже в начале 1900 г. «Мир Божий» предложил ему сотрудничество, но он не смог его принять (см. письмо к Горнфельду от 4.02.1900, стр.45-46). В мае 1901 г., будучи в Швейцарии, Шестов получил письмо от Сергея Павловича Дягилева с предложением сотрудничать в журнале «Мир искусства». Привожу рассказ Шестова Фондану о том, как началось это сотрудничество:

> Я тогда искал издателя для моей книги «Достоевский и Нитше (философия трагедии)». Как-то я получаю письмо от Дягилева, который, до своих балетных предприятий, издавал журнал «Мир Искусства». Это письмо ходило за мной по Европе и меня застало в Швейцарии. Дягилев, прочитав моего Толстого, предлагал мне сотрудничать в его журнале. В это время в моем портфеле находилась рукопись моей книги «Достоевский и Нитше», и я ее послал ему. Дягилев пришел в восторг. Я запросил у него 50 рублей аванса, которые он тут же мне выслал. Конечно, в то время я был богаче, чем сейчас, но все же деньги эти мне пригодились. Но он меня предупреждал, что вследствие печатания книги Мережковского, которую он также принял, моя начнет печататься не ранее января [1902], а мы переписывались в мае [1901]. Он кроме того просил меня, если возможно, дать отзыв о 1-ом томе Мережковского*, уже появившемся. Я дал отзыв положительный**, без указаний на недостатки. Надо сказать, что Мережковский читал моего «Толстого и Нитше» как раз в то время, когда он заканчивал свою первую книгу. Он был поражен моим: «Нужно искать Бога» и, делая сальто мортале, пытался представить место Богу у себя. Это, кажется,

* Д.Мережковский. Л.Толстой и Достоевский. Первый том: Жизнь и творчество Л.Толстого и Достоевского. Пирожков, СПб., 1901.

** Л.Шестов. Книга Мережковского: Л.Толстой и Достоевский. «Мир Искусства», сентябрь 1901, №8-9, стр.132-136.

Бердяев, которому было тогда лет 27, сказал мне: «Он у тебя заимствовал Бога». Во второй книге Мережковского* эта идея стала уже центральной. Он склонял слово Бог во всех падежах и временах. Он говорил о Боге, как Нитше говорил об Антихристе, громким голосом, с криками, гневом и т.д. Нитше был уже полубезумным, когда писал «Антихриста». Но и в безумном Нитше было еще что-то от Нитше. Но Мережковский не был Карузо. Это был маленький тенор. (Фондан, стр.89).

Лето 1901 г. Шестов провел в Швейцарии. Он пишет Софье Гр. из Мерлигена (городок на Тунском озере):

Поздравляю Вас с окончанием диссертации. Я думал, что Вы уже давно от нее отказались! И откуда только у Вас энергия взялась, чтоб окончить ее? Через две недели, значит, Вы будете иметь уже более значительный титул, чем я, до некоторой степени окажетесь моим старшим коллегой... Сам я лето предполагаю провести в Швейцарии, в Оберланде. Мне нужно все лето бродить по горам. Я уже даже начал. Встаю рано утром и сейчас же на прогулку. Это очень укрепляет. В прошлом году я попробовал такой режим — мне очень помог... А осенью — поедем вместе в Россию. Я бы и не очень того хотел, но иначе нельзя. Так что в общем наши планы сходятся более или менее. Вероятно и Митя** за нами двинется. Я, пожалуй, отвлеку его от Вас и буду за собой по горам водить. Тогда он наверное исправится. Знаете, побродив 6, 7, а то и все 10 часов по горам — человек менее всего имеет желание спорить и грызться... Сейчас я живу в Мерлигене на Тунском озере. Здесь прекрасно... Поклонитесь Мите и Евгению Юльевичу, кончайте поскорее дела и приезжайте сюда. Если Венгерова уже в Париже, и ей кланяйтесь. Спросите, кстати, не слыхала ли она от Дягилева, что он намеревается делать с моей новой статьей [«Достоевский и Нитше»]? Я ему с месяц назад от-

* Л.Толстой и Достоевский. Второй том: Религия Л.Толстого и Достоевского. «Мир Искусства», №1-2, 1902. Пирожков, СПб, 1902.

** Митя — брат Софьи Григорьевны.

правил ее: вероятно, он прочел ее, но почему-то не пишет мне. Не думает ли отказать? (Мерлиген, 7.06.1901, С.Г.Пети в Париж).

Осенью 1901 г. Шестов вернулся в Россию и остался там до 1908 г. Он жил в Киеве. Лето проводил в Швейцарии с женой и детьми. Он опять работал в деле отца, что ему давало возможность обеспечить семью. В октябре 1901 г. он ездил в Петербург и Москву. В Петербурге он написал предисловие к своей третьей книге «Достоевский и Нитше. Философия трагедии». В 1902 г. книга печаталась по частям в «Мире Искусства» (№2-9/10), затем, в январе 1903 г., она вышла отдельным изданием у Стасюлевича. О книге написали рецензии Т.Сожин («Курьер», 24.03.1903), М.Х. («Образование», июль 1903), М.Гольцев («Вестник Европы», 1.09.1903). В феврале 1904 года М.Гершензон опубликовал о ней большую статью в «Научном Слове». Об этой книге говорил много Бердяев в своей статье о Шестове, вышедшей в 1905 г. (см. гл.IV, стр.74-76). Из всех произведений Шестова книга «Достоевский и Нитше» выдержала наибольшее количество изданий и была переведена на восемь языков.

Свою жизнь в Киеве Шестов описывает в двух недатированных письмах к жене, которые, как мы предполагаем, были написаны в конце 1901 г. Судя по этим письмам, Шестов был доволен своим устройством и надеялся, что сможет спокойно работать. Шестов пишет:

Ты спрашиваешь, не надоел ли мне Киев. Разумеется, не без этого. Но это не резон, чтобы его бросать. Если бы мы могли жить вместе, тогда другое дело. А так по крайней мере я в Киеве «зарабатываю» 250 р. в месяц и хорошо устроен... Я все-таки надеюсь, что напишу здесь свою работу в такой же приблизительно срок, в какой обыкновенно справлялся прежде... Я буду высылать тебе около 100 р. в месяц. Т.е. по 75 р., а сверх того все, что получу с литературы, значит, рублей 300 в год. Собственно,

я мог бы высылать гораздо больше, так как получаю 250 р. в месяц, но я должен оставлять у себя часть, по крайней мере 100 рублей в месяц, чтобы не возбудить подозрения. Эти деньги я буду собирать, а не тратить, так что, когда ты окончишь, у меня будет тысячи две, и я, значит, смогу тебе дать возможность, как ты хочешь, два года учиться после диплома. И вообще нам не приходится огорчаться пока материальными нашими делами.

Еще два-три года и, быть может, я даже в литературе совсем упрочусь... Но все-таки доступ в литературу уже открыт и, значит, в случае чего — мы уже не пропадем... Нужно нам поработать еще два года, тебе получить диплом, мне подучиться. А там все устроится само собой. Мое здоровье хорошо. И с внещней стороны устроен почти идеально. У нас в доме никого теперь, кроме меня и родителей, нет. Родители целый день отсутствуют и я дома один. Комната у меня чудная. Просторная, светлая. Есть экономка, которая все, что нужно, приготовляет — кормит великолепно. От «знакомств» я раз навсегда избавлен — никого не принимаю и мало где бываю. Если, значит, почему-либо занятия не пойдут, то виновен буду только я. Лучших условий для работы не может быть. Признаться даже, так хорошо все устроено, что мне кажется... что все мои книги, написанные и имеющие быть написанными, не заслуживают их автору тех привилегий, которыми он пользуется. Буквально совестно. Я еще никогда так роскошно не жил. Пока занимаюсь исправно, т.е. не пишу, а читаю по утрам и вечерам. Вечером бывает так хорошо в тишине нашего дома, что не хочется в постель идти. Но я не засиживаюсь поздно и в 12, а иногда в час я уже в постели. Встаю в 9, 9½. Гуляю каждодневно. У нас погода удивительная. Тепло, всегда солнце, хотя и ноябрь месяц. В Италию не надо. Ну, довольна ты моим устройством?

Той же осенью (1901) Шестов нанес визит Дягилеву. Шестов рассказал Фондану:

Он принял меня весьма любезно и тут же стал хвалить мне вторую книгу Мережковского, которая печаталась в его

журнале. Я откровенно высказываю свое мнение. Он был озадачен, но все же просил дать отзыв. (Фондан, стр.39).

Как будет видно из дальнейшего, Шестов дал отзыв только годом позже, после того как Дягилев об этом попросил его вторично. Отзыв был напечатан в «Мире Искусства» в 1903 г. (№1-2). Мережковский, прочитав его, примчался в редакцию и устроил там скандал. Шестов продолжает свой рассказ Фондану:

До того [1902] я встретил Мережковского на одном вечере. Он просил меня зайти к нему. Я пришел, «сегодня вечером, — сказал он, — приемный день у Розанова. Хотите пойти со мною?» Я согласился. И вот мы у Розанова. Он меня представляет всем, но никто еще обо мне не слышал. Мережковский разгневался: «Как, вы не знаете лучшего из наших авторов, которые писали о Нитше!» и т.д. и т.д. Это было после моего первого отзыва. Но после второго он долго на меня сердился. Я высказал слишком много правды. Но ведь он вывел меня из себя своим «Богом»... Мой второй отзыв входит в русское издание моей книги «Апофеоз беспочвенности». Я исключил его во французском издании. К чему! Ведь мы же оба писатели и оба в изгнании... Возможно, что мой отзыв мог бы ему здесь повредить. (Фондан, стр.90).

* *
*

В это время Шестов уже задумал писать о Чехове. Он просит Дягилева навести для него кое-какие справки у Чехова. Дягилев написал Чехову два письма, из которых привожу несколько отрывков:

Шестов хотел бы посвятить большую статью обзору Вашего творчества. В письме, полученном мною сегодня, он пишет следующее: «...В Киеве я перечитал некоторые из его произведений. В Москве я видел "Чайку" и "Дядю Ваню" и укрепился в своем предположении, что Чехов

представляет собою необычайно интересный материал для критической статьи». (СПб., 24.11.1901).

Шестов мне пишет: «Мне нужно знать время появления в свет или, лучше, написания всех его рассказов и прочих произведений»... Буду Вам крайне признателен, если Вы дадите нужные сведения, ибо мне было бы очень приятно напечатать труд Шестова, в серьезности которого я не сомневаюсь. (СПб., 12.12.1901).

Чехов ответил Дягилеву на этот вопрос 20 декабря 1901 г. В этом письме — собственноручная запись Чехова о хронологическом распределении произведений по отдельным томам первого собрания сочинений издания А.Ф.Маркса. Свое намерение написать критическую статью о Чехове Шестов осуществил лишь через три года, в 1904 г. (статья появилась в «Вопросах Жизни» в марте 1905 г., см. стр.77-78). Но все эти годы он, очевидно, изучал Чехова и о нем думал. Он пишет жене из Москвы:

Думал было повидаться в Москве с Чеховым — да он уехал в Ялту. Ужасно жаль. Единственный из русских писателей (кроме Толстого), с которым мне действительно ужасно хотелось бы познакомиться. Он очень теперь болен. (5.12.[1902]).

Даем еще выдержку из письма Чехова к Дягилеву, относящегося к тому же времени. В этом письме Чехов высказывает мнение, сходное с мнением Шестова, о взглядах группы Мережковского:

Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. (29.12.1902).

В 1902 и 1903 гг. Шестов не писал, продолжая заниматься. В начале лета 1903 г. он поехал в Швейцарию, но не мог там остаться, потому что его вызвали обратно в Киев, так как Володя заболел. Он пишет жене из Киева:

Я приехал, когда кризис уже прошел, но у Володи был ужасный вид... Хорошо еще, что мать и сестры переселились... к нему, было кому ходить за ним... О моей книге почти нигде ничего не сказали. Но в последнем номере «М.Б.» был отчет о предисловии к «Юлию Цезарю». Говорят, что интересно, но не столько объясняет Шекспира, сколько представляет размышления автора. Рецензия сходится с Германом во мнении. [Киев, июнь (?) 1903].

Отчет о предисловии к «Юлию Цезарю», о котором говорит Шестов, появился в журнале «Мир Божий» в июне 1903 г. (стр.64) с подписью Е.А. Сама статья Шестова была опубликована как предисловие к пьесе Шекспира «Юлий Цезарь», вошедшей в том III (СПб., Брокгауз-Ефрон, 1903) нового издания Шекспира. До этого она, без сомнения, была напечатана в журнале уже в 1902 г.

В ноябре 1902 г. Шестов ездил в Петербург и Москву. В конце года он написал свою вторую статью о Мережковском. Об этой поездке и о том, как он писал статью о Мережковском, а также о своих литературных знакомствах он пишет жене. Приводим выдержки из пяти писем, недатированных или с неполной датой, по-видимому, написанных в конце 1902 г. и в начале 1903 г. Приблизительные даты этих писем были определены по их содержанию:

В Петербурге все на меня нападали*, так что невольно начинаешь думать о том, чтобы вернуться «к себе»... Так что я немного пал духом. Но здесь, в Москве, за два дня я уже воспрянул духом и все питерские дела из головы вышли. А как ко мне приставали!.. И не только Минский,

* Где именно выступал Шестов, определить не удалось.

Мережковский, Венгерова нападали, а все, т.е. либералы тоже вместе с ними. Я отчасти поэтому и взялся писать о 2-ом томе Мережковского, чтобы... выяснить, насколько наши взгляды расходятся. Я еще в прошлом году говорил об этом с редактором [Дягилевым], но тогда он, по-видимому, колебался. А теперь решился и дает мне carte blanche. Так что я могу писать все, что хочу. И я рад этому случаю. Сверх того, мне хочется хоть что-нибудь написать: я уж год ничего не писал, если не считать... заметок, вносимых для памяти в тетрадь...

Из «В.Е.» [«Вестник Европы»]* получил за продажу книги 170 р., но «М.И.» [«Мир Искусства»] еще не заплатил мне... Обещает не позже первого января прислать все. (Мне следует ровно 500 р.) ... Первые 500 р. мне были высланы аккуратно и к сроку. Из Киева я тебе вышлю 300 р. (150 за декабрь и янв. и 150 из «В.Е.»). (Москва, 2.12.[1902]).

[В Петербурге на меня нападали]** за «Юлия Цезаря». И вообще нападали и в Петербурге, и здесь, в Киеве. Это, представь себе, под конец утомляет и раздражает, так что начинаешь избегать литературных знакомств. Здесь в Киеве даже неловко вышло. В лит. артист. обществе был доклад о З. (?). Собралась вся литература киевская: пр.Булгаков, Бердяев, Водовозов, Ратнер*** и др. Меня очень просили остаться ужинать, но я отказался — не хотелось. Только потом сообразил, что может быть сочтут мой отказ за гордость. Когда меня не было /.?./ если бы я был, верно взялись бы за меня. А я теперь уже почти не выношу споров, особенно литературных. Сколько меня подбивали принять участие в прениях по поводу разного рода докладов — я тверд как скала, все отказывался. Сейчас приготовляю статью о книге Мережковского. Если бы хорошо написать ее — то может выйти очень и очень интересно,

---

* Издательство Стасюлевича.

** Начало письма не сохранилось.

*** Марк Борисович Ратнер (1871-1917), писатель, публицист, общественный деятель, сотрудник «Русского Богатства». Опубликовал книгу «Аграрный вопрос и социал-демократия» (М., 1908).

т.к. Мережковский касается всевозможных большей частью очень важных вопросов и трактует их с точки зрения по моему взгляду неправильной. Вот бы /...?/ его как следует. Но это очень трудно, и я боюсь, что статья не выйдет. Жаль будет. (б/д, вероятно, Киев, декабрь 1902).

Когда я не вижу людей, когда я читаю книги знаменитых писателей, мне начинает представляться вся моя деятельность ничтожной, ненужной, плоской, пустой. Но, вот съездил в Петербург, увидел там писателей, потом в Киеве познакомился, как я тебе писал, кой с кем и убедился, что все люди, все слабы, а стало быть, я не вправе мечтать о всезнании и всемогуществе. Всезнающ и всемогущ один Бог, а некоторые считают, что и Бог не всемогущ, а только всезнающ. Нельзя себя измерять меридианами, нужно брать обыкновенный аршин...

У меня теперь масса всяческих литературных затей: примиряю киевскую литературу с петербургской. Ты знаешь, что с нового года выйдет журнал под названием «Новый Путь» (сколько нового!). Устроитель Мережковский. Меня тоже туда очень зовут, но с меня достаточно «Мира Искусства», и я только так, чтобы не обидеть отказом, обещал от времени до времени писать кое-что* /.?./ Но теперь пытаюсь привести туда киевскую литературу — и я хлопочу. Пристроил в «М.И.» Варвару Григорьевну, а теперь ее же хочу и в «Новый Путь». (б/д, письмо было написано в декабре 1902).

В январе 1903 г. статья о Мережковском кончена, и Шестов пишет жене из Киева:

Я этот месяц занимался. Написал довольно большую статью о Мережковском. Я не жалею, что потратил месяц: мне было полезно выяснить себе самому кой-что, очень меня беспокоившее. Теперь как будто разобрался. Боюсь одного: может быть статья покажется слишком резкой редакции — не поссориться бы из-за этого. Хотя я в Петербурге и предупреждал, что 2-ой том Мережковского

* См. стр.77 и 78.

мне не нравится и даже вперед почти все рассказал, что напишу. На днях имел письмо от Дягилева: настойчиво просит поторопиться с присылкой статьи. Но все-таки я не уверен, что решится напечатать. А если откажется, пропала работа и 125 р. денег. Досадно будет. Познакомился с киевской литературой — Булгаковым, Бердяевым, Ратнером и т.д. Даже вместе новый год встречали. Если бы ты меня видела! Я здорово выпил и потешал все общество. Со мной это бывает редко, но бывает, особенно в тех случаях, когда есть шампанское. С Бердяевым и Водовозовым на ты выпили. И чего только я им не говорил! Но ничего — не сердились. Бердяев даже на другой день пришел ко мне и мы с ним часов 5 профилософствовали. Он хороший, симпатичный малый. Может быть, мы с ним в Швейцарии встретимся — я познакомлю тебя с ним. Он тебе наверное понравится. (б/д, письмо было, вероятно, написано в Киеве, в январе 1903 г., так как статья о Мережковском, о которой упоминает Шестов, была опубликована в журнале «Мир Искусства» в №1-2, 1903).

В другом письме к жене Шестов пишет:

Что до Бердяева и Булгакова — я бы их перед тобой защищать не стал. Я уверен, что если бы ты их увидела и узнала — то восторгалась бы ими без конца. Они совсем в твоем вкусе, а что «Мир Божий» цитирует клочки — то по клочкам нельзя судить. Правда, Бердяев пишет немного слишком возвышенно и с большим количеством иностранных слов. Но это пройдет у него. Он еще молод: ему 27/28 лет. Но если бы ты была в Киеве, то себя в обществе здешних литераторов и их жен чувствовала превосходно. Они очень милые люди и с ними вообще гораздо лучше жить, чем с петербургскими писателями. (б/д, вероятно, Киев, март 1903).

О встрече Нового года, описанной в письме к жене в январе 1903 г., Шестов рассказывает Фондану:

Мы вместе в Киеве праздновали новый год в 1900*. В эти годы, выпивши немного, я становился задирой. Мои друзья знали эту слабость и всегда находили способ меня подпоить. В этот вечер Бердяев сидел рядом со мной. Я дразнил его невероятно, вызывая взрывы общего хохота. Но когда мой хмель прошел, я сообразил, что Бердяев вероятно обижен. Я извинился перед ним и предложил выпить на брудершафт. Кроме того, я просил его, для доказательства, что он простил, зайти ко мне на следующий день. Он пришел. Так началась наша дружба. Никогда мы не были согласны. Мы всегда сражались, кричали, он всегда упрекал меня в шестовизации авторов, о которых я говорю. Он утверждал, что ни Достоевский, ни Толстой, ни Киркегард никогда не говорили того, что я заставляю их говорить. И каждый раз я ему отвечал, что он оказывает мне слишком большую честь и, если это действительно я изобрел то, что утверждаю, то я должен был бы раздуться от тщеславия...

Жаль, что он так сдавлен немецкой философией. Только потому, что я не изучал философии в Университете, я сохранил свободу духа. Мне всегда ставят в упрек, что я цитирую тексты, которые никто не цитирует, и нахожу заброшенные тексты. Возможно, если бы я проходил курс философии, я цитировал бы только разрешенные тексты. Вот почему все цитаты я привожу в оригинале — латинском или греческом. Чтобы не сказали, что я их «шестовизирую». (Фондан, стр.37, 38).

Вот еще несколько выдержек из сочинений Бердяева, из которых видно, что, несмотря на расхождения, Шестова и Бердяева связывала искренняя и глубокая дружба:

В это время, перед ссылкой**, я познакомился с человеком, который остался моим другом на всю жизнь, кото-

---

* Дата, указанная Фонданом, по-видимому, ошибочна: Шестов и Бердяев встречали вместе в Киеве 1903-й год (см. письмо к жене, янв.1903).

** Знакомство Шестова с Бердяевым вряд ли состоялось перед ссылкой Бердяева, т.е. перед маем 1900 г., так как в это время книга Шестова «Достоевский и Нитше» (т.III его сочинений), о которой (см. след. стр.).

рого я считаю одним из самых замечательных и лучших людей, каких мне приходилось встречать в жизни. Я говорю, о Льве Шестове, который также был киевлянин. В то время появились его первые книги и меня особенно заинтересовала его книга о Нитше и Достоевском. Мы всегда спорили, у нас были разные миросозерцания, но в шестовской проблематике было что-то близкое мне. Это было не только интересное умственное общение, но и общение экзистенциальное, искание смысла жизни. Общение было интенсивно и в Париже до самой его смерти. (Самопознание, стр.133).

Мы старые друзья с Л.Шестовым и вот уже 35 лет ведем с ним диалог о Боге, о добре и зле, о знании. Диалог этот бывал нередко жестоким, хотя и дружеским. (Лев Шестов — по случаю его семидесятилетия).

Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти. (Основная идея философии Льва Шестова).

У нас в России, в период наших старых споров, дело шло о последних, предельных жизненных проблемах, о первичном, а не об отраженном, не о вторичном. Так было не только в религиозно-философских обществах, но и в спорах в частных домах, напоминавших споры западников и славянофилов в 40-е годы. Белинский говорил после спора, продолжавшегося всю ночь: нельзя расходиться, мы еще не решили вопроса о Боге. Так было и у нас, когда сходились С.Булгаков, М.Гершензон, Л.Шестов, В.Иванов, А.Белый, Г.Рачинский и др. Но наша группа была не многочисленна. Большая часть интеллигенции интересовалась другими во-

---

упоминает Бердяев, еще не была опубликована. Эта книга впервые появилась в 1902 г. (напечатана по частям в журнале «Мир Искусства» №2-10). Бердяев, вероятно, познакомился с Шестовым не перед ссылкой, а после нее, в ноябре или декабре 1902 г., когда вернулся в Киев. Перед ссылкой Бердяева были опубликованы только две книги Шестова — т.I в ноябре 1898 г. и т.II в январе 1900 г. Сам же Шестов жил в Киеве в 1899 г. и в январе 1900 г. До и после этого времени он жил за границей. Он мог, конечно, и в это время познакомиться с Бердяевым, но тогда последний никак не мог бы прочесть книгу Шестова «Достоевский и Нитше».

> просами, имела другое миросозерцание. (Самопознание, стр.171).

В своей статье-некрологе «Некоторые черты религиозного мировоззрения Льва Шестова» С.Булгаков посвятил несколько строк жизни киевской интеллигенции того периода, когда он жил в Киеве (1901-1906). Он пишет:

> В гостеприимном доме Шварцманов в Киеве встречались представители как местной интеллигенции (в начале девятисотых годов), так и приезжие столичные литераторы и артисты, — «на музыке», в собеседованиях. Жизнь текла еще ровно и спокойно, однако, лишь до 1905 года, когда в Киеве вслед за первой революцией грянул один из первых еврейских погромов, пережитый нами во всей его трагике. В эти же годы мне с Н.А.Бердяевым приходилось выдерживать диспуты в борьбе за религиозное мировоззрение с местными представителями позитивизма и безбожия. Вместе с нами фронт держал и Шестов, хотя сам он в прениях обычно не выступал...
>
> Из Киева наша группа перебралась на север, и прежняя связь с Шестовым продолжалась и упрочивалась в Москве. Среди новых литературных и религиозно-философских начинаний и при участии новых лиц Шестов оставался самим собой, в обычной парадоксальности своего мировоззрения и при общей и неизменной к нему любви...
>
> Затем мы встретились в Париже, но наши жизненные пути разошлись и личное общение почти прекратилось. Однако, когда случайно мы встречались в тиши Булонского леса, эти встречи были неизменно дружественны и радостны. (Булгаков, стр.305-306).

В эти годы или раньше Шестов познакомился в Киеве у проф. Челпанова с Адольфом Марковичем Лазаревым (см. приложение). Эта встреча положила начало долголетней дружбе. Общение их было наиболее интенсивно после революции, в эмиграции. Сохранилась их переписка этого периода, из которой даны выписки в главах, относящихся к двадцатым и тридцатым годам.

К тому же времени можно отнести его дружбу с Евсеем Бронштейном, с которым его связывали любовь и интерес к литературе. В 1901 и в 1902 г. Шестов «пристраивал» его статьи (одна из них — «Л.Андреев и современная мораль»), а в 1905 г. Шестов помог ему найти место в банке. Шестов об этом пишет А.Е.:

> Еще одна хорошая новость: Евсей место в банке получил... Прислал письмо — чуть ли не плачет от радости. И его жена плачет. Я так обрадовался, как будто сам место получил... Пиши мне уже в Киев: М.З. (?) для Евсея. Не бойся. Евсей на рысаке письмо привезет, как только получит, задержки не будет. (Берлин, 16.09.1905).

По тому, как близко к сердцу принимал Шестов дела Бронштейна, видно, какое значение придавал он этой дружбе. Об их дальнейших отношениях мало что известно. Бронштейн скончался в Киеве 8.04.1923.

В это же время (вероятно, 1903 г.) Шестов познакомился в Киеве с Евгением Германовичем Лундбергом (см. приложение), в то время начинающим писателем. В своей книге «Записки писателя» Лундберг посвятил Шестову несколько страниц, выдержки из которых воспроизведены в настоящей работе.

Глава IV

Неоконченная книга о Тургеневе (1903). — «Апофеоз беспочвенности» (янв. 1905). — Критические статьи Бердяева и др. об «Апофеозе». — «Творчество из ничего» (статья о Чехове, март 1905).

В начале 1903 г. у Шестова был готов материал для новой книги. Он убеждается, что, живя в Киеве, не сможет довести работу до конца, что его надежда «написать в Киеве работу в такой же приблизительно срок, в какой обыкновенно справлялся прежде», неосуществима и ему необходимо для работы опять уехать за границу. Он пишет жене:

Если бы скорее увидаться. Я почти наверное в начале мая приеду — но все-таки «почти». Нужно не забывать, что отец очень болен. Я хочу уже прожить заграницей до тех пор, пока не кончу новую работу. У меня весь материал почти готов, нужно только кой-что просмотреть — и начать писать. А в Киеве невозможно непрерывно работать. Так что я проживу заграницей до нового года и даже дольше, словом, пока не сочиню новой книги. Мне жаль, что дорого будет стоить, но что же поделать. Я уже две зимы [1901/1902 и 1902/1903] провел в Киеве и вижу, что большой работы не кончу даже за десять лет, если не буду иметь свободы. Может быть, это и избалованность, но если даже избалованность, то ведь теперь уже исправляться поздно и из-за принципа портить себе работу не следует. А может быть, и в самом деле, необходимо некоторое спокойствие, чтобы выследить свои мысли, и я

не такой уж «испорченный» человек. Статьи я могу писать при каких угодно условиях — а книга — это другое дело. Тем более теперь нужно быть осторожным. Вероятно, на меня начнут нападать даже свои. Мережковский очень рассержен на мою статью о нем и, вероятно, его кружок мне отомстит. Ну, а остальные — и говорить нечего. Пожалуй, даже и замолчат совсем. Продается книга [«Дост. и Нитше»?] недурно. В Киеве за три недели все экземпляры проданы. Если бы успеть к новому году окончить работу!.. После твоих экзаменов можно будет в Оберланд перебраться. Я, пожалуй, в Acklochen (?) и на зиму поселюсь. Тогда можно будет спускаться в Шарнахталь. Но об этом уже поговорим на месте... Я постараюсь освободить себя на 8, 10 месяцев для работы. У нас уже совсем весна... (Киев, б/д, вероятно, март 1903).

Приехав за границу, Шестов поселился в Швейцарии, вероятно, в окрестностях Тунского озера. Он работает над новой книгой «Апофеоз беспочвенности». О ходе своей работы Шестов рассказывает в предисловии к «Апофеозу беспочвенности»:

Я начал писать, даже довел до половины работу по тому же приблизительно плану, по которому составлял свои предыдущие сочинения, но чем дальше подвигалась работа, тем невыносимее и мучительнее становилось мне ее продолжать. Некоторое время я и сам не мог отдать себе отчета, в чем собственно дело. Материал давно готов — осталось чуть ли не внешняя скомпоновка. Но то, что я принял за внешнюю обработку, оказалось гораздо более существенным и важным делом, чем мне казалось... Я увидел, что так писать — для меня по крайней мере — невозможно... Самое обременительное и тягостное в книге это общая идея. Ее нужно вытравлять... Я убедился, что другого исхода нет, что нужно вновь разобрать по камням наполовину выстроенное здание... и представить работу в виде ряда внешним образом ничем не связанных меж собой мыслей. (Апофеоз беспочвенности , стр.5).

В своей книге «О смысле жизни» Иванов-Разумник посвятил главу Шестову, в которой указывает:

> ...небезынтересно будет заметить, что эта книга [«Апофеоз беспочвенности»] первоначально была задумана, как одно целое под заглавием «Тургенев и Чехов». (Иванов-Разумник, стр. 230).

Работа, которую Шестов «довел до половины», вероятно и есть первая часть книги «Тургенев и Чехов», о которой говорит Иванов-Разумник. В архиве Шестова сохранилась черновая рукопись неоконченной книги о Тургеневе (Мс.10), которая, очевидно, является этой первой частью. Рукопись состоит из 146 мелко исписанных страниц. На первой странице заглавие «Апофеоз беспочвенности», дата (31.07. 1903) и два эпиграфа:

— *Resigne-toi mon coeur, dors ton sommeil de brute.*
(Baudelaire)

— *Nur für Schwindelfreie.*
Надпись у опасной горной тропинки
(из альпийских воспоминаний).

Эти эпиграфы также входят в «Апофеоз беспочвенности». О происхождении второго эпиграфа рассказал Ловцкий:

> Одним из эпиграфов к «Апофеозу беспочвенности» Лев Исаакович взял предостерегающую надпись, встреченную нами во время одной из горных прогулок в Швейцарии: «Nur für Schwindelfreie» (Только для не боящихся головокружения). Мы жили в это время [вероятно, май или июнь 1903] около Берна в «шалэ» по дороге в Кинталь* и много ходили вдвоем, а то и с дамами в горы — в глетчеры, в сопровождении проводника. Но особенно мы с Л.Ис. любили делать вдвоем переходы-перевалы из одной долины в другую и уже без гида, а руководствуясь картами, приложенными к Бедекеру. И тут я играл роль проводника. Ходили мы молча, каждый предавался своим мыслям, Л.Ис. философским, я — музыкально-драматиче-

* Деревня недалеко от Шарнахталя.

ским. И вот, в задумчивости, мы подошли однажды к тропинке узкой с этой грозно предупреждающей надписью. Возвращаться не хотелось, головокружения мы не боялись и пошли по узкому краю отвесной скалы высотой в несколько сот метров. С другой стороны была такая же отвесная стена. Ни души. Лишь парят в поднебесьи орлы и коршуны. Вдруг мы очутились перед узким проходом, высеченным в скале. На дне протекала вода, и мы, чтобы не замочить ног, должны были упираясь ногами в противоположную стену, медленно продвигаться вперед в надежде, что акведук нас куда-нибудь выведет. И действительно, через некоторое время перед нами открылось широкое горное пастбище, покрытое благоухающими весенними цветами. Мы должны были выйти к Murren, деревне на высоте 1600 метров, а там спуститься в Интерлакен. Я говорил, что надо идти влево, Л.Ис. — вправо. Начал моросить дождь и спускаться густой туман. Я настоял на своем и в конце концов мы добрались до населенного пункта. Л.Ис. меня поздравил с проявленной твердостью, а сам обогатился размышлениями на тему об окраинах жизни, где надо, не боясь потерять голову, глядеть в лицо опасности и даже смерти. (стр.89).

Мы уже говорили, что 31.07.1903 Шестов начал писать книгу о Тургеневе, которую он не окончил. Вероятно, писание было прервано в октябре, потому что Шестова вызвали спешно в Киев к заболевшему отцу. Когда в Киеве он снова начал писать, то, возможно, он продолжал начатую уже работу, но вернее всего именно тогда увидел, что так писать ему невозможно и что «нужно разобрать по камням уже наполовину созданное здание» и «представить работу в виде ряда внешним образом ничем не связанных меж собой мыслей». В 1904 г. Шестов создал новую книгу. Заглавие «Апофеоз беспочвенности», данное неоконченной книге о Тургеневе, было сохранено за новой. Она состоит из предисловия и двух частей, содержащих соответственно 122 и 46 афоризмов, и приложений: двух статей, написан-

ных Шестовым до отъезда за границу, о которых уже говорилось («Власть идей» и «Юлий Цезарь Шекспира»).

Материалом для новой книги послужили две рабочие тетради (манускрипты №5 и №8 из архива Шестова). Они содержат записи от одной строчки до многих страниц. Тетради были изучены Павлом Григорьевичем Калининым в 1963 г. и записи были им пронумерованы. По этим тетрадям можно установить ход работы Шестова и приблизительно атрибутировать некоторые даты. Первая тетрадь состоит из 91 листа и содержит 375 записей. Она начата в июне 1899 г., когда Шестов жил в Киеве. Первая половина тетради содержит несколько набросков, вошедших в книгу «Достоевский и Нитше», а вторая половина — наброски, вошедшие в статью Шестова «Юлий Цезарь Шекспира», и черновики 29 афоризмов, вошедших в первую часть «Апофеоза беспочвенности». Вторая тетрадь состоит из 176 листов и содержит 265 записей. На первой странице дата 1.07.1902. 92 записи являются черновиками 92-х афоризмов из первой части «Апофеоза беспочвенности», а 46 записей — черновиками 46 афоризмов второй части этой книги. Там же черновик предисловия. Две короткие записи тетради вошли, в несколько измененном виде, в статью «Творчество из ничего». В конце тетради, после афоризмов, фигурирует черновик статьи «Литературный сецессион», написанной в июне 1905 г. В этих двух тетрадях 640 записей. В них фактически заключаются черновики всех 168 афоризмов и предисловия «Апофеоза беспочвенности», иначе говоря, примерно 25% записей вошли в эту книгу. Некоторые другие записи вошли в книгу Шестова, как указано выше. Остальные записи, около половины, не изданы. Среди них много интересных законченных набросков. Неоконченная книга о Тургеневе не была опубликована Шестовым. Она содержит 31 запись из Мс.5 и Мс.8, вошедшие затем в первую часть «Апофеоза беспочвенности». Три отрывка неоконченной книги были опубликованы

в журналах в 1961 и 1978 гг., а целиком книга вышла в 1981 г. в издательстве «Ардис» под заглавием «Тургенев».

* *
*

Летом 1903 г. Шестов познакомился в Швейцарии с Евгенией Казимировной Герцык, которая, прочитав его книгу «Толстой и Нитше», вступила с ним в переписку в 1902 году. Е.Герцык написала книгу «Воспоминания», где одна глава посвящена Шестову. В ней она рассказывает о своем знакомстве с ним:

> Я курсистка первокурсница. Исправно хожу на лекции... красота, идеал, научный метод, истина — чудом стоит под высоким лепным плафоном. И мне ни к чему все это... Дома лежит книга [«Толстой и Нитше»]. Совсем неизвестного автора. И вот она мне живой родник... Так Лев Шестов вошел в мою жизнь. Но где его найти? Просматриваю январский номер «Мира Искусства»* и вся встрепенулась: новая работа Шестова и на ту же тему. Пишу в редакцию, спрашиваю адрес... Тогда [1902 г.] завязалась наша долгая переписка... Из всего погибшего в 17 году в московской квартире мне больше всего щемит душу потеря тоненькой пачки шестовских писем того раннего периода... В первый раз я видела Шестова в 1903 году в Швейцарии, в Интерлакене... Он пришел как из опаленной Иудейской земли — темный загар, коричневая борода и такие же курчавившиеся над низким лбом волосы. Добрые и прекрасные глаза... Ему 38 лет — он и не кажется старше, но почему какая-то надломленность в нем. (Герцык, стр.99-101).

Затем, вероятно, в 1904 году, Шестов побывал у Герцык в Москве. Она рассказывает, как они вместе рассматривали «Новый Путь»:

---

* Как указано выше, книга Шестова «Достоевский и Нитше» была по частям напечатана в журнале «Мир Искусства» в 1902 г.

Шестов не заражен кружковщиной, как многие тогда. Смотрим с ним очередную лиловую книжку «Нового Пути» (журнал мистиков-модернистов). Я со всем пылом пристрастия: «Только здесь сейчас и жизнь!» А он в ответ: «Так мы с вами думаем, а посмотрите у ”Нов. Пути“ 5 тысяч подписчиков, а у ”Русского Богатства” — тридцать (цифры привожу примерно). Значит, другим нужно другое». Негодую. Довод от количества мне, конечно, неубедителен! Да, трезв он, но эта трезвость и эти его приятели в разных лагерях — не от глубокого ли равнодушия ко всему, что не сокровенная его тема? (Герцык, стр.104).

Как было указано, осенью 1903 г. Шестову пришлось вернуться в Киев. Оттуда он пишет Софье Гр.:

Вы, верно, уже сердитесь на меня, что я так долго не писал. Но в день получения Вашего письма пришла телеграмма из Киева: меня извещали, что отец заболел. Я в этот же день выехал в Россию — и до сих пор не успел придти в себя. Только 3-4 дня тому назад в болезни отца наступило прочное улучшение. Теперь можно будет, наконец, осмотреться и подумать о своих делах...

Вы ведь к первому декабря приедете? Скажите, нет ли у Вас желания прочесть что-либо в литературном артистическом обществе? Если есть охота, напишите сейчас, так как хлопоты о разрешении продолжаются 5-6 недель. К Вашему приезду можно было бы успеть исходатайствовать /...?/ разрешение. А наше общество очень нуждается в рефератах, и я, в качестве члена, который не уплатил своего взноса (10 рублей — Вы понимаете, что я не могу так скоро решиться на такую колоссальную затрату), считаю своей обязанностью по крайней мере способствовать его процветанию путем привлечения новых деятельных сил. Если хотите читать, повторяю, то напишите сейчас же. Ведь Вы в Киеве не слишком долго проживете — так нужно заблаговременно похлопотать. Кстати, не взялись бы Вы о Тургеневе прочитать? У нас предполагается Тургеневский вечер. Предложили мне — но я никогда в жизни не выступал перед публикой и на свои

ораторские способности совсем не надеюсь, почему и отказался. Если бы Вы согласились, было бы хорошо. (Киев, 1.11.1903).

Книга Шестова «Апофеоз беспочвенности» вышла в январе 1905 г. в издательстве «Общественная польза». Она состоит из предисловия и 168 афоризмов. К ней даны, как приложения, две статьи, написанные Шестовым в 1902 г. до отъезда за границу и опубликованные в 1903 г., о которых речь была ранее (см. стр.54). Эти статьи: «Власть идей» и «Юлий Цезарь Шекспира». «Статья эта обретает особенный интерес, — пишет Иванов-Разумник о второй из них, — при сопоставлении с первой книгой Шестова [«Шекспир и его критик Брандес»] и первой его газетной статьей о Шекспире: три эти произведения на ту же тему отделены друг от друга значительными промежутками времени и отразили на себе эволюцию миросозерцания Л.Шестова» (Иванов-Разумник. О смысле жизни, стр. 165).

*

И.Корвин-Хорватский, Г.Ловцкий и Эрге рассказывают о впечатлении, произведенном в свое время в литературных кругах появлением «Апофеоза беспочвенности»:

Однажды, когда я уже значительно подрос и знал уже всего Пушкина, Толстого и Тургенева, к нам приехал поэт Минский. Мама очень заволновалась, т.к. мы ожидали также приезда Буренина и Бурнакина, которые только то и делали, что несправедливо травили этого возвышенного человека в «Новом Времени»... «Я вам привез нечто замечательное, — сказал Минский, целуя маме руку и невольно любуясь на ее красоту, — это книга Льва Шестова, философа, отрицающего философию». Облобызавшись с отцом, Минский достал из английского портфеля желтой кожи книгу, на которой было написано: Посвящается всем фи-

лософам по поводу их недомыслия!..* «В нашей философской литературе Шестов занимает своеобразное амплуа: философа, отрицающего философию, — сказал приехавший к нам поэт, потрясая желтой книгой Шестова. — По нынешним временам, когда живописцы отрицают рисунок и перспективу, композиторы — мелодию и гармонию, поэты — размер и рифму, почему бы не существовать философу, отрицающему разум? В сущности, все прославленные философы за последние сто лет только и делали, что отрицали примат разума — Шопенгауер во имя воли, Гартман — во имя бессознательного, Нитше — во имя инстинкта, Бергсон — во имя интуиции, американские прагматисты — во имя религиозного опыта. Но, борясь с рационализмом во имя какого-то другого начала, каждый из этих философов создавал на месте прежней метафизики свою собственную систему. Шестов ничего не создает! Он с большим мужеством и, нужно сказать, с большим талантом нападает на бедных философов... Шестов не лукавит, он предельно искренен и сам-то владеет словом в совершенстве и обладает разумом обоюдно-отточенным! У Шестова всегда фейерверк мыслей, но он пользуется разумом, чтобы побороть разум! Разум разум попрал! Вы назовете такую деятельность внутренне противоречивой? — Шестов ответит вам, что это и есть беспочвенность и с улыбкой пройдет мимо»... А.Ф.Кони важно заметил: «Сознаюсь, я не совсем постигаю, чего собственно добивается Шестов, нападая на науку за ее обобщающие методы». Все стали обсуждать с азартом книгу Шестова... Но больше всех слушал, как завороженный, Боря Пастернак. Он мне шепнул, расширяя свои прекрасные глаза: «Тебе не понять этого! А я весь дрожу!»... Все глядели на Минского, все слушали его воркующий голос и с почтением глядели на книгу Шестова, которую Минский держал в руках. Далее Минский стал читать язвительную книгу Шестова... Неожиданно прибыли в экипаже с вокзала А.А.Бурнакин и В.В.Розанов, они тотчас приняли участие в обсуждениях и спорах о книге

* Надписи на книге нет, но она могла быть собственноручной надписью автора на экземпляре Минского.

Шестова. (И.Корвин-Хорватский. Голубой дым. — «Русское Воскресение», Париж, 23.07.1960).

В то время, когда русская интеллигенция в преобладающем большинстве была под влиянием, охватившим всех, материалистической интерпретации жизни, «Апофеоз беспочвенности» произвел впечатление разорвавшейся бомбы в русской литературе. Легкомысленные молодые люди грозили своим родителям: «Буду развратничать и читать Шестова». Известный защитник в процессе Бейлиса О.Грузенберг говорил, что у автора опыта адогматической философии «кислотный ум». Даже друзья Льва Ис. говорили: «Мы этого от Вас не ожидали». Один из очень видных русских писателей сказал Шестову: «Я бы понял Вас, если бы Ваши книги появились хронологически в обратном порядке — сперва "Апофеоз беспочвенности", потом "Достоевский и Нитше", а за ними "Шекспир и его критик Брандес"»; да и до сих пор почти все критики и писатели так думают. (Ловцкий, стр.8).

Я хорошо помню, как мой отец Николай Абрамович Гринберг, ровесник и друг детства Льва Исааковича (оба родились в Киеве в 1866 г.), с досадой повторял: «Совершенно ничего нельзя понять из того, что пишет теперь милый Лева». Возмущению не было конца в московском обществе после выступления Шестова (в 1905-м или 1906-м году*) на каком-то вечере в Литературно-Художественном Кружке, когда он прочел свои парадоксальные афоризмы из «Апофеоза беспочвенности»... Бунт Шестова против разума и морали был непонятен и неприятен для его поколения, до такой степени оно было «в плену у научности». Шестов ближе нам, людям призывного возраста Первой мировой войны. У нас в гимназии был кружок, где был настоящий культ этого писателя. (Эрге**, 1958, стр.251).

Из рассказа Корвина видно, что Минский проявил большой

* Хилл тоже упоминает о том, что Шестов был приглашен в Литературно-художественный кружок и что он читал там свои афоризмы 13 февраля 1907 г. (Хилл, стр.109).

** Эрге (Роман Гринберг). Неправда разума. «Новый Журнал», №54, сент.1958, стр. 248-256.

интерес к книге Шестова. Сам же Шестов Минского недолюбливал и не раз отзывался о нем пренебрежительно (см. стр.24-25 и 221). Любопытно заметить, что и Эрге, и Корвин, вспоминая через несколько десятков лет о том, какое впечатление произвела только что вышедшая тогда книга Шестова, передают массу живых деталей и подробностей. Это, безусловно, свидетельствует о том, что интерес к книге был огромным и обсуждения ее весьма горячими.

Герцык тоже вспоминает о выступлении Шестова в Московском литературно-художественном кружке, вероятно, о том же, которое описывает Эрге. Вот ее рассказ:

> Как-то пригласили его в Москву прочесть отрывки из новой книги в литературно-художественном кружке. Он доверчиво приехал, не зная даже, кто устроители и какова публика. Я, внутренне морщась, сопровождала его в эти залы, устланные коврами, куда между двумя робберами заглядывают циники, присяжные поверенные и сытые коммерсанты, да шмыгают женщины в модных бесформенных мешках. Едва ли десять человек среди публики знали его книги и его идеи. Недаром один оппонент — пожилой bon-vivant, в конце прений заявил, что он совершенно согласен с докладчиком и тоже считает, что нужно срывать цветы удовольствия. Такой бледный, наивный, издалека-далека пришедший, стоял Лев Исаакович. Но едва он начал читать — откуда эта мощь акцента и голос, вдруг зазвучавший глубоко и звучно. (Герцык, стр.104).

Дальше, на той же странице, Герцык высказывает свое мнение о книге Шестова, которого придерживались многие:

> А что последняя книга «Апофеоз беспочвенности» написана афористически — так это только усталость. Нет больше единого порыва первых книг — все рассыпалось... Афоризм — игра колющей рапиры или строгая игра кристалла своими гранями, но игра — разве это шестовское?

Появление книги «Апофеоз беспочвенности» вызвало ряд статей обо всем творчестве Шестова. Назовем статьи Ю.Айхен-

вальда в «Русских Ведомостях» (7.03.1905) и В.Зеньковского («Юго-Западный Край», март 1905), любопытный фельетон Розанова «Новые вкусы в философии» («Новое Время», 17.09.1905, №10612), заметку Ремизова в «Вопросах Жизни» (июль 1905), статью В.Базарова («Образование», ноябрь/декабрь 1905), статью Бердяева (см. стр.74-76).

Заметка Ремизова появилась под заглавием «По поводу книги Л.Шестова "Апофеоз беспочвенности"», но на самом деле Ремизов об этой книге не говорит, а говорит о человеке, который «имел палаты крепкие» и ушел из них в «подполье» (речь идет, конечно, о Шестове). Эту заметку Ремизов впоследствии включил в свою книгу «Крашеные рыла» (стр.124-126). Ее же он опубликовал в 1926 г. в журнале «Своими Путями» (К шестидесятилетию Л.Шестова) и в 1935 г. в журнале «Новь» (К семидесятилетию Л.Шестова). В феврале 1936 г. Ремизов опубликовал ту же заметку по-французски в журнале «Hippocrate». Фондан ее прочитал, и в разговоре с ним Шестов вспомнил о выходе в свет книги «Апофеоз беспочвенности»:

> Эта статья [заметка Ремизова], — говорит Шестов, — появилась 30 лет тому назад, когда был опубликован мой «Апофеоз беспочвенности». Кажется, тогда это был единственный положительный отзыв... Тогда книга произвела скандал. Я осмелился писать афоризмами — это не было принято. Затем я смеялся над заключениями. Я сказал, что откладываю заключения на потом. Наконец, я не был серьезен, признавая, что до тех пор я был серьезен. Даже Айхенвальд, прекрасный профессор, который благоволил ко мне, рассердился... Прочитав мою книгу и увидев, что я написал по поводу Сократа и Ксантиппы: «позанявшись философией, все равно чувствуешь себя облитым помоями»*, Айхенвальд написал статью... где он заявил, что я расточаю свой «талант» на вещи вовсе несерьезные. (Фондан, стр.66).

* Апофеоз беспочвенности. Часть первая, афоризм №57.

В 1912 году Георгий Чулков написал статью о Ремизове «Сны в подполье». В этой статье он приводит целиком заметку Ремизова и говорит, что Ремизов писал не о Шестове, а о самом себе.

Из статей, появившихся после выхода «Апофеоза беспочвенности», наиболее значительная — это статья Бердяева «Трагедия и обыденность» («Вопросы Жизни», март 1905). Впоследствии она была включена в книгу Бердяева «Sub specie aeternitatis» (стр.247-275), изданную в Петербурге в 1907 г. Привожу отдельные отрывки из этой статьи:

> Все это введение, а теперь перехожу к Л.Шестову, о котором давно уже нужно писать. Я считаю глубокой несправедливостью игнорирование работ Шестова, и объясняю это только тем, что темы Шестова и способ их разработки для большой дороги истории не нужны, это подземные ручейки, заметные и нужные лишь для немногих. Устроившийся в своем миросозерцании «позитивист» или «идеалист», скрепивший себя с универсальной жизнью, только пожимает плечами, и недоумевает, зачем это Шестов поднимает ненужную тревогу. Вот эта глубокая ненужность писаний Шестова, невозможность сделать из них какое-нибудь общее употребление и делает их в моих глазах особенно ценными и значительными. Шестов очень талантливый писатель, очень оригинальный, и мы, непристроившиеся, вечно ищущие, полные тревоги, понимающие, что такое трагедия, должны посчитаться с вопросами, которые так остро поднял этот искренний и своеобразный человек. Шестова я считаю крупной величиной в нашей литературе, очень значительным симптомом двойственности современной культуры... Только что вышла книга Шестова «Апофеоз беспочвенности», но я думаю писать вообще о Шестове и даже главным образом о его предшествующей книге «Достоевский и Нитше», которую я считаю лучшей его работой. Мне жаль, что «беспочвенность» начала писать свой «Апофеоз», тут она делается догматической, несмотря на подзаголовок «опыт адогматического мышления». Потерявшая

всякую надежду беспочвенность превращается в своеобразную систему успокоения, ведь абсолютный скептицизм также может убить тревожные искания, как и абсолютный догматизм. Беспочвенность, трагическая беспочвенность, не может иметь другого «апофеоза», кроме религиозного, и тогда уже положительного. Трагический мотив ослабел в «Апофеозе» и в этом есть что-то трагически фатальное. (стр.250-251).

Я вижу крупную заслугу Шестова в острой, глубокой психологической критике всякого рода позитивизма, всякого рода утверждения обыденности, хотя бы и под маской идеализма. (стр.263).

Шестов должен был бы признать, что трагедия самым фактом своего существования приподнимает завесу вечности, что новый, для обыденности страшный опыт, открывает беспредельность. Условные рациональные грани падают и у самого Шестова уже пробиваются лучи потустороннего света. Грустно, что этот даровитый, умный, оригинальный и смелый человек не хочет или не может перейти к новому творчеству. Творческие усилия ведь тоже трагичны, а не обыденны и их менее всего можно рассматривать, как успокоение. Разрушительные и творческие моменты всегда сплетаются, творческие моменты есть и у Шестова, но боюсь, чтобы он не успокоился на окончательном, не мятежном уже скепсисе. Я не предлагаю Шестову кончить «моралью» и заявить, что «несмотря» на вышесказанное, все более или менее благополучно, о нет. Пусть он дальше поднимается по «узким, трудно проходимым, лежащим над пропастью тропинкам» nur für die Schwindelfreien*... Пусть открывает новые местности, иначе он рискует топтаться на одном и том же месте. Еще раз повторю: мне жаль, что «философия трагедии» превратилась в «апофеоз беспочвенности», этого мало. И не

* Только для тех, кто не боится головокружения. Апофеоз беспочвенности, стр.219-220.

потому жаль, что «беспочвенность» внушает страх, нет, она манила к почве бесконечно более глубокой, заложенной в самых недрах земли. (стр.265).

В заключение скажу: нужно читать Шестова и считаться с ним. Шестов — предостережение для всей нашей культуры и не так легко справиться с ним самыми возвышенными, но обыденными «идеями». Нужно принять трагический опыт, о котором он нам рассказывает, пережить его. Пройти мимо пропасти уже нельзя и до этого опасного перехода все лишается ценности. При игнорировании и замалчивании того, о чем давно уже предупреждает так называемое декадентство, при «идеалистическом» бравировании — грозит взрыв из подполья. Скажем Шестову свое «да», примем его, но пойдем дальше в горы, чтобы творить. (стр.275).

Еще следует упомянуть сочувственную статью С.А.Венгерова о Шестове, опубликованную в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в дополнительном томе 2 Д, вышедшем в 1907 г.

Первые книги Шестова породили и еще одно недоразумение: блестящая форма, в которую облеклись афоризмы «Апофеоза», в соединении с классической простотой и обманчивой ясностью изложения, глубокий анализ переживаний таких корифеев русской литературы, как Толстой, Достоевский, Чехов, дали повод причислить Шестова к блестящим литературным критикам, а философию его — утверждали при этом — надо отбросить, так как автор обряжает всех исследуемых им писателей на свой Шестовский лад. На Шестова эти нападки не действовали; он говорил, что ему оказывают слишком много чести, если находят, что все значительные мысли, высказанные другими великими умами, принадлежат ему. Об этом Шестов тоже рассказывал Фондану:

Я никогда в университете не изучал философии, никогда не посещал лекций по философии и не считал себя фило-

> софом... Меня принимали за литературного критика, так как мои первые книги были посвящены Шекспиру, Толстому, Чехову. Да я и сам себя считал скорее критиком [чем философом]. (Фондан, стр.37).

И Лундберг высказывает такое же мнение:

> Л.Шестов тоже один из «выпадающих»... известность его обусловлена, — кроме блестящего стиля, о котором говорили, чтобы не касаться существа писаний — тем, что в начале своей деятельности он пользовался литературным материалом и прослыл среди интеллигентских читательских кругов остроумным критиком. Чем дальше от литературы в философию уходил, тем острее намечалось выпадание. Современники с трудом выносят чрезмерно беспокойных мыслителей. (стр.74).

В 1904 г., вероятно, после окончания книги «Апофеоз беспочвенности», Шестов написал большую статью о Чехове «Творчество из ничего. А.П.Чехов». Журнал «Новый Путь» (см. стр.56) объявил в октябре 1904, что статья Шестова появится в одной из ближайших книжек. Но появиться в «Новом Пути» статье не было суждено, так как журнал в конце года перестал выходить. Продолжением «Нового Пути» явился ежемесячный журнал «Вопросы Жизни». Его сотрудниками были люди разных взглядов и мировоззрений. Помимо редакторов, философов-идеалистов С.Булгакова и Н.Бердяева, в журнале принимали участие: Д.Мережковский, В.Розанов, Л.Шестов, А.Карташев, Вяч.Иванов, Ф.Сологуб, А.Блок, А.Белый, В.Брюсов, А.Ремизов, Г.Чулков, М.Гершензон, С.Франк, П.Струве, кн.Е.Трубецкой, П.Новгородцев, Ф.Зелинский, Б.Кистяковский, Волжский, В.Эрн; издателем был Н.Лосский и затем Д.Жуковский, секретарем А.Ремизов. Уже одно перечисление этих разных по взглядам и убеждениям лиц свидетельствует о довольно пестром, точнее, неопределенном идейно-философском направлении журнала. Журнал начал выходить в январе 1905 г., и в марте того же года, в том же номере, где

появилась статья Бердяева о Шестове, была напечатана и статья Шестова о Чехове «Творчество из ничего». Журнал просуществовал всего один год: последний выпуск вышел в декабре 1905 г.

Кроме книги «Апофеоз беспочвенности» и статьи о Чехове, в 1905 г. появилась статья Шестова «Литературный сецессион» в газете «Наша Жизнь» от 15 июля, в которой он дает критический обзор номеров 1-6 (янв. — июнь 1905) нового журнала «Вопросы Жизни». В этой статье Шестов пишет о возникновении журнала и дает характеристики главных его сотрудников. Он пишет жене:

> Бог знает, что у нас делается и будет делаться. Все так нелепо, столько ненужных жертв... Получил из «Нашей Жизни» 60 р. ... и надеюсь, что получу аванс из «Н.Ж.» 150, 200 р. ... потом отпишусь: напишу о чем-нибудь нетрудном. Газетные статьи ничего не стоит писать, тем более, что теперь все равно я не способен настоящим образом работать. Как далеко не стою от политики, все же она врывается в жизнь и нельзя сосредоточиться. (Вероятно, май 1905).

Других статей Шестова в «Нашей Жизни» найти не удалось. Газета просуществовала недолго: от 6.11.1904 до 11.07.1906.

Несмотря на появление вышеуказанных статей об «Апофеозе беспочвенности», у Шестова было чувство, что книга не вызвала интереса, что ее не понимают и что к его проблематике — самое для него важное — прислушаться не хотят, чувство, которое у него росло с годами. В трех письмах к сестре Фане и шурину Герману Шестов рассказывает о впечатлении, произведенном на него этими статьями:

> Мы переживаем в высшей степени тревожное время. Каждый день приходят телеграммы о беспорядках — в России, на Кавказе, в Польше. Вчера разграбили Ялту и т.д. Чем все это кончится — не знаю, но хорошего в таком

положении вещей мало. К лету, верно, еще хуже будет... Мой «Апофеоз» встречен очень недружелюбно «Русскими Ведомостями»! Айхенвальд /...?/ говорит, что я размениваю свое несомненное литературное дарование, которое он усмотрел в предыдущих книгах, на литературный флирт. Советует мне «спокойно» изложить, что мне нужно. И я должен признать, что он был добросовестен и даже прав — в меру, конечно, своего разумения. Он сам ведь тоже пишет и переводит, а обходится без «необыкновенных», как он выражается, идей. Его особенно рассердили афоризмы о Ксантиппе и Сократе, об отрыжке и затем 16 (из первой части). Я их считаю, наоборот, самыми удачными, конечно, вперед знал, что «критика» обозлится. Был еще фельетон в провинциальной газете — одного студента [В.Зеньковский], ученика Челпанова, под названием «Скользкий путь». Тот не бранится, но предостерегает, в полном убеждении, что я сам и не подозреваю, как рискованна беспочвенность. Словом, пока неудача. Бердяев собирается писать — но уже два года. В «Весах», по-видимому, тоже готовятся отмстить мне за Мережковского. (Фане, Киев [10(?).03.1905]).

Рецензия Айхенвальда не огорчила меня, скорей обрадовала. Я только удивляюсь, что прежде, по предыдущим книгам, не догадался, что я «разменивался» на нестоющее дело. Но вообще почти все недовольны «Апофеозом беспочвенности» и считают, что он хуже, чем все, что я прежде писал. Говорят, что «не ожидали» от меня такой книги. Но это хорошо, что можно сделать нечто такое, чего не ожидали. В мартовской книжке «Вопр. Жизни» (она уже вышла, и ты, верно, получил ее или получишь завтра) есть статья Бердяева обо мне. Он ее уже больше двух лет собирался писать — увидишь, что у него вышло. Верно, полемизирует... Называется статья «Обыденность и трагедия». Раз он принимает мое деяние — то этим уже показывает, что понимает смысл поставленной мной задачи. Бердяев на днях приезжает в Киев: будем воевать. Доволен ты вообще «Вопросами Жизни»? Я их

выписал на полгода, если доволен, то — еще на полгода выпишу. (Герману, [Киев, 5(?).04.1905]).

Рецензией «Русских Ведомостей» я не огорчился. Я знал, что книга будет недружелюбно принята, и теперь, когда мои предвидения оправдались, только сообщил тебе об этом. Между прочим, «Апофеоз беспочвенности» не имел успеха даже у тех, которые справедливо относились к моим предыдущим работам, никто из моих знакомых, которым я разослал книгу, не ответили мне ни словом. Но стороной я узнал, что все недовольны: и Левин, и Лурье, например. Даже Бердяев, как ты увидишь или уже увидела из его статьи в «Вопросах Жизни» [март 1905], недоволен. Правда, он мне признался, что прочел книгу наскоро, так как она ему была некстати: у него уже сложилась в голове статья по прежним моим работам, а «Ап. б.» немного расстраивал готовый план. Но все же впечатление было не в мою пользу. Володя сказал мне, что ты тоже «не понимаешь». Так вот тебе совет: прочти статью о Чехове* — в ней связнее и проще передано содержание «Ап. б.». Правда, связность и упрощение обрезывает материал, но зато дает некоторую нить. Мне кажется, что после статьи о Чехове «Ап. бесп.» будет понятнее. (Фане, [Киев, 14.04.1905]).

В том же письме к сестре Фане Шестов говорит о Булгакове и Бердяеве. Он пишет:

Булгаков, действительно, человек искренний — и умеет хорошо писать. А что он о страданиях распространяется — так иначе ему нельзя. Он думает или, по крайней мере, хочет думать — что страдания не страшны, не должны быть страшными для верующего человека. Ведь в этом главное преимущество веры — что она может ничего не бояться. Отними это убеждение — и ничего не останется. Иной, конечно, вопрос, насколько он прав в своей вере, но раз допустить правоту и веру, уже нельзя ни на чем оста-

* Творчество из ничего — «Вопросы Жизни», март 1905 Впоследствии статья вошла в книгу «Начала и концы»

навливаться. Ведь вот Толстой то же самое проповедует. В Евангелии сказано: ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, все остальное вам приложится. И еще: претерпевший до конца спасется. Как ни толкуй эти слова, а смысл их в том, что мирских страданий бояться не следует. Правда, Булгаков, как и все другие, не умеет последовательно провести эти заповеди. Но ведь люди на то и люди, чтобы ничего до конца не доводить. Бердяев уже в другом роде человек. Он любит теоретическую философию и хочет логическим, разумным путем фиксировать иррациональность. Это ты увидишь из его статьи обо мне и в особенности из его возражений. Он признает онтологические и моральные доказательства бессмертия души, и даже полагает, что всякий их обязан признать. Но все же это ему не мешает быть очень чутким человеком и не уходить в отвлеченности. Только его статьи нужно всегда читать по два или три раза: иначе они непонятны, так как он не боится противоречий и больше хлопочет о том, чтобы высказаться, чем о том, чтобы придать своим мыслям логическое единство. (Фане, [Киев, 14.04.1905]).

Глава V

Статьи в журналах (о Достоевском, о Бердяеве и др., 1906, 1907). — «Начала и концы» (1909). — Статьи Иванова-Разумника и др. о творчестве Шестова. — «Башня» Вячеслава Иванова. — Посещение Толстого в Ясной Поляне (март 1910).

Лето 1905 г. Шестов провел в Швейцарии. На обратном пути в Киев заехал в Висбаден (14.09.1905) повидать родителей, которые из-за болезни отца окончательно покинули Киев и поселились в Германии (Берлин, Висбаден и другие города), вероятно, с лета 1905 г. После их отъезда, а может быть и раньше, Шестову пришлось некоторое время исполнять роль управляющего в деле отца. От этой обязанности ему удалось освободиться летом или осенью 1906 г. (см. письмо Шестова к Софье Гр., апрель 1906, и письмо к Герману 20.10.1906). После этого он прожил в Киеве еще две зимы (1906/1097 и 1907/1908). Он уже имел больше свободного времени и мог заниматься. Семейное дело сильно разрослось, и было решено его реорганизовать в акционерное общество. Весной 1907 г. Шестов начал хлопоты, и 11.04.1908 устав был высочайше утвержден (см. приложение). Дело получило название «Товарищество мануфактур Исаак Шварцман» (раньше оно называлось «Мануфактурные склады Исаак Шварцман»). Шестов и его родители были выбраны директорами правления. Фактически родители от дела отошли, и руководство принадлежало Шестову. Организация «Товарищества» принесла Шестову

много хлопот. В архиве Шестова сохранилось 26 писем к родителям, в которых он описывает ход переговоров. За это время Шестов несколько раз ездил в Москву, чтобы увидеться с Фрейманом, который вел дело по созданию акционерного общества.

Как было указано, все эти годы Шестов не мог жить с семьей, потому что должен был скрывать свой брак от родителей. Невозможность совместной жизни очень тяготила Шестовых. Однако, начиная с осени 1908 г., они уже смогли жить вместе, будучи уверены, что родители, поглощенные тяжелой болезнью отца, об этом не узнают. Осенью 1908 г. Шестовы поселились в Германии, во Фрейбурге (Freiburg im Breisgau, Jacobistraße 9), и прожили там две зимы (1908/1909 и 1909/1910). Там они сняли квартиру, и Шестов перевез свою библиотеку. Но все же ему приходилось подолгу отлучаться. В феврале и марте 1909 г. он ездил в Киев. Осенью 1909 г. ему снова пришлось поехать в Киев и пробыть там до марта 1910 г. Из Киева Шестов несколько раз ездил в Петербург и Москву. 2.03.1910, на пути из Москвы в Киев, он навестил Толстого в Ясной Поляне.

В январе 1906 г. появилась статья Шестова «Пророческий дар. (К 25-летию смерти Достоевского)» в еженедельнике «Полярная Звезда» (27.01.1906). Об этой статье и о своей жизни в это время он пишет Софье Гр.:

> События последнего времени на мне лично отразились очень прозаически. Володя заболел, родители уехали и я... должен был принять на себя дела отца. Вот уже скоро шесть месяцев, как я исполняю эту приятную миссию. Разумеется, писать при этом невозможно. Т.е. собственно, можно писать статьи, я даже писал одну — в «Полярной Звезде», Вы, верно, встретили ее, но ведь хочется не этого. Основательно или неосновательно, но каждый писатель воображает, что у него есть важное дело, что нужно не пересказывать приходящие в голову мысли, а искать, думать и т.д. Мне лично теперь особенно хотелось бы быть

совершенно свободным. Правда, не следует быть неблагодарным. Не следует забывать, что десять лет подряд я пользовался полнейшей свободой и что, как только вернется Володя (через 10, 15 дней), я снова буду независимым человеком... Но если бы Вы знали, как в общем скучны все эти дела. И какое в сущности это «занятие» безделье! В мае предполагаю ехать заграницу. Только не в Швейцарию, ибо теперь мой poste restante находится под Берлином. Не знаю, где буду во вторую половину лета. Если попаду в Швейцарию, то, конечно, увидимся. Очень хотел бы послушать Ваши новые работы. Хотя не могу Вам простить, что Вы не исполнили нашего условия и не написали о Чехове. Мне очень бы хотелось, чтобы Вы попробовали свои силы на этом поприще. Почему-то кажется, что Вам удалось бы. Вы совсем бросили мысль о литературной и художественной критике? Ведь при теперешней свободе литературной формы, в статью можно вместить что угодно, даже описание природы, даже диалог. И вместе с тем, нет необходимости знать теоретические рассуждения, которые в драму с таким трудом вмещаются. В конце концов драма — сама неблагодарная литературная форма. Ее рамки всегда приходится посильно раздвигать — это редко удается и разрешается только тем, кто уже успел приобрести себе большую писательскую репутацию. Попробуйте, право, написать в другом роде.

Мою рецензию о Венгеровой забраковали, не напечатали в «Вопросах Жизни». Теперь я ее отдал в «Киевские Отклики»*. И там она уже месяц лежит, вообразите себе. Не везет Зинаиде Афанасьевне! Завидую я Вам, что Вы во Флоренции! Как бы и мне хотелось вырваться из киевской атмосферы и пожить на воле. Да, в последнее время это все меньше и меньше удается, и скоро, видно. придется и совсем отказаться от заграничных путешествий.

---

* Найти статью не удалось. В архиве Шестова был найден небольшой неоконченный набросок о З Венгеровой, вероятно написанный осенью 1905 г., который, может быть, является началом ненайденной статьи (см. прнложение).

Проходят годы и с ними уходит все хорошее — молодость и свобода. Поневоле начнешь о спасении души думать. [Киев, апр.(?) 1906].

Возможно, что к тому же времени относится письмо без даты, написанное Шестовым жене:

Ну, слава Богу, дорогая Анна, что все обошлось благополучно. Твое последнее письмо успокоило меня. Совсем другой тон. Боже, как ужасно было думать, что Танюк могла еще опасно заболеть. Странное у меня к ней чувство: кажется, так мало живу с ней — а между тем, право, нет ничего, что бы показалось мне слишком большим, если бы надо было ради нее отдать. Бедная девочка! Верно намучилась крепко. И тебе каково было с ней! Но теперь уже все прошло — какое счастье! Письмо твое я получил еще несколько дней тому назад — но все не мог собраться ответить. Я теперь занят очень и чем? Торгую. Родители должны были уехать, а Володя в Кременчуге. Так вот я за старое взялся. Целый день сижу в лавке и по вечерам как-то не пишется. Хотя совсем не трудное это дело торговля — но настроение дает очень уж будничное, а я привык либо возноситься, либо плакать. И странно чувствовать себя в обстановке, при которой никогда не бывает повода ни для больших радостей, ни для больших огорчений. Для здоровья это самое лучшее. Я уверен, что займись я торговлей и отучи я себя от литературы, я бы скоро совсем оправился. Но я уверен и в другом: через несколько лет такой жизни, я бы снова в один прекрасный день почувствовал бы себя на волосок от сумасшествия. Как все странно и непонятно устроено в жизни! Куда что тянет человека? Отчего никто не может спокойно возделывать свой сад и все бегут, как от пугала, от обыденности, которая все-таки дает если не счастье, то покой. [б/д., 1905-1906].

Вот еще письмо Шестова к родителям, живущим в Берлине, относящееся к тому же времени:

От тебя, мамаша, ежедневно приходят письма: ты все волнуешься и беспокоишься. И тебе кажется, что мы здесь

тоже волнуемся и беспокоимся. Ничего подобного. Я уже тебе писал, что о Киеве мы не беспокоимся. Разумеется, читать о Белостоке* было очень тяжело. Но не потому, что связал белостокские события с возможностью такого же несчастья в Киеве. Я уверен, что для многих русских было не менее тяжело читать описание белостокских зверств. Тревожиться же нам лично пока нет никаких оснований. Вчера была депутация у Сухомлинова, и он сказал, что пока он в Киеве, евреи могут быть совершенно спокойны. И ему можно верить вполне. Губернатор Савич утверждает то же. А раз власти не захотят, беспорядков не будет, тем более, что Киев теперь на военном положении. Вот мы и спокойны. Паспорта мы себе возьмем (завтра же начнем хлопотать), так как все равно скоро придется ехать — как только вернется Володя. Он теперь в Карлсбаде и, вероятно, недели через две вернется в Киев: тогда мне можно будет на некоторое время уехать заграницу.

Дела в магазине идут недурно. Торгуют все-таки недурно — особенно оптом. К сожалению, все платежи большие — это оттого, что у нас огромные запасы товара. Все боимся, что потом не достанем — и запасаемся. Убытку на этом не будет — наоборот, будет польза, т.к. товар непрерывно дорожает — но зато приходится много платить. Если б у нас было на 80, 100 тысяч товару меньше, то мы бы имели настолько же больше свободных денег. Может быть, так было бы правильней — но одно время казалось, что торговля идет великолепно — не хотелось упускать случая. Да и теперь еще неизвестно: урожай обещает быть хорошим, нужно рассчитывать, что поторгуем... Данил все по-прежнему живет в Киеве. Здесь Таня с Эрной и Соня. О них, т.е. о Даниле наверное нечего беспокоиться, так как они под защитой консульства находятся в совершенной безопасности. Да и вообще очень беспокоиться, повторяю, нечего. Всякого рода меры мы принимаем. Ну, а затем, конечно, не так страшен чорт, как его малюют. Из заграницы вам все кажется страшнее,

* Речь идет о Белостокскнх погромах (19-21 мая /1-3 июня/ 1906).

чем на самом деле. Бог даст, все обойдется благополучно. (Киев, 11.06.1906).

Лето 1906 г. Шестов, как всегда, провел в Швейцарии. После своего возвращения в Киев он ездил в Петербург и Москву. В Петербурге он заключил договор с новым издателем, с которым он начал вести переговоры весной. Шестов об этом пишет Герману Ловцкому:

> Посылаю тебе переводом на Берлин 4305 марок. Я продал вторые издания своих последних трех книг — оттуда у меня такая колоссальная сумма денег. Посылаю деньги на твое имя [в Лейпциг], по причинам, которые ты и сам легко отгадаешь. Тебе придется снабдить его передаточной надписью и переслать в Берлин (адрес: Schmargendorf bei Berlin; Sulzerstraße 14)... Что до меня, я уже свои обязанности управляющего сложил и теперь очень хорошо устроился. Уже вожусь с тетрадями и книгами. Выйдет ли из этого что-нибудь и что именно выйдет, вперед, конечно, сказать нельзя. Во всяком случае хорошо, что вернулась прежняя свобода. Итак, жду от тебя письма. О получении перевода извести немедленно, а то я буду очень беспокоиться. Первый раз в жизни получил такую сумму. (Киев, 20.10.1906).

Имя издателя в письме не указано. По-видимому, речь идет о М.В.Пирожкове, у которого вышло новое издание «Толстой и Нитше» в 1907 г. Без сомнения, Пирожков намеревался издавать все произведения Шестова, но у него вышла только вышеуказанная книга, потому что он, вероятно, обанкротился в 1908 г. (см. письмо Шестова к Софье Гр. 1909 г.). Следующие две книги Шестова вышли у Стасюлевича («Начала и концы» в сент. 1908 г., второе издание «Достоевский и Нитше» — в 1909). А в 1911 г. «Шиповник» издал полное собрание сочинений (см. гл.VII). О переговорах с издателями, кроме письма к Ловцкому, сведений найти не удалось.

*

Как уже было указано, Шестов иногда ездил в Петербург и там встречался с писателями. Выше уже говорилось о ранних знакомствах Шестова и передавался его рассказ о посещении им, вероятно, в 1902 г. Мережковского и Розанова. В своей статье «Лев Шестов»*, написанной в 1952 г., Леонид Галич** вспоминает:

> Любопытно, что когда Шестов начинал свою литературную карьеру, на самой заре нынешнего столетия, на него сразу обратили внимание в некоторых литературных кругах. Например, в окружении Мережковских, а с 1907 года внутри и около перешедшей тогда в руки П.Б.Струве «Русской Мысли»... Помню: и Мережковский, и Гиппиус, и Минский, и Розанов, и Вяч.Иванов, и... Чулков, — все говорили о Шестове с интересом, иногда переходившим в восхищение. (Леонид Галич, 27.04.1952).

О встречах Шестова с друзьями в Петербурге также рассказал Алексей Ремизов, который поселился там в феврале 1905 г., после того как получил место в редакции журнала «Вопросы Жизни». До того Ремизов жил в Киеве, где и познакомился с Шестовым в ноябре 1904 г. О том, как произошло это знакомство, он говорит в статье «Памяти Шестова»:

> А познакомил нас Бердяев, всеми любимый и всегда желанный. Был конец ноября, но не Бодлеровский, с болью глухо падающими дровами для камина, а киевский — этот сказочный, захватывающий душу вестник рождественских колядок, с теплым чистейшим первоснегом. На литературном собрании, доклад В.В.Водовозова, Бердяев повел меня куда-то вниз и не в «буфет», как я подумал, или мне хотелось так выдумать, а в «директорскую» с удобными креслами. «Да где же тут Шестов?» И вдруг уви-

* «Новое Русское Слово», Нью-Йорк, 27.04.1952.

** Леонид Евгеньевич Габрилович В указанной статье Галич упоминает о том, что он опубликовал в Петербурге в газете «Речь» в 1908 или в 1909 г. статью о Шестове. Нам этой статьи найти не удалось.

дел: за конторкой под лампой, сидевший, сняв пенснэ, поднялся, мне показалось, что очень высокий и большие руки, — конечно, «Лев Шестов»! Это и был Шестов. «Рыбак рыбака видит издалека!» — сказал он и на меня глянули синие печальные глаза... Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала, Шестов пришелся на руку, легко и свободно я мог отводить свою душу на всех путях ее «безобразия». И моим «фантазиям» Шестов верил, доверчиво принимая и самое «несообразное»... «Беспросветно умен», так отозвался о Шестове Розанов, а я скажу «бездонно сердечен», а это тоже дар: чувствовать без слов и решать без «расчета». (Париж, «Последние Новости», 24.11.1938, см. второй том).

Шестов и Ремизов вскорости подружились и перешли на «ты». О Петербургских встречах Ремизов рассказал в своей книге «Кукха. Розановы письма». Он пишет:

16.10.1905. У Розанова... В.В. все сокрушается, вспоминая Шестова: примириться не может, что Шестов пьет*. А было так: приехал Шестов, повел я его к Розанову, и Бердяев, конечно (ходили стаями). А накануне шепнул я Розанову, что обязательно надо вина... Вино было. Бутылка красного стояла перед Шестовым. И мы с Бердяевым все выпили. (стр.26, 27).

Несколько дальше Ремизов рассказывает, как он создал «Обезьянью палату» в 1908 г., и прибавляет: «Шестова мы сделаем, это по его части, винодаром!» («Кукха», стр.39). Затем в главе «Завитушка» еще несколько слов о Шестове:

Поздно вечером, как всегда, зашел к нам В.В.Розанов... На столе лежало письмо из Киева от Льва Шестова. «Шестов приезжает, — сказал я, — будем ходить стаей по Петербургу. В конке он за всех билеты возьмет, такой у него обычай». (стр.89).

* Что «Шестов пьет» и что для Шестова «обязательно надо вина» — одна из «фантазий» Ремизова, над которой Шестов много смеялся.

Впоследствии Шестов и Ремизов часто встречались и переписывались. Сохранилось 62 письма Шестова к Ремизову (1905-1912) и 45 писем Ремизова к Шестову (1905-1936). Ремизову жилось материально очень трудно, и Шестов неоднократно его поддерживал. О нескольких случаях рассказано ниже (стр.103 и 104), но этими случаями далеко не исчерпывается помощь, оказанная Шестовым Ремизову.

Когда Шестов приезжал в Петербург, он также бывал у Вячеслава Иванова на «башне» (так называли квартиру Ивановых на 7-м этаже дома, расположенного против Таврического сада, где они жили с июля 1905 г. до весны 1912 г.). Там он встречался с Андреем Белым, о чем Белый упоминает в главе «Башня» книги «Воспоминания о Блоке»:

> Чай вечерний в «становище»* подавался не раньше полуночи: до — длились сепаратные разговоры: у Иванова торжественно заседает совет петроградского религиозно-философского общества (Столпнер, Д.В.Философов, С.П.Каблуков), или заехавший в Питер Шестов, или кто-нибудь близкий Иванову... у Кузмина заседает в то время возникший журнал «Аполлон»**, и у меня, в отведенной мне комнате, кто-нибудь заседает всегда: до 12 часов ночи; в двенадцать вся публика высыпает в столовую... начинается общая беседа за чаем. (стр.636-637).

Несколькими страницами ниже Белый пишет: «здесь я видался с Шестовым, с Аскольдовым, с Ремизовым, с проф. Лосским, с Ивановым-Разумником» (стр.641). Упомянутые встречи Белого с Шестовым у В.Иванова, без сомнения, относятся к 1909-1910 гг., когда Белый часто гостил у В.Иванова. Вероятно, Шестов и раньше бывал у Иванова. Впоследствии они часто встречались в Москве, где Шестов поселился в октябре 1914 г., а Иванов жил с осени 1913 г. (см. стр.131-133).

* Мережковские называли квартиру Иванова «становищем».

** Журнал «Аполлон» начал выходить в Петербурге в октябре 1909 г.

Литературная жизнь в Петербурге того времени и «башня» Вячеслава Иванова были описаны многими авторами. Бердяев, принимавший живейшее участие в этой жизни, когда он жил в Петербурге, посвятил ей начало главы «Культурный ренессанс начала XX века» книги «Самопознание». Там рассказано о «мистическом анархизме» Г.Чулкова и В.Иванова, о «новом религиозном сознании» Мережковского и о других течениях. Приводим несколько строк из этой главы, чтобы дополнить описание «башни», сделанное Белым:

> На «башне» В.Иванова... каждую среду собирались все наиболее одаренные и примечательные люди той эпохи, поэты, философы, ученые, художники, актеры, иногда и политики. Происходили самые утонченные беседы на темы литературные, философские, мистические, оккультные, религиозные, а также и общественные. (Самопознание, стр.166).

«Башня» являлась интеллектуальным центром Петербурга, и «Ивановские среды» соперничали с собраниями в доме Мурузи, где жили Мережковские, и с Розановскими воскресеньями. Любопытно заметить, что у Бердяева, после того как он провел в Петербурге некоторое время в близком общении с тамошней духовной элитой, произошла «реакция против литературных течений того времени» («Самопознание», стр.169), и он покинул Петербург, прожив там всего около трех лет (1904-1907). Хотя Шестов был дружен со многими петербургскими писателями, он оставался в стороне от литературных течений того времени и, когда приезжал в Петербург, не всегда посещал Ивановские среды (Хилл, стр.107).

В конце XIX и начале XX века в России было основано несколько философских и религиозно-философских обществ: Психологическое общество при Московском университете в 1885 г., Философское общество при Петербургском университете в 1897 г., Религиозно-философские со-

брания в Петербурге в 1901 г. (были закрыты в 1903 г.), Религиозно-философские общества в Петербурге (1907), Москве (1905) и Киеве (1906). В феврале 1915 г. Шестов стал членом Московского Психологического общества и выступал в Москве (см. стр.138, 140-142). Судя по письмам Шестова предыдущих лет, он раньше не принимал участия в философских обществах, хотя был знаком со многими членами этих обществ. То же мнение высказала Юта Шерер, основываясь на том, что ни разу не встретила имени Шестова в материалах, которые она изучала, когда писала свою книгу (Jutta Scherrer. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder ⟨1901-1917⟩).

Бывая проездом в Петербурге, Шестов предпочитал останавливаться надолго в Москве, где у него было много друзей. Там он всегда встречался с Семеном Владимировичем Лурье (см. приложение), с которым он, возможно, познакомился уже в девяностых годах, когда ездил в Москву закупать товары для семейного дела. В Москве он встречался с писателем Михаилом Осиповичем Гершензоном, с проф. Г.И.Челпановым, который в 1907 г. из Киева переехал в Москву, с Густавом Густавовичем Шпетом и др. Шпет (1878-1940), философ, последователь Гуссерля, окончил университет в Киеве и переехал затем в Москву, вслед за своим учителем Г.И.Челпановым. Знакомство с Шестовым, по всей вероятности, состоялось тогда, когда Шпет жил еще в Киеве. В московской библиотеке им. Ленина сохранилось восемь писем Шестова к Шпету, написанных между 1912 и 1919 гг. (Хилл, стр.214). А.Белый дает любопытную характеристику Шпета и рассказывает о его отношении к Шестову:

> Шпет... приверженец Юма и скептик, боготворил философские опыты Шестова... нас сближала с ним не философия вовсе, а новизна восприятия его, афористичность его, тон-

кий юмор и чуткое отношение к культуре искусства; да, среди «символистов» был свой он; среди философов — «их»... и любил я изящный утонченный Шпетовский ум; привлекало к нему понимание поэзии... Он был самым модным из лекторов, пользовался успехом на курсах; курсистки носили малюсенькие медальончики с изображением Шпета. (Белый, стр.559-560).

Шпет, почитатель Шестова, в те годы всегда направлял лезвие своей шпаги на смесь метафизики с мистикой у Н.А.Бердяева. (Белый, стр.561).

О приездах Шестова в Москву и его встречах с друзьями в те годы рассказывает также Герцык:

К 906-7-му году его прнезды участились, он живал в Москве по неделям и потом снова уединялся... Нередко, приходя к нам вечером, он приводил с собой «шестовцев», как мы с сестрою их прозвали. Молчаливый народ, неспаянный между собой, а с ним, с Шестовым, каждого порознь связывали какие-то вовсе не литературные нити. Милее всех была мне Бутова*, артистка Худ. театра, высокая и худая с лицом скитницы. Мы стали видеться и в отсутствие Льва Исааковича. Большая, убранная кустарными тканями комната с окнами на Храм Спасителя. В шубке, крытой парчой, она тихо двигается, тихо говорит на очень низких нотах. От Худ. театра культ Чехова... Но были и другого рода люди. Красивый еврей Лурье, преуспевающий коммерсант, но и философ немножко, в то время увлеченный «Многообразием религиозного опыта» Джемса, позднее им же изданным. Хмурый юноша Лундберг, производивший над собой злые эксперименты: проникнув в Лепрозорий, ел с одной посуды с прокаженными, потом в течение месяцев симулировал немоту, терпя все вытекающие отсюда последствия и унижения. Хорошенькая и полногрудая украинка Мирович, печатавшая в журналах декадентские пустячки. Вся — ходячий трагизм. (стр.102-103).

Немного дальше Герцык описывает Шестова тех лет:

* Надежда Сергеевна Бутова (см. приложение).

> В его отношении к близким ему людям ни тени позы или литературного учительства (в те годы это в диковину) — просто доброта и деловитая заботливость. Одного он выручал из тюрьмы и отправлял учиться к самым-то ортодоксальным немцам, ничуть не трагическим, другому — беспомощному писателю — сам тогда еще никому не известный, добывал издателя, помогал деньгами, разбирал семейные драмы. Все это без малейшей чувствительности. И сам он такой деловой, крепкими ногами стоящий на земле. Притронешься к его рукаву — добротность ткани напомнит о его бытовых корнях в киевском мануфактурном деле. Когда садится к столу — широким хозяйским жестом придвинет себе хлеб, масло, сыр... Сидит, так сидит. Так не похож на птичьи повадки иного поэта-философа: вот-вот вспорхнет... Во всем его облике простота и в то же время монументальность. Не раз при взгляде на него мне думалось о Микель-Анджело, то ли о резце его, то ли о самом одиноком флорентинце. Неужели ни один скульптор так и не закрепил его в глине и мраморе?* (стр.103).

* *
*

На цитированную выше статью Бердяева «Трагедия и обыденность», в которой Бердяев говорит, что Шестов, хотя отвергает всякие догмы, «беспочвенность делает догматической», Шестов ответил полной блестящей иронии статьей «Похвала глупости», появившейся в сборнике «Факелы» (кн.2, 1907) и затем вошедшей в книгу «Начала и концы». Шестов пишет:

> По поводу моей книги «Апофеоз беспочвенности» он [Бердяев] причисляет меня к скептикам, за «Философию трагедии» к пессимистам, и затем начинает доказывать

---

* Домогацкий сделал бюст Шестова в 1917 году из уральского мрамора. Бюст находится в Третьяковской галерее.

несостоятельность скептицизма и пессимизма. Между прочим и другие критики приписывают мне те же грехи. Хочу воспользоваться случаем и заявить... что когда я впервые услышал, что меня окрестили скептиком и пессимистом, я просто протирал глаза от удивления. (Начала и концы, стр.118).

В апреле 1907 г. в «Русской Мысли» появилась статья Шестова «Предпоследние слова». Это первая статья Шестова, напечатанная в «Русской Мысли». Он будет в ней сотрудничать до 1916 г.

* *
*

Указанные две статьи, как и статьи о Достоевском («Полярная Звезда», 27.01.1906) и о Чехове («Вопросы Жизни», март 1905), о которых речь шла раньше, составляют сборник статей, озаглавленный «Начала и концы» и вышедший в 1908 г. (вероятно, в сентябре) у М.М.Стасюлевича. В конце предисловия указано: Saanen, 8(21).8.1908.

После выхода книги о ней писали Андрей Белый («Весы», окт. 1908) и Леопольд Сев («Русская Мысль», май 1909). Тогда же появилась книга Р.Иванова-Разумника «О смысле жизни» (СПб., сент. 1908), содержащая главу «Лев Шестов», в которой он дает обозрение всего творчества Шестова. Иванов-Разумник пишет:

Характерная черта творчества Шестова сконцентрированность мысли, уменье в немногом выразить многое и в то же время найти адекватную форму для выражения своей мысли. Это делает Л.Шестова одним из самых наших блестящих стилистов; имея это в виду мы назвали творчество Шестова философско-художественным. При чтении книг Л.Шестова чувство эстетической удовлетворенности почти всегда сопровождает работу мысли, а это можно сказать не о многих современных писателях. Но, конечно, не на эту внешнюю форму творчества Л.Шестова мы обратили внимание; для нас Шестов интересен как писатель,

> мучительно ищущий ответа на вопрос о смысле жизни, на вопрос о смысле зла в мире, на вопрос о цели нашего жизненного пути; для нас Л.Шестов интересен как философ в широком смысле этого слова. К нему в этом смысле всецело применимо то, что сам он говорил о Толстом в одной из своих книг: «...вся творческая деятельность его была вызвана потребностью понять жизнь, т.е. той именно потребностью, которая вызвала к существованию философию». (стр.166).

Некоторые представители литературных течений начала века считали Шестова «идеологом» декадентства; Иванов-Разумник оспаривает это суждение в вышеупомянутой книге в следующих словах:

> Сам Шестов прошел через Нитше так же, как прошел раньше через Достоевского и Толстого; но никогда он не был «нитшеанцем». Он пережил Нитше, он перечувствовал и передумал его чувства и мысли в глубине своей души, он дал нам своеобразную — быть может, лучшую во всей мировой литературе — интерпретацию идей Нитше, но «нитшеанцем» он не был никогда, никогда не выкраивал он из Нитше ярлыки и шаблоны на все случаи жизни, никогда не проповедывал той упрощенной морали, которой стада нитшеанцев загрязняли выстраданные мысли Нитше. И то, что случилось не так давно с Нитше, теперь, повидимому, станет участью Л.Шестова. Конечно, у нас не будет целых стад «шестовцев», но по некоторым признакам можно судить, что его собираются провозгласить и уже провозглашают своим духовным отцом все современные эпигоны декадентства как в области художественной, так и в области критической мысли. Быть может, Л.Шестов был бессознательным идеологом декадентства, но теперь выродившиеся эпигоны декадентства хотят провозгласить его своим идеологом; его хотят считать своим учителем...
>
> Считать своим «учителем» или идеологом Л.Шестова они имеют такое же право, с каким бесчисленные нитшеанцы могли считать себя учениками Нитше. И то, что

> некогда сказал о своих «учениках» Нитше, то Л.Шестов может с неменьшим основанием повторить об этих своих последователях: «мне нужно обвести оградой свои слова и свое учение, чтобы в них не ворвались свиньи». (стр. 252-253).

Впоследствии Иванов-Разумник переменил свое мнение о Шестове. В книге «Русская литература от 70-х годов до нашего времени», вышедшей в 1923 г., он пишет, что Шестов «может считаться со своей философией подполья подлинным идеологом декадентства» (стр.371).

* *
*

В то время критика обратила мало внимания на главу «Творчество из ничего», посвященную Чехову, которая до появления книги была опубликована в журнале «Вопросы Жизни» (март 1905) с нижеследующим примечанием редакции:

> Характеристика Чехова односторонняя, окрашенная... скептицизмом самого автора... редакция тем не менее охотно печатает очерк ввиду своеобразной и интересной постановки... проблемы творчества Чехова.

Статью о Чехове оценили на много лет позднее. Так, в десятом томе вышедшего в 1935 г. полного собрания сочинений И.А.Бунина фигурирует (стр.210-240) глава с названием «Чехов», в конце главы указана дата: 1914. В этой главе Бунин пишет о Чехове:

> Долго иначе не называли его, как «хмурым» писателем, «певцом сумеречных настроений», «больным талантом»... говоря о нем, даже талантливые люди порой берут неверный тон... Одна из самых лучших статей о нем принадлежит Шестову, который называет его беспощаднейшим талантом. (И.Бунин, стр.226).

Надо заметить, что выражения «беспощаднейший талант» в статье Шестова нет. В 1960 г. статья Шестова о Чехове была перепечатана в журнале «Мосты» №5, выходившем в Мюнхене, со вступлением Георгия Адамовича. Адамович пишет:

> Шестов характеризует Чехова как писателя беспощадного и признает у него «удивительное искусство одним прикосновением, даже дыханием, взглядом убивать все, чем живут и гордятся люди». «В руках Чехова все умирало», — утверждает он. Верно ли это? Бунин считал, что верно, и настойчиво выделял статью Шестова из всего, что вообще о Чехове было написано. (Адамович, стр.118-119).

Совсем другое мнение о «Творчестве из ничего» высказал Корней Чуковский в письме от 21 июня 1966 г., адресованном своей нью-йоркской корреспондентке:

> Сейчас у вас в США вышла книга Льва Шестова, где есть его статья о Чехове «Творчество из ничего». Я прочел ее с негодованием. Терпеть не могу резонеров, которые хотят решать вопросы об искусстве вне эстетики, ничего не понимая в искусстве. (Л.Ржевский. Загадочная корреспондентка Корнея Чуковского. — «Новый журнал», №123, июнь, 1976).

В своей книге «О Чехове. Человек и мастер» (М., 1970) К.Чуковский о статье Шестова не упоминает. Когда Чуковский пишет: «...у вас в США вышла книга Льва Шестова», он несомненно имеет в виду одно из двух английских изданий книги «Начала и концы», появившихся в 1966 г. в США. Первое: Chekhov and other essays. The University of Michigan Press. Второе: Penultimate words and other essays. Books for Library Press, New York, Freeport. Интересно заметить, что наибольший интерес эта книга вызвала в Америке и в Англии. Впервые она вышла по-английски в Лондоне в 1916 г.; впоследствии она была переиздана в Америке в 1966 г., как указано выше, а затем в Огайо Юниверсити Пресс, 1977.

В Америке же было опубликовано второе русское издание этой книги — в 1978 г., через семьдесят лет после первого петербургского. «Начала и концы» — первая книга Шестова, переведенная на иностранный язык.

Через два месяца после сочувственного исследования Иванова-Разумника появились две статьи с резкими нападками на Шестова. Первая, Д.Философова («Московский Еженедельник», 15.11.1908), вторая, С.Франка («Слово», 12.12. 1908). Привожу выдержки из пяти писем Шестова к Софье Гр., написанных во Фрейбурге в 1909 г., в которых он пишет о своих работах того времени. В двух из этих писем он рассказывает о нападках Философова и Франка. Шестов пишет:

> О Бердяеве знаю мало. Переписываться не переписываемся, только статьи его новые получил. Слышал, что он прочел две лекции в Киеве — и с большим успехом, было много народу и много разговоров в газетах. Живет он в деревне, вероятно, отчасти потому, что в деревне экономнее. Вот и все, что я о нем знаю. Что до Ремизова, у него по-старому. Пишет и печатает довольно много, иногда очень удачные вещи (видел его «Сны» в «Золотом Руне»*). Бедствует по-прежнему — никак не может устроиться. Верно, и до конца дней не устроится — такая его судьба. С ним я переписываюсь — так что знаю все не по слухам, а от него самого. (20.01.1909).
>
> Вам статью Ф. [Философова] прислал, вероятно, Семен Владимирович? Он мне ее здесь показывал. Действительно, он очень сердится и довольно-таки /...?/. Мне в ученики он дает Изгоева и Франка, из коих последний недавно поместил обо мне статью в «Слове», в которой доказывает, что я крайний нигилист, а стало быть, все мое творчество есть «творчество ни для чего». А С.В. он бранит за Мережковского — это дело ясное. В Москве я может быть

* «Золотое Руно», №5, 1908.

снова буду читать в кружке — зовут туда. Просят и в Петербурге читать, но там нужна лекция с «началом и концом», а у меня есть только отрывки без начала и без конца. Для реферата годится — для лекции же едва ли. Мережковские будут в начале февраля в Киеве, но мы верно разминемся, т.к. к этому времени я уже из Киева уеду. (26.01.1909).

Получил Вашу записочку, дорогая Софья Григорьевна, и очень бы хотел так ответить, как хочется — но, к сожалению, нельзя. Начать с того, что несмотря на данное мною Вам обещание и на мое живейшее желание, не могу теперь в Париж приехать. Нужно ехать в Россию — в Москву, в Петербург и — увы! в ненавистный мне Киев. Поездка продолжится не меньше 5-6 недель. Разрешить себе после этого новый перерыв не могу: нельзя работу оставлять, нельзя и семью бросать. Я надеялся, что обойдусь без поездок, а вышло, что ездить пришлось немало. В октябре — в Висбаден и Берлин к родителям, теперь в Россию. Не можете и представить себе, как эти постоянные перерывы мешают мне. Одно только хорошо: чем дальше, тем их будет меньше. Все-таки с Киевом я совсем уже почти не связан, а в Петербург мне нужно случайно: обанкротился мой издатель, Пирожков, и нужно спасать свои контракты, чтобы они не попали в руки к какому-нибудь сомнительному дельцу.

О себе что сказать? Понемногу работаю, даже осенью статью написал по поводу юбилея Толстого (появится скоро в «Русской Мысли»*). Сейчас тоже что-то пишу — что, не могу сказать точно, пока не кончу, а кончу, верно, не скоро: чего торопиться? Без меня в России, Мережковский с Философовым пошли против меня походом. Подняли шум чуть ли не на всю Россию. Они устроили реферат (Философов) в Москве**, с участием Мережковского. Философов и Мережковский заявили публично,

---

* «Русская Мысль», январь 1909, см. стр.107.

** Реферат был устроен в Московском литературно-художественном кружке (Хилл, стр.119).

что я отравил молодежь в России и что я опаснейший человек, что я — волк в овечьей шкуре и т.д. Такую же статью, под названием «Апофеоз беспочвенности» напечатал Философов в «Московском Еженедельнике». Газеты разнесли эту историю по всей России. Я, разумеется, ничего не предпринял, публично не возражал, и история утихла сама собой. Непосредственным предлогом выступления была статья С.В.Лурье о Мережковском. Так что Лурье достается (я не читал сам статьи Философова, знаю по слухам) не меньше, чем мне. Нас обоих сделали знаменитыми на целый месяц. На днях жду к себе Семена Владимировича, он теперь в Висбадене — от него узнаю подробности, если будет что интересное, напишу Вам, хотя главное, кажется, уже я Вам рассказал. Вот видите, все обо мне Вы уже знаете. Теперь Ваша очередь — что у Вас слышно, расскажите о себе. Всю зиму проживете в Париже? Никуда не собираетесь? В Киев, например? Поехали бы вместе, в одном поезде в разных классах! Пишете что-нибудь или написали? Непременно обо всем сообщите. (7.02.1909).

Пишу Вам в Париж — думаю, что Вы уже там. Пишу, значит, как это ни соблазнительно, приехать не могу. Мне очень не везет: все так обстоятельства складываются, что приходится отказываться вечно от работы. Вот ездил в Росию — два месяца провозился там, а теперь — нужно ехать к родителям в Киссинген. Куда уж там думать о поездке по Сене. Я все-таки надеюсь, что встретимся с Вами в Швейцарии. Ведь Соня с детьми собираются туда на лето. Неужто не приедете повидаться с ними? Тогда и поговорим о всякой всячине. Что до Вашего замечания по поводу «В.К.» [«Великие кануны»] — что нужно поменьше писать, я понял это в том смысле, что «В.К.» Вас не совсем удовлетворили или, может быть, совсем не удовлетворили. Вероятнее всего, что Вы правы: не надо было печатать их еще. Ведь это начало большой работы — /...?/ часть ее, которая относится к /...?/. — Она получила бы смысл и значение, если бы и остальные части уже были готовы. Нужно было ждать, пока все не кончится.

Но у меня теперь такая неспокойная, /...?/ подрываюшая работа, что нет уверенности в том, что можно будет окончить. И когда Семен Владимирович в Киеве настаивал — я отдал написанное уже в «Русскую Мысль». А лучше было бы не отдавать. От С.В. получил недавно письмо. И написал ему, что Вы от меня требуете обещанные мне статьи. Не знаю, сдержит ли он слово, но он говорит, что летом непременно напишет обе статьи и о Джемсе, и «В поиске за абсолютом». Я тоже очень ими заинтересовался. До сих пор он все выступал в качестве критика чужих мнений — в этих статьях ему придется самому высказываться. Как то у него выйдет! Между прочим, он недавно поместил статейку в «Московском Еженедельнике» — очень интересную. В майском номере «Русской Мысли» тоже пойдет его статья о сборнике «Вехи». Посмотрим, что это такое. Хотя, повторяю, все это еще не то: главное что ему удастся написать летом. Тут у него действительно трудная задача. Лето, кажется, буду жить в Швейцарии, хотя еще не избрал себе окончательно местожительства. (25.05.1909).

В России я пробыл больше двух месяцев — так что зима, вообще, оказалась разбитой. Кой-что написал (в «Русской Мысли» в янв. и апр. книгах) — но все это отрывки, незаконченные. Когда буду по-настоящему работать — Бог весть. Это все, что могу о себе рассказать... На будущую зиму останемся, по-прежнему, во Фрейбурге. Рад за Вас, что Вы вырвались из Парижа. Для Вас Париж все равно, что для меня Киев... Удачно ли у Вас идет работа? А куда на лето? Я буду жить во французской Швейцарии — может и Вы в Швейцарию попадете? [28.05(?).1909].

В этом и предыдущих письмах речь идет о статьях «Разрушающий и созидающий миры. По поводу 80-летнего юбилея Толстого» («Русская Мысль», январь 1909) и «Великие кануны» («Русская Мысль», апрель 1909), которые Шестов написал во Фрейбурге. В конце ноября 1908 г. он был приглашен прочитать по-немецки лекцию о Толстом в Берне, где в это время жила Фаня (Хилл, стр.122). Вскоре

вышла еще одна статья Шестова «Поэзия и проза Федора Сологуба» («Речь», 24.05.1909, №39). За статью о Сологубе Шестов получил 60 рублей. Из них он себе оставил 20 рублей, а остальные отдал Ремизову (25 рублей) и Лундбергу (15 рублей), которые всегда нуждались (Хилл, стр.127). Эти три статьи вошли впоследствии в книгу Шестова «Великие кануны», вторая — под заглавием «Философия и теория познания».

В октябре 1909 года матери Шестова удалось осуществить давнюю мечту — приехать в Киев на несколько недель. Шестов пишет отцу:

> Вчера, наконец, приехала мамаша. Мы уже не надеялись, что она приедет — и глазам своим не верили, когда пришла телеграмма. Зато, какая была радость, когда мамаша вчера приехала. Я даже не берусь решить, кто больше радовался — она или мы. В три часа она приехала в лавку — и насилу в 7 часов вырвалась. Знакомых без конца — и покупатели и приезжие фабриканты. Все радовались, поздравляли с приездом. Мамаша не знала, что делать: разговаривать или осматривать дело. Она тебе еще вчера написала, и ты, вероятно, уже получил ее письмо. Одно я могу сказать: ее приезд был прямо-таки необходим. Нужно было ей самой убедиться, что все стоит на своем месте и все живет. Как раз вчера была пятница — народу было очень много, в магазине оживление большое. Недоставало только тебя. Бог даст, к весне и ты приедешь в Киев — жалеть не будешь. Теперь все налажено и устроено и уже, надеюсь, надолго. Если бы ты с мамашей жили в Киеве, все было бы великолепно! Мамаша здесь сразу помолодела на десять лет — с тобой было бы то же самое. Я до сих пор не верю себе, что мамаша здесь, и каждый раз, как вспоминаю это, у меня прямо сердце от радости прыгает. Теперь мамаша отправилась с визитами, к мадам Мандельберг и к Балаховским. А вечером идет на еврейский бал, устраиваемый Львом Бродским. Даже в банке была [, чтобы] достать из несгораемого ящика свою бриллиантовую брошку. Словом, ты даже и предста-

вить себе не можешь, как это хорошо вышло, что мамаша сюда приехала! Уже у нее будет, что рассказать тебе, когда она вернется в Берлин.

В доме все благополучно. Торгуем не великолепно, но и не плохо: октябрь даже немножко лучше, чем в прошлом году. Задолженность в банке сильно уменьшилась. Теперь только 30-е октября, 25-го мы платили 57 тысяч и на этой неделе рассчитались и с Морозовым, и с Бакакиным, и все же мы должны в банк всего 25000 р. К 25 ноября, вероятно, соберутся для платежей деньги. Если же ноябрь будет удачным — может быть, мы выплатим часть денег Данилу, а может, и все. Все будет от торговли, конечно, зависеть. Баланс должен быть, по-моему, хорошим. Цены на товар все поднимаются — тогда как в прошлом году падали. Заработок и в розничном, и в оптовом в этом году гораздо выше, чем в прошлом. (Киев, 30.10.1909).

В это время Шестов занимался Ибсеном и в начале января 1910 г. закончил о нем статью. Она появится в апреле и мае в «Русской Мысли». В начале 1910 г. он также прочел три публичные лекции об Ибсене: в Киеве 24 января, в Петербурге 7 февраля и затем в Москве, в середине февраля. Сбор (250 рублей после вычета расходов) он послал Ремизову (Хилл, стр.131). О своих выступлениях он пишет Софье Гр. и родителям из Москвы, где он остановился у С.В.Лурье:

Сегодня приехал из Петербурга и застал письмо Ваше, дорогая Софья Григорьевна. Вы правы, я писал, что М-й [Минский] может писать в газете о чем угодно. Но мне и в голову не приходило, что он о политике писать будет! И еще меньше, что он станет воевать с с.д. [социал-демократами]. «Киевская Мысль» наверное такие статьи отвергнет. Я думал и так говорил с редактором, что он будет писать о литературе, искусстве, философии. Я уже в Петербурге говорил Зинаиде Афанасьевне, что ведь нет такой необходимости сразу начинать с политики. Есть ведь и другие темы. Во всяком случае, предупредите его, что

хотя газета и не с.д.-ковская, но с с.д. она ссориться, вероятно, не захочет /...?/.

Читал лекции и в Петербурге, и в Киеве. Убедился, что эти лекции публике совсем не нужны. Встречают горячо, провожают холодно. Вспоминаю поговорку: по платью встречают, по уму провожают. Вообще, по-видимому, я прав в своем нежелании выступать публично. Кому нужно — прочтет напечатанное. (С.Г.Пети, б/д., [февраль 1910]).

Вот уже кончается моя поездка. Лекции прочитаны, почти все дела окончены, в начале будущей недели еду в Киев. Хотел выслать вам газеты с заметками о лекциях — да, признаться, сам почти ничего не видел. Не знаешь вперед, когда и где будет заметка, так я почти все и пропустил. С чужих слов знаю, что не бранили нигде.

По пути в Киев заеду на день к Толстому, если у него только все благополучно. В Ясную Поляну написали обо мне, теперь жду ответа. Говорят, его младшая дочь была очень больна. Если она поправилась — поеду, если же все еще нездорова, тогда уже лучше не ехать. В Киеве я проживу недолго, дней 8, 10, а потом за границу. Так что скоро увидимся. (Родителям, 24.02.[1910]).

* *
*

Опасение, что нельзя будет поехать к Толстому, высказанное в письме к родителям, оказалось напрасным, и Шестов смог осуществить давнее желание увидеться с Толстым (см. письмо к жене 5.12.[1902], стр.53). Он поехал в Ясную Поляну 2 марта 1910 г. (о разрешении приехать в Ясную Поляну запрашивала Толстого друг Шестова — писательница В.Г.Малахиева-Мирович). Еще в 1900 или 1901 Шестов послал Толстому свою книгу «Добров учении гр.Толстого и Ф.Нитше» (см. гл.III). М.Горький передает свои беседы с Толстым об этой книге в своих воспоминаниях:

Помню — в Гаспре*, после выздоровления, прочитав книжку Льва Шестова «Добро и зло в учении Нитше и графа Толстого», Толстой сказал, в ответ на замечание А.П.Чехова, что «книга эта не нравится ему»:

— А мне показалась забавной. Форсисто написано, а ничего, интересно. Я ведь люблю циников, если они искренние. Вот он говорит: «Истина — не нужна», и — верно: на что ему истина? Все равно — умрет.

И, видимо, заметив, что слова его не поняты, добавил, остро усмехаясь:

— Если человек научился думать, — про что бы то ни думал, — он всегда думает о своей смерти. Так все философы. А — какие же истины, если будет смерть?

Далее он начал говорить, что истина едина для всех — любовь к Богу, но на эту тему говорил холодно и устало. А после завтрака, на террасе, снова взял книгу и, найдя место, где автор пишет: «Толстой, Достоевский, Нитше не могли жить без ответа на свои вопросы, и для них всякий ответ был лучше, чем ничего»**, — засмеялся и сказал:

— Вот какой смелый парикмахер, так прямо и пишет, что я обманул себя, значит, — и других обманул. Ведь это ясно выходит...

Сулер*** спросил:

— А почему — парикмахер?

— Так, — задумчиво ответил он, — пришло в голову, модный он, шикарный — и вспомнился парикмахер из Москвы на свадьбе у дяди-мужика в деревне. Самые лучшие манеры и лянсье пляшет, отчего и презирает всех.

Этот разговор я воспроизвожу почти дословно, он очень памятен мне и даже был записан мною, как многое другое, поражавшее меня...

Но — далее, по поводу Шестова:

---

* Толстой жил в Крыму, в Гаспре, с сентября 1901 до июня 1902 г. Описаиные беседы, вероятио, относятся к апрелю 1902 г. Горький тогда жил в Олеизе и часто виделся с Толстым. В своих дневниках Толстой об этих беседах не упомииает.

** См. книгу Шестова «Толстой и Нитше», гл.XV, стр.204.

*** Л.А.Сулержицкий (1872-1916), режиссер Московского Художествеиного театра, близкий знакомый Толстого.

— Нельзя, говорит, жить, глядя на страшные призраки*, — он-то откуда знает, льзя или нельзя? Ведь если бы он знал, видел бы призраки, — пустяков не писал бы, а занялся бы серьезным, чем всю жизнь занимался Будда.

Заметили, что Шестов — еврей.

— Ну, едва ли, — недоверчиво сказал Лев Николаевич. — Нет, он не похож на еврея; неверующих евреев — не бывает, назовите хоть одного... нет! (Горький, стр.58, 59).

Беседуя с Фонданом об этих воспоминаниях Горького, Шестов заметил: «По-моему, Толстой прочел только первые главы, относящиеся к нему. Ницше его не интересовал. Иначе он бы не сказал: Шестов еврей, как же еврей может обойтись без Бога? — Ведь в заключении книги я же пишу: Нужно искать Бога!» (Фондан, стр.97). Беседа относится к 1935 г., по-видимому, Шестов не помнил, что мысли, на которые обратил внимание Толстой, взяты не из первых глав книги, а из последней.

Позже Шестов посвятил Л.Н.Толстому, к 80-летнему его юбилею, статью «Созидающий и разрушающий миры» («Русская Мысль», январь 1909).

Итак, Шестов приезжал в Ясную Поляну 2.03.1910. К сожалению, он не закрепил на бумаге подробностей своих бесед, но в разговорах с Ловцким и Адамовичем передал их содержание. Ловцкий пишет:

> Он говорил, что Л.Н.Толстой был уже «весь в прошлом», грандиозный, мифический мудрец. Лев Исаакович попытался изложить ему учение Ницше и показать истинную картину мучительных переживаний немецкого мыслителя: за проповедью жестокости, за прославлением «сверхчеловека», за требованием героических подвигов... скрывался мучительный личный трагический опыт философа... Толстой, выслушав в передаче Шестова все это, сказал: «Да ведь это в высшей степени нравственно», — как будто мимо его ушей прошло, что здесь как раз ставится проблема о проис-

---

* См. книгу Шестова «Толстой и Ницше», гл.XV, стр.205.

хождении добра и зла... Но о трагическом опыте Нитше было бесполезно разговаривать с яснополянским отшельником. (Ловцкий, стр.36, 37).

Адамович пишет:

Мережковский и Лев Шестов не любили друг друга, а полемизировать начали еще в России, — из-за Толстого и его отношения к Наполеону. Книга Мережковского «Толстой и Достоевский» — о «тайновидце плоти» и «тайновидце духа» — прогремела в свое время на всю Россию. Шестов, уже в эмиграции, рассказывал:

— Был я в Ясной Поляне и спрашиваю Льва Николаевича: что Вы думаете о книге Мережковского?

— О какой книге Мережковского?

— О Вас и о Достоевском.

— Не знаю, не читал. Разве есть такая книга?

— Как, Вы не прочли книги Мережковского?

— Не знаю, право, может быть и читал, разное пишут, всего не запомнишь.

Толстой не притворялся, — убедительно добавлял Шестов. Вернувшись в Петербург, он доставил себе удовольствие: при первой же встрече рассказал Мережковскому о глубоком впечатлении, произведенном его книгой на Толстого. (Адамович. Table Talk. — «Новый Журнал», №64, 1961).

Секретарь Толстого, Валентин Булгаков, отметил в своем дневнике от 2.03.1910:

Лев Николаевич сегодня слаб. После завтрака лег спать. Ходит в суконной черной поддевке, так как его знобит. После обеда приезжал из Москвы философ Лев Шестов и оставался до десяти часов вечера. Говорил он со Львом Николаевичем у него в кабинете, наедине с ним, очень долго, часа полтора.

— Поговорили так, как можно только вдвоем, а третий был бы излишен, — привел после Лев Николаевич английскую пословицу. Однако особенного впечатления гость на него, по-видимому, не произвел.

У Шестова я тоже не заметил особенного удовольствия или душевного подъема после его разговора с Толстым.

— Разве можно в такой короткий срок обо всем переговорить? — ответил он мне на вопрос о том, какое впечатление произвел на него Лев Николаевич. (Булгаков, стр.127).

В свой дневник Толстой записал 2 марта 1910 г.:

Приехал Шестов. Мало интересен — «литератор» и никак не философ. (Толстой, т.58, стр.21).

А третьего марта, по-видимому, под впечатлением беседы с Шестовым Толстой записал в дневнике:

Все то же: такая же слабость... Ездил с Булгаковым далеко верхом... Одни люди думают для себя и потом, когда им кажется, что мысли их новы и нужны, сообщают их людям, другие думают для того, чтобы сообщить свои мысли людям, и когда они сообщили свои мысли людям, особенно если люди хвалят их, считают эти мысли истиной. (Толстой, т.58, стр.21).

Это непонимание сущности Шестова можно объяснить, с одной стороны тем, что Толстой не любил Нитше*, и с другой — тем, что в день приезда Шестова он был очень усталым.

О том же посещении Шестовым Толстого рассказыл М.С.Сухотин:

Вчера здесь был философ Лев Шестов... Он всем понравился: скромный, тихий... Рассказывал интересно о полевении Мережковского. (Сухотин, стр.219).

За два месяца до описанной встречи Толстой говорил о Шестове с интересом, как свидетельствует запись в дневнике Булгакова от 20.01.1910. Булгаков рассказывает:

Поехал я в Ясную Поляну... Передавая Льву Николаевичу мысли о неравенстве, которые я собрал для сборника

---

* Толстой о Нитше писал: «Книга "Так говорил Заратустра", по-моему... величайшая чепуха» (Колесникову, 14.05.1910. Толстой, т.58, стр.21).

> «На каждый день», я заметил, что одну мысль — о том, что способность отдаваться занятиям наукой и искусством вовсе не отмечает выгодно человека, — я взял у современного философа Льва Шестова (при дальнейших просмотрах сборника Толстой исключил эту мысль).
>
> — Мысль очень хорошая, — сказал он.
>
> — Лев Шестов писал против вас, но для вас это, наверное, ничего не значит?
>
> — Конечно, ведь помещаю же я в своей книге часто мысли Нитше...
>
> По поводу все той же мысли Шестова я высказал мнение, что сама книга Шестова о Льве Николаевиче неудовлетворительна и что прежде всего автор заслуживает упрека в незнании Толстого. Толстой согласился, что ему часто приходится встречаться с такой критикой его взглядов, но все-таки поинтересовался Шестовым, книги которого у меня на руках, к сожалению, не оказалось*. (Булгаков, стр. 56-57).

Много лет позже Шестов опубликовал еще две большие работы о Толстом, о которых речь пойдет в дальнейшем («На страшном суде» — 1920 и «Ясная Поляна и Астапово» — 1936).

* Речь идет о книге Шестова «Добро в учении гр.Толстого и Ф.Нитше».

Глава VI

Швейцария, 1910-1914. — «Великие кануны» (1911). — «Sola Fide». — Возвращение в Россию (август 1914).

Уже отмечалось (глава V), что в конце марта 1910 года Шестов уехал за границу. Он отправился в Швейцарию, в Коппе (Coppet, canton de Vaud), куда несколько раньше переехала из Фрейбурга его семья. Шестовы прожили там немного больше четырех лет. Весьма вероятно, что дом в Коппе они сняли в 1909 году, когда проводили летние каникулы во французской Швейцарии (может быть, в Коммюньи или Селиньи). Выбрали они Коппе потому, что хотели, чтобы дети учились во французской школе, и как раз недалеко от этого места нашли подходящую школу (Ecole nouvelle de la Chataigneraie).

Коппе — маленький живописный городок, расположенный на берегу Женевского озера. Там Шестовы снимали просторную виллу (Villa des Saules), в девять или десять комнат, с большим садом, расположенную у самого озера. Сад спускался к озеру, где было устроено место для купания и стояла лодка.

Обстановка для работы стала более благоприятной, чем в предыдущие годы. Шестов жил с семьей, и приходилось не так часто отрываться от занятий, чтобы ездить в Киев по делам Товарищества. Он по-прежнему регулярно навещал родителей в Германии. В июле 1910 г. и в июне 1911 г. он ездил лечиться на швейцарский курорт Баден. Летом родные из Киева, знакомые литераторы и друзья приезжа-

ли гостить в Коппе (А.Ремизов, С.В.Лурье, В.Г.Малахиева-Мирович, Н.С.Бутова, Е.К.Герцык, русский и литовский поэт символист Юргис Казимирович Балтрушайтис /1873-1944/ и другие). Е.Г.Лундберг приезжал в Коппе несколько раз.

Летом 1910 г. в Коппе гостили сестра Шестова Фаня Ловцкая с мужем, племянник Жорж Балаховский, племянница Люся Мандельберг и Е.Лундберг, который прожил там несколько месяцев. В «Записках писателя» он рассказывает об этом:

> Вилла «Соль» на Лемане. Панорама Монблана. Вечера, когда мы ждали телеграммы о Льве Толстом, покинувшем ночью* дом свой. «Так и я когда-нибудь уйду», — сказал Шестов, постукивая палкой по асфальту Лозаннского шоссе. А о собственном его доме В.П.Фигнер сказала: «Здесь так благополучно, — хорошо бы бросить бомбу», и Шестов долго дивился односторонности ее суждения. (Лундберг, стр.76).

20 ноября 1910 г. Толстой скончался. Это событие произвело большое впечатление на Шестова. Впоследствии Шестов часто напоминал своим читателям о разрыве Толстого со светским миром, который он раньше с любовью описывал. Перед смертью Толстой прошептал своей дочери Александре: «Искать, все время искать» (А.Толстая. Отец. Т.2, стр.404). Хилл приводит эту фразу Толстого (стр.172) и прибавляет: «Нет оснований предположить, что Шестов знал эти слова Толстого, но можно с уверенностью сказать, что он бы их одобрил» (Хилл, стр.173).

В январе и апреле 1909 г. в «Русской Мысли» появились две статьи Шестова, в мае статья в газете «Речь» (см. стр.102-103). В это время вышли еще две статьи: «Из книги "Великие кануны"» в юбилейном сборнике Литературного Фонда (1909 или 1910) и «Победы и поражения.

---

* Толстой покинул свой дом 9 ноября 1910 г. (по новому стилю).

Жизнь и творчество Генриха Ибсена» в «Русской Мысли» (апрель и май 1910). Их этих статей Шестов составил книгу «Великие кануны». Он также включил в нее работу о Вильяме Джемсе «Логика религиозного творчества», написанную в Коппе после смерти Джемса (26.08.1910). Этой книгой заканчивается первый период творчества Шестова, когда его интересовали вопросы скорее литературного, чем чисто философского характера.

1 марта 1910 г. Шестов подписал договор с Петербургским издательством «Шиповник» на издание полного собрания сочинений (шесть томов). Оно осуществилось в 1911 г. Книги, изданные «Шиповником», не датированы. Даты определены по «Книжной Летописи» и по «Русской Мысли» (отделы «Книги, поступившие в редакцию» и «Критическое обозрение»). «Шиповник» начал издание публикацией новой книги Шестова «Великие кануны» (том VI сочинений), которая вышла в марте 1911 г. В том же месяце вышло второе издание тома I, а в июне вторые издания томов II и IV. В том же году «Шиповник» переиздал или перенял у М.М.Стасюлевича том V и второе издание тома III. Издания «Шиповника» быстро разошлись и стали библиографической редкостью. Других книг Шестова «Шиповник» не издал: помешали война и революция. Всю жизнь Шестов стремился издать полное собрание сочинений. Несколько раз, уже много позже, в эмиграции, казалось, что дело идет на лад, но всегда возникали препятствия. После смерти Шестова его дочерям также не удалось довести это дело до конца.

В мае 1911 г. появилась в Москве книга Б.А.Грифцова «Три мыслителя. В.Розанов, Д.Мережковский, Л.Шестов», содержащая обстоятельный этюд о Шестове. В том же году вышла в Киеве книга А.Закржевского «Подполье. Психологические параллели» с главой о Шестове. Закржевский посвятил свою книгу Шестову.

Весной 1911 г. Шестовы предложили сестре Льва Исааковича Фане и ее мужу Герману поселиться с ними в Коппе.

Ловцкие приняли это предложение и прожили в Коппе с лета 1911 до сентября 1913 г. 5 сентября 1911 г. жена Шестова поехала на три недели лечиться в Виши. Затем в середине октября она поехала в Париж для дальнейшего изучения своей специальности — дерматологии. Во время ее отсутствия Фаня смотрела за домом и заботилась о детях. В Коппе жила с Шестовыми немецкая фрейлейн Ида Шейбе (Ida Scheibe), которую все очень любили. Шестовы и Ловцкие прозвали ее «Кролечкой», вероятно, потому что она была маленького роста и слегка горбилась.

Летом 1911 г. в Коппе гостила племянница Шестова Люся Мандельберг. Привожу выдержки из трех писем (к Герману, Софье Гр. и жене), относящихся к этому времени:

> Я проектирую остаться еще на год у Гиппона*. Квартира, как поставили новый калорифер, оказалась зимой очень теплой. /...?/ вы с Фаней можете занять мою комнату и соседнюю с ней. В них прямо чудесно. И я отлично устроюсь в угловой и бывшей твоей (спать там буду). Словом, устроимся так, что можно будет всем работать. Я написал Фане, не знаю, как ей этот план понравится. А тебе лучше ничего и не надо, по-моему...
>
> Насчет магазина и приезда собственно самое правильное, чтобы я вышел из правления. Нужно только найти на мое место человека, который бы был представителем интересов большинства акционеров. Иначе говоря, который бы вместо меня управлял бы делами родителей. Поговори с Данилом, не годился бы на эту роль Маргулис? Мы подождем еще год, если в будущем году опять повторятся прежние истории, придется не только мне, но и родителям выйти из правления, дав соответствующие полномочия Маргулису. Он будет делать, что ему скажут, а я сниму с себя все заботы. Может, это мне удастся, и

---

* Хозяин дома, где жили Шестовы.

это будет самым лучшим разрешением вопроса. (Герману, Коппе, 11.[07].1911).

Как мне не неприятно отказывать Семену Афанасьевичу — но ничего не поделаешь: я уже написал ему, что ни под каким видом не могу принять его предложение. Главная причина — я занят другой работой и бросать ее ради статьи о Мережковском не могу. Вторая причина — я уже однажды о Мережковском писал и, право, не знаю, что бы я мог еще написать. Я посоветовал Семену Афанасьевичу предложить Лундбергу написать о Мережковском. По-моему, он отлично справится с этой задачей. Он года два тому назад читал в Киеве лекции о Мережковском и с большим успехом. Ему и книги в руки. А мне и думать об этом нечего.

Насчет приезда в Париж — тоже приходится отказываться и тоже главным образом, чтобы не прерывать занятий. Лето было очень жаркое, так что делалось мало. А перечесть нужно пропасть. Здесь, в деревне, особенно зимою, когда все разъедутся — поневоле станешь прилежным. Вместо меня, в Париж в середине октября приедет Анна Елеазаровна — на всю зиму; теперь со мной живут Фаня и Герман — Фаня возьмет на себя обязанности Анны Елеазаровны, так что ей спокойно можно будет работать в Париже. Вот если бы Вы могли ей помочь рекомендацией к какому-нибудь профессору — чтобы ей было легче и удобней добиться у него настоящей работы! Знаю, что, если можно будет, сделаете. Она, конечно, по приезде в Париж, будет у Вас, тогда потолкуете. Сейчас она едет (послезавтра) недели на 3, 4 в Виши полечиться. Кстати, может Вы случайно знаете там хорошего врача? Если знаете, напишите, не откладывая.

Книгу* Зинаиде Афанасьевне вышлю. Я бы давно выслал, если бы знал ее адрес. Сегодня же напишу в «Шиповник», так что недели через две она, верно, получит ее. Кланяйтесь ей от меня сердечно.

Отчего это Вы на лето никуда, дальше Версаля, не

* Лев Шестов. Великие кануны. «Шиповник» [март 1911].

выбрались? Я, правда, никогда в Версале не бывал — но не думаю, чтоб в июле, особенно нынешнем, там было хорошо. И у нас жарко — но, по крайней мере, купаться можно было. В ноябре Вы в Россию едете? В Киев только или тоже в столицах побываете? Может и мне придется ехать — нельзя слишком долго не приезжать в Россию. Но мы с Вами, наверно, разминемся, так как я, едва ли, раньше февраля, и даже конца февраля, выеду отсюда. (С.Г.Пети, 5.09.1911).

У нас все благополучно. Фаня необыкновенно хлопочет о том, чтобы твое «завещание» было пунктуально исполнено. Вытащили и уже запаковали бутылки от М. (?). Отправили Шварцу* 20 франков. Дети бегут спать в 8 ч. 17 минут. Сегодня Наташу к доктору отправили — угадай с кем!? С Люсей. Люся сама предложила себя в качестве старшей. Кажется, первый раз в жизни в этой роли — до сих пор ее водили. Правда, по этому случаю разрешили им в Женеве побаловаться мороженым и пирожными. Еще Наташа не вернулась — так что она уже тебе завтра напишет, а Таня теперь сидит, потеет над письмом. С кролечкой Фаня пока очень хорошо. /...?/ и даже за столом Фаня старается — тоже во исполнение твоего завещания — много по-немецки говорить. Правда, сегодня случилось за столом такое событие, которое всеми обсуждалось — кошка принесла котенку мышь. Рогдай** увидел, вырвал мышь и в одно мгновение, у нас на глазах, проглотил ее. Герман кричал не своим голосом — по его мнению собака не должна мышей есть. Кролечка ужасалась и оправдывала его. Конечно, все заговорили по-немецки. Фаня /...?/ сказала, что если Герман не прекратит своих /...?/ с Рогдаем, она перестанет к обеду выходить. Мне кажется, что я стал писать письма вроде Наташи. Ничего? Мне просто хочется поболтать с тобой, как мы болтали, когда ты, бывало, приходила наверх на нашу половину обо всяких пустяках. Тогда кажется, что ты вроде как будто приехала

* Директор школы, где учились дети Шестова.
** Собака Шестовых (рыжий сеттер с черными пятнами).

на минутку в Коппе. Вообще остались привычки, которые с тобой связаны. Я по утрам бегу в сад смотреть крученных паныччей — как, бывало, с тобой смотрели. Сегодня Наташа мне компанию сделала. Остальные все относятся к панычам равнодушно, несмотря на то, что на них сегодня появился необыкновенно красивый темно-розовый цветок. Жду с нетерпением писем от тебя. Пиши тоже подробно обо всяких пустяках, вовсе не нужно, чтобы письма были непременно по важному поводу. Наоборот, хорошо, когда вообще без поводов пишется. (Жене, Коппе, [сент. 1911(?)]).

За Рогдаем числилось немало других проделок. Один раз летом, пока Шестов купался, он разбросал его одежду по всему саду. Конец Рогдая был печален. Как-то Наташа пошла по поручению в Коппе и взяла его с собой. У него была привычка бросаться на автомобили и пытаться укусить шины крутящихся колес. На этот раз он был раздавлен автомобилем. Все жители «Виллы де Соль» были расстроены, и Шестов долго утешал Наташу, на глазах которой приключилась эта беда. Впоследствии у Шестовых были другие собаки, фоксы — Аллалей и Мис, а раньше, во Фрейбурге, — черный пудель Неро. Неро была собака очень умная, но избалованная, никого не слушала. Как-то поехали на трамвае в лес, на прогулку. Неро куда-то убежал и, конечно, не послушался, когда его стали звать. Вернулись домой без Неро, в удрученном настроении. Когда собрались уже ложиться спать, услышали лай за дверью — о радость! То Неро вернулся. Об этом приключении часто вспоминали и дивились, что собака смогла прибежать домой по совсем ей незнакомой дороге.

В 1911 г. Е.Герцык навестила Шестова в Коппе. Она пишет в своих воспоминаниях:

Проезжая Швейцарией, заехала к Шестову, который жил теперь в Coppet в двухэтажном домике — его приюте вплоть до войны. Жена его была где-то во Франции, получая

последние докторские licences. Внизу, в идеально чистой кухне, пожилая немка накрывала на стол. Лев Исаакович, отозвав меня в сторону, подробно объяснил мне, что они здороваются с ней за руку и обедает она с ними за одним столом. Через несколько часов в глубокой рассеянности объяснил мне все это вторично. Трогательна была его забота о ближнем, продиравшаяся сквозь омертвелость души. Мне уж было не ново, что в последние годы спала та могучая творческая волна, которая в молодости вынесла его из тяжелого кризиса, но никогда я не видела его таким опустошенным. И я сидела против него нищая, скованная своим неизжитым личным. День тянулся бесконечно. Гуляли с румянымн девочкамн. Говорили об ужасах реакции в России, Шестов, морщась от боли, но не видя, не ища связи между этими внешними бедствиями и путями духа.

Была еще сестра его, д-р философии — молодая и молчаливая. Был зять — еврей, долго и мечтательно игравший нам вечером на рояле в маленьком салончике верхнего этажа. Потом все разошлись, а мы с Львом Исааковичем все сидели, и я не могла оторвать глаз от его выразительных пальцев, мучительно теребивших страницы книг. (Герцык, стр.106, 108).

В январе и феврале 1912 г. Шестов ездил в Россию. Он побывал в Киеве, Москве и Петербурге. Он пишет Фане и Герману:

Ну вот, наконец, вырвался я из Киева и приехал в Москву — все письма отсюда начинаю я с этой фразы. Я просидел в Киеве две с половиной недели — ждал возвращения Миши и Льва и мне так надоело, что рассказать трудно...

Думал было не ехать в Петербург, но это оказалось буквально неисполнимым. Поднялся в П. такой протест, что я /...?/, что было бы «возмутительно», если бы не заехал. К тому же, когда я еще в следующий раз попаду в П.

Напишите мне на адрес Лев. [Левина]* Свечной пер.17, несколько слов. Если скоро напишете, письмо еще застанет меня. (Москва, 27.01.1912).

После своего возвращения в Швейцарию он опять встретился с Е.Герцык. Она пишет в своих воспоминаниях:

И вот на берегу того же Женевского озера, мы опять встретились и оба — другие. Март и апрель 12-го года я прожила в Лозанне с братом...

Я списалась с Шестовым. Он приехал, вошел к нам в горном костюме, оживленный... Часа четыре проговорив, вопреки обыкновению делясь даже интимными переживаннями своимн. А потом с такою же горячностью вникая в философские споры Москвы. Рассказал, что второй год с интересом читает средневековых мистиков, но больше всего Лютера, в котором нашел не пресного реформатора, а трагический дух сродни Нитше, сродни ему. Мы стали видаться. От великой нежности к Шестову, я даже читаю толстенный том: Денифле-католик — о Лютере.

Мне особенно памятно, с каким подъемом в одну из встреч Шестов говорил об Ибсене, выделяя заветную его тему: страшнее всего, всего гибельней для человека отказаться от любимой женщины, предать ее ради долга, идеи. От женщины, т.е. от жизни, что глубже смысла жизни. Указывая на перекличку этой темы у Ибсена через много десятилетий от его юношеских «Северных богатырей» и до самых последних драм «Габриэль Боркман» и «Когда мы мертвы»... Из этой мысли позднее, а м.б. тогда же, выросла статья Шестова об Ибсене**...

Весна была холодная. Яблоня, персик, вишня зацвели поздно, но как внезапно, пьяняще, белым дымом застилая все дали и близи. Мы с Шестовым шли меж горных складок тропинкой под сплошным бело-розовым шатром. Помню его возбуждение: «Это я — скептик? — пере-

---

* В Петербурге Шестов остановился у Левина (Хилл, стр.179).

** Шестов написал статью об Ибсене за несколько лет до того. Она была опубликована в «Русской Мысли» в апреле н мае 1910 г. под заглавием «Победы и поражения».

сказав мне какую-то о себе критику, — когда я только и твержу о великой надежде, о том, что именно гибнущий человек стоит на пороге открытия, что его дни — великие кануны»...

В тот период он зачитывался Библией. Весь был напитан ею. Раз даже пошел провожать меня на вокзал в Coppet с огромной книгой под мышкой (в его руках она казалась еврейским пятикнижием), чтобы что-то дочитать. Это было в первый день Пасхи. Не столько от благочестия, как от переполнявшей меня радости, я поехала к заутрене в русскую церковь в Женеве. Заутреня, ночная литургия — ранним утром, я заспешила домой к брату. Заехала на час в Коппе. Лев Исаакович обрадовался моему неожиданному раннему приходу. Уговаривал остаться и отправиться, наконец, по соседству, в Ферней, в места Вольтера. Я отказалась. Он поддразнивал, говоря, что я боюсь кощунства — Вольтер в такой день! И вдруг с внезапной серьезностью сказал, что недаром это соседство, что его, Шестова, дело — навсегда обличить Вольтерову мысль, ползучую, хихикающую. Так странно прозвучали эти слова у Шестова, обычно не склонного к символизации или к провозглашению какой-то своей задачи! (Герцык, стр. 109-110).

Герцык (в первом из приведенных отрывков) и Лундберг пишут о том, что Шестов в Коппе был в состоянии глубокой подавленности. А во втором отрывке Герцык говорит о нем как о человеке, всецело захваченном своими мыслями. В действительности же годы, проведенные в Коппе, были, возможно, одним из самых светлых периодов в жизни Шестова. Там он писал с большим вдохновением книгу «Sola Fide» (см. стр.121-126).

После двухлетнего пребывания в Коппе Ловцкие уехали в Берлин, в сентябре 1913 г. Привожу выдержки из двух писем Шестова, написанных Ловцким вскоре после их отъезда:

Тихо стало: погружаюсь в Платона. Подробно напишу, когда у вас уже адрес установится. (23.09.1913).

Дело Бейлиса* очень расстраивает. С утра берусь за газеты и уже трудно потом настроить себя на другой лад. Я уже писал вам, что я с мамашей обо всем переговорил и что она согласилась устроить так, чтобы я совсем мог от дела устраниться. Она вам ничего не говорила?

Приписка жены Шестова:
Косой стол Германа очень пригодился, на нем Леля пишет свое гениальное произведение, а на нижней доске у него полное хозяйство, так что он готовит чай в присядку, что способствует сохранению гибкости его фигуры. [7.11.1913].

В это время Шестов начал писать «Sola Fide.Только верой», о чем рассказывает в письме к Герману:

У нас все благополучно. Понемногу пишу. Кончаю уже Платона. Когда вернусь**, перейду к Аристотелю***. Что выйдет, не знаю. Знаю только, что чувство такое, что я скажу, а никто ничего не услышит. Хорошо я сделал, что не торопился и посидел над греками и средневековьем. [1(?).12.1913].

В первые дни декабря Шестов ездил в Париж, где навестил Софью Гр. Оттуда он пишет Фане и Герману в Германию:

У Сони бывает много всякого народа: русские и французы. Но пока ничего интересного для Ж. не нашел... Соня здорова, Женя тоже. Теперь здесь как раз Шпет, немного философствуем. (Париж, [7 или 14. 12.1913]).

---

* Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве христианского мальчика, Андрюши Ющинского, убитого в марте 1911 г. После двух лет тюрьмы невиновный Бейлис был оправдан и освобожден 23 октября 1913 г.

** Поездка в Париж (см. след. письмо).

*** Платону посвящены главы 7-13, Аристотелю — глава 14 и часть глав 15 и 16 первой части книги «Только верой».

В это время Шестов написал письмо бреславскому профессору Поле (Joseph Pohle) с просьбой указать новейшие сочинения, трактующие учение о Potestas Clavium католической Церкви с точки зрения догматической и исторической. Шестов пишет ему:

> Изучая Вашу «Lehrbuch [der Dogmatik]», я очень заинтересовался этим вопросом, и очень жалко, что он, как выходящий из пределов специальной догматики, не разобран Вами с той полнотой, с какой Вы разбираете другие вопросы. (Из черновика письма Шестова к Поле, посланного Ловцкому [22.12.1913]).

Профессор Поле послал Шестову ряд библиографических указаний, которые ему ничего не дали, так как не заключали ничего нового для него.

В письме без даты, вероятно, написанном в начале января 1914 года, Шестов просит Германа прислать ему ряд книг, в том числе несколько сочинений Платона и Аристотеля (греческий текст вместе с немецким) и «Luthers Vorlesungen über Römerbrief 1515/1516», Leipzig, 1908. В конце письма он сообщает:

> Хочется уж использовать последние здесь месяцы — авось допишу хоть вчерне работу: так непривычно для меня много писать нужно. Если бы книги пришли скоро, было бы хорошо [8(?).01.1914].

Прошло два месяца, а Шестов все еще не получил книг. Он пишет Герману и Фане:

> Книг не получил никаких. Главное плохо, что нет Лютеровских Vorlesungen. Неужели их достать нельзя? [14.03.1914].

Наконец, долгожданная книга пришла. Шестов пишет Герману:

> Сегодня получил Лютеровские Vorlesungen и Аристотеля Большое тебе спасибо. Я уже, признаться, потерял надежду, что удастся Vorlesungen достать. (30.03.1914).

Указанная книга Лютера и Лютеровский «Grosser Galatenkommentar» легли в основу исследования Шестова о Лютере, составляющего вторую часть книги «Sola Fide. Только Верой». В приведенных письмах упоминаются только некоторые из тех книг, которые Шестов изучал в эти годы. Полный список приложен к книге «Sola Fide», изданной в 1966 году. После смерти Шестова его библиотека, в которой находятся и упомянутые выше книги, была передана Сорбонне.

* *
*

С Ловцкими Шестову приходилось переписываться не только о книгах, но и о деле. Этому было посвящено немало писем. По поводу забастовки в семейном деле Шестов пишет:

> Приехала уже мамаша? Что она рассказывает? Последние дни ее пребывания в Киеве вышли не очень приятные. Я читал в «Речи» телеграмму, что у нас бастовали приказчики. Из Киева мне никто ничего не пишет. Не знаю почему, потому что волнуются забастовкой или что другое. (Фане и Герману, [6.04.1914]).

В киевской газете (вероятно, в «Киевской Мысли») появилась тогда статья об этой забастовке, где с возмущением говорилось о том, что на предприятии, во главе которого — философ и два врача, приказчики работают в недопустимых условиях.

В другом письме Шестов упоминает о перемене в организации дела:

> Сейчас получил киевское письмо с твоей припиской. Т.к. ты теперь хозяйка, то нужно тебе быть в курсе того, что происходит в лавке. Как раз вчера я получил от Володи огромное письмо... (Фане, [9.04.1914]).

Об этой перемене упоминается еще в двух письмах Шестова к Ловцким, написанных в декабре 1916 г. В них указано,

что Фаня — главная пайщица (вероятно, с 1914 г.) и [illegible], по просьбе семьи, Шестов соглашается взять на себя роль «почетного семейного опекуна». Перемена в организации Товарищества позволила Шестову освободиться от некоторых обязанностей в деле и передать их Фане. Но все же роль опекуна приносила ему много хлопот и мешала работать (см. стр.136-137, письмо Фане и Герману 3(16).03.1915). Надо заметить, что члены семьи в денежных вопросах доверяли только Фане, Герману и Леле (так звали в семье Шестова) и много времени и усилий было ими затрачено на улаживание семейных споров, часто возникавших по поводу денежных проблем. Фаня и Герман делали все, что было в их силах, чтобы уберечь Лелю от роли посредника.

Уже много лет Шестовы стремились вернуться в Россию, куда рвалась их душа, и обосноваться в Москве. 21 июля 1914 г. они покинули Коппе, но поехали в Россию не прямо, решив сделать остановку в Германии. Шестов заехал к родителям, которые жили в Грюнвальде (предместье Берлина). Там его застала мобилизация. Отец тогда уже был парализован. Его вывозили на прогулку на тележке. Через две недели (16.08.1914 по нов. стилю) он скончался. 1 августа Шестову удалось уехать в Россию кружным путем, через Швецию. Жена Шестова с детьми поехала в Берлин и затем в Лейпциг к Иде Шейбе. Отправиться в Россию, тоже кружным путем, им удалось только в конце сентября. Библиотека Шестова была отправлена из Коппе в Москву малой скоростью. Но так как границу закрыли, ящики вернулись в Швейцарию и оставались там до конца войны, вероятно, у Ловцких, которые переехали в начале войны из Берлина в Женеву.

Шестову не удалось закончить даже «вчерне» книгу «Sola Fide», над которой он работал до отъезда из Коппе в Москву. Рукопись неоконченной книги (6 тетрадей, 1100 страниц) он с собой не повез. Она осталась за гра-

ницей до конца войны. Когда в 1920 г. Шестов покинул Россию и приехал в Женеву, он нашел эту рукопись и в 1920 г. опубликовал в Париже, в журнале «Современные Записки» №№1 и 2, несколько ее глав, относящихся к Толстому, с некоторыми дополнениями под заглавием «Откровения смерти. Последние произведения Л.Н.Толстого», впоследствии они вошли в книгу «На весах Иова» (т. VIII, часть 1, гл. 2, Париж, 1929) под заглавием «На страшном суде». В 1921 г. Шестов переписывался об этой работе с дочерью Таней (см. гл.VIII, стр.205-207). Рукопись книги «Sola Fide» состоит из двух частей, без указания заглавия частей. Мы назвали эти части: «Греческая и Средневековая философия» и «Лютер и Церковь». Шестов не опубликовал рукопись целиком в 1920 г., вероятно, потому что часть высказанных в ней идей вошла в книгу «Власть ключей», написанную в России между 1915 и 1919 гг. и вышедшую в Берлине по-русски в 1923 г. Заглавие книги взято Шестовым из перевода «Послания апостола Павла к Римлянам» III, 28, сделанного Лютером. Слова апостола в русском переводе: «Человек оправдывается верою», Лютер перевел: «Человек оправдывается только верою». Это своевольное изменение текста Священного Писания вызвало много споров в богословских кругах.

Шестов выбрал заглавием книги изречение «Sola Fide», вероятно, потому что оно ярко характеризует борьбу молодого Лютера за веру (см. 2-ю гл. 2-й части). Среди людей, которых Шестов посетил во время своих «странствований по душам», мало кто ему был столь близок по духу, как Лютер в молодости, чья борьба за веру была столь близка его собственной борьбе. Эта книга носит скорее философский, нежели литературный характер. Многие мысли, изложенные в ней, легли в основу последующих книг Шестова. Книга написана в короткий срок (8-9 месяцев) с большим подъемом и душевным напряжением. Отсутствие окончательной обработки делает ее более непосредственной, чем

другие книги Шестова. Она является некоторым образом духовной автобиографией автора. Книга была издана посмертно в Париже: 2-я часть вышла по-французски в 1957 г., а книга была напечатана полностью по-русски в 1966 г., по черновой рукописи, в издательстве ИМКА-Пресс, под заглавием «Sola Fide. Только верою». Она составляет 12-й том собрания сочинений Шестова. Хронологически ее место — после шестого тома («Великие кануны»).

Глава VII

Москва, 1914-1918. — Встречи с философами. — Статья и доклад «Вячеслав Великолепный». — Киев, 1918-1919. — «Власть ключей». — Юлиан Скрябин. — Ялта и отъезд за границу (янв. 1920).

Вернувшись в Россию кружным путем через Швецию в начале августа 1914 г. (по старому стилю), Шестов поехал в Киев и там ждал приезда жены и детей, которые, ожидая разрешения выехать из Германии в Россию, поселились в городе Иена. В конце сентября, почти после двух месяцев волнений и хлопот, вся семья съехалась в Москве и там поселилась. Когда Шестовы уезжали в Россию, они надеялись поселиться там окончательно. Но суждено было им там прожить всего пять с половиной лет — четыре года в Москве (окт.1914 — июнь 1918), год с лишним в Киеве (июль 1918 — окт. 1919) и два месяца в Ялте.

Сестру Шестова Фаню и ее мужа Германа война застала в Швейцарии, куда они приехали на каникулы из Берлина. Родители Шестова были застигнуты войной в Берлине, где его отец скоре умер (16.08.1914). Матери удалось выбраться из Берлина в Швейцарию в конце сентября или начале октября 1914 г. Там же дожидались возможности вернуться в Россию сестра Софья с детьми Женей и Жоржем. Начиная с августа 1914 г. до конца 1919 г., Шестов переписывался с Ловцкими, братом Сашей и матерью. Сохранившиеся письма Шестова этого периода

позволяют установить некоторые факты этих пяти с половиной лет жизни философа. В письмах много повторений, так как во время войны никогда не было уверенности в том, что письмо дойдет.

* *
*

В начале октября 1914 г. Шестовы поселились в квартире, которую им нашел Г.Г.Шпет (Москва, Плющиха, Новоконюшенный пер., д.14, кв.3). Квартира состояла из пяти комнат и была расположена на первом этаже деревянного дома. Она отапливалась двумя русскими печами. Во дворе был сарайчик, где складывались дрова. Окна передних комнат выходили на просторный двор, а из задних комнат открывался вид на церковь и церковный двор, необычайно красивые зимой, когда все было покрыто снегом. В январе 1915 г. дочери поступили в гимназию Хвостовой. В феврале Анна Ел. начала работать в клинике. У Шестовых была прислуга Аннушка, которая отлично готовила. Семья была очень довольна тем, что поселилась в Москве. О своем новом устройстве Шестов пишет Фане и Герману в двух письмах:

> Вот я и в Москве. И Анна с детьми здесь. Хлопочет, квартиру устраивает. Если бы квартира была, как заграницей бывает, мы бы завтра переехали, т.к. купить мебель дело не долгое. Но нам ее сдали в таком ужасном виде, что придется неделю на чистку потратить. Большую часть мебели купили по случаю и дешево. Дети ужасно рады, что приехали. Здесь их так радушно все приняли — в Петербурге брат Анны и Лундберг, здесь Сем. Вл., Миша, Надежда Сергеевна*, Шпет. Посмотрим, как дальше будет. Мне, конечно, трудно придется: книги лежат в Базеле, руко-

* Надежда Сергеевна Бутова (см. приложение).

пись осталась у мамаши. Не знаю, что делать буду! (Москва, 1(14).10.1914)*.

Мы здесь уже устроились. Я могу уже теперь с уверенностью сказать, что не жалею о том, что переселил детей сюда. Здесь их можно будет устроить и моя постоянная тревога о них понемногу уляжется. С января их примут без экзаменов (условно) в гимназию. Конечно, им будет трудно вначале — но гимназия хорошая, сделаем все, чтобы их облегчить. Сейчас тоже приходится много работать — но это только до праздников. Сами они очень довольны жизнью в Москве. Квартира у нас хоть и маленькая, но теплая, светлая, сухая и дешевая. Вообще, мы выяснили, что жизнь в Москве нам будет не дороже стоить, чем в Коппе. Анна еще все себе не успела сделать — но теперь, когда все устроено, ей можно будет завязать связи с медицинским миром и поискать работы для себя. У меня все было бы хорошо, если бы мой Сережа не огорчал меня. Вы знаете, что его взяли на войну. Он пробыл там около двух месяцев, получил 2-х Георгиев, производство в унт. офицеры. Был на очереди в прапорщики — но получил отпуск в Киев на 1½ недели. В Киеве его определили в школу прапорщиков. Все было бы хорошо, но оказалось, что во 1-х он ранен в ногу и будучи ранен, оставался в строю, скрывая рану, и 2-е самое плохое: рана теперь у него зажила, но выяснилось, что он был два раза контужен в голову и теперь последствия сказываются: с ним в строю случаются глубокие обмороки. А между тем он не хочет оставаться в штабе и убеждает меня согласиться с тем, чтоб ему опять на войну ехать. Я согласиться не могу, конечно: как может он при таких обстоятельствах на войну отправляться — нужно полечиться прежде. И вот, кажется, мне придется ехать в Киев, чтоб на месте все выяснить. Но все-таки пишите мне в Москву, т.к. больше недели я в Киеве не проживу. (Москва, 3(16).11.1914).

---

* На большинстве писем Шестова, написанных в России, фигурирует две даты: первая — по старому стилю, вторая — по новому. Когда на письме указана лишь одна дата, то она, по всей вероятности, дана по старому стилю.

В Москве Шестов очень скоро вошел в литературную жизнь. Он часто встречался со старыми друзьями и знакомыми: Г.Шпетом, Г.Челпановым, С.Булгаковым, Н.Бердяевым, Вячеславом Ивановым, М.Гершензоном, С.Лурье, Н.Бутовой, сестрами Герцык и другими. Об этом Шестов пишет в двух письмах к Фане и Герману:

> У нас, вообще, все благополучно. Устроились мы скромно, — так что, вероятно, из нашего прежнего бюджета не выйдем: несмотря на то, что на учение детей уходит много денег, мы проживем на 400 р. и это меня радует. Теперь здесь последнее время все кругом нуждаются, приходится поддерживать многих и гораздо приятнее в трудное время отдавать лишние деньги, чем тратить их на себя. Слава Богу, что Анна в этом отношении вполне на моей стороне. Наташа описала вам наш «симпозион»*. — Были Вяч.Иванов, Бердяев и Шпет — и спорили целый вечер. Шуму было много. (Москва, 8(21).12.1914).

> Получаете ли «Р.Вед.» [«Русские Ведомости»], я выписал вам на три месяца, — напишите, доходят ли они аккуратно, тогда выпишу и на дальнейшее время. Сейчас «Р.В-и» самая интересная газета. У нас новостей мало. Живут, волнуются, надеются на благополучный исход войны. Хотелось бы всем, чтобы поскорее, но все-таки затягивается. Мне очень жаль, что нет моей рукописи и книг. Теперь бы лучше всего было переписывать — более серьезная работа не идет. Знакомых здесь много, даже слишком и все такие, у которых приходится до 2-3 часов ночи сидеть. Думаю, как бы от этого избавиться, и, кажется, избавлюсь. Анна уже ведет переговоры о поступлении в больницу и, верно, после праздников начнет работать. Дети поступят в гимназию — и все устроится. Может и я с собой справлюсь — начну правильно работать. (Москва, 17(30).12.1914).

---

* В письме к Фане от 7(20).12.1914 Наташа описывает «симпозион»: «Вчера вечером пришло много гостей... ночью я проснулась и все еще сидят у папы и разговаривают, почти кричат».

В своих воспоминаниях Герцык и Фондан описывают дружеские встречи Шестова с московскими писателями:

В военные годы теснее сблизился в Москве маленький кружок друзей — Вяч.Иванов, Бердяев, Булгаков, Гершензон и некоторые другие.

Мы с сестрой были дружески связаны с каждым в отдельности. Маленький островок среди тревожно катившихся волн народного бедствия. Это не значит, что внутри кружка царило благополучие и согласие. Нет, в нем кипели и сталкивались те же противоречия, что и во мне... С 14-го года в Москве поселился и Шестов с семьей. С одними из этого кружка он был близок и раньше, сближение с другими было ему ново и увлекательно. И эти люди, порой спорившие друг с другом до остервенения, все сходились на симпатии к Шестову, на какой-то особенной бережности к нему.

Звонок. Он в передней — и лица добреют. И сам он до страсти любил словесные турниры. Не спеша, всегда доброжелательно к противнику, развертывал свою аргументацию — точно спешить некуда, точно он в средневековом хедере и впереди годы, века, точно время не гонит... Зоркий на внутренние события души — ветра времени Лев Исаакович не слышал. И чем догматичней, чем противоположней ему самому собеседник — тем он ему милее, обещая долгий спор, долгий пир, обилие яств...

Нас с сестрой особенно тешило эстетически, когда сходились Шестов и Вяч.Иванов — лукавый, тонкий эллин и глубокий своей одной думой иудей. Мы похаживали вокруг, подзадоривали их, тушили возникавший где-нибудь в другом углу спор, чтобы в с е слушали этих двоих. И парадоксом казалось, что изменчивый, играющий Вяч. Иванов строит твердыни догматов, а Шестов, которому в одну бы ноту славить Всевышнего, вместо этого в с е отрицает, подо все ведет подкоп. Впрочем, он этим на свой лад и славил.

Так долго безвестный, потому что он не принадлежал ни к какой литературной группе, шел всегда особняком,

в эти годы Шестов сразу приобрел имя: журналы ему открыты, выходит полное собрание сочинений, его читают... Он не скрывал своего наивного удовлетворения, а нас двух веселило питать эту маленькую слабость милого человека...

Иногда наши дружественные сборища перекочевывали к Шестову в один из Плющихинских переулков, где деревянные дома строены на манер скромных помещичьих. Просторно и домовито в столовой и еще какой-то комнате: только самое необходимое, без каких-либо эстетических потуг. Анна Елеазаровна у вместительного самовара. Но кабинет обставлен по-геллертерски. Раз я целый вечер под говор курящих, бегающих собеседников просидела в кожаном кресле Льва Исааковича, в кресле с строго рассчитанным выгибом спинки, локотников; нажмешь рычажок — выдвинется пюпитр, другой — выскочит подножка для протянутых ног...

Ему 50 лет. Мне кажется, он в первый раз в жизни почти счастлив, спокоен, вкушает мирные утехи мысли, дружества, признания. (Герцык, стр.110-112).

Помнится, не всегда беседы тех лет были мирны, бывали и острые стычки, вспышки враждебности. К концу 16-го года резко обозначилось двоякое отношение к событиям на войне и в самой России: одни старались оптимистически сгладить все выступавшие противоречия, другие сознательно обострили их, как бы торопя катастрофу. «Ну где вам в ваших переулках, закоулках, преодолеть интеллигентский индивидуализм и слиться с душой народа!» — ворчливо замечает Вяч.Ив[анов]. — «А вы думаете, душа народа обитает на бульварах?» — сейчас же отпарирует Бердяев. И тут мы обнаружили, что все сторонники благополучия, все оптимисты — Вяч.Иванов, Булгаков, Эрн — и вправду жительствуют на широких бульварах, а предсказывающие катастрофу, ловящие симптомы ее Шестов, Бердяев, Гершензон — в кривых переулочках, где редок и шаг пешехода... наша квартира символически объединяла переулок и бульвар: вход с переулка, а от Новинского бульвара отделял всего только огороженный двор, и окна глядели туда. (Герцык, стр.161-162).

Но что же объединяло таких несхожих мыслителей, как Вяч.Иванов и Гершензон, Шестов и Бердяев? Это не группа идейных союзников, как были в прошлом, например, кружки славянофилов и западников. И все же связывала их не причуда личного вкуса, а что-то более глубокое. Не то ли, что в каждом из них таилась взрывчатая сила, направленная против умственных предрассудков и ценностей старого мира, против иллюзий и либерализма, но вместе с тем и против декадентской мишуры, многим тогда казавшейся последним словом? Конечно, это было анархическое бунтарство, — у каждого свое видение будущего, стройное, строгое, определяющее весь его творческий путь. Что в том, что когда совершился грандиозный поворот в жизни страны, судьба всех их трагически не совпала с исторической судьбой родины. Люди дерзкой, самобытной мысли и отстают от века, и опережают его, но редко идут с ним в ногу. Вспомним Толстого и Достоевского. Им, этим одиночкам — бремя последнего отъединения. Соотечественники их — запечатанные, непонятые, молчащие книги. Но в свое время — может быть очень нескорое — печати снимутся, молчальники заговорят. (Герцык, стр.162).

Алексей Толстой [говорит Шестов Фондану] — превосходный писатель, но он никогда не проявлял склонности к мышлению. Помнится, однажды в России мы были приглашены к Гершензону, известному историку литературы. Гершензон и Толстой сидели на одном конце стола, я же с Бердяевым и Вяч.Ивановым — на другом. Гершензон был неосуществившимся профессором, он любил поучать. В какой-то момент за столом воцарилось молчание и стал слышен разговор: Гершензон говорил Толстому, что тот очень талантлив, однако недостаточно мыслит. — А вы полагаете, что необходимо мыслить? — спросил Толстой, проводя рукой по лбу, со скучающим видом. Тогда я ему откликнулся: — Если вы мне поверите, вы получите отпущение мысли: пишите, что вы чувствуете и как вы чувствуете. Тогда Толстой перекрестился: — Вы полагаете, что я могу не мыслить? Спасибо! (Фондан, стр.82).

Герцык пишет: «Мне кажется, что он в первый раз в жизни почти счастлив». Правильно ли это? Шестов, конечно, был рад тому, что его давнее желание поселиться в Москве, наконец, осуществилось и что его там так радушно встретили. Но, помимо этого, у него было множество забот и тревог, мешавших работать. В августе и сентябре он жил в Киеве, «на бивуачном положении», дожидаясь возвращения семьи из Германии, очень беспокоился и работать не мог. Затем, в Москве, ему тоже было трудно работать: отвлекали волнения, связанные с войной, и не было ни рукописи книги «Sola Fide», которую он писал в Коппе, ни библиотеки (она осталась в Швейцарии), ни черновых заметок, которые он взял с собой, когда ехал кружным путем из Берлина в Россию и которые пропали. Он пишет Фане и Герману:

> Досадно, что рукопись нельзя никак извлечь из банка. Может быть, можно было бы мамаше дать кому-нибудь доверенность к сейфу и все-таки получить ее в Швейцарии*, чтобы с оказией переслать мне? А то все черновые заметки пропали вместе с багажем, книги лежат в Базеле (?), очень трудно что-нибудь предпринять. (Москва, 3(16).12. 1914).

В других письмах к Ловцким Шестов тоже жалуется, что у него нет ни книг, ни рукописи, и просит ее прислать. Рукопись им не удалось переслать. Свою рукопись и библиотеку Шестов нашел в Швейцарии после войны.

Сестре Соне, которая в то время, вероятно, жила в Лозанне, он тоже пишет о своих трудностях:

> Получил твое письмо. Мамаше я написал отдельно и ответил ей на все вопросы. Дела наши и в самом деле

* Когда Шестов уезжал из Берлина в Россию, ов оставил рукопись книги «Sola Fide» у матери в Берлиие. В конце сеитября или начале октября мать переехала в Швейцарию. Рукопись она оставила в Берлиие в сейфе банка.

хороши, а о делах Данила все, кого я расспрашивал, отзываются так, что даже не веришь, чтобы его ждала такая удача. Конечно, слава Богу, что дела хороши — по крайней мере за них не приходится беспокоиться. Но все-таки создавшееся положение, разорвавшее надвое нас всех, так тяжело, что деловая удача мало радует. Я тоже, как и ты, с тоской спрашиваю, когда же, наконец, этот кошмар пройдет. Здесь, в России, настроение очень бодрое — это еще спасает. В Германии этого, говорят, нет, и немцам много труднее, чем нам. Об Австрии я уже не говорю. Сам я живу изо дня в день. Работа идет плохо — больше о войне думаю и слушаю, что люди говорят. И мне кажется, что чем меньше говорить, тем лучше. События так грандиозны, что угадать их внутренний смысл сейчас невозможно, да и после невозможно будет. Все, которые говорят — даже патентованные мудрецы, дальше общих мест не идут и идти не могут. Кто поумнее — говорит умно, кто поглупее — глупо. Но все одинаково близоруки и ничего понять не могут, хотя и делают вид, что понимают. Видишь, расфилософствовался: старая слабость. Хотелось бы знать подробнее, как вы живете и что делаете, — напиши все-таки: видишь, письма все-таки, хоть и не скоро, доходят. Я пишу вам много — и Фане, и мамаше, и тебе вот. ([Киев], 17(30).12.[1914]).

* *
*

Роль «семейного опекуна» оказалась хлопотливее, чем Шестов предполагал. Ему приходилось следить за Товариществом и за финансовыми делами матери, так как, живя в Швейцарии, она была от всего отрезана. Она хотела быть в курсе всех дел и просила Шестова писать ей отчеты. Эти хлопоты и писание писем с отчетами очень тяготили Шестова и мешали работать. Несмотря на это, большинство писем к матери бодрые и успокаивающие. В одном из писем к ней Шестов пишет:

> Мы все тебе пишем, не знаю только, доходят ли до тебя письма. От тебя, Фани и Германа писем уже не было давно. У нас дома, слава Богу, все благополучно. Все здоровы и живут, как всегда жили. В магазине дела идут хорошо. Торгуют не хуже, чем в прошлом году, но, сверх того, что торговали в прошлом году, за октябрь и ноябрь месяц доставили интендантству товару больше, чем на миллион рублей. Интендантство так довольно товариществом, что решило представить его к медали. Было, конечно, очень трудно добыть такую массу товару — приказчики, не жалея труда, времени и денег, рыскали по всей России, отыскивая нужное; но все-таки успели все достать и представить вовремя. Наши директора очень гордятся этой удачей и, конечно, очень довольны. Интендантство отстранило всех поставщиков, кроме их и Пеховича, так как остальные назначали цены очень высокие, а доставить товар вовремя не умели. Наши довольствовались скромным заработком, а энергию проявили огромную.
>
> Что у вас слышно? Ужасно досадно, что так редко доходят письма. И еще досадно, что тебе и остальным нашим пришлось застрять на чужбине. Кланяйся Соне и детям. (Москва, 3(16).12.[1914?]).

Тон иногда меняется, когда Шестов пишет о «делах» Фане и Герману:

> На будущей неделе еду в Киев — хотя удовольствия от этой поездки не предвижу. Когда уж кончатся эти дела. Больше всего в мире ненавижу дела и все же никак не могу от них отвязаться. Исполню уже и поручения мамаши — я ей пишу об этом. Она хочет, чтобы ей писать каждую неделю — и все о делах. Ей кажется, что это все так просто и легко. А мне писать о делах — значит отравить себе жизнь. Я все мечтаю, когда уже мамаша вернется, возьмет себе управляющего и мне не придется возиться ни с домом, ни с акциями, ни с банками. Для меня это совсем неподходящее занятие. И писать обо всем этом каждую неделю прямо выше моих сил.

И без того приходится все время писать в Киев, разговаривать с Мишей, который все путает, и т.д. Так что вы уж как-нибудь успокойте мамашу, объясните ей, что нельзя требовать от меня такого количества писем. (Москва, 3(16).03.1915).

* *
*

Подобных писем Шестову пришлось написать несметное количество. Когда их читаешь, вспоминаешь афоризм о Пушкине «Неподвижные звезды», который Шестов в то время написал. В нем он цитирует последние строки стихотворения Пушкина «Чернь»:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

И затем добавляет:

Так пел Пушкин. А прочтите его письма и биографию! Непрерывные житейские волнения, непрерывные мелкие стычки и вечные, неизбывные заботы о деньгах, деньгах и деньгах! Дивишься, когда мог он находить мгновенья, чтоб отдаваться порывам творчества, сочинять молитвы и сладкие звуки. Конечно, приходилось урывать часы от сна. Оттого настоящие поэты и работают по ночам... Днем нужно волноваться житейскими мелочами, добывать средства, днем нужно вступать в битвы. (Из статьи «Potestas clavium». — «Русская Мысль», январь 1916, стр.37-39. См. также стр.140).

Через много лет в рабочей тетради, начатой в августе 1920 г., Шестов вновь пишет об этом стихотворении:

«Не для житейского волненья, не для корысти, не для битв», — говорит поэт — и всю жизнь описывал и житейские волнения, и битвы, и корысть. Это значит, что он не рожден «для сладких звуков и молитв»? Нет, не зна-

чит. И битвы, и волнения, и даже грубая корысть при прикосновении волшебного жезла превращаются в песни и в молитвы. Везде чудеса превращения — а наука, и даже философия, все твердят о естественном!*

* *
*

В Москве жизнь семьи постепенно налаживалась. В январе 1915 г. Таня и Наташа поступили в гимназию Хвостовой, а в феврале Анна начала работать в клинике. Шестов пишет Фане и Герману в двух письмах:

> У нас все полегоньку налаживается. Вот уже неделя, как дети ходят в гимназию. Они очень довольны и, кажется, ими тоже довольны. По всем предметам, кроме русского, латинского и Зак. Божия, они догнали. Бог даст, и подгонят по всем без труда. Приняли их подруги и учителя очень радушно. Я очень рад — наконец, они попали, после долгих скитаний, в колею... Теперь здесь Миша. Рассказывает, что в Киеве все благополучно, все здоровы. Вероятно, вам из Киева тоже пишут — Лиза и Маня, так что вы знаете не меньше, чем я. (Москва, 14(27).01.1915).

> У нас все по-старому. Анна работает в клинике, дети ходят в гимназию. Так что все уже более или менее наладилось. Немного много знакомых: это уже не совсем удобно. И потом не умею я все войти в работу — развлекают волнения, связанные с войной. (Москва, 22.02.1915).

* *
*

14 февраля 1915 года Шестов был избран членом Московского Психологического общества (см. стр.92). Об этом избрании сообщает протокол заседания 14.02.1915 Психоло-

* Набросок опубликован в газете «Русская Мысль» 1.09.1977.

гического общества, опубликованный в московском журнале «Вопросы философии и психологии» (кн.131, янв./февр. 1916). Общество было основано при Московском университете в 1885 г. Несмотря на свое название, оно было скорее философским, чем психологическим.

В июне пианист профессор Гольденвейзер пригласил Шестовых на музыкальный вечер. Шестов об этом сообщает Фане и Герману:

> Вообще у нас все пока благополучно — жаловаться не на что. Даже было маленькое музыкальное событие: два дня тому назад нас пригласил к себе профессор консерватории Гольденвейзер и устроил нам блестящий концерт: 1) Соната Баха; 2) с-мол. сон. Моц.; 3) вариации Моц.; 4) 10-ая сон. Моц.; 5) Крейц. сон.; 6) вариации Моц. (2-й раз); 7) сон.Шум.; 8) сон. Франка. И он и /...?/ — играли бесподобно. Вот пожалел, что вас не было. Играли до 2-х часов ночи — до сих пор под впечатлением. (Москва, середина июня 1915).

В конце месяца Анна с детьми уехала на летние каникулы к брату Анны, Александру Елеазаровичу Березовскому, в его имение в Симбирской губернии. Немного позднее Шестов поехал на несколько недель погостить у С.Лурье (см. приложение).

* *
*

В конце письма к Фане и Герману от 3 марта 1916 г. Шестов пишет о том, что скоро будет взят Константинополь, а в письме от 22.02.1915 — о форсировании Дарданелл. В других письмах он с уверенностью говорит о скором благополучном окончании войны. В сентябре, например, он пишет:

> Опять я в Киеве — хотя, собственно говоря, особых причин для приезда у меня не было. Больше же от того, чтобы побыть вместе со всеми. Дела, несмотря на разные

обстоятельства (?), все-таки в порядке, так что жаловаться нельзя. Что до меня лично, то я очень оптимистично гляжу на будущее. Мне кажется, что немцы, несмотря на все свои удачи, жаждут мира больше, чем все остальные участники войны, и скоро открыто в этом сознаются. А тогда уже дело пойдет иначе — и может быть, что через три-четыре месяца война благополучно для нас окончится. (Киев, 25.09.1915).

Этот оптимистический взгляд на скорый и благополучный конец войны теперь трудно понять, но в то время его разделяли все друзья Шестова.

* *
*

Потеряв надежду получить из заграницы рукопись книги «Только верой», Шестов в 1915 г. опять взялся за работу, несмотря на трудности. Он написал 18 афоризмов, которые были опубликованы в «Русской Мысли» в январе и феврале 1916 г. под заглавием «Potestas clavium», а затем вошли в первую часть книги с тем же названием (см. стр.149-150). 14 ноября 1915 г. Шестов сделал доклад в Московском Психологическом обществе на эту же тему. О своей работе и докладе он пишет в трех письмах к Фане и Герману:

Новостей у нас особенных нет. А. занимается своей медициной, дети ходят в гимназию. Я пытаюсь заставлять себя работать и готовлю теперь для печати статью на тему «Potestas clavium». Может будет напечатана в конце еще этого года. Нужно работать — иначе совсем рассохнешься. (Москва, 20.10.1915).

Я немного работаю — написал кое-что и отправил для печатания в журнал... читал /...?/ доклад, подробности найдете в газете. (Москва, 15(28).11.1915).

Получили ли вы тот номер газеты, где был отчет о моем докладе и статья о нем? Доклад это собственно половина

написанного — долго нельзя было читать. В январе он начнется печататься и тогда я вам пришлю оттиски — сразу два экземпляра: один для вас, другой для Алексея Николаевича*. Все-таки работать по-настоящему не удается — так урывками стараешься что-нибудь делать. И то правда, что город не так удобен для занятий — все-таки и знакомые и все прочее мешает. Мечтаю при первой возможности перебраться в деревню — не знаю, суждено ли моим мечтам когда-нибудь осуществиться. (Москва, конец ноября 1915).

Отчет и статья о докладе Шестова «Potestas clavium» появились в московской газете «Русские Ведомости» в понедельник 16-го и во вторник 17 ноября. Автор отчета под заглавием «Доклад Льва Шестова» не указан. В отчете говорится:

В субботу [14.11.1915] в Психологическом обществе Л.Шестов прочитал доклад «Potestas clavium» («Власть ключей»). Это — власть римского духовенства отпирать и запирать перед верными небесные врата. По Шестову это — вообще власть любой религии и любой философии над умами и сердцами приверженцев. Против такого порабощения, за свободу и произвол в искании истины и выступает Л.Шестов в своем докладе...

Права религиозного и мистического постижения истины защищали в прениях после доклада С.Н.Булгаков, Г.А.Рачинский и Н.А.Бердяев, за разум заступились кн.Е.Н.Трубецкой и Л.Н.Лопатин.

Статья написана И.Игнатовым и называется «Философские окопы. По поводу доклада Л.И.Шестова». Игнатов пишет:

Над длинным столом поднимались сосредоточенные, серьезные, видимо обеспокоенные лица.

Мне представилось, что все эти серьезные, важные, много думавшие и много знающие люди сидят в философ-

* Алексей Николаевич Бах (см. примечание к стр.156).

ских окопах, а докладчик Л.И.Шестов стремится своим докладом уничтожить всякие окопы — все то, что каким бы то ни было образом напоминает систему, философскую, научную, всякую другую.

Затем Игнатов приводит мнения некоторых слушателей:

«Вы не нападали, вы скорее защищали меня», — сказал один; «На основании доклада я думал, что вы — скептик, но из дальнейшей беседы увидал, что вы — верующий», — сказал другой. И лишь немногие продолжали утверждать, что докладчик — скептик, что в основе его утверждений не лежит веры.

В приведенном отрывке Игнатов говорит, что некоторые считали Шестова скептиком. Мы уже упоминали о том, что и раньше Шестова иногда называли скептиком, и о том, как он опровергал это утверждение (см. стр.94-95, 119-120).

В мае 1916 г. Шестов едет в Киев. Оттуда он пишет Ловцким:

Приехал на недельку в Киев посмотреть, что тут делается. Все оказалось как нельзя более благополучно, Миша отлично ведет дела и все здоровы и только бы хотели, чтоб, наконец, удалось уже справиться с немцами. Здесь почему-то царит уверенность, что дело быстро идет к развязке, что этим летом наступит конец. И мне кажется, что это верно: может не летом, так осенью кончится... В Киеве проживу неделю — на днях уеду: мне здесь нечего делать. Правда, работа и дома у меня плохо идет, — но все-таки дома лучше. Мечтаю на лето в деревню попасть — не знаю, удастся ли. (Киев, 7.05.1916).

В это время Шестов купил дом в Москве на Плющихе совместно с Ловцкими. Он об этом сообщает Фане и Герману:

Сообщу вам новость. Я писал [5.04.1916], что получил ваших денег тридцать тысяч. На них я купил дом пополам с Анной. Спрашивать некогда было, надеюсь, что вы не

пожалеете. А если пожалеете, то можно будет продать его — уплоченные деньги всегда можно будет выручить. Купил случайно — соблазнился тем, что показалось выгодным. Когда приедете, — посмотрите. Нового у нас ничего. Я буду жить летом в Тульской губернии у Сем.Вл., А. с детьми едут купаться на Кавказ. (Москва, 7.06.1916).

Через несколько дней Шестов уезжает в деревню Сенькино к Семену Владимировичу, оттуда он пишет матери, которая живет в Лозанне, и Ловцким:

Ну, вот я исполнил твое желание — живу летом в деревне, у Семена Владимировича. Здесь великолепные места — не хуже, чем в Швейцарии: красивая, довольно широкая река Ока, холмистая местность, много лесов, прелестных лугов и садов, превосходные прогулки. Семен Владимирович занимает огромный, старый помещичий дом с большим парком и садом — словом, как всегда, устроился превосходно. Кормят, что называется, на убой, гуляем здесь целыми часами — так что уже более гигиенически и невозможно проводить время. Ты, в этом смысле, можешь быть совершенно довольна и спокойна. (Матери, Сенькино, 14(27).06.1916).

Пишу вам из деревни — гощу у Семена Владимировича. Анна с детьми поехала на черноморское побережье — в казачью станицу [Архипо-Осиповка] купаться. Меня это не соблазнило — во 1-х, не хотелось так далеко уезжать, а во 2-х, эти места отыскал Евгений Германович [Лундберг], он там и живет теперь — стало быть, места очень первобытные: у Анны вкус к первобытным местам сохранился, а я уже остыл в этом смысле... Но здесь тоже очень хорошо, мы даже все мечтаем приобрести здесь небольшое именьице. И хорошо было бы — только хлопот много, особенно нам, неумелым городским жителям. Не знаю, чем кончат пожелания — купим или не купим. Теперь вдвойне трудно — хорошо было бы совсем маленькое, чтобы хозяйничать не пришлось. (Ловцким, Сенькино, [1.07].1916).

О своем желании купить совместно с Ловцкими имение Шестов уже писал им восемь месяцев тому назад (см. стр. 141) и вновь возвращается к этому после поездки в деревню:

> Насчет нашего дома я ничего не писал, т.к. собственно писать нечего. Может быть, вам можно будет там жить и нам тоже. В нем много отдельных флигелей и, пожалуй, можно найти такой, где музыка не будет слышна — хотя наверное сказать трудно: все-таки ты очень к этому чувствителен. Но, с другой стороны, в Москве не легко найти такой дом, даже особняк, в котором было бы совсем тихо: везде играют, теперь нет квартиры без рояля. И в этом отношении наш дом, кажется, лучше других. Мы все мечтаем о том, чтоб купить небольшое именьице. После войны цены очень возрастут и тогда нам будет уже не по средствам. Тоже хотелось бы вместе с вами купить — у нас одних не хватит средств даже на маленькое. Как вы на это смотрите?.. Кажется, я писал уже вам, не помню, что я получил предложение из Лондона о том, чтоб дать разрешение на перевод моих сочинений на английский язык. Зинаида Афанасьевна ручается, что переводчики очень надежные. Я, разумеется, послал свое разрешение, но посмотрим, что из этого выйдет. (Москва, 6.08.1916).

Ответ Ловцких на это письмо не сохранился. В доме, купленном на Плющихе, никому из них жить не пришлось. Имение купить не удалось, и мечты Шестовых о деревенской жизни вместе с Ловцкими не сбылись (Анна Ел. хотела работать земским врачом и лечить крестьян, Шестов — жить в уединении, чтобы иметь возможность сосредоточиться и спокойно мыслить, а Герман — сочинять музыку в абсолютной тишине).

* *
*

Несмотря на то, что Шестов стремился жить вне Москвы, где ему не хватало уединения, можно с уверенностью сказать, что его встречи с московскими друзьями были плодотворны. Несомненно, общение с Вяч.Ивановым побудило Шестова написать о нем статью «Вячеслав Великолепный» и 4.11.1916 прочесть о нем доклад. Статья была напечатана в «Русской Мысли» в октябре. В конце статьи пометка: «Деревня Сенькино, июнь 1916». Шестов сообщает об этом в четырех письмах к Ловцким:

> У нас, как всегда, ничего особенного. Дети учатся, Анна работает в клинике — назначена уже ординатором и даже штатным (1000 р. в год жалованья). Статья моя пойдет только месяца через два. (Москва, 19(?).09.1916).

> Оттиски статьи «Вяч.Вел.» как только получу, сейчас же вышлю. (Москва, 18.10.1916).

> Из моих новостей: получил извещение из Лондона, что там недавно вышел в английском переводе V-й том моих сочинений, под названием «Anton Tchekov and other Essays». Если интересно — выпишите. Мне обещали сюда прислать 2 экз., но пока прислали рекламу о выходе книги. Адрес изд.: London, 40 Museum street, Maunsel and Co. «Вяч.Вел.» идет в октябрьской книжке «Р.М.»... Может быть, я прочту ее [статью] как доклад в здешнем религиозно-философском обществе. (Москва, 20.10.1916).

> Сейчас я отправил вам заказной бандеролью два оттиска «Вячесл. Великол.»... Сейчас я занят очень — сегодня читаю в религ.-фил.* «Вячесл. Великол.» (Москва, 4.11.1916).

Двадцать лет спустя, в 1936 г., Вяч.Иванов написал Шестову письмо по случаю его семидесятилетия. Из него видно, что дружественные отношения, создавшиеся в Москве,

* Речь, по-видимому, идет о Религиозно-философском обществе имени Соловьева. Юта Шерер в вышеупомянутой книге (см. стр.92) дает протоколы собраний этого общества от 1906 до марта 1916 г. После этой даты ей не удалось найти протоколов, что лишает нас возможности проверить наше предположение.

сохранились, несмотря на то, что они уже много лет не встречались:

> Вот уже и Вы (а мне казалось, что Вы помоложе гораздо!) дожили торжественной грани, когда человек — как бы ни «обновлялась, подобно орлу, юность его» — должен признать главное дело своей жизни... о, конечно, не сделанным и не законченным, — случается ли это с кем-либо из тех, которые продолжают жить в духе? — но, по крайней мере, определившимся в его основных чертах, как, примерно, готический собор, похожий в своей недостроенности на прекрасное сновидение. Если есть в этом чувстве («не знаю сам, какая, но все ж я миру весть», сказал заблаговременно Валерий Брюсов) некоторое личное удовлетворение, то Вы, конечно, можете в эти дни его испытывать — и в большей мере, чем хотя бы я сам, всю жизнь стремившийся к законченным формам, — именно потому, что Ваше единое и апофатическое исповедание было transcensus unius cuiusque formae in maiorem Dei gloriam. И поэтому Вашему единому слову суждено, думается, вечно звучать: ибо, если строить культуру с Вами нельзя, то нельзя строить ее и без Вас, без Вашего голоса, предостерегающего от омертвения и от духовной гордости. Вы похожи на ворона с мертвой и живой водой. И я с годами все больше Вас люблю и все больше, мне кажется, понимаю. Поэтому поздравляю Вас, дорогой старый друг, с Вашим славным семидесятилетием от всего сердца и желаю, чтобы Ваш расцвет — ибо Вы в расцвете и нет еще, как Вы вероятно и сами чувствуете, ни малейших признаков du déclin — был долгим и лучезарным. (Рим, 10.02.1936).

Дмитрий Святополк-Мирский в своей книге «A History of Russian Literature», в главе, посвященной Вячеславу Иванову, упоминает о статье Шестова. Он говорит:

> Шестов, мастер колючих эпиграмм, дал Иванову прозвище «Вячеслав Великолепный», невозможно выдумать лучшее определение для стиля Иванова. (D.Mirsky, стр.448).

В статье «Вячеслав Великолепный» и в работах, написанных после этой статьи, Шестов часто упоминает Плотина и цитирует его. В этой статье он говорит, что Плотин — любимый философ Вяч.Иванова.

Возможно, что общение с Вяч.Ивановым пробудило интерес Шестова к Плотину, которым он и раньше занимался, но специально не изучал. Впервые он говорит о Плотине в книге «Sola Fide», где посвящает ему две страницы (стр.143 и 144). В июле Шестов просит Ловцких купить для него произведения Плотина:

> Я ездил в Тульскую губернию недели на четыре. Говорят, хорошо поправился. Сегодня опять еду, но не надолго — на недельку или на десять дней. Пожалуйста, пишите. А вот и просьба: спросите в книжных магазинах «Plotini Enneades, recensuit Hermanus Fredericus Mueller» два тома греческого оригинала и два тома перевода того же Mueller'а. Мне это очень нужно и только это издание. Если вы достанете — не пересылайте: здесь есть у одного знакомого профессора эти книги. Он мне их даст, если у меня будет, хотя бы и после войны, обеспечен такой же экземпляр. (Москва, 29.07.1916).

Впоследствии Шестов много занимался Плотином и посвятил ему несколько работ (см. стр.305, 337-338).

* *
*

О своих встречах с Шестовым зимой 1916/1917 гг. и о гибели на войне сына Шестова Сережи Герцык пишет в своих воспоминаниях:

> Как-то зимою 16-го — 17-го года мы снова собрались у него — среди знакомых писательских лиц красивый тонкий юноша в военной форме. Сын Сережа. Весь вечер я только и следила за влюбленными взглядами, которыми обменивались отец с сыном. И этот звонкий, срывающийся юношеский голос среди всех до скуки знакомых. Не знаю, что он говорил. Что-то смелое, прямое. Все равно, что.

Дней через десять в нашем кружке телефонная тревога: один звонит другому, третьему, тот опять первому... В трубку невнятно, спотыкающимся от волнения голосом Гершензон нам: «Вы слышали? Сережа Шестов... Да, верно ли?.. Кто сказал? Убит... А он — что?» Он — ничего. К нему телефона нет, да разве об этом позвонишь? Прислуга, открыв дверь в Плющихинском особняке, кому-то из друзей сказала: «Лев Исаакиевича дома нету». — Анна Елеазаровна? — и ее нету. Через день — опять — нету. Мы с сестрой, мучаясь, писали ему письмо. Не знаю, сколько времени прошло — в один солнечный, по-весеннему каплющий день — он сам. В привычной своей плоской барашковой шапочке, и лицо, давно ставшее дорогим — все то же. Не потому ли, что скорбь уж провела раз навсегда все борозды — глубже нельзя, горше нельзя... Несколько простых слов о Сереже — о себе ничего — а потом о другом, но, ах, с каких трудом ворочая ненужные камни идей.

Мы расстались в мае 17 года. До осенн. Накануне моего отъезда в Крым, я ехала с ним в трамвае. Мы говорили. Хлынувшая солдатская волна разделила нас. Меня столкнули. Он остался и издали, кивнув мне нз окна двинувшегося вагона, прокрнчал: «Мы договорим». Мы не договорили.

Когда я через пять лет попала в Москву, он уже давно был за граннцей. (Герцык, стр.112-113).

* *
*

В 1917 г. Шестов опубликовал большую работу о Гуссерле «Memento mori» в журнале «Вопросы философии и психологии» (сент./дек.). С сочинениями Гуссерля Шестов познакомился уже в 1908 г. Возможно, что интерес к Гуссерлю был ему навеян его другом Г.Г.Шпетом, горячим приверженцем Гуссерля. В начале 1926 г. работа Шестова о Гуссерле появилась по-французски в Париже и вызвала отклики во Франции и Германии (см. стр.333-337). В 1917 г.

также был опубликован 21 афоризм в разных журналах: 11 афоризмов в сборнике «Ветвь», 8 афоризмов в ежегоднике «Мысль и Слово» №1, издаваемом под редакцией Г.Шпета, один афоризм в сборнике «Скифы» (август) и один афоризм в ежегоднике «Мысль и Слово» №2. Этот сборник должен был появиться в 1918 г., но вышел гораздо позже (на нем пометка 1918-1921). Указанные работы — последние, опубликованные в России.

О своей писательской жизни в 1917 г. Шестов упоминает в письмах лишь вскользь. Он пишет из Москвы родным в Швейцарию:

> Я стараюсь поменьше читать газеты и побольше работать. (12(25).9.1917).
>
> Работа идет неважно, хотя все-таки кой-что написал и напечатал. (7(20).10.1917).
>
> Стараюсь по возможности работать и печатать, пока печатать можно. (22.11.1917).
>
> Я... реагирую на события и теперь плохо работаю. Но летом поработал и прошлой зимой тоже. Скоро пришлю вам оттиски новых работ. (1(14).12.1917).
>
> Жив и здоров, стараюсь — как можно — работать. (1(14). 12.1917).

Нам не удалось определить, о каких работах написаны эти строки.

21 афоризм, появившийся в 1917 г., вместе с 18 афоризмами, опубликованными в «Русской Мысли» в 1916 г. (см. стр.140), составляют 1-ю и 2-ю части новой книги «Potestas clavium» («Власть ключей» — том VII). Работы о Вяч.Иванове и о Гуссерле составляют 1-ю и 2-ю главы третьей части этой книги. В эту книгу также входят работы, написанные, вероятно, уже в Киеве: «О корнях вещей», законченная в октябре 1918 г. (3-я глава третьей книги) и «Тысяча и одна ночь (Вместо предисловия)», в конце которой помечено: «Киев, январь 1919». Две последние работы

в России не были напечатаны. Они были опубликованы в Париже в 1921 г. в журнале «Современные Записки» №№3 и 5. Книга «Власть ключей» вышла в Берлине в 1923 г. в издательстве «Скифы». Предисловие было, без сомнения, написано после других глав книги. Шестов соблюдал такой порядок в большинстве книг. Об этом он пишет в начале книги «Афины и Иерусалим»:

> Предисловие всегда, по существу, есть послесловие. Книга долго писалась, совсем закончена, — предисловие пытается в сравнительно немногих словах выразить то, что направляло помыслы автора в течение ряда лет. (стр.7).

* *
*

Февральскую революцию Шестов пережил в Москве. В энтузиазме первых дней казалось, что революция до конца останется «великой и бескровной», как ее в то время называли и как ее продолжают называть до сих пор, иногда иронически. По улицам Москвы ходили радостные толпы. Хотя Шестов и не разделял всеобщего энтузиазма, мало выходил из дома и сидел грустный и задумчивый в своем кабинете, в его письмах того времени отражается праздничное настроение, царившее в России. События он описывает в шести письмах к родным, живущим в Швейцарии:

> Вы уже, конечно, давно из газет знаете о происшедшем у нас перевороте. Описывать, что произошло, не приходится: сведения выйдут слишком запоздалые. Ведь и русские газеты приходят к вам. Слава Богу, все обошлось необычайно хорошо: ни кровопролития, ни грабежей. Даже в те дни, когда полиция совсем бездействовала, а милиции еще не было, порядок не нарушался. Сейчас все вошло в колею: сегодня трамваи пошли, рабочие стали на работу. А почта, телеграф и железные дороги все время правильно функционировали. Даст Бог, и дальше так будет и возможное наступление немцев на нашем фронте за-

станет страну вполне уже организованной. (Фане, Москва, 6(19).03.1917).

Мы все здесь думаем и разговариваем исключительно о грандиозных событиях, происшедших в России. Трудно себе представить тому, кто сам не видел, что здесь было. Особенно в Москве. Словно по приказанию свыше, все, как один человек, решили, что нужно изменить старый порядок. Решили и в одну неделю все сделали. Еще в Петрограде были кой-какие трения — в Москве же был один сплошной праздник. В Киеве еще проще: генерал Брусилов отдал приказ — и этим все было сделано. И так дальше — меньше, чем в одну неделю вся огромная страна со спокойствием, какое бывает только в торжественные и большие праздники, покинула старое н перешла к новому. В письме, конечно, всего не расскажешь, но в русских и во французских газетах ты, конечно, прочла все подробности. Сейчас жизнь вошла уже в обычную колею: ходят трамван, работают фабрики, в гимназиях учатся, в высших учебных заведениях читаются лекции, выходят газеты — никто бы и не догадался, что еще на прошлой неделе произошло такое великое мировое событие. Бог даст, и война скоро окончится: последняя надежда немцев на влиятельную германофильскую партию в России пала. Может быть, в России н есть еще германофилы, но они лнбо арестованы, либо попрятались и опасности уже не представляют. (Матери, Москва, 7(20).03.1917).

У нас здесь образцовый порядок. В Москве, как и в Киеве, переворот произошел идеально спокойно. Теперь, с каждым днем, жизнь все больше и больше устраивается. В участках, вместо приставов, присяжные поверенные. За городовых по ночам дежурят дворники. В обществе тоже большая согласованность: крайние течения отступают на второй план и стушевываются. Правнтельство завоевало себе общее доверие. Бог даст, справимся со всеми трудностямн, хотя их н не мало. (Фане, Москва, 15(28).03.1917).

И в Киеве, как в Москве, переворот произошел без всяких осложнений, спокойно. Многочисленные митинги, мани-

фестации не нарушали порядка. В Киеве это, конечно, особенно важно — ввиду большей близости Киева к театру военных действий. Сегодня уже месяц со дня переворота — и жизнь все больше и больше налаживается по-новому. Авось, Бог даст, Россия будет разумнее других стран и перейдет к новому строю без особых потрясений. (Матери, Киев, 29.03.1917).

Вы получаете русские газеты — можете судить по ним, как все произошло и что теперь делается. В общем — одно можно сказать: никак нельзя было надеяться, что такой страшный переворот произойдет так тихо. Вот уже полтора месяца, как пало старое правительство, а никаких крупных беспорядков нигде не было. Вчера праздновали в Москве 1-е Мая. Народу вывалило на улицы несметное количество — но все было чинно и спокойно и все, походив, сколько полагается, по улицам, послушав митинговых речей, разошлись по домам. Сегодня снова работают, магазины открыты, трамваи ходят. Видно, народ гораздо толковее, чем о нем думали наши старые правители. Бог даст, все успокоится и наладится: надежды немцев на беспорядки не оправдаются, как не оправдались и другие их расчеты. Война, видно, быстро идет к концу. Может к концу лета удастся уже повидаться. (Матери, Москва, 19.04(2.05).1917).

На днях писал тебе и мамаше. На всякий случай посылаю открытку, чтоб чаще были вести и чтоб вкратце сказать, что все у нас благополучно и все здоровы. Уже скоро 2 месяца после революции — постепенно все налаживается. Не легко, конечно. Но где же такие перевороты легко проходят? В России еще сравнительно благополучно. Все-таки живем мирно, спорим, но сериозно не ссоримся. Дотянем до учредительной организации — тогда, верно, уляжется все и мы вступим в норму. Авось, и война, наконец, окончится. (Фане, Москва, 24.04(7.05).1917).

* *
*

Друзья Шестова по-разному принимали события. Евгения Юдифовна Рапп, сестра жены Николая Александровича Бердяева, жившая в Москве с Бердяевыми, рассказывает о том, как Бердяев и Андрей Белый реагировали на происходящее. Она пишет:

> Все время до октябрьских дней, до большевистского переворота, Н.А. был настроен необычайно мрачно. Я помню его ироническую улыбку, когда наши многочисленные друзья с восторгом говорили о «бескровной русской революции», воспевали красноречие Керенского, ожидали наступления режима свободы и справедливости. Он знал, что бескровная революция окончится кровавой. Он был очень молчалив и печален. Только иногда, в ответ блаженно верующему в революцию собеседнику, он гневно, яростно начинал обличать злую стихию революции, и собеседник уходил, считая Н.А. реакционером.
>
> Как-то однажды я осталась дома одна. Раздался звонок. На пороге нашей гостиной стоял А.Белый. Не здороваясь, взволнованным голосом, он спросил: «Знаете ли вы, где я был? — и не дожидаясь ответа, продолжал: — Я видел его, Керенского... он говорил... тысячная толпа... он говорил». И Белый в экстатическом состоянии простер вверх руки. «И я видел, — продолжал он, — как луч света упал на него, я видел рождение "нового человека"... Это че-ло-век».
>
> Н.А. незаметно вошел в гостиную и при последних словах Белого громко расхохотался. Белый, бросив на него молниеносный взгляд, не прощаясь, выбежал из гостиной. После этого он долго не приходил к нам. (Евгения Рапп. Примечание к стр.247 книги Н.Бердяева «Самопознание»).

Несмотря на бодрый тон писем Шестова, который отчасти объясняется тем, что ему не хотелось тревожить родных, он, безусловно, не разделял восторга А.Белого и друзей Бердяева, а, как Бердяев, сознавал, может быть, не так остро, что «революция не остановится на февральской

стадии, не останется бескровной и сводолюбивой» (Н.Бердяев. Самопознание, стр.246).

Лето 1917 г. Шестов с семьей жил в имении друзей Семена Владимировича (имение Машковцевых, Захаринское почтовое отделение, Каширский уезд, Тульская губерния). Шестовы прожили у Машковцевых больше двух месяцев. Оттуда они ездили в гости к Борису Зайцеву в Притыкино, к ним приезжал Семен Владимирович. В деревенской тишине Шестову удавалось меньше думать о политике и больше работать. О своем пребывании в деревне он рассказывает матери:

> Я завтра еду в деревню. Еду я в те же места, где жил и в прошлом году, хотя не в то же имение. Это хорошие знакомые Сем.Вл. ... Дома все благополучно, дела в порядке. Но, конечно, теперь дела мало интересуют — есть только одно дело, которое всех равно поглощает: дело России. Будем надеяться, что Россия справится со всеми трудностями: не первый раз уже приходнтся быть в трудном положении. До сих пор выходила с честью, Бог даст, н теперь не ударит лицом в грязь. (Москва, 25.05(7.06).1917).

> Пишу из деревни, где я живу уже больше недели. Здесь очень хорошо: чудный воздух, отличное купанье и погода стоит дивная. Вероятно, поправлюсь здесь, как и в прошлом году, очень хорошо. Здесь такая тишина, спокойствие. Газеты приходят раз в два или три дня, так что о войне, революции и политике иногда даже совсем и забываешь. Даже не верится в нашей глушн, что где-то идет война и политическая борьба. Думаю прожить здесь все лето до середины августа и даже совсем в Москву не ездить. Здесь и хозяева очень милые и соседи симпатичные, так что жаловаться совсем не на что. Если все лето будет стоять погода, такая, как теперь — ничего лучше и не надо. По-моему, и ни в какую заграницу ехать нет надобности: так здесь хорошо. ([Имение Машковцевых], 4(17).06.1917).

Сегодня вернулся из деревни в Москву н застал два твоих письма. Очень рад, что ты себя хорошо чувствуешь. Я тоже не могу пожаловаться. Прожил больше двух месяцев в деревне, в чудном месте. Лето было удивительно хорошее, места здесь дивные, кормили, по нынешним временам, отлично. Так что я очень поправился и чувствую себя совсем хорошо. (Москва, 4(17).08.1917).

* *
*

В начале лета 1917 г. служащие Товарищества забастовали. Конфликт удалось уладить только на втором месяце забастовки. По просьбе матери Шестов пишет ей об этом:

Ты интересуешься сведениями о забастовке служащих Товарищества. Я тебе об этом не писал, так как не знаю, для какой надобности об этом писать. Сам я к этому отношусь совершенно спокойно. В былые времена, когда дела Товарищества велись в кредит н когда его задолженность доходила чуть ли не до двух миллионов, забастовка служащих была опасной и могла привести Товарищество к банкротству. Теперь же, как ты знаешь, все дела ведутся за наличные деньги. Со времени начала войны во всей России кредит отменен. Стало быть, о банкротстве и речи быть не может, т.к. нет ни срочных, ни каких иных платежей. Что же касается неумеренных требований служащнх — то они, как и все неумеренные требования, в конце концов, ложатся на потребителей. Это грустно н очень грустно, но против этого ничего не поделаешь: сейчас вся Россия охвачена стремлением повышать цены и, т.к. всеобщее повышение никому ничего принести не может, то в общем получается только путаница. Но я все-такн не склонен безнадежно относиться к тому, что сейчас происходит: перемелется, мука будет. (Москва, 2(15).10.1917).

* *
*

Радужные надежды первых дней революции рухнули еще до октябрьского переворота. Шестов пишет Фане и Герману:

> Вообще писать нечего. О наших русских делах — лучше не говорить. Я надеюсь, что перемелется — мука будет. Но пока очень и очень грустно. Все надеялись, что революция не так пройдет. Хотя — почему надеялись? Непонятно! (9.10.1917).

Приход к власти большевиков в Москве 2(15) ноября, после пяти дней боев, Шестовы пережили, находясь в городе. Там же, в Москве, прожили они трудную зиму 1917/1918 годов. Шестов рассказывает об этом в письмах к родным, живущим в Швейцарии. Он пишет из Москвы:

> Вы знаете из газет, что было в Москве. Сейчас уже все кончилось. Я здоров и наша квартира совсем не пострадала. Если можно будет, я вам телеграфирую: письма ходят так долго! (Матери, 7(20).11.1917).

> Но по теперешним временам разве можно много писать. Все так грустно, что ни о чем говорить не хочется. И потом, ведь вы читаете газеты и без нас все знаете. Я вижу здесь довольно часто швейцарские газеты, которые Наташа присылает Алексею Николаевичу*. В общем они сообщают достаточно сведений и дают довольно правильное освещение нашим событиям. И вдобавок те сведения, которые вы имеете в газетах, на полтора месяца свежее того, что я мог бы рассказать в письме. Ал.Ник., говоришь ты, пишет вам, что у нас гораздо больше отрадного, чем может показаться. Я этого сам не думаю. Мне кажется, наоборот, что отрадного ничего нет. Оптимизм Ал. Ник. объясняется лишь его желанием видеть хорошее. Тут не

---

* Алексей Николаевич Бах (1857-1946). Известный химик. До революции жил в Женеве и встречался с Шестовым, когда тот жил в Коппе. В июне 1917 г. Бах вернулся в Россию (Москва) и опять встречался в Шестовым. Дочь Баха, Наташа, в 1917 г. осталась в Женеве. Впоследствии она тоже вернулась в Россию.

он один так думает. Многие, особенно из старых революционных деятелей, надеются, что из настоящего хаоса родится светлое будущее. Но это — заблуждение. Из настоящего хаоса родится отвратительная реакция — даже в том случае, если немцам не удастся после окончания войны сохранить свое влияние. Темная народная масса уже и теперь потеряла всякое понимание происходящего. В городах она трн месяца тому назад шла за эсерами. Теперь — идет за большевиками. За кем она пойдет еще через три или четыре месяца?! Не хочется и думать об этом — но чувствуется, что все лучшее, что несла с собой революция, все ее высокие и светлые идеи втаптываются в грязь. Сейчас число убежденных черносотенников растет не по дням, а по часам. Растет везде — и в народе и среди интеллнгенции. Горничные, кухарки, швейцары, дворники — пока потихоньку только об одном и говорят: царя бы нам. Теперь вот тебя тянет в Россию. Боюсь, что летом тебе уже не захочется сюда ехать, а всех нас потянет из Россин. Так мне кажется, и дай Бог, чтоб я оказался неправым. Что до нас, то у нас сравнительно благополучно. Московскую стрельбу пережили и все остались целыми. Даже и обыска у нас не было. С едой и топливом тоже у нас благополучно. Квартирка у нас микроскопическая, — так что дров уходит мало. А припасами нас снабжают — по почте и оказией — сестры н братья, так что пока мы не чувствуем большого недостатка. И затем, овощей в Москве сколько угодно. Да и мяса, особенно телятины, баран., свин. пока достаточно, и рыба есть. Недостаток в крупе, муке, масле. Но говорю — до сих пор наши выручали — присылали. (Фане, 1(14).12.1917).

Сегодня у нас новый год. Поздравляю тебя и всех наших с новым годом и желаю, чтоб он принес, наконец, столь долго жданный мир людям. Четвертый новый год мы мечтаем об этом. Может быть, на этот раз наши мечты осуществятся. Тогда, даст Бог, увиднмся. Как только война окончится и явится возможность поехать заграницу, я тотчас же к тебе выеду, н вместе обсудим, что делать

дальше. Будем надеяться, что в апреле или мае нам все-таки суждено повидаться. У нас, как я писал тебе в предыдущих письмах, все благополучно. Получаю и по почте и с оказией письма от Сони, Мани, Миши. Часто присылают они мне и всякого рода припасы. Так что я до сих пор живу, не нуждаясь. И с топливом у меня благополучно. Квартира у меня маленькая, отопление не центральное, а голландское, и небольшого запаса дров мне хватает на целую зиму. Я сам колю дрова — это большая экономия, так как я колю ровно, не толстыми поленами, а нетолстых полен уходит столько же, сколько и толстых, и тепла от них больше. Словом, я, несмотря на все трудности, более или менее устроен и жаловаться мне не на что, а тебе беспокоиться не о чем. Уже ползимы прошло, пройдет, даст Бог, и вторая половина, а там все «образуется». (Матери, 1(14).01.1918).

У меня все благополучно, я здоров и материальной нужды не испытываю: благодаря друзьям, знакомым и родным, получаю то немногое, что мне нужно...

Новостей у меня нет. Живу изо дня в день. Пытаюсь работать, чтоб поменьше думать о войне и полнтике. (Матери, 17.02.1918).

Два приведенных выше письма — последние из сохранившихся, написанных Шестовым в Москве в 1918 г.

* *
*

В Москве 11 июня 1918 г.*, в праздник Святого Духа, Сергей Николаевич Булгаков принял сан священника. Шестов присутствовал при посвящении. Булгаков рассказывает в своих «Автобиографических заметках»:

К рукоположению пришлн в храм и друзья мои, бывшие тогда в Москве. Вспоминаю прежде всего о.Павла Флорен-

* С.Н.Булгаков не указывает, по какому стнлю он дает дату своего рукоположения. Нет сомнения, однако, что она дана по старому стилю.

ского (со своим Васей), участвовавшего в литургии, М.А.Новоселова, Н.Н.Прейса, Вяч.Ив.Иванова, Н.А.Бердяева, П.Б.Струве, кн.Е.Н.Трубецкого, М.О.Гершензона, Л.И.Шестова, Е.А.Аскольдову и др. Все они после службы участвовали и в дружеском чаепитии, духовенством храма для нас радушно устроенном. Тогда это было не легко. (С.Булгаков, стр.42).

Много лет спустя, в Париже, Булгаков в письме к Шестову вспоминает, что он ему подарил сукно на рясу (письмо от 12.03.1936, см. том II). Описанная встреча была одной из последних, а может быть, и последней встречей Шестова с московскими друзьями. В начале июля Шестовы покинули Москву, где жизнь становилась все труднее и труднее, и поехали в Киев. В Москву, где четырьмя годами раньше они устроились на постоянное жительство в уютной квартире, им не суждено было вернуться.

* *
*

В Киев Шестовы приехали, вероятно, 5 июля 1918 г. Их приняли к себе Софья Исааковна и Даниил Григорьевич Балаховские, которые жили в великолепной квартире из 10-12 комнат на Трехсвятительской улице — теперь улица Героев Революции (вероятно, д. 41), с чудесным видом. Дом стоял на высоком берегу Днепра, недалеко от Андреевской церкви. Он был выстроен до войны отцом Даниила Гр. для семьи Балаховских. Даниил Гр. и Софья Ис. занимали весь третий этаж. Анна Ел. с детьми поехала на летние месяцы в Крым. Осенью Наташа поступила в гимназию Жекулиной, а Таня — в Университет на филологический факультет.

В то время Киев был столицей независимой Украинской республики, которая находилась под немецким контролем, во главе ее стоял гетман Скоропадский, поставленный немцами после взятия Киева (1.03.1918). Когда Ше-

стовы приехали на Украину, Киев был почти сказочным городом по своему продовольственному положению. В ноябре 1918 г. ушли немцы, пал гетман, Киев переходил из рук в руки. В декабре его захватил Петлюра, 5(18) февряля 1918 г. в город вошли большевики, 31 августа (13 сентября) его заняла белая армия. С каждым новым режимом в Киеве становилось все хуже и хуже.

Осенью 1918 г. семья Балаховских уехала с французским поездом в Одессу (Даниил Гр. был французским консульским представителем), откуда они в апреле 1919 г. перебрались в Париж. Киевскую квартиру они оставили на попечение Шестовых. Шестовы прожили там до октября 1919 г.

Музыковед Николай Леонидович Слонимский, живший в Киеве у Балаховских с сентября 1918 г., рассказывает в своих неизданных воспоминаниях о тогдашней жизни в Киеве:

> После революции поток беженцев, лнтераторов, музыкантов, людей самых различных политических оттенков, направился на Украину, главным образом, в Киев. Осенью 1918 г. я решился оставить голодный и холодный Петроград. Я направнлся в Киев и воспользовался гостеприимством семьи Балаховских, которая была связана многолетней дружбой с моей семьей.
>
> Я помню, что в то время, когда ожидался налет украинского «атамана» Петлюры на Киев, зимой 1918 г., газета «Киевская Мысль» поместила заметку о Шестове с «философическим» заключением: все говорят о Петлюре, а мало кто знает, что в Киеве находится замечательный мыслнтель Шестов. Почему-то Шестов думал, что я поместил эту заметку, но это было не так. И еще раз нмя Шестова было упомянуто в киевской прессе с политическнм оттенком. Это уже было после захвата Кнева большевиками в феврале 1919-го года. Советская газета «Киевская правда» напечатала статейку, в которой она «разоблачала» факт, что всеми уважаемый философ Шестов

является также владельцем мануфактурной торговли на Подоле и что его настоящая фамилия — Шварцман. Тут был и оттенок антисемитизма, странный в коммунистической газете в то время, когда Троцкий был военным комиссаром. Склад товаров Шварцманов сгорел во время постоянных стычек гражданской войны. Шестов сам видел этот пожар из «небоскреба» Балаховских.

Даниил Григорьевич Балаховский, помимо своей деятельности в промышленности, был любителем музыки. Он устроил киевские концерты Скрябина в 1913-м году и его переписка со Скрябиным была напечатана в России в 1972-м году в связи со столетием со дня рождения Скрябина. После преждевременной кончины Скрябина в 1915-м году дружеские отношения между его семьей и семьей Балаховских продолжались. Татьяна Федоровна Скрябина и ее дети Ариадна, Юлиан и Марина перебрались в Киев в январе 1919 г. и поселились в доме Балаховских. Вскоре к ним присоединился Борис Федорович Шлецер, брат Татьяны Федоровны, известный музыкальный критик, и их престарелая мать. Обитатели дома Балаховских всячески изощрялись, чтобы защитить квартиру от реквизиции военных отрядов — ведь этот дом был самым видным «на Днепре», и как только новое «правительство» обосновалось, солдаты и офицеры пытались «национализировать» этот дом. Пользуясь присутствием семьи Скрябиных в доме Балаховских, Татьяна Федоровна и я основали «Скрябинское общество». Я был секретарем этого общества, что давало мне возможность защищать квартиру от налетов разных военных групп. Вскоре прибыла группа советских офицеров, которая пыталась реквизировать весь дом. Нам дали 48 часов, чтобы очистить помещение. Тогда я решился на рискованный шаг. Я послал телеграмму «председателю Совета Народных Комиссаров В.И.Ленину» следующего содержания (я помню текст почти точно): «В то время, как в Москве воздвигается памятник великому композитору Скрябину, его семья выселяется представителями Красной Армии в Киеве. Я обращаюсь к Вам с просьбой принять меры, чтобы предотвра-

тить эту опасность». Получил ли Ленин мою телеграмму и отдал ли он приказ оставить семью Скрябина в покое, сказать невозможно, но остается тот факт, что когда прошел срок, назначенный нам на выселение, ни офицер, ни его солдаты не появились.

Летом 1919-го года Татьяна Федоровна уехала в Москву, чтобы устроить дела. И в ее отсутствие случилась трагедия. В воскресенье 23-го июня 1919 г. киевская школьная учительница взяла группу детей, среди которых были и Скрябнны, на пикник на Днепре. Когда подошло время возвратиться, Юлиана не могли найти. Он стеснялся быть в компании других детей в купальных костюмах н отошел от них. Учительница решила вернуться и, оставив детей дома, отправилась на поиски Юлиана на острове на середине реки. Но Шестов сразу сказал «Юлиан погиб», как будто он мистически узнал, что надежды нет. Я присоединился к поискам, и мы взяли с собой двух опытных матросов. Скоро нашли бедного Юлиана — он утонул в маленькой бухточке, где вода неожиданно стала глубокой. Была печальная панихида еще до возвращения Татьяны Федоровны — говорил композитор Глиер, директор киевской консерватории и учнтель Юлиана. Юлнан унаследовал талант своего отца. Ему было всего однннадцать лет, когда он погиб, но он уже сочинял фортепианные пьесы в стиле последних произведений Скрябина, с удивительно изящной гармонией. Эти пьесы сохранились и были напечатаны в России в 1960 г.

После оккупации Киева белыми (31.08.1919) были органнзованы страшные еврейские погромы, несравненно более зверские, чем когда бы то ни было до революции. Страннцы «Киевской Мысли» были заняты траурными объявлениями с именами целых семей, с детьми, зверски убитых в их собственных квартирах. Мне запомнился фельетон бывшего члена Государственной Думы Шульгина, под названием «Пытка страхом», в котором он проводил идею, что погромы былн отмщением евреям за разгром ими России, под руководством Троцкого. Учитывая обстоятельства, мне посоветовали выехать на время из дома

Балаховских. Шестовы поселили меня в окрестностях Киева, где у них была маленькая дача. Таня и Наташа выглядели как идеальные женские образы русского народа, и никакой погромщик не мог заподозрить, что их отец — еврей. Помню эпизод: донской казак-кавалерист остановился у дачи. Таня вышла на крыльцо. Казак вежливо спросил: «Здесь жидов у вас нет?» Таня ответила отрицательно. «Я так спросил, — продолжал казак, как бы в извинительном тоне, — потому что нам приказано жидов-то истреблять». С этим он поклонился, легко ударил кнутом лощадь и ускакал.

Скоро стало ясно, что оставаться в Росснн дальше было невозможно — гражданская война перелилась на юг. Нужно было уезжать за граннцу. Семьи Балаховских и Шестовых уехали в Париж. Туда, в конце концов, уехал и я. Дальнейший путь мой лежал в Амернку, которая стала моей новой родиной. (Николай Слонимский, ненз-данные воспоминания).

* *
*

Само собой разумеется, что после отъезда Балаховских (см. стр.160) Шестовы не могли сохранить за собой их большую квартиру. В ноябре 1919 г. с ними поселилась Татьяна Федоровна Скрябина с тремя детьми и еще несколько знакомых. Об этом Шестов пишет Даниилу Гр. и Софье Ис., которые в то время еще были в Одессе:

У нас все благополучно. Переехали Татьяна Федоровна с семьей и В.П.Кузмин, брат мужа Аллы*. Разместились так, что всю квартиру заняли. Т.Фед. в восторге, что вырвалась из В.(?). Дети ее — тоже. Вообще все сразу наладилось хорошо. (Киев, 18(31).01.[1919]).

После прихода большевиков жители дома Балаховских с волнением следили за событиями, со дня на день ждали

* Алла Тарасова, артистка Художественного театра.

реквизиции квартиры. Как-то в дом явились солдаты с тем, чтобы поселиться в нем. Все в квартире притихли и ждали, что будет. Раздался звонок и стук в дверь. Дверь была закрыта на цепочку. Самой храброй оказалась Анна Ел. Надев белый докторский халат, она приоткрыла дверь и властным голосом сказала пришедшим, что входить в эту квартиру им не положено, что они могут поселиться этажом выше, где есть пустая квартира. Солдаты ее послушались, и с ними установились мирные отношения. Через некоторое время они покинули дом.

Свою жизнь в Киеве при большевиках Шестов описал в рассказе Фондану и в двух письмах к родным:

> К счастью, я был «персона-грата». Кое-кто из вождей были моими читателями. Они считали, что мы между собой согласны, ибо я был революционером в философии, они — в политике. Они не теряли надежды меня убедить. Но ужасы, которые я видел... Идя на лекции в университет, я избегал людных улиц, пробирался переулками. (Фондан, стр.108).

> Как-то Шестов был приглашен на публичное собрание, на котором обсуждались идеи Маркса. Ему не хотелось идти, но ничего нельзя было сделать. Он пользовался большим уважением в Киеве, еще большим после революции, чем до нее. Благодаря этому, его квартиру не реквизировали...
>
> Председатель собрания сказал, что революция сметет всех Аристотелей, Платонов и даже Шестовых, если они откажутся предоставить свой талант на службу революции. Им не надо больше думать о том, что сказать. Им это будет указано. С них требуют только их талант. На это Шестов ответил, что эта революция — не первая. Что Аристотель и Платон были уже сметены несколько раз. Несмотря на это, через несколько столетий люди выкапывали то, что осталось от Аристотеля и Платона, и этому поклонялись...
>
> Если рабочий приходит ко мне, сказал Шестов, то для того, чтобы узнать, что я имею ему сказать. Он хочет

знать, к чему я пришел в моих размышлениях, а не то, что я скажу по повелению свыше...

Я признаюсь, продолжал Шестов, что так говорить не являлось тогда большой заслугой, потому что в это время никто бы не осмелился на меня покуситься, так как у меня было много друзей среди революционеров. Они все говорили, что они мои поклонники, хотя они ничего не понимали и смешивали Аристотеля, Платона и Шестова. Для них все это было одно и то же. (Фондан, стр. 22-23. Описанное собрание происходило летом 1919 г.).

В письмах родным Шестов рассказывает о своей жизни в эти месяцы:

Пока у нас благополучно. Все до единого мы живы и здоровы. Жизнь, конечно, очень трудная, но в Киеве все-таки еще не голодают и, так как теперь лето, то и недостатка топлива не ощущаем... Мои все здоровы. Таня держит экзамены, Наташа окончила гимназию и теперь работает на ферме в земледельческой коммуне на С.(?) и очень довольна...

Так что надо думать, мы в конце концов не пропадем. Тем более, что в Киеве все-таки лучше, чем в Москве и Петербурге. (Фане, Киев, 23.05.1919).

Наконец есть случай написать тебе. Слава Богу, мы все живы и здоровы. Я здесь устроил себе хорошую работу — читаю лекции в народном университете, состою членом ученого комитета по изданию философских книг*, тов. председателя ученого совета при народном университете, читаю доклады и публичные лекции и т.д. Словом, благодаря моему положению в ученом и литературном мире, мне можно было найти работу. Куда я не являюсь, везде нахожу слушателей и читателей, которые оказывают мне всякие мелкие и крупные услуги. Все-таки я вижу, что люди за добро часто платят добром. (Матери, Киев, 25.05.1919).

* Философский отдел всеукраинского книгоиздательства.

В архиве Шестова сохранилась рукопись (136 стр.) курса «Основные философские проблемы в историческом освещении» (от Платона до Декарта). По всей вероятности, Шестов читал этот курс в народном университете осенью 1918 года. В зимний семестр 1918-1919 гг. он там читал курс «История греческой философии». Машинописная копия (267 стр.) восьми лекций (от Фалеса до эпикурейцев) сохранилась в архиве Шестова. Оба курса не изданы. Из приведенных писем видно, что в труднейших условиях тогдашней жизни Шестов проявлял большую деятельность и не терял бодрости.

* *
*

Как уже было указано (см. стр.149), в январе 1919 г. Шестов окончил книгу «Власть ключей», куда вошли работы, опубликованные в 1916, 1917 и 1918 годах, и две большие работы, написанные, вероятно, в Киеве в 1918 и в январе 1919 года. Ловцкий рассказывает, что большевики хотели издать эту книгу при условии, что Шестов даст предисловие, хотя бы в полстраницы, в защиту марсистской доктрины. Шестов на это не пошел, и дело не состоялось (Ловцкий, стр.29). Сохранился договор, подписанный 29 августа 1919 г., об издании произведения Шестова «О корнях вещей» в количестве «десяти тысяч экземпляров» в Еврейском Народном Издательстве. Это издание тоже не состоялось. Мы упомянули о нем, так как ни до этого времени, ни позднее не предвиделось столь значительных тиражей книг Шестова.

Этому периоду жизни Шестова Лундберг посвятил несколько строк в своем «Дневнике писателя»:

> Революция ужаснула его. Он приглядывался, но так и не доглядел ее сути. В Киеве его оберегал от ма-

> леньких и больших бед Н.Венгров*. В ту пору Шестов не был явно враждебен, но много молчал и душевно темнел, как от болезни. (Лундберг, стр.76-77).

Нужно предположить, что Венгров был среди тех, кто оказывал Шестову «мелкие и крупные услуги», о которых он пишет матери.

* *
*

После окончания учебного года Шестовы некоторое время жили под Киевом в Святошине, где они с друзьями снимали дачу.

31 августа Белая армия заняла Киев. Сохранилось несколько писем Шестова, написанных в начале сентября. Он пишет:

> У нас здесь все благополучно, все перевороты прошли, нас не задев. Все здоровы и живы... Приходилось много работать, зато не голодали. Я читал лекцин по фнлософии...
>
> Прн первой возможности постараемся приехать к вам. Когда возможность эта наступит, сказать еще нельзя, но мы уж ею непременно воспользуемся, так как только об этом н думаем. (Матери, Киев, 1(14).09.[1919]).

> Теперь мы все ждем, не дождемся, когда, наконец, можно будет поехать к тебе. При первой возможности, все снимемся и поедем...
>
> В Киеве тоже очень дорогая жизнь, и мы все охотно бы отсюда уехалн, но пока очень трудно отсюда выбраться. Дороговизна же здесь и сейчас невероятная, хотя цены упали уже в три-четыре — а на хлеб в 10 раз. Здесь черный хлеб стонл больше 100 р. за фунт, а сейчас 13 р. Масло стоило 600 р. — сейчас уже 200 р. и т.д. Но нужно надеяться, что цены н здесь упадут сильно, и,

* Венгров, Натан (род. в 1894), русскнй писатель. Участвовал в революционном движенни в 1915-1917 гг. После октябрьской революции работал в области народного просвещения.

пожалуй, сравняются с крымскими, где хлеб стоит 20 р. за фунт, всем кажется, что это — дешево. (Матери, Киев, 7(20).09.1919).

Пережили мы эти 8 месяцев сравнительно благополучно. Все живы и даже, если не считать бедной Лизы, здоровы...

Вообще же все благополучно — особенно у тебя, Соня. Квартиру Мани разгромили совсем: весь дом выбросили. Немного вещей и мебели удалось сохранить. Квартиру Миши*, хотя и не реквизировали, — но вещи все потаскали, а мебель более или менее сохранилась. У вас часть — вещей и немного мебели повытаскали, но многое, лучшее, осталось: все инструменты, спальни, шкафы и т.д. Как мы вам завидуем, что вы в Швейцарии: здесь почти ничего невозможно делать, такая разруха. При первой возможности и мы уедем, но когда это будет, трудно сказать. Если бы уже хоть виден был конец гражданской войны. Впрочем — потерпели, еще потерпим...

Саша и мамаша, верно, горят нетерпением узнать о делах. Хорошего мало. Дома остались, хотя было два пожара — в подольском доме сгорела крыша и в доме, что на Владимирской — тоже. Товаров никаких нет. Деньги есть — но деньги цены не имеют. Главное имущество — это (?) дома...

Скрябины пять дней тому назад уехали в Новочеркасск. Как-то они доедут! Дорога ужасная! (Фане и Соне, Киев, 14(27).09.1919).

Шестов с болью переживал трагические события, происходившие в России. В октябре он начал вести дневник, который он назвал «Дневник мыслей». В первых двух записях он говорит:

Трудно? Конечно, трудно. Всего не запишешь! Есть такое, что не хочет идти из души. Заставить себя? Посмотрим... Никогда так упорно, напряженно и непрерывно

* Лиза, Соня и Маня — сестры Шестова (см. приложение). Лизе незадолго до этого сделали серьезную операцию. Миша — брат Шестова.

не работала мысль, как в эти ужасные, кровавые дни. И никогда — так бесплодно. Отчего? Так надо? Так быть должно! (Киев, 4(17).10.1919).

Если мысль, которая вот уже пять лет — с начала войны — неотступно преследует меня, верна, если мы точно присутствуем при новом вавилонском столпотворении — то что делать? Если точно смешение языков послано Богом, а не «естественно», как думают обыкновенно, развившееся из условий существования, тогда и задачи другие. Тогда главное — вновь устремиться к Богу, Которого мы забыли. Тогда, значит, нужно думать только о Боге и все остальное приложится. (Киев, 12(25).10.1919).

* *
*

В начале осени Шестовы начали готовиться к отъезду за границу. Выехать в то время из России было нелегко. Каким образом Шестову удалось это сделать, он рассказал Фондану:

Я знавал одного батюшку, который был левым социалистом, а потом стал белым. Он выдал мне бумагу, в которой значилось, что я на что-то уполномочен, и она послужила мне пропуском в Крым, а дальше — в Константинополь. Но если бы я показал свой паспорт, в котором значилось — вероисповедания иудейского, — я бы пропал. (Фондан, стр.156).

В середине октября Шестовы уехали из Киева в Ялту через Харьков, Ростов и Новороссийск. Вещей взять с собой можно было очень мало. Все же Шестов повез с собой чемодан с рукописями, в котором были рукописи «Власти ключей» и «Дневника мыслей», рабочая тетрадь (Мс.19) с набросками, вошедшими в «Тысячу и одну ночь», и содержащая, кроме этого, много неизданных набросков. После трудного путешествия они приехали в Ялту 9(22) ноября. Там они начали хлопотать о выезде за границу. Кроме

Шестовых, в Ялте ждали возможности уехать семь членов семьи Шварцман (Миша с семьей, Маня с семьей), Женя с мужем и четыре члена семьи Балаховских. Сестра Лиза с мужем и тремя дочерьми оставалась в Киеве. Она не смогла выехать, так как недостаточно оправилась после тяжелой операции.

О поездке из Киева в Ялту и о своих размышлениях в это время Шестов пишет в «Дневнике мыслей»:

> Месяц не писал: ехал в Крым. Теплушки, валянье на полу в Харькове, потом в Ростове, потом на пароходе, потом в Ялте. Сейчас есть комната, есть кровать. Но попрежнему — принадлежишь не себе, а мелким заботам о насущном хлебе для сегодняшнего дня. «Мыслей» нет, и пропадает вера в мысль. Ничего угадать нельзя, ничего предсказать нельзя. И все кажется таким нелепым, бессмысленным. Кругом замученные люди, раздавленные, никчемные. Спроса нет ни на что, кроме крова, пищи, тепла. Спекулянты имеют благополучный вид, но только вид. Офицеры, которые получше, в отчаянии; которые похуже — кутят и добывают средства для кутежа спекуляцией. Газеты болтливее и бессодержательнее, чем когда бы то ни было. Бедная Россия гниет и разваливается. Все лучшее идет ко дну. На поверхности подлость и бездарность. (Ялта, 15.11.1919).

> Другие занятия — дневник заброшен на месяц почти. Есть трудные обстоятельства, которые все же не мешают думать. И болезни, и холод, и голод — все мирится с исканиями. Но внешняя озабоченность — она убивает мысль. А сейчас все люди растрачиваются на такие дела. (Ялта, 12.12.1919).

Сохранилось 14 писем из Ялты, написанных Шестовым между 10 ноября и 14 декабря родным, живущим за границей, в которых он просит помочь семье выехать из России и описывает все трудности, которые им приходится преодолевать. Приводим выдержки из них:

Вчера приехал из Киева в Ялту с Анной, Таней и Наташей. В Киеве дольше невозможно было оставаться: и так натерпелись. Три недели ехали... Путешествие ужасное в товарных вагонах (из Киева до Харькова 4 дня), на палубе парохода, валяться на полу в Харькове, или даже на диване в Ростове и вообще три недели в самых некультурных условиях. Мы все перетерпели и доехали наконец до Ялты... Держимся пока. Чудом добрались невредимы до Ялты. Если и дальше будут чудеса, может и до Константинополя доберемся... Соня*, верно, кой-что рассказала тебе о нашей жизни, но она видела только цветочки, а ягодки созрели после ее отъезда. По-видимому, анархия в России не кончится ни через год, ни через два... и на скорое успокоение в России надеяться нельзя. Нам всем придется существовать только на те средства, которые остались за границей. Их нужно всячески оберегать... Всем теперь в России неслыханно трудно, и особенно, конечно, зимой — а зимы осталось три месяца и самых жестоких. Дороговизна неслыханная и все растет... Хлеб стоит 6 р. фунт, соль столько же, масло 160 р. фунт, ботинки 3500 р. и т.д. Единственная наша надежда выехать отсюда... и чем скорее, тем лучше, ведь не те уж годы, когда можно все выносить, надо выручать нас, пока не поздно... Если не выберемся к вам, мы можем оказаться в безвыходном положении, а сил у всех уже мало: все замучены. Так что сделайте возможное, чтобы облегчить нам выезд...

Что касается средств, то в этом отношении, как я уже писал тебе, у нас на руках средств нет. За границей кое-что должно быть, то, что у Саши осталось и затем партия кожи, которую в компании с Сем.Влад. купили года два тому назад, которая представляет из себя ценность в 200 или 300 тысяч франков. Придется жить очень и очень скромно. Чрезвычайно важно было бы, если бы мамаша согласилась свои деньги перевести тебе [Фане]...

---

* Старшая сестра Шестова Софья Исааковна Балаховская, которая уехала за границу в начале 1918 г.

Мы были настолько недальновидны и беспечны, что не подумали о будущем: теперь жестоко платимся и, если будем опять беспечны, то можем дойти до нищеты. Ведь все у нас старые и больные, которые зарабатывать уже не могут, или малые. Только я и моя семья еще могут устроиться, но содержать всех мы не можем, ибо и самим придется жить в крайней нужде...

Но как выбраться! Нужно разрешение, нужны средства. Мы здесь хлопочем о заграничных паспортах и надеемся их получить. Если бы от вас пришло разрешение и деньги, мы могли бы теперь же выехать... И Жене с мужем [Иосиф Пресс] Соня должна прислать денег. Он дивный виолончелист, играет он бесподобно и его везде оценят, но, если он здесь застрянет, то, пожалуй, совсем играть разучится, разболеется и т.д.

* *
*

Будучи в Ялте, Шестов хлопотал о получении кафедры в Таврическом университете на случай, если не удастся выехать из России. За него в Симферополе ходатайствовал профессор Иван Пименович Четвериков, который раньше был профессором в Киевской Духовной Академии. Он пишет Шестову в Ялту:

До меня дошли сведения о Вашем желании выставить свою кандидатуру в приват-доценты нашего университета. Если это верно, то я и Сергей Николаевич Булгаков с большим удовольствием сделаем представление о Вас; но для «вчинения» дела необходимо 1. Знать, действительно ли Вы хотите выставить свою кандидатуру; 2. Иметь Ваше curriculum vitae и 3. Ваши труды (в Симферополе имеются только 2 тома в издании «Шиповника»: «Апофеоз» и «Великие кануны») или — по крайней мере — список их. Очень жду Вашего ответа. Если Вы захотите лично побывать в Симферополе, то остановиться можете у меня, буду очень рад видеться с Вами. Если Вы при-

везли сюда мои и академические книги, которые брали у меня в прошлом году, то сделали очень хорошо: я очень нуждаюсь в Siebeck'е. (Симферополь, середина ноября 1919).

Пишу несколько слов относительно устройства при университете. Рекомендация моя и С.Н.[Булгакова] будет выслушана в ближайшее заседание факультета. Можно рассчитывать на благоприятный исход выборов. Вопрос с материальным обеспечением стоит тоже. В настоящее время в нашем университете с финансами обстоит дело не так благополучно, как Вам кажется. П.П.Кудрявцев* не доехал до Симферополя и вернулся в Киев из Харькова; С.Н. читает на юридическом факульт., так что всю философию представляю я один. Вы могли бы рассчитывать на получение обязательного курса, напр., по истории новой философии. А получение обязательного курса влечет за собой оплату лекционных часов (не помню размеры оплаты), оплату комнаты и 30 пудов дров в месяц. Комнаты трудно находить, но находят...

Все это — при условии, конечно, если не удастся Ваш отъезд за границу. В Симферополе остановитесь, конечно, у меня. Простите, что сообщаю Вам неопределенные сведения по вопросам материального характера. (Симферополь, 4.12.1919).

Вчера в заседании факультета был заслушан отзыв о Ваших работах и сделано постановление о допущении Вас к пробной лекции, после которой должны состояться выборы. Пробная лекция, выборы (только в факультете) и представление на утверждение управляющему министерством — простые формальности, требуемые уставом университетов. Можно сказать, что Вы уже состоите в корпорации нашего университета, и со следующего семестра могли бы начать курс лекций. Вы можете объявить свой собственный курс, а сверх того я внесу в факультет предложение о предоставлении Вам обязатель-

* П.П.Кудрявцев, профессор Киевской Духовной Академии.

> ного курса по истории новой философии от Канта, если — конечно — Вы согласитесь на это. Вчера же в заседании факультета были заслушаны новые штаты, по которым за годовой час полагается оплата в 3000 рублей. На историю новой философии полагается 4 годовых часа. Если бы Вы объявили свой курс по истории русской философии (2 ч. семестр), то этот курс был бы рекомендуемым и также оплачивался бы по 3000 р. Сообщаю это в дополнение к тому, что писал Вам прошлый раз о возможности материальной обеспеченности. (Симферополь, 15.12.1919).

Сохранилось письмо Таврического университета от 19.12. 1919 (1.01.1920), где указано: «Историко-филологический факультет в заседании 13-го декабря признал возможным допустить Вас к чтению лекций в качестве приват-доцента на основании... известности, приобретенной научными трудами». Но лекций в Симферополе Шестову читать не пришлось, так как он вскоре уехал за границу. Звание «приват-доцента Таврического университета» помогло Шестову в его назначении в 1921 г. профессором русского факультета, основанного в то время при Парижском Университете (см. стр.229-231).

* *
*

Наконец, долгожданные разрешения были получены, и в начале января все 13 человек отправились в Севастополь, откуда они смогли уехать в Константинополь на французском транспортном пароходе «Дюге-Труэн». Из Ялты в Севастополь ехали на двух или трех подводах. Стояла чудесная зимняя погода, и, несмотря на заботы, все любовались видом на горы и море.

В Константинополе всех высадили. Там они получили письма от Ловцких и валюту, которую им выслал Саша из Лондона (750 фунтов). Благодаря этому, им удалось

не застрять, как многим, в Константинополе, а через день или два достать места на американский пассажирский пароход, который плыл в Геную. Он стоял около недели в Пирее, что дало возможность молодежи осмотреть Афины. В Геную прибыли 5 февраля 1920 г. по новому стилю. Там остановились в отеле «Британия». Из Генуи Шестов поехал в Париж (10 февраля), а жена с детьми в Женеву, к Ловцким.

Сохранилось шесть писем Шестова, написанных Ловцким и матери из Пирея и Генуи, по которым удалось определить указанные даты. В письмах почти исключительно говорится о том, кому куда ехать, о переговорах со швейцарским консульством по поводу разрешения на въезд в Швейцарию и о препятствиях, которые возникали на каждом шагу. «Вообще путаницы много, беготни и хлопот еще больше. Ждем, не дождемся, когда уже прибудем куда-нибудь на место... очень устали, но держимся», — пишет Шестов Фане (Генуя, 7.02.1920). В этих письмах всего несколько строк о том, что Шестов рад, что ему, наконец, удалось выехать, а в одном письме он благодарит родных за хлопоты. Он пишет матери и Ловцким: «Слава Богу, что все живы и здоровы и скоро увидимся» (Пирей, 25.01.1920), а Маня приписала: «...Мы уже заграницей. Исполнилось то, о чем уже год как мы мечтаем. Скоро, скоро, Бог даст, мы увидимся». «Спасибо за хлопоты. Без вас никогда бы не выехали» (Пирей, 27.01.1920). В последнем письме две приписки. В первой Маня тоже благодарит Ловцких: «Большое вам всем спасибо за то, что выручили нас. Пока мы уже в безопасности и это слава Богу». Во второй приписке Люся восклицает: «...пишу тебе из Афин! Сейчас едем смотреть Акрополь!.. Спасибо, что вырвали нас».

Глава VIII

Женева, 1920; Париж, 1921-1923. — Статьи в «Современных Записках». — Поездка в Берлин. — Курс в Сорбонне. — Три книги (тома II, III и IV) выходят в издательстве «Скифы» в Берлине. — Статья и две книги опубликованы по-французски. — Портреты Григорьева и Сорина. — Знакомство с Эйтингоном. — Поездка в Понтиньи.

Как уже было указано, Шестовы приехали в Геную 5.02.1920 по новому стилю. Оттуда Шестов 10 февраля отправился в Париж — установить контакт с представителями литературного мира и повидать Семена Владимировича Лурье и Даниила Григорьевича Балаховского, чтобы выяснить финансовое положение семьи. Из Парижа Шестов поехал в Лозанну повидаться с матерью и затем (20.02.1920) к Ловцким в Женеву (4 avenue de Varens). Ловцкие, которые прожили тревожные годы войны в Женеве, пригласили всю семью у них остановиться. Жена Шестова с детьми уже находилась в Женеве, приехав туда прямо из Генуи. Ловцкие предоставили Шестовым две комнаты в своей уютной квартире. В одной из них поселился Шестов. В Швейцарии он нашел свою библиотеку, которую не смог увезти с собой в Москву в 1914 г. Кроме Ловцких, Шестовых очень радушно встретил инженер Яков Самойлович Шрейбер, давний знакомый Шестова, который с женой Фридой Лазаревной и дочерью от первого брака Верой жил в Женеве. В течение года с небольшим, который Шестов провел в Женеве, он часто бывал у них.

Несмотря на радость опять увидеть родных после столь долгой разлуки и на то, что трудное путешествие, наконец, закончилось, Шестову было нелегко. Он пишет в «Дневнике мыслей», начатом в Киеве в октябре 1919 г., который он привез из России вместе с другими рукописями, написанными в Киеве:

> Докатился. Думал, что когда докачусь до Женевы, можно будет сказать: ныне отпущаешь раба Твоего. Не тут-то было. Опять мелкие заботы, тысячи мелких забот, и нет никакой возможности думать о чем-либо. Хотелось бы писать в этой тетради, а нужно писать письма, письма без конца. (Дневник мыслей, Женева, 20.02.1920).

В первую очередь надо было позаботиться о материальном устройстве семьи. У товарищества было кое-какое имущество за границей: партия кожи, купленная в компании с Семеном Владимировичем Лурье, и товар в Лондоне, где у Товарищества была контора, основанная до войны 1914 г. После войны там осталось довольно много товара. Прежнее дело контора продолжать не могла, и ставился вопрос, начать ли новое — чисто лондонскую торговлю — или реализовать товар и кожу. Этот вопрос много обсуждался, и Шестов вел по этому поводу большую переписку с членами семьи. Он считал, что второй выход — единственно правильный. Он пишет об этом в двух письмах к Саше, который жил тогда в Лондоне:

> Я не расположен к тому, чтобы развивать торговые операции. Это сопряжено с большим риском. А здесь теперь уже 17 человек, у которых ничего нет, кроме того, что осталось в Лондоне и у Сем.Вл. Если реализовать лондонское дело и когда мы получим то, что следует с Сем. Вл., получится около 20000 фунтов — сумма, на которую все 17 человек при скромной жизни могут просуществовать 8-10 лет. За это время кой-кто себе работу найдет, молодые станут на ноги и т.д. А может и в России условия изменятся. Но конечно жить придется скромно.

Каждому человеку придется жить на 100 фунтов в год. Зато будет уверенность в том, что завтрашний день обеспечен. Миша и Володя, конечно, с этим не согласны. Миша хочет деятельности и больших заработков. Володя... очень настаивает на том, чтобы в Лондоне продолжать дело. Я, повторяю тебе, очень против этого. Я уверен, что кроме огорчений, ссор и т.д., ничего из лондонского дела не выйдет. (Саше, Лозанна, 20.02.1920).

Пишу тебе, кажется, уже четвертое письмо, но до сих пор писал наскоро. Очень уж устал от всех трудностей, да до сих пор жил так, что негде было и присесть, чтобы спокойно написать. Теперь у Германа я несколько устроился. Он потеснился и уступил нам две комнаты. В одной Наташа — больная, у нее корь, с Анной, в другой — я. Таня живет пока у Шрейберов. Очень угнетает болезнь Наташи, но нужно еще благодарить Бога, что это случилось здесь, а не в Генуе, в ужасных условиях жизни в гостинице и т.п. Анна едва-едва сама держится, а ей приходится целый день толочься, ухаживая за Наташей. Я по целым дням пишу письма в разные города, наводя справки о том, где можно на скромные средства устроиться и т.п. Но авось это уже последние испытания. Это, впрочем, в большой мере зависит от тебя — и тут я перейду к делу.

Я уже писал тебе, что из России мы ничего не привезли. Даже на дорогу нам не хватило бы тех денег, которые у нас были. Только присланная тобою валюта нас выручила. Когда мы были в Ялте, все ни о чем больше не мечтали, как о том, чтобы вырваться из того ада, который сейчас в России. Но не успели сесть на пароход, как все прежние /...?/ были забыты. А когда приехали сюда — тем более. Прежде говорили: только бы попасть заграницу, там будем как угодно жить. Теперь хотят жить как жили прежде. Соответственно этому хотят много денег...

Что же теперь делать с оставшимися средствами? Так вот теперь для нас выбор: с одной стороны [реализовать товары и кожу, что даст] возможность скромного, обес-

печенного для всех на 8-9 лет существования без ссор, дрязг, брани и всего того, чем так богато было киевское житье, с другой [продолжать лондонское дело, и в результате —] возможность несколько лучшего внешнего устройства, сопряженная с риском остаться без гроша за границей, т.е. быть обреченными на голодную смерть и перспективы всех тех прелестей, которые, надеюсь, еще живы в твоих воспоминаниях и к которым, тоже надеюсь, ты относишься не легче, чем в былые времена. Очевидно, что тут двух мнений быть не может. Только слабость и боязнь, что придется не так удобно жить, заставляет Володю склоняться к второму решению. Что до меня, то я и теперь, как и прежде, в самом деле предпочитаю какое угодно скромное существование той вечной грызне, которая устраивалась в Киеве. И тоже думаю, что нельзя рисковать существованием 20 человек из-за мнимых возможных выгод. И тоже уверен, что в этом отношении ты примешь мою сторону. Миша, если хочет, может и без Лондона вести дело. Володя может взять место. Ты можешь зарабатывать немного своей музыкой, я — литературой. Вместе с тем, что мы будем получать на вырученные после ликвидации дела суммы, получится достаточно, чтобы существовать. Нужно только немного мужества, чтобы согласиться жить, как живут десятки миллионов людей — ведь ни голодать, ни работать сверх сил никому не придется. Придется только отказаться от привычки к роскоши.

Все, что я пишу тебе, необычайно для нас важно. Помни это и очень обдумай каждое мое слово. Я уверен, что если мы не ликвидируем дела в Лондоне, это будет для всех настоящим несчастьем. Не знаю, приехал ли уже Миша в Лондон. Во всяком случае, поторопись ответом, т.к. мне очень хотелось бы поскорей убедиться, что ты и сам понимаешь то, о чем я тебе пишу. (Саше, Женева, 24.02.1920).

В письме к Саше от 24.02.1920 Шестов говорит о ссорах и дрязгах киевского житья. В другом письме он даже пишет

о том, что нелады погубили дело в Киеве, привели его к разорению. Вероятно, Шестов рисует столь мрачную картину, чтобы убедить Сашу. Когда читаешь письма Шестова 1914-1918 гг., положение не представляется столь отчаянным, наоборот, в них не раз говорится о хорошем ходе дела.

Пока положение дела не выяснилось, решено было «выдавать» каждой семье по 200 швейцарских франков в месяц на человека. Эта сумма оказалась недостаточной, и с апреля начали выдавать по 250 шв. фр. в месяц. Фаня и Саша взяли на себя обязанность заведывать финансами семьи. Много писем было написано на эту тему. Привожу отрывки из двух писем, написанных Шестовым в Женеве Фане и Герману, которые в начале марта уехали из Женевы в Германию на два-три месяца, но там задержались и вернулись только в начале июля.

> Теперь о делах. Я Саше написал только, что ты теперь вместе с ним меня заменяешь. Значит, кому и сколько высылать — уже ты должна распорядиться. Я могу только тебе свое мнение высказать. Я думаю, что, чем рисковать хотя бы частью того, что у нас осталось в надежде на многочисленные доходы, лучше выдавать на каждого человека не 200, а 250 фр. и, кроме того, ввиду того, что все оборвались и износились, выдать единовременно по тысяче фр. на каждую семью: пусть все приведут себя в порядок. Это очень бы успокоило и немного всех устроило. А то все ходят грязные, оборванные и, главное, чем дальше, тем дороже все будет стоить. (26.03.1920).

> У нас все по-старому. Дети в Гренобле* — устраиваются. Все-таки там много дешевле, чем в Швейцарии. Но и то жизнь дорогая. Им нужно одеться, обуться, книги купить — такая же история, как у всех. Но если прибавить по 50 фр. — то, может быть, и они справятся. Самое ужасное, что все так падают духом. Каждому видно, что ему трудно,

* См. стр.192.

и не видно, что остальным не менее трудно. Миша думает, что мы «устроены», Маня, что Миша «устроен», Соня чувствует, что ей ужасно, и т.д. Всем «ужасно», но если бы не падали духом, потерпели бы год или полтора, все бы стали на ноги. Этого — никто не понимает. По-моему, предлагаемое мною решение — наилучшее. И, если бы все это поняли, то мы бы, в конце концов, все-таки выбились... И.Ис.* живет пока с нами. Работает много, заводит музыкальные знакомства. Уже намечаются уроки. Кажется, на днях он будет играть в одном богатом доме, где ему заплатят несколько сот (300-400) фр. И ему, бедному, ужасно. Живет на краю города и бегает с виолончелью по всему городу — у него нет ни копейки денег, а у Сони или взаймы вообще брать он не хочет. И еще дает даром уроки Комаровскому. Оборванный весь — ему его коллега указал, что его костюм ganz kaput. Действительно, он весь в дырьях. И все-таки он не унывает — прямо молодец: единственное утешение. Кажется, обо всем написал. Резюмирую: мое мнение — нужно прекратить всякие дела и поддерживать всех, пока хватит денег. (30.03.1920).

* *
*

Одновременно с хлопотами о семье Шестову было необходимо разобраться в литературной обстановке того времени и выбрать себе местожительство. Он думал о Париже и о Берлине. Жизнь эмиграции в этих городах описана Г.Струве в его книге «Русская литература в изгнании» (стр.19-20) и П.Ковалевским в книге «Зарубежная Россия» (стр.81-90). Передаю вкратце их рассказ.

Париж, столица русского рассеяния, с самого начала был политическим и культурным центром. Здесь возникли первые серьезные эмигрантские газеты. Среди них «Послед-

* Иосиф Исаакович Пресс, знаменитый виолончелист, муж Жени (см. приложение).

ние Новости» оказалась самой долговечной и заняла в эмигрантской печати главное место. Начав выходить 27 апреля 1920 г., она с марта 1921 г. перешла в руки П.Милюкова и стала органом Республиканско-Демократического объединения. Газета просуществовала до самой оккупации немцами Парижа в 1940 г. В газете объявлялось о всех собраниях и лекциях, устраивавшихся в Париже, и давались отчеты о них. По ним можно проследить деятельность Шестова на этом поприще. Первым большим журналом зарубежья была «Грядущая Россия», два номера которой появились в Париже в январе и феврале 1920 г. Больше журнал не выходил из-за отсутствия средств. Через несколько месяцев в Париже был основан журнал «Современные Записки», первый номер которого вышел в ноябре 1920 г. (см. стр.186-187). В это время в Париже была создана Русская Академическая Группа, которая служила центром общения русских профессоров и научных работников. В ее организации приняли участие с самого начала французские профессора, знатоки русской культуры. Она поместилась в центральном бюро французских университетов. Первым председателем Группы был избран проф. Е.Аничков, но, ввиду его отъезда в Белград, его заменил П.Гронский. В 1922 г. председателем был избран А.Анциферов, который оставался на этом посту до своей кончины в 1942 г. В правление с самого начала вошел французский профессор русского языка Жюль Патуйе (Jules Patouillet), а профессор Поль Буайе (Paul Boyer), директор парижской Школы восточных языков, был избран почетным членом. Шестов стал членом Академической Группы в июне 1921 г.

В 1922 г. П.Милюков и П.Гронский создали Академический Союз.

В Париже было основано восемь русских высших учебных заведений. На первом месте стояли Русские факультеты при Парижском университете (Facultés Russes près de l'Université de Paris), которые являлись Русским отделением Института

славяноведения (Section russe de l'Institut d'Etudes Slaves, 9 rue Michelet, Paris 6). Этот институт было принято называть Славянским институтом (Institut Slave). Главными факультетами были юридический, физико-математический и историко-филологический, к преподаванию в которых было привлечено свыше сорока русских профессоров и доцентов. Организацией лекций занимался Славянский институт. На русском историко-филологическом факультете (Faculté des Lettres russe) Шестов в течение 16 лет читал свободный курс по философии со званием профессора русского факультета при Парижском университете (см. стр.236). Оклады профессоров русских факультетов были значительно ниже окладов французских университетских профессоров, и профессура (один час в неделю) давала Шестову некоторую материальную поддержку, но его не обеспечивала. Русские факультеты от Сорбонны не зависели, но, так как большинство лекций читалось в аудиториях Сорбонны, принято было говорить, что лекции происходят в Сорбонне. Иногда также говорили, что было правильнее, что лекции читаются в Славянском институте. В письмах Шестов не раз упоминает о своем курсе и о своих хлопотах о кафедре. В некоторых письмах он называет факультеты «институтами». В письме от 18 сентября 1921 г. (см. стр.222) он говорит о «Русском историческом институте при Сорбонне» и в нескольких письмах пишет «читал в Сорбонне». Последнее выражение мы тоже употребляем в нашем изложении. Некоторые подробности о кафедре и об организации лекций даны в письме Шестова к Ловцким от 23 февраля 1922 г. (см. стр.231) и в письме к Мандельбергам от 21 ноября 1925 г. (см. стр.325).

Шестов также иногда выступал во Франко-Русском институте (высшая школа социальных, политических и юридических наук), основанном в 1925 г., и в Народном университете, основанном в 1921 г. В последнем он читал курс лекций в первом полугодии 1922 г. (см. стр.231).

Если Париж был столицей русского зарубежья, то с конца 1920 г. по начало 1924 г. Берлин можно считать второй, как бы литературной столицей. Условия послевоенной инфляции и относительная дешевизна создали в Берлине благоприятную атмосферу для издательского предпринимательства. Сыграло тут роль и то, что, если во Франции и вообще в Западной Европе советское правительство еще не было признано и советские люди не имели туда доступа, в Германию с концом Гражданской войны в России, введением НЭП'а и установлением дружественных отношений между Советской Россией и Веймарской Республикой потянулись и советские люди. Возник целый ряд издательских предприятий. Количество русских издательств в Берлине в 1921-1923 гг. было очень велико. Помимо Гржебина, главнейшие из них — «Слово», изд.И.П.Ладыжникова, «Эпоха», «Геликон», «Грани», «Скифы», «Русское Творчество», «Универсальное Издательство», «Мысль». В Берлине выходило в те годы несколько русских газет (ежедневные «Руль» и «Голос России», «Дни», еженедельное «Время», монархическая «Грядущая Россия»). Русское население Берлина, особенно в его западных кварталах, было в эти годы так велико, что на Курфюрстендамм была слышна только русская речь. Особенностью жизни русского литературного Берлина в этот период было не повторявшееся уже впоследствии общение между писателями эмигрантскими и советскими. Но уже в 1924 г. жизнь в Берлине стала сильно дорожать, и русские эмигранты начали разъезжаться. Многие газеты и издательства вынуждены были закрыться или перевестись в другие города. Некоторые писатели переехали в Париж (Ремизов, Бердяев и др.). Все же в Берлине и после 1924 г. оставалось немало русских и литературная жизнь продолжалась, конечно, не столь бурная, как в предыдущие годы. С 1921 до 1930 г. Шестов часто ездил в Германию, читал доклады в Берлине и в других городах и встречался с русскими и немецкими писателями.

Как было указано, из Генуи Шестов заехал на десять дней в Париж и установил связь с тамошним литературным миром. Он повидал И.И.Фондаминского, с которым был уже знаком в России. Они условились, что Шестов пошлет ему еще неопубликованные работы. Кроме того, Фондаминский и его друзья просили и настаивали, чтобы Шестов беспристрастно описал, что происходит в России.

Приехав из Парижа в Женеву 20 февраля, Шестов приступил к занятиям. 13 марта он отправил Д.Г.Балаховскому в Париж письмо и статью с просьбой передать ее Фондаминскому. В письме к Д.Г. заглавие статьи не указано. Через неделю Шестов послал в Париж еще одну статью, «Тысяча и одна ночь», и работу «Что такое русский большевизм», на последней странице которой пометка «Женева, 5.03.1920». Он пишет об этих работах Ловцким:

> Из Парижа я уже получил 350 швейцарских франков за 1-ю статью. Послал им 2-ю статью («Тысяча и одна ночь») и написанную здесь статью о большевизме. Может получу еще немного денег. (Женева, 23.03.1920).

Работа «Что такое русский большевизм» вышла по-французски 1 сентября в журнале «Меркюр де Франс». Она также была переведена на шведский язык и, вероятно, напечатана в шведском журнале в начале 1921 г. О несостоявшемся русском издании будет сказано ниже. Из России Шестов привез чемодан с рукописями, относящимися к 1918-1919 гг., когда он жил в Киеве. Среди них были рукописи двух законченных работ: «О корнях вещей» и «Тысяча и одна ночь». Последняя работа и есть «2-я статья», о которой Шестов пишет Ловцким. А «первая статья», без сомнения, «О корнях вещей». Об этой статье Шестов пишет дочерям 16.06.1921 (см. стр.219): «...в прошлом году я за нее из... журнала получил 800 фр., хотя статья была только набрана и свет не увидела». Можно предположить, что по получении «1-й статьи» Фондаминский ее передал в журнал «Грядущая Рос-

сия» и что этот журнал заплатил Шестову гонорар, но не напечатал статьи, так как вскоре закрылся. Обе указанные статьи были опубликованы годом позже в журнале «Современные Записки», основанном в Париже в июле 1920 г. «Тысяча и одна ночь» вышла в 3-м номере журнала (февраль 1921), а «О корнях вещей» — в 5-м номере (июнь 1921). До этих двух работ, в 1-м и 2-м номерах (ноябрь и декабрь 1920) «Современных Записок» появилась статья Шестова «Откровения смерти. Последние произведения Л.Н.Толстого», которая является частью неоконченной книги «Sola Fide» (см. стр.125-126 и стр.211). Весьма вероятно, что рукопись «Sola Fide» находилась среди рукописей Шестова, которые Ловцкие ему привезли из Берлина в начале июня 1920 г. (см. стр.199, письмо к жене 21.07.1920), и что, получив рукопись, Шестов тотчас же подготовил к печати и послал Фондаминскому статью «Откровения смерти», которую «Современные Записки» напечатали раньше других двух статей, так как тема им больше подходила. Впоследствии статья вошла в книгу «На весах Иова» под заглавием «На страшном суде».

Об основании и развитии «Современных Записок» М.Вишняк рассказал в книге «"Современные Записки". Воспоминания редактора». Он пишет:

> Благодаря личным связям и авторитету, А.Керенскому удалось добиться у Томаса Масарика и Эдуарда Бенеша, президента и министра иностранных дел Чехословацкой республики, обещания оказать материальное содействие делу русской свободы и культуры... Закончив переговоры в Праге, Керенский в начале июля 1920-го года созвал в Париже совещание ближайших единомышленников, — по преимуществу эсеров, около 30 человек... На совещании было решено приступить к изданию в Париже «толстого журнала», традиционного для русского интеллигентского сознания... Первоначальное ядро будущего журнала составилось из Вишняка, Гуковского и Руднева. (стр.89-90).

Это редакционное ядро привлекло Н.Авксентьева и И.Фондаминского. Последний долго не соглашался войти в редакцию чисто эсеровского журнала и настаивал на принципе межпартийности, но, наконец, все же согласился.

> В порядке же уступки его настроениям, не вовсе чуждым и другим, решено было не подчеркивать и не афишировать своей руководящей роли в журнале. Решено было поставить вместо обычного, но в данном случае могущего отпугнуть: «Под редакцией», — менее претенциозное и меньше возражений вызывающее: «При ближайшем участии», за которым следовали фамилии пяти эс-эров... Установили тираж первой книжки в две тысячи экземпляров... Но как назвать журнал?.. Остановились на подсказанном со стороны довольно все же рискованном сочетании двух знаменитейших названий. Т.И.Полнер предложил назвать новый журнал «Современные Записки» в память или в честь «Современника» и «Отечественных Записок». (М.Вишняк, стр.92-93).

Сотрудники «Современных Записок» представляли очень широкий круг русской зарубежной литературы и общественности. В них принимали участие все виднейшие представители русской литературы в изгнании. О роли Фондаминского в издании журнала рассказывает М.Вишняк:

> Фондаминский, как сказано, сначала не соглашался войти в редакционную коллегию журнала, но, войдя, тотчас же стал его наиболее пламенным и восторженным пропагандистом. Это отвечало его характеру и натуре: всем, чем он занимался, он занимался с воодушевлением... В течение первых лет существования «Современных Записок» журнал был главной заботой, чтобы не сказать средоточием жизни и мысли Фондаминского. (М.Вишняк, стр.99).

В течение двадцати лет существования «Современных Записок» (ноябрь 1920 — начало 1940) было выпущено 70 томов. В них было опубликовано 13 статей Шестова. Эти работы составляют только часть написанного Шестовым

за эти годы, и у него бывали часто столкновения с журналом, главным образом из-за того, что журнал, давая всегда обещание напечатать быстро полученную им статью, делал это обычно с большим опозданием.

* *
*

С Берлином Шестов установил связь в 1920 г., вероятно, летом. Левые эсеры в то время (июнь /?/ 1920) основали в Берлине издательство «Скифы». Там работал левый эсер А.Шрейдер и давний знакомый Шестова, поклонник его философии, советский гражданин Е.Лундберг (см. стр. 61 и приложение). Когда он узнал, что Шестов на Западе, он вступил с ним в переписку (см. ниже письма Шестова к Ловцким от 1(?).09.1920 и 12.09.1920). Было условлено, что «Скифы» будут издавать сочинения Шестова и в первую очередь переиздадут по-русски и издадут по-немецки 2-й том, «Добро в учении гр.Толстого и Ф.Нитше. Философия и проповедь», и 3-й том, «Достоевский и Нитше. Философия трагедии», и начнут выпускать книги с января 1921 г. В сентябре 1920 г. Шестов получил задаток в 3000 шв. франков. Подготовительная работа началась тотчас же, и в ноябре Шестову уже прислали для прочтения первые листы перевода 2-го тома на немецкий язык.

В то время Шестов рекомендовал «Скифам» также книгу Шлецера, и Шлецер вел переговоры с Лундбергом об издании у него своей книги и французского перевода книг Шестова. Шлецер пишет об этом Шестову в Женеву:

> Вследствие Вашего содействия я, кажется, устроюсь с Лундбергом. Получил от него очень любезное письмо, где он выражает желание приобрести не только немецкое, но и русское издание и предлагает в общем условия, о которых Вы мне писали. Ответил он мне согласием и на мое предложение относительно перевода Ваших сочинений.

Я ответил ему, просил дать мне дополнительные некоторые разъяснения и сообщил, что мог бы приступить к переводу 10-го — 15-го этого месяца. Боюсь, однако, что он уже выехал из Берлина, ибо ответа от него еще нет... Какие вещи думает Лундберг издать по-французски? Последние, вероятно! Теперь, когда я кончил книгу, я ожил, и планов у меня масса. Быть может, о Вас я мог бы написать в Nouvelle Revue Française, ибо у меня там некоторые знакомства. Мне очень хотелось бы списаться по этому поводу с Вами. (Брюссель, 5.12.1920).

Шлецер не указал, какую его книгу Лундберг предполагал издать. Речь, несомненно, шла о книге Шлецера о Скрябине. У «Скифов» она не вышла, а появилась в 1923 г. [март] в Берлине в издательстве «Грани» под заглавием «А.Скрябин. Монография о личности и творчестве».

Одновременно с изданием книг Шестова в издательстве «Скифы» Лундберг выразил желание напечатать как собственное издание Шестова его работу «Что такое русский большевизм» на трех языках (русский, французский и немецкий). Он ее напечатал в виде брошюры в ноябре 1920 г. в количестве 15 тысяч экземпляров. До того как сдать ее в печать, Лундберг ее не прочитал, полагая, что работа касается только философских вопросов. Когда же он прочитал корректуру, он был вне себя, но все же брошюру допечатал. В продажу он ее не сдал и Шестову, несмотря на его просьбы, не передал. Лундберг никак не мог решить, как поступить с изданием, и оно пролежало около года на складе. В октябре 1921 г. Лундберг уничтожил все издание, кроме 50 экземпляров. 25 он передал Шестову и 25 сохранил для передачи в государственные библиотеки СССР. Шестов и его друзья были возмущены поступком Лундберга, но впоследствии Шестов с Лундбергом помирился. Ни до, ни после написания работы о большевизме Шестов не писал на актуальные политические темы и не любил вспоминать об истории с этой брошюрой.

Наладить издание двух своих книг в столь короткий срок было для Шестова большой удачей. Но уже в конце декабря 1920 г. у него создалось впечатление, что дело не идет на лад. Он пишет Анне Ел. в Париж:

> Не имею уже скоро 3 недели никаких новостей /...?/ от Лундберга. Что там у него случилось — не знаю. Боюсь, что какие-нибудь деловые затруднения. По-моему, денег у «Скифов» было немного, и трудности легко могли возникнуть на этой почве, т.к. считать Л. не умеет и «размахнулся» так, как если бы у него были миллионы. Издал много ненужных книг, которые никто не покупает /...?/ теперь, должно быть, в затруднительном положении. Это, впрочем, только мои предположения, ты, пока, никому об этом не говори. Очень будет грустно, если предположения подтвердятся: другого издателя не найти. Хотя тоже нужно хлопотать в Париже. Жаль тоже, если не придется ехать в Берлин: хорошо бы посмотреть, как там живут. Если не поеду в Б., то, может быть, в Париж поеду. Подумаем. (Жене, Женева, 29.12.1920).

Опасения Шестова подтвердились. В январе 1921 г. «Скифы» ничего не выпустили и на письма не отвечали, а в апреле, после трехмесячного молчания, написали, что исполнить свое обещание не могут, так как средства у них истощились.

В ноябре 1921 г. Шестов был приглашен в Берлин прочесть две лекции о Достоевском. Приехав, он первым делом стал выяснять, что происходит у «Скифов». Оказалось, что они не могут издать книг Шестова на немецком языке и передали ему перевод 2-го тома, который они сделали в 1920 г. (см. стр.188). Затем было предложено, что «Скифы» получают право издать по-русски три книги Шестова в погашение задатка, который они ему заплатили в 1920 г. Ничего тогда не было решено, и Шестов продолжал с ними бесплодные переговоры, очень его мучившие. Он также вел безрезультатные переговоры о русском издании с из-

дательством «Образование» через Д.Левина и с издательством «Слово» через М.А.Алданова. В конце марта 1922 г. дело все же пошло на лад, так как «Скифы» достали деньги и решили немедленно переиздать по-русски 2-й том («Толстой и Нитше») и 3-й том («Достоевский и Нитше») тиражом в 3000 экземпляров. Они начали с третьего тома, который вышел в 1922 г. Затем вышел 2-й том. Книга помечена 1923-м годом, но возможно, что она вышла в 1922 г. В феврале 1923 г. «Скифы» опубликовали новую книгу Шестова «Potestas clavium. Власть ключей» (7-й том), рукопись которой Шестов привез с собой из России (см. стр.149-150).

Для немецкого издания Шестову пришлось искать другого издателя. Когда он был в Берлине, он сговорился о немецком издании 2-го и 3-го тома с С.А.Ефроном. Он пишет Ловцким в Висбаден:

> Теперь только немного о делах. Кажется, я писал вам об Ефроне, что он оказался очень симпатичным и очень культурным человеком. У него дело наполовину с немцем каким-то и потому он еще до сих пор не дал мне окончательного ответа. Но сказал, что 90% [за то], что 2-й и 3-й тома мои он выпустит по-немецки. Я уже ему передал перевод 2-го тома, который мы с тобой, Герман, просматривали в Женеве*. Он его покажет своему компаньону и еще до моего отъезда решится дело. [26.11.1921].

29 ноября 1921 г. был подписан договор с издательством С.Ефрон, и Шестов получил задаток в 4000 марок. Но через несколько месяцев выяснилось, что Ефрон книг Шестова издать не может. О немецких изданиях своих Шестов тоже вел безрезультатные переговоры с Ферестером (изд. «Р...(?)», с издательствами «Зибиллен», «Дитрихс», «Вест унд Ост», с Куртом Вольфом. В конце концов, в Кельне нашлось

---

* Перевод был сделан издательством «Скифы» в 1920 г., когда Шестов жил у Ловцких в Женеве.

надежное издательство «Мракан-Блок», которое взялось выпустить второй и третий тома по-немецки. Договор был подписан в конце ноября 1922 г. и «Скифы» передали Маркану уже сделанные переводы. Второй том вышел в июне 1923 г. в переводе Нади Штрассер, третий том в июле 1924 г. в переводе Рейнгольда фон Вальтера. Впоследствии Вальтер перевел еще несколько работ Шестова.

Уместно еще упомянуть, что Шестов заключил 30 ноября 1922 г. договор с берлинским издательством «Эпоха» об издании его книги «Странствования по душам». Книга не появилась, вероятно, из-за изменившихся экономических условий в Германии. Она, без сомнения, была составлена из первой и второй части книги «На весах Иова», которая появилась в 1929 г. (см. том II). О том, что он работает над «новой книгой», Шестов уже упоминает в 1920 г. (см. стр.194, 199).

Шестову пришлось написать несметное количество писем, чтобы добиться издания книг. Письма, которые он писал на эту тему Ловцким, сохранились и позволили определить указанные даты, но только небольшая их часть нами воспроизводится.

Надо было также думать об образовании детей. Некоторое время думали о Германии, но в конце концов выбрали маленький французский университет города Гренобль. Туда дети поехали 23 или 24 марта 1920 г. и поселились в студенческом общежитии. Наташа поступила на физико-математический факультет, а Таня — на литературный. Жизнь в Гренобле оказалась очень приятной, и бодрые письма детей отвлекали Шестовых от многочисленных забот. Анна Ел. пишет Наташе:

> И можешь же ты такие глупости говорить, что вы слишком много пишете. Если бы ты видела, какое у папы было улыбающееся и доброе лицо, вчера, когда он читал ваши письма. [Женева, 4(?).04(?).1920].

Твои письма имеют колоссальный успех: все их читают, т.е. мы и Шрейберы (послала письма Сереже) и развлекаются ими от меланхолии — тоже доброе дело развлекать людей. Папа удивляется, откуда у тебя такое богатство речи; совершенно неожиданно — молчала, молчала и вдруг проявила красноречие и остроумие. [Женева, 19(?).04.1920].

Ни одно из «развлекающих от меланхолии писем» не сохранилось.

О своих занятиях Шестов пишет Фане:

Новостей у нас никаких. Заниматься настоящим образом не удается. Изводит письма писать и огорчаться о наших. Но кой-что стараюсь делать. Если наши домашние дела устроятся, опять начну по-настоящему работать. (Женева, 10.04.1920).

Анна Ел. намеревалась поехать в Гренобль повидать детей. Шестов им об этом сообщает:

Надеюсь, что мама теперь уже спокойно уедет, так как вчера сговорились с Фр.Лаз.*, что до приезда Фани я у них буду обедать. Они соглашаются брать деньги за еду, так что неприятностей не будет. Хотели они, чтобы я к ним совсем переехал жить, но это едва ли удобно. Фаня еще собирается купаться и приедет не раньше, чем через месяц: не хочу бросать квартиру. (Женева, 8.05.1920).

Анна Ел. уехала в Гренобль 18.05.1920 и прожила там месяц с детьми. Шестов остался в Женеве, некоторое время с ним жила Люся (в начале июля уехала к родителям в Висбаден), а некоторое время он жил совсем один. Тогда Фаня и Герман жили в Висбадене и звали Шестова туда приехать. Свою жизнь в Женеве он описывает в письмах к Ловцким, к жене и к детям:

Сейчас получил твою открытку из Лейпцига — и ты и мамаша убеждаете меня приехать в Висбаден лечиться, но для меня это сейчас крайне трудно. Я только успел на-

* Фрида Лазаревна Шрейбер, жена Якова Соломоновича.

ладить свои занятия, теперь самое благоприятное время для работы — и вдруг прервать! Мне кажется, что, если я летом позаймусь, я успею окончить новую книгу* к зиме. А зимой — холодно будет, занятия будут идти хуже. И вообще прервать начатое очень не хочется. Что до лечения, то, по-моему, самое лучшее для меня лечение — это речные купанья. В 1916 г. я проделал (на Оке) такое лечение — и удивительно поправился. Так что для меня очень трудно кажется теперь ехать в Висбаден и без крайней надобности, по-моему, этого не следует делать. Вы полечитесь — тебе как раз это нужно. А я вас здесь подожду. (Фане, Женева, 10.05.1920).

В русских университетах на каждом факультете были свои твердые программы, которые распределялись на четыре года, и каждый год студент сдавал экзамены по предметам, которые он был обязан слушать. Но конечно, в чужой монастырь нечего соваться со своим уставом. Нужно приспособиться — и сжиться. Раз будете учиться, толк, наверное, выйдет и жалеть не будете. Конечно, чтоб добиться чего-нибудь, нужно довольно долго работать. Но ведь и в самой работе часто бывает много интересного. Люся здесь теперь корпит тоже над рефератом. Ей придется 16 мая читать его вслух перед аудиторией. И, главное, даже не читать, а говорить. Вот она и сидит по целым дням и мучается. Сколько я ей уже не объясняю, что так волноваться не нужно — не помогает. Иное дело считать свою «репетицию», как ты говоришь, самым главным делом, даже мировым событием. Так и нужно. Ведь для того, чтобы вложить все свои силы в работу, нужно непременно отнестись к ней серьезно, т.е. считать ее очень

---

* Трудно сказать, о какой книге думал Шестов. Можно предположить, что материалом для книги должны были послужить пять рукописей, относящихся к 1920 г., сохранившихся в архиве Шестова (рукописи №24-28, 520 стр.). Они содержат, главным образом, выписки и наброски. Большинство набросков было напечатано в виде афоризмов в журналах в 1922 и 1923 гг. и затем вошло во 2-ю часть книги «На весах Иова», опубликованной в Париже в 1929 г. (см. второй том). В письме к жене от 21.07.1920 (стр.199) Шестов тоже упоминает о новой работе.

важным делом. Но бояться совсем не нужно. Нужно помнить, что все мы люди, все Богу грешны, все вначале не умели, а потом научались. И что во время экскурсий вы забавляетесь и все люди забавляются. И тоже очень хорошо, что ты мне подробно все описываешь и такие длинные письма пишешь. Когда вы пишете длинные письма, все-таки это хоть немного заменяет разговор. А то ведь вот уже три месяца, как не разговаривали. Авось летом удастся повидаться — хотя теперь ужасно трудно с разрешением... Целую вас. Я вами очень доволен. Видно, вам можно было дать свободу, когда вам вместе исполнилось 40 лет. Еще раз целую. Пишите. Ваши письма большая всегда мне радость. [Дочерям, Женева, 14(?).05.1920].

Я очень рад, что ты больше не настаиваешь на моем приезде в Висбаден. Пользы от лечения никакой, дороговизна большая, а потеря времени огромная. Здесь я все время занимаюсь. Здесь у меня мои книги, а что можно было бы в Висбадене делать? Устроен я хорошо. Анна уже три дня в Гренобле, и мы с Люсей самостоятельно существуем. Я обедаю у Шрейбера, Люся в Foyer feminin, а завтраки и ужины сами готовим. И комнаты сами убираем. Люсе немного трудно, т.к. ей приходится всегда торопиться в университет. А я отлично приспособился и нахожу, что, если не обедать дома, то без прислуги совсем не трудно жить... (Ловцким, Женева, 20.05.1920).

Уезжать теперь из Женевы мне очень неудобно. Я только более или менее наладил работу и прерывать ее значило бы наполовину разрушить сделанное... Мне бросать занятия очень не хочется. Ведь уже больше двух лет, скоро почти три, как я ничего настоящим образом не мог делать. Годы уже не те, чтобы швыряться месяцами... Недели две тому назад из Лондона мне прислали перевод моего «Ап.бесп.». Но под заглавием «All things are possible», без предисловия и без дополнительных статей. Переводчик, которому мой адрес известен, не написал ни слова. Очень неприятно было. Я просил Сашу разузнать, в чем дело, но он не пишет. (Ловцким, Женева, 2.06.1920).

Не знаю, как будет летом. Хотелось бы к вам приехать, но, во-первых, с разрешением трудно, а во-вторых, с книгами. Беда, что у меня такая тяжелая мастерская, а прерывать занятий не хочется. Ведь вот уже скоро три года, как все только вокруг да около работы ходишь... А что убирать приходится — так это развлечение. Ведь теперь, когда я совсем один, если бы не уборка, пришлось бы чуть ли не 24 часа с книгами сидеть. Словом, с этой стороны все благополучно. И занимаюсь все-таки. Только жалко, что нельзя нам всем быть вместе. Но я надеюсь, что и это не надолго. Пройдет несколько времени и мы снова соберемся. Хорошо еще, что мы все сноситься можем и не отрезаны друг от друга: по нынешним временам это очень много. (Дочерям, Женева, 2.06.1920).

Здесь ничего не происходит. Наташа говорит, что у нее событие — это ее репетиции, а у нас здесь вчера было событие, самое крупное за все четыре уже почти недели твоего отсутствия (уже 4 недели — как время бежит!) — это телячья голова. Вчера Фрида Лазаревна приготовила к обеду телячью голову. Мучилась, думала угодить. Як.Сам. не стал ее есть. И я тоже. Я уж все ем: овощи, которым даже имени не знаю — сравнительно с которыми даже шпинат идеал. Но телячья голова оказалась выше моих добродетелей. Я решился было есть ее. И начал есть. Но ничего не вышло, пришлось сложить оружие. Ф.Лаз. была в отчаянии. И сегодня реваншировалась. Такой обед — какого уже не запомню. Суп мясной, великолепные к нему пирожки — блинчики с мясом: 4 штуки. Потом телятина холодная с салатом. Потом сладкая холодная рисовая бабка и потом кофе! Так что реваншировалась вполне! Но это самое крупное внешнее событие нашей здешней жизни. И если бы не оно, то не о чем было бы писать сегодня. (Жене, Женева, 11.06.1920).

Писать не о чем: такая уж с внешней стороны бедная здесь жизнь. Я ведь, в сущности, никого здесь не вижу и нигде не бываю. И ко мне никто не приходит. Для за-

нятий это хорошо. Но письма при этом поневоле становятся краткими. Ты, Таня, пишешь, что переводишь «А.б.» [«Апофеоз беспочвенности»] — это трудно, т.к. язык уж слишком сжатый. По-моему, если уж ты непременно из «А.б.» хочешь переводить, то попробуй перевести из 3-ей части — статью о «Юлии Цезаре». Это не то что афоризмы переводить, где каждое слово важно и где поэтому нужно очень хорошо владеть языком. Я вот недавно получил из Лондона перевод на англ. язык «А.б.» (еще когда мама здесь была). Переводили двое: один англичанин и один русский. И все-таки — не очень хорошо. Так что я советую тебе лучше «Юлия Цезаря» перевести (его Геня Винавер на английский язык перевел). И вообще помни, что, если уж берешься за такие дела, — то нужно запастись большим терпением. Чтоб недалеко ходить за примером — возьми хотя бы Плотина. До 28 лет все менял учителей: никак подходящего не мог найти. А в 28 лет нашел — и то не обыкновенного, а такого, который по своей профессии был носильщиком. Сам же только в 50 лет начал писать. Вообще, ты ведь знаешь, что Philosophie ist ein schlechts Metier. Так что уже нужно привыкать. Занятия дают результат не скоро. И нужно учиться, не вглядываясь и не подсчитывая, что делаешь. А то, как начнешь оглядываться, непременно окаменеешь. На каникулах, конечно, хорошо было бы почитать тебе что-нибудь из философии. лучше всего было бы большого Целлера — только как его достать? У меня есть, но я без него обойтись не могу. Тоже неплохо — хотя хуже, было бы Гомперца (?). Потом немного Платона, может быть Марка Аврелия. Словом, найдется, что почитать. Ведь и Шопенгауера ты далеко не всего прочла.

Между прочим, следовало бы и Лейбница почитать: он очень интересен и пишет ясно. Так вот, значит, нужно все-таки двигаться вперед и не унывать. Унывать никогда не опоздаешь. А что ты не читаешь газет — это лучше. В газетах нет истории — а есть только злоба дня. Если бы ты как-нибудь ухитрилась прочесть хоть Гегеля «Философию истории», ты бы в этом убедилась. Я даже поста-

раюсь достать для тебя «Фил. ист.» Гегеля и пришлю. (Дочерям, Женева, 11.06.1920).

Если тебе не лень, Таня — перепиши мне немножко из твоего перевода «А.бес.». Очень интересно посмотреть, как это у тебя выходит. Или еще лучше: пиши, когда будешь переводить, не в тетради, а на листах — тогда можно будет пересылать. Я, конечно, не могу оценить с точки зрения языка, но посмотрю, правильно ли ты передаешь. Так что попробуй так сделать. — А насчет моих занятий — вожусь я много. На столе и греческие, и французские, и лат., и нем. книги — словари, даже грамматика греческая. Увы! Даже и в мои годы не избавишься от черной работы. Сейчас у меня ее больше, чем когда бы то ни было. Приходится и в оригинале, и в переводе, и в комментариях, и в учебниках справляться. Скучища это — но иначе нельзя. И чем больше возишься, тем больше мелких всяких новых вопросов возникает, не разрешить которые нельзя, а разрешить — ужасно трудно. Но я себя приучаю, тренирую. Встаю рано, к 8-ми, 8½ уже за книгами и копаюсь, копаюсь, копаюсь. Пожалуй, придется так и год и полтора провозиться, пока можно будет приступить к настоящей работе... Живу как всегда, новостей нет, пишут мне мало, и я теперь уж не столько писем пишу. [Дочерям, Женева, 19.06.1920].

В начале июля Ловцкие вернулись из Германии в Женеву, а Анна Ел. с детьми поселилась на лето в Савойе, в деревушке Эйз-сюр-Бонневиль. Туда Шестов послал им несколько писем:

Относительно твоих переводов «А.б.», Таня, я писал тебе то, что и думал. Ошибок там совсем нет и смысл передан верно. У английского переводчика я нашел в самом начале ошибки — а у тебя все совсем благополучно. Он, видно, все-таки недостаточно внимателен был, а ты вдумываешься и внимательно читаешь. Жаль, что у вас теперь экзамены. А то бы можно было бы привезти какую-нибудь книгу и вместе почитать — было бы очень

хорошо. Вообще все-таки очень жаль, что обстоятельства так сложились, что приходится жить врозь. Я все надеюсь, что, авось, как-нибудь изменится, и можно будет жить всем вместе. Это было бы очень приятно. (Дочерям, 16.07.1920).

Я все продолжаю заниматься — взялся за Бергсона, и уже более или менее начал им овладевать, хотя всего две недели занимаюсь им. Не хватает мне только его «Matière et mémoire» и еще «Le rire»... Устроен я здесь, конечно, очень великолепно. Занимаю две комнаты: сплю в той, где рояль, а занимаюсь в той, где прежде. Так что, когда встаю, уже моя комната убрана. Фане все еще мало — и она все хлопочет, чтоб мне полки добыть и чтоб книги удобнее разложить. И чувствую себя физически хорошо. Желудок совсем поправился, так что я все ем, даже ежедневно по вечерам простоквашу. Как это случилось и почему, не знаю. Во всяком случае, о внешнем устроении теперь думать не приходится. Главное, только не сдать в работе: это теперь очень трудно. Привезли Фаня и Герман мою рукопись из Берлина — нужно ее обрабатывать, нужно новую работу продолжать, кончать Плотина, потом Бергсона: слишком много накопилось. (Жене, Женева, 21.07.1920).

Тебе, Таня, я бы совсем не советовал читать теперь Бергсона. Лучше отложи его до того времени, когда мы будем жить вместе. А то ты потеряешь много времени бесплодно. Тут не в том еще трудности, что он касается сложных и запутанных вопросов, — это бы еще полбеды. Но он свою первую книгу написал, когда еще был молодым (32 года тому назад) — и когда ему казалось, как кажется иногда пылким и молодым людям, что он сразу одним усилием разрешит вопросы, над которыми бьется человечество тысячелетиями. Конечно, разрешить ему не удалось. Но до сих пор он все продолжает держаться мыслей, которые высказал в первой книге и все подыскивает новые и новые доказательства, часто громоздкие, запутанные и всегда рискованные. И все эти дока-

зательства, как и те идеи, с которыми он выступил, особенной цены не имеют. Лучшее, что есть у Бергсона и что делает его значительным, как раз не в его центральных идеях и еще меньше в его доказательствах, а в рассеянном по его книгам отдельном, случайном, часто совсем не вяжущимся с основными идеями и мыслями. Для того, чтобы разобраться во всем этом, нужно и много терпения, и подготовка, и работа. Я больше привык читать такие книги, а все же потратил на изучение только 2-х сочинений Бергсона целый месяц упорного труда. И еще придется, верно, месяца два поработать над ним. Так что ты — раз у тебя теперь голова занята экзаменами и латинским яз. — лучше пока Бергсона оставь. А когда будем вместе жить, и у тебя будет времени побольше, тогда... вместе прочтем. (Дочерям, Женева, 3.08. 1920).

Таня пишет, что она Бергсона читает. Это напрасно. Его нельзя читать — он очень трудный. Особенно для неопытных, молодых и серьезно относящихся к чтению. У него много противоречий, объясняемых трудностью темы, с одной стороны, а с другой — его пылкостью. Он хочет одним ударом мировые, вековечные вопросы распутать. Но распутать не удается, и он, делая вид, что распутывает, разрубает. И мне было очень нелегко всю эту скрытую механику выявить, ну а Тане и подавно. Потом, она начала со второй книги, — а нужно, если уж браться за Бергсона, начинать с первой. Хотя он и повторяется, но все же предполагает знакомство с его предыдущими работами. И затем вообще это трудная материя. Вчера я больше часа все объяснял Фане Бергсона и она почувствовала, как трудно, даже если объясняют и если можно задавать вопросы, разобраться в нем. Я очень доволен, что, наконец, занялся им. Мне он во многих отношениях нужен и полезен. Но пришлось положить немало труда. И все же я еще и теперь не готов. Придется, вероятно, еще месяца два повозиться, пока окончательно справлюсь. Досадно, что живем врозь. Конечно, если бы жили вместе, я бы мог

или прочесть с Таней Бергсона, или же несколько раз рассказать его. И вообще я возвращаюсь все к одному caeterum censeo не хорошо нам врозь жить. (Жене, Женева, 3.08.1920).

В конце августа Шестов поехал в Бонневиль отдохнуть с семьей после четырех месяцев напраженной работы. Оттуда он пишет Фане и Герману в Женеву:

Получил пересланные ваши письма — спасибо. Должно быть еще одно письмо — я его давно жду — от Б.Ф.Шлецера: если придет, перешлите его, оно мне нужно. Он великолепно владеет франц. языком и очень хороший работник. Сейчас он кончает перевод на фр. язык своей собственной книги. И, может быть, если и в самом деле выйдет что-нибудь из разговоров о переводе на фр. язык, ему можно будет поручить эту работу. Я Евг. Герм. [Лундбергу] напишу сегодня. А тебя, Герман, если тебя это не очень затруднит, попрошу вот о чем. Нельзя ли было бы устроить так, чтоб Армгауз дал книги, когда Л.[Лундберг] поедет в Швейцарию. Л. бы привез их с собой. Я сегодня ему об этом на всякий случай напишу. Особенно нужно было бы: Husserl, Log. Untersuchungen, Ideen и Philos. als strenge Wissenschaft, Hartmann, Geschichte der Metaph., Hegel, Geschichte der Phil. и Phil. der Geschichte. Если бы хотя эти книги Armhaus прислал с Лундб., у меня был бы весь материал для дальнейшей работы. Плотин уже есть (даже два тома Bouillet* есть), Bergson — тоже есть, не хватает только Гуссерля, Гегеля и Гартмана. Если бы все книги добыть, может быть к концу зимы я бы справился с работой и весной мог бы поехать окончательно в Париж. Так что постарайся, если можно это устроить. У нас здесь все благополучно. Погода стоит отличная, кормят хорошо, я по-прежнему много сплю и почти ничего не делаю. Думаю, раз уже попал сюда,

---

* M.N.Bouillet. Les Ennéades de Plotin (Traduction française). Paris, Hachette. Tome I (1857): 1ère et 2eme Ennéades. Tome II (1859): 3ème et 4eme Enneades. Оба тома с пометками Шестова сохранились в его библиотеке.

не слишком торопиться с отъездом. Поживу до числа десятого, двенадцатого. Авось, потом, отдохнувши, смогу лучше работать. [Бонневиль, 1(?).09(?).1920].

Вообще, немножко за последнее время везет. Сев достал и прислал за 75 фр. два тома перевода Плотина, так что я надеюсь, что и третий где-нибудь в Париже достанет. И с погодой, и с пансионом везет: здесь сейчас чудные дни стоят и отлично кормят. Вероятно, все-таки соблазнюсь и проживу до конца моего «visa de retour», так что приеду не раньше будущей субботы в Женеву [т.е. 18.09.1920]. (8.09.1920).

Что касается того, чтоб Л.[Лундберг] издал твою, Фаня, книгу, я сам об этом думал. Но я не очень рассчитываю на его предложение. Когда он приедет, мы с ним об этом поговорим: я ведь и /...?/ своих книг пока не выяснено, из разговоров, что это за издательство, не даю ему окончательного ответа. (12.09.1920).

В двух из приведенных писем Шестов пишет о том, что Лундберг намеревается приехать в Швейцарию с ним повидаться. Неизвестно, состоялась ли эта поездка. 18 сентября Шестов вернулся в Женеву к Ловцким, через некоторое время дочери вернулись в Гренобль, а Анна Ел. поехала хлопотать об устройстве в Париж, куда Шестовы намеревались переехать в следующем году. В октябре Шестов получил письмо от Семена Вл. Лурье, в котором он пишет о новой книге Лундберга:

Из газетных объявлений я узнал, что Лундберг написал книгу: Бергсон и Шестов. Отчего Вы мне ничего об этом не говорили? Или сами не знали? Читали Вы ее? Здесь этой книги нет, и я хочу ее выписать из Берлина, но это сопряжено с большими трудностями, так как нужно ждать оказии. Мне бы теперь /...?/ интересно было знать, что он писал. Может быть из его книги ему же сделать статью для французского журнала. Лично мне жаль было бы оставить мысль, которую Вы мне подали, но для скорости

может быть так лучше, если то, что он написал, есть то, что нужно? (Париж, 31.10.1920).

Книги Лундберга, указанной в письме, найти не удалось. По-прежнему Шестов переписывается с детьми и женой:

Видно, все-таки набралось много занятий у вас: весь день отнимают. Но это очень хорошо. Во-первых, все занятия полезные, а во-вторых, они отвлекают от чтения газет. Я и сам теперь газет почти не читаю. Все известия грустные. Так просмотришь — на минутку и бросишь. И тоже стараюсь набрать побольше занятий, чтоб не думать о том, чего изменить нельзя. С Россией уже видно такая история, что только время может изменить ее. Нужно ждать и год, и два, и три, может быть. Конечно, нельзя думать, что Россия не справится, но, очевидно, не теми способами, на которые до сих пор надеялись. И Юденич, и Колчак, и Деникин, — все они хотели сразу вернуться к тому, что было до войны. Вы помните, что было, когда Деникин в Киев пришел! Не удивительно, что ему не удалось. Ведь это тот же большевизм, — только с другой стороны. Нужно надеяться, что явятся в России люди, которые поймут, чего ждет от них народ, и таким людям удастся то, что не удалось Деникину и Врангелю... Конечно, когда много работы, трудно, но, на это не нужно обращать внимания — я ведь всегда это вам говорил. Нужно учиться, а чему научитесь, видно будет: пусть другие считают, что вы сделали. Тем более, что и считать-то можно только по осени, когда, иным словом, все работы окончены. (Дочерям, Женева, 24.11.1920).

Посылаю тебе поздравительное письмо для Тани. Слава Богу, что она теперь с тобой — ты уже наверное ей устроишь так, чтобы день рождения прошел повеселее. И вообще я рад, что ты им всякие развлечения в Париже устраиваешь. Они молодцы — работают хорошо и держатся бодро, всячески заслуживают поощрения. Жаль только, что они так в Гренобль торопятся. Неужели нельзя лишних 5-6 дней побыть в Париже? По-моему — можно и лучше было бы им не торопиться. Пусть посмотрят Париж, от-

дохнут и развлекутся. После будут лучше работать... С глазами у меня лучше, но все же нужно ограничить занятия; это очень неприятно, т.к. ужасная пропасть работы накопилась, и чем дальше, тем ее больше. Усердно прикладываю горячие компрессы — авось, все-таки поможет. (Жене, Женева, 29.12.1920).

День рождения праздновал, как следует: даже сладкий пирог был. Герман и Фаня подарили мне латинскую Библию, пришли письма и даже две телеграммы — словом, все было в порядке. Фаня и борщ сварила и жаркое, и сладкое. Только одно плохо было: не было мамы и вас. И я все думал, что, Бог даст, в будушем году мы уже новый год и ваши рождения и мой вместе встретим. Очень рад был, что вы такую хорошую прогулку сделали. Старайтесь и дельше не пропускать таких случаев. Мама вас очень хорошо обучила — пусть это вам на пользу идет. Тоже очень рад, что вас все больше заинтересовывают предметы, которыми вы занимаетесь. И я уверен, что по мере того, как вы будете овладевать предметами, интерес будет все расти. Вначале, действительно, очень трудно понять, зачем все это, чему учат нас, нужно знать. Но чем больше занимаешься, тем больше раскрывается тайна и смысл знания. И каждый папа, каждый король, каждый исторический деятель — ученый, верующий, поэт — все кажутся живыми и понятными. И тоже интересными становятся и причины, и геометрические фигуры, и какой-нибудь новый зоологический вид. Богатство и неисчерпаемость жизни больше всего видны тем, кто умеет учиться не для диплома или экзамена, а для своей собственной души. Даже и зло и трудности жизни приобретают в наших глазах значение и становятся интересными. И ошибки прежних людей не кажутся ненужными. Es irrt der Mensch, solang er strebt, самому тогда и не стыдно и даже хочется ошибаться и стремиться, стремиться и ошибаться, но не опускать безвольно руки пред величиной, хотя и страшной, загадочной жизни. Главное, нужно помнить, что удачи всегда сменяются неудачами и что цель всегда, даже при удачах, в будущем, т.к. цели даны нам такие,

какие в человеческой жизни неосуществимы. (Дочерям, Женева, 14.02.1921).

Чем кончатся события русские — трудно угадать. Надеяться на многое едва ли можно. Очень уж темен русский народ — трудно ему понять, что ему самому нужно. Конечно, большевиков в России и презирают и ненавидят, но как нужно устроиться, люди не знают. Пожалуй, опять, как когда-то, кончится призванием варягов. Опять, после всех разговоров о том, что Россия скажет миру новое слово, придут поклониться Западу и просить у него помощи. Здесь, хотя все время говорят, что не нужно вмешиваться в русские дела, по-видимому, все же ждут благоприятного момента и, когда Россия прижмется окончательно, кто-нибудь начнет спасать нас. Но, конечно, как и когда-то, так и теперь, Россия свое возьмет и возродится. Все-таки огромный, способный народ, имеющий за собой вековую историю — такое не может погибнуть. (Дочерям, Женева, 12.03.1921).

Во время пасхальных каникул Таня прочла статью Шестова «Откровения смерти. Последние произведения Л.Н.Толстого» («Современные Записки» №1 и 2). Она пишет Шестову в Женеву:

Вчера прочла твою статью, правда продолжение, но ничего, быстро схватила нить. Давно я уже так не увлекалась чтением, все ушло куда-то далеко, хотелось идти только в одном направлении, но мне одной трудно, а статья кончилась, так не хотелось, чтобы она кончалась, потому что нельзя было остановиться, но я понимаю, что дальше надо идти одному, а кто не может остается стоять перед закрытой стеной и не видит отверстия, которое может быть где-нибудь и существует. Я хочу искать, но сейчас нельзя, нужно делать то «дело», которое делал Ив.Ильич всю жизнь и которое привело к чему? Но нужно. А зачем нужно и почему, не знаю, почему нельзя начать с того, что важнее всего. (Гренобль, 22.03.1921).

По поводу той же статьи Шестов пишет дочерям:

Бог даст, все как-нибудь устроится — при энергии всегда можно пробиться...

Теперь о моей статье*. Ведь это откровение смерти. Толстой прежде написал «Войну и мир», а потом «Хозяина и работника» и «Смерть Ивана Ильича» и остальные свои маленькие вещи. Этого забывать не нужно. Т.е. не нужно думать, что откровения только от смерти. Смерть — величайшая тайна и величайшая загадка: недаром так вдохновляла философов, художников, святых. Но не меньшая тайна и не меньшая загадка — и жизнь. И в сущности только тот может постигнуть или, вернее, приблизиться к тайне смерти, кто прощел через жизнь. Если бы Толстой не написал «Войну и мир», он не написал бы и своих последних произведений. Наш разум направлен самой природой к «действию» и действием вовсе пренебрегать не нужно. Только тот может *не праздно* бездействовать, кто прежде действовал. Поэтому было бы большой ошибкой из «откровений смерти» выводить правила для жизни. Вся сущность в том, чтобы не выводить. Т.е. уметь брать жизнь целиком, вместе со всеми ее непримиримыми противоречиями. Иван Ильич в смертный час осуждает свою прошлую жизнь, но это не значит, что та жизнь была целиком негодной. Когда ребенок подрастает, он уже не тянется к материнской груди, но было бы неестественно, если бы он всегда отвращался от груди матери. Когда мы взбираемся по лестнице, мы, переходя на высшую ступень, становимся спиной к низшей — но ведь прежде низшая была впереди нас. Этого забывать не нужно — иначе получится как раз обратное тому, что должно было бы получиться. Т.е. не полное, живое знание, а урезанное, отвлеченное. Оно так отчасти и бывало с Толстым, когда он в своих так называемых «философских» произведениях хотел представить всю жизнь как бы вытекающей из одного принципа, который он назвал «добром». Это — неверно. Т.е. люди, на своем человеческом языке не умеют так объединять все, что они переживают, чтобы это выразилось в одном слове

* Откровения смерти. — «Современные Записки», №1,2, 1920.

или понятии. Трудное, большое искусство уберечься от односторонности, к которой нас влечет невольно наш язык и даже воспитанная на языке наша мысль. Оттого нельзя ограничиваться одним писателем. Нужно всегда иметь глаза открытыми. Есть смерть и ее ужасы. Есть жизнь — и ее красоты. Вспомните, что мы видели в Афинах, вспомните Средиземное море, вспомните, что вы в экскурсиях видели. Или в Лувре. Красота есть тоже источник откровения. И даже откровение смерти есть в последнем счете, искание за видимыми ужасами разложения и конца невидимых начал новой красоты. Правда, художник часто так погружается в тревогу бытия, что не успевает даже в лучшем своем произведении договорить или досмотреть все. Но у Толстого, как у Платона и Плотина, мысль о смерти всегда сопровождалась особенным чувством, чем-то вроде сознания, что впереди ужасы, на за спиною вырастают крылья. Вероятно, в таком роде что-то с гусеницей происходит, когда она прогрызает свой кокон. Оттого и грызет, что крылья выросли. Так что ни Толстого, ни Плотина, ни Платона не следует понимать в том смысле, что они нас зовут забыть о жизни. Конечно, тот, кто знал состояние Ивана Ильича, иначе о многом суднт, чем другие. Но от жизни не отворачивается. Скорее научается видеть многое ценное в том, что казалось прежде безразличным.

Прежде карты и комфорт казались Ивану Ильичу верхом возможных достижений, а повышение по службе и квартира как у «всех» идеалом общественного положения. Он не вндел солнца и неба, он ничего не видал в жизни — хотя все и было перед глазами. И когда пришла смерть — он вдруг понял, что ничего не видел, точно ничего и не было, кроме винта, повышений по службе и удобств. Все, что он видел настоящего — он видел в детстве и ранней молодости, а потом забыл, уж всю энергию тратил на то только, чтоб не быть собой, а быть «как все». Стало быть, откровение смерти — не есть отрицание жизни, а наоборот, скорее утверждение — только утверждение не той обычной «мышьей беготни», на которую люди разменивают себя. (Дочерям, Женева, 13.04.1921).

Статья «Откровения смерти» впоследствии вошла в книгу Шестова «На весах Иова» под заглавием «На страшном суде». Письма Шестова от 21.07.1920, 3.08.1920, 14.01.1921 и 13.04.1921 были опубликованы 27 февраля 1969 г. в парижской еженедельной газете «Русская Мысль». Письмо от 13 апреля 1921 г. было впоследствии включено во второе русское, во второе английское и во французское издание книги Шестова «На весах Иова».

* *
*

Вскоре после своего приезда в Женеву Шестовы убедились, что там семье нельзя будет оставаться, и решили поселиться в Париже. Уже осенью 1920 г. Анна Ел. поехала туда с надеждой наладить себе практику (ей это не удалось), а сам Шестов остался в Женеве заниматься и прожил там до весны 1921 года, окруженный любовью и заботами Ловцких (см. письмо Анны Ел. к Фане от 23.05.1921, стр.216). Несмотря на неприятности с издательствами и на трудности, связанные с улаживанием финансов семьи, год, проведенный у Ловцких, был для Шестова отдыхом после страшных революционных лет и передышкой между этими годами и последующими, тоже нелегкими, когда ему предстояло проложить себе дорогу во Франции.

Вероятно, 23 или 24 апреля 1921 г. Шестов поехал в Париж. Там он временно остановился у Балаховских, у которых была большая квартира (1 rue de l'Alboni, Paris 16). Примерно 20 мая он с женой переехал в Кламар, где она нашла недорогую меблированную квартиру (27bis rue Condorcet), в которой они временно поселились, подыскивая для семьи постоянную квартиру в Париже. В конце лета из Гренобля в Кламар приехали дочери, которые должны были продолжать учение в Париже, в Сорбонне.

В течение четырех недель, проведенных в Париже, Шестов проявил большую активность. Через два или три

дня после приезда он уже побывал в редакции «Современных Записок». Затем повидался с Мережковским, Буниным и 3 мая был на собрании Религиозно-философского общества. Он пишет об этом Ловцким в Женеву:

> Вчера, наконец, поймал в редакции Вишняка. Фондаминский еще не приехал, но сегодня приезжает, придется еще раз к нему идти. Статья твоя о Римск. [Римском-Корсакове] пойдет в 5-й книжке, ее уже почти всю набрали. А о Бергс.* — плохо, кажется. Прочел один и находит, что и очень трудно и очень она большая. Ему, представь себе, нравится больше вторая половина, но, конечно, ее нельзя печатать. Так что на нее надежда небольшая. Вишняк говорит, что и так читатели ругаются, что трудно (особенно на меня жалуются). Даже письма приходят с жалобами. О дальнейших статьях поговорю с Фондаминским, когда он приедет... Анна сейчас немного лучше себя чувствует. Но жила она ужасно. Представьте себе, что она ухитрилась не проживать, живя в Париже, даже того, что ей полагалось — все копила деньги. И она и дети помешались на том, что, может быть, если они будут тратить, мне придется бросить свою работу... Главное беготня одолевает. Нужно было всех повидать, у всех побывать. Сегодня иду завтракать к м-м Пети. У нее будет доктор Манухин, недавно приехавший из Петербурга. И еще нужно к коллегам идти: Бунину и другим. Не то, что в Женеве: Як. Сам. и Барановы** — и конец. [27.04.1921].
>
> Все бегаю и никак не соберусь настоящее письмо написать. И все, к тому ужасно неопределенное. Все ходишь, ходишь, налаживаешь, но скоро сказка сказывается, а дело

---

* Речь идет о статье Ловцкого «На окраинах жизни. Анри Бергсон и Лев Шестов», которую Шестов старался пристроить в «Современные Записки». Несмотря на обещания Фондаминского, журнал эту статью не опубликовал. Шестов затем предложил ее другим журналам, но безуспешно, и она осталась неизданной. Та же участь постигла немецкий перевод этой статьи, один экземпляр которого сохранился в архиве Шестова.

** Баранов — скрипач, друг Ловцких.

нескоро делается. Принимают меня хорошо, и вообще я думаю, что кой-что удастся сделать. Во всяком случае, больше, чем в Женеве. Очевидно, через Винавера и др. можно будет с Гессеном связаться и т.п. Когда выяснится больше и когда беготня кончится, напишу обстоятельнее... Сегодня вечером буду на заседании рел.фил. общества — я уже с Мережковским и Буниным виделся. Встретились очень дружески. Сегодня остальных увижу. Может быть, буду читать публичную лекцию. И наверное буду читать доклад в рел. фил. обществе. Словом, насчет agir хоть отбавляй. (3.05.1921).

Мои собственные дела в неопределенном положении. Встречают все очень хорошо и очень сочувственно. Больше всех сможет сделать Винавер. Я у него был уже. Но хотя он был болен и лежал в постели, он со мной разговаривал больше 2-х часов. Все разные проекты. Трудно сказать, выйдет ли что-нибудь, и вообще скоро здесь ничего не делается. Стараюсь agir настойчиво, насколько меня хватит, не знаю. Когда будет хоть какая-нибудь определенность, конечно, напишу. Вероятно, на будушей неделе состоится мой доклад с прениями. Буду читать «1001 ночь», хотя она уже напечатана. В прениях примут участие Мережковский, Шлецер, Карташев и др. Посмотрим, что из этого выйдет. Затем Винавер предлагает, когда поправится, устроить у себя маленький soirée, чтобы познакомить меня со здешними кругами (?)... — все нужно agir, agir, agir. [Париж, 4.05.1921].

Словом agir (действовать) Шестов характеризует свои хлопоты того времени. Оно взято из книги Бергсона «Essai sur les données immédiates de la conscience». Бергсон говорит: «Originellement nous ne pensons que pour agir. C'est dans le moule de l'action que notre intelligence a été coulée. La spéculation est un luxe tandis que l'action est une nécessité». (Вначале мы мыслим только для того, чтобы действовать. Наше разумение было отлито в форму действия. Умозрение есть роскошь, а действие — необходимость. — Бергсон. Очерки

о непосредственных данных сознания). Эту фразу Шестов цитирует в начале шестой главы статьи «Откровения смерти». Как уже было указано (см. стр.125), эта статья является частью книги «Sola Fide», написанной в 1913 и 1914 годах. Когда в 1920 г. Шестов готовил статью к печати, он несколько изменил первоначальный текст. Весьма вероятно, что он именно тогда включил в нее указанную фразу Бергсона, которого он в то время изучал. Об этом тексте Бергсона Шестов также беседовал с Германом и писал Гершензону: «Такое сейчас время — нужно все о делах думать. Как мы с Г.Л. острили: Бергсон учит Nous ne pensons que pour agir — а сам в действии не нуждается. Я же учу, что мы думаем не затем, чтобы действовать, а принуждены все время agir et agir. И так уж, верно, до гробовой доски». (Из письма к Гершензону [8.06.1923]).

Хотя он об этом не упоминает в письмах, Шестов в это время также встречался с Д.Мережковским* и З.Гиппиус. Последняя ему пишет:

> Я в тот вечер прочла вашу статью [«Тысяча и одна ночь»] и прямо пришла в восторг: помимо ее объективной ценности — она точно нарочно написана для первого рел.-фил. собрания! Лучше нельзя себе представить. И я очень стою за то, чтобы как можно меньше сокращать. Иностранные цитаты, конечно, надо выпустить, а больше, пожалуй, и нечего. После меня статью прочел и Д.С. [Дмитрий Сергеевич Мережковский]. Он вполне разделяет мое мнение, тоже находит статью крайне подходящей, только не знает, что возражать? Но ведь можно и не «возражать», а просто протянуть ниточку дальше... хотя бы свою. Почему это я раньше не читала статьи? Должно

---

* Много лет спустя поклонник Шестова, поэт Виктор Мамченко рассказал Наташе (письмо от 7.03.1971), что незаурядный писательский талант Шестова вызвал у Д.С.Мережковского восклицание: «Откуда у этого еврея такой блеск русской речи». Впоследствии Шестов разошелся с Мережковским из-за профашистских симпатий последнего. (См. Фондан, запись от 14.12.1935, стр.90).

быть, потому, что книга мне попалась несвоевременно. Я в ней почти ничего не читала. (Париж, 5.05.1921).

Гиппиус называет намеченное собрание «первым». Продолжалась ли деятельность Религиозно-философского общества после этого собрания, установить не удалось. Теплый тон письма и тот факт, что именно Шестова, только что приехавшего, попросили выступить с докладом, показывает, что он сразу вошел в литературную жизнь русского Парижа. Несмотря на это, оказалось, что устроиться очень трудно. Шестов пишет Ловцким:

Здесь жизнь невероятно трудная — и добиться чего-нибудь можно только при удаче. Вот уже третья неделя, как я бегаю — но толку пока очень мало. И не знаю, будет ли толк: во всяком случае очень нескоро, и только в том случае, если не покладая рук действовать. Я рассчитывал на Фонд. [Фондаминского] — и в начале казалось, что он, как будто, собирается стараться. Но выяснилось, что у него свои работы и что в конце концов он ничего не мог сделать для меня. Вначале предполагалось, что я прочту публичную лекцию, которая даст чуть ли не 2000 фр. А кончилось тем, что я прочту доклад с прениями (напечатанную «Тысяча и одну ночь»), который мне ничего не даст. И вообще выяснилось очень для нас печальное обстоятельство. В «Совр. Записках» одолевает политика. Мне это не сразу, а исподволь преподносили. Боюсь, что мои «дерзновения и покорности»*, почти мне заказанные, совсем не пойдут... Это, вместе с другими мелкими, незначущими разговорцами, оставляет очень неприятный осадок. Походишь в редакцию, все разговоры лирические и даже нельзя было возобновить беседы о Глинке**. Но не «Жизнь за Царя» смущает, а им просто хочется поменьше места отводить музыке, философии, ли-

* Статья Шестова была опубликована только через полтора года в «Современных Записках» №13 (17.12.1922), №15 ([апр.] 1923).

** Речь идет о статье Ловцкого о Глинке. Она не была опубликована в «Современных Записках».

тературе. Им бы хотелось маленьких статеек в 3-4 страницы /...?/ печатать мелким шрифтом. И, по-видимому, чем дальше, тем будет хуже; деньги у них, видно, партийные — а в партии не нужны ни Глинка, ни Плотин. Не лучше и с изданием книг. Тут одна барышня написала в «Слово», в Берлин своему брату, пайщику «Слова» о моей книге. И очень горячо написала. Но получился отказ. И так везде. Все заняты текушим и спроса на литературу, философию и т.п. очень мало. Встречают приветливо, обещают, но ничего не делают. Единственная, но слабая, надежда, что если жить здесь и очень стараться, то через некоторое время чего-нибудь удастся добиться.

Сейчас я еще в Париже, нужно разные формальности выполнить. Но когда с формальностями покончу, перееду в окрестности и оттуда буду наезжать в Париж, чтоб agir и терпеливо ждать. Послезавтра [14.05] я опять повидаюсь с Фонд. — мы перед докладом все у него собираемся, и попытаюсь снова воевать с ним. Но что из этого выйдет, не знаю.

Главное, это неопределенность. Семь человек все статьи читают: пока они сговорятся, Бог знает, сколько времени проходит. Не знаю, как им удастся вообще до чего-нибудь договориться при такой организации. Струве я еще не видел и его журнала тоже не читал. Виделся с Мережковским и от него узнал, что Гиппиус за ее статью в «Р.М.» [«Русской Мысли»] еще до сих пор не заплатили. Мережковский, кажется, устроился все-таки: он говорил мне, что сейчас семь его книг (не романов, а статей) печатаются очень известным издателем по-французски. Может быть, если я здесь поживу, то и я найду какие-нибудь пути. Нужно не терять бодрости. Но необычайно трудно и вам, по-моему, не стоит и думать о переезде в Париж, особенно, если у тебя, Фаня, что-нибудь наладится. Если бы у Герм. были не оперы, а камерная или оркестровая музыка, может быть, еще стоило бы приехать в Париж, т.к. через

Шлецера можно было бы проникнуть в музыкальные круги. Он и с Кусевицким хорош и со всеми русскими и французскими композиторами. Но на русскую оперу здесь совсем нет спроса. И потом, чтоб чего-нибудь добиться, нужно необычайно agir, в музыкальных средах еще больше, чем в литературных. Шлецер бегает дни и ночи: как он выдерживает, не знаю... Сейчас пришло письмо от Гуревича: он уже договорился с итал. издателем о переводе Т., Д. и Н.[работы о Толстом, Достоевском и Нитще] (в одном томе). Переслал мне письмо издателя*: мне будет уплочено 9% с выпущенных книг. Условия приемлемые. Но у него нет моих сочинений. Поэтому я попрошу тебя послать ему «Толстого и Нитше» (Пирожковское издание), а только /...?/ придется, верно, и «Д. и Н.» послать. Адрес его: Италия, Torino, Via Legano 33. B.Gourevitsch. Пошли, пожалуйста, книгу, не откладывая. Все-таки и итальянский перевод интересен, тем более, что с Лундбергом, очевидно, ничего не выйдет... Нужно, нужно agir. Здесь все против нас — но ничего не поделаешь, будем воевать. (Париж, 12.05.1921).

Вчера вечером беседовал с Фонд. Представьте себе: он мне заявляет, что он в восторге от твоей статьи «Берг. и Ш.» [«Бергсон и Шестов»] и, мало того, что в восторге, хочет попытаться вопреки тому, что сам говорил, провести ее в «Совр. Зап.»... Единственное возражение это объем: 5 печатных листов. Я предложил сокращения. Он не хочет: говорит, жаль. Особенно нравится ему вторая половина. Чем это кончится, я не знаю. Но во всяком случае — это уже мне придало бодрости: можно воевать... Конечно, если бы удалось провести «Б. и Ш.», это было бы чудесно. Подумай, между прочим, как можно ее сократить. Хотя Фонд. ужасно против сокращения, но все же совсем не печатать еще хуже и нужно будет непременно что-ни-

* Неизвестно, о каком издателе идет речь и вышла ли тогда книга Шестова по-итальянски.

будь придумать... По мере того, как будет положение выясняться, я буду сообщать вам. Но скоро сказывается сказка, а дело здесь очень не скоро делается. И всегда впутываются разные недоразумения, которые тем более трудно выясняются, что все здесь чертовски заняты и очень трудно ловить людей в свободные часы... Завтра я читаю доклад, на котором будет Ф. распорядителем; опять потолкую и опять напишу: авось, все-таки в течение этой недели что-нибудь и окончательно выяснится, хотя вперед наверное и ничего сказать нельзя — так все здесь затягивается и медленно выясняется... Послезавтра переедем в Кламар, под Парижем, где А. [Анна] нашла дешевую квартиру. Это собственно даже Париж, т.ч. можно будет оттуда, когда нужно, приезжать сюда. И, верно, можно будет заниматься. Я еще там не был, а Анна уже десять раз туда ездила: все чистит и приготовляет, чтоб я мог «учиться». И она, и дети помешались прямо на этом и даже чересчур, по-моему, стараются. Но это я как-нибудь улажу. (Париж, 15.05.1921).

* *
*

15 мая газета «Последние Новости» дала объявление о том, что в понедельник 16 мая в 8½ часов состоится публичное собеседование на тему «De profundis», что доклад прочтет Лев Шестов и что в прениях примут участие Н.В.Чайковский, И.П.Демидов, проф. Д.Гавронский, Б.Ф.Шлецер, И.И.Бунаков, Д.С.Мережковский и др. В указанный день состоялось собеседование, и Шестов прочел как доклад свою статью «Тысяча и одна ночь», уже напечатанную в третьей книжке «Современных Записок», которая появилась 27 февраля 1921 г. 20 мая появился в «Последних Новостях» отчет о собеседовании, подписанный Б.Ш.[Борис Шлецер]. Автор отчета писал:

Философский доклад Л.И.Шестова собрал гораздо большее количество слушателей, чем рассчитывали сами устрои-

> тели. Небольшой зал Sociétés Savantes оказался переполненным задолго до назначенного часа, и многим потом пришлось отказать в билетах. Этот успех и напряженное внимание, с которым прослушан был доклад Л.И.Шестова и последовавшие за ним прения, с несомненностью свидетельствуют о большом интересе, возбужденном в русской колонии темой доклада... Здесь Шестов в чрезвычайно обостренной, оригинальной, парадоксальной почти форме ставит вопрос об отношении между разумом и верой и раскрывает трагическое противоречие, существующее между ними. В обнаружении этой трагедии человеческого познания и заключается, по-видимому, основная мысль доклада. На этот пункт, однако, не было, быть может, обращено достаточно внимания оппонентами: гг. Гавронский и М.Н.Минский выступили в защиту разума: первый с неокантианской точки зрения, второй — с точки зрения своеобразного мистического, если так можно выразиться, рационализма. Выступивший в примирительной роли А.В.Карташев стремился сгладить противоречия указанием на существование гармонии между верой и разумом. За поздним временем чрезвычайно оживленные прения, которыми руководил в качестве председателя Н.В.Чайковский, пришлось прекратить.

Свое выступление после доклада Шестова Минский опубликовал в шестом номере «Современных Записок» под заглавием «Единственный светоч».

Через несколько дней после доклада Шестов с женой переехали в Кламар. Анна Ел. пишет Фане в Женеву:

> Леле очень нравится в нашей квартире. Конечно, очень скромно, но зато недорого и есть хорошенький душистый садик под окнами, заниматься хорошо будет; он все не нахвалится, как ты за ним ухаживала и все хорошо устраивала. [Кламар, 23(?).05.1921].

Так как 16 мая не удалось закончить прения по докладу Шестова, было решено устроить новое собеседование 29 мая. Должны были участвовать И.П.Демидов, Н.В.Чай-

ковский, Д.С. Мережковский, И.И. Бунаков, П.Б. Струве, Л.А. Сев. Об этом собеседовании Шестов рассказывает Ловцким:

> В воскресенье были прения по моему докладу. Чайковский убил все: говорил о вещах, которые все знают, целый час. Демидов говорил недурно, — но вещи, к докладу отношения не имеющие. Лучше всего говорил Мережковский. Начало — по поводу доклада — превосходное. Но потом ему пришлось скомкать конец, т.к. предыдущие ораторы все время себе взяли. У меня осталось, к счастью, всего две минуты в распоряжении и я ограничился несколькими словами. В воскресенье читаю лекцию «о корнях вещей». Анна сама устраивает ее, т.к. обычный устроитель запросил 200 фр. Беготни у ней немало, но она — молодцом: и кухарка, и фам де менаж, и импрессарио. Только, говорят, сбора большого не будет, т.к. я уже два раза выступал. Но и убытка, наверное, не будет: благодаря тому, что А. сама все делает, расходы не превысят 300 фр. (Кламар, 31.05.1921).

В воскресенье 5 июня Шестов прочел лекцию «О корнях вещей». 8 июня «Последние Новости» опубликовали о ней отчет без подписи, вероятно, написанный Шлецером. Он пишет:

> Собравшая довольно значительное количество публики и прошедшая с большим успехом лекция Л.И.Шестова — «О корнях вещей» — явилась продолжением и развитием его первого здесь доклада — «Тысяча и одна ночь», впечатление от которого было в значительной степени ослаблено последовавшими за ней прениями. К счастью, прений на этот раз не было, и слушатели до конца пребывали в сфере шестовской мысли, сложной, богатой, напряженной и дерзновенной... В жизни русской философской мысли работа Льва Шестова, напечатанная в выходящей на днях 5-ой книжке* «Современных Записок» — крупное во всяком случае событие.

* На титульном листе дата: 5.06.1921.

В письмах к родным Шестов тоже упоминает о своей лекции. Он пишет Ловцким в Женеву и дочерям в Гренобль:

> Нового у нас мало. Теперь лето и все в Париже занято отъездом, в окрестности или вообще куда-нибудь подальше. В «Современных Записках» тоже отъезжающее настроение, так что все еще тяжеловеснее, чем прежде. Так трудно, когда «коллектив» редактирует, что бы то ни было выяснить. Сговорюсь как будто окончательно с Фондаминским, а потом коллектив вмешается и все расстраивается. Надеюсь, завтра поймаю его и получу ответ о том, когда появится «Р.Корс.»*... О моей лекции вы, верно, и в газете читали. Сошла, в общем, ничего себе. И около 400 фр. осталось чистыми, — тоже не так уж плохо. Собственно это даже не мой заработок, а Анны, т.к. если бы не она, — то пришлось бы отдать 200 фр. устроителю лекции, да и расходов бы наверное было бы лишних 200 фр. Осенью будет праздноваться столетие рождения Достоевского. Если успею — напишу лекцию — надеюсь, она соберет больше публики и А., которая уже приобрела опыт, легче будет устраивать. (Ловцким, Кламар, 9.06.1921).

> Прежде всего насчет экзаменов. Это ты, Таня, совсем напрасно затеяла откладывать их на осень. Подготовиться совершенно — все равно нельзя, хотя и на пять лет откладывай. Я держал на своем веку немало экзаменов и всегда удачно, но ни разу не было, чтобы мне не казалось, что я знаю только 1/10 того, что нужно. И не то, что казалось, а так и было. И профессора это знали и все-таки ставили пятерки, ибо отлично понимали, что больше 1/10 к экзамену и приготовить нельзя. Ведь они и сами были когда-то студентами и тоже имели экзаменационный опыт. Главное в том, чтоб убедиться, что студент занимался. А настоящие знания приобретаются впоследствии — теми, которые продолжают ра-

* Речь идет о статье Ловцкого «Н.А.Римский-Корсаков. Источники его творчества», появившейся в шестом номере «Современных Записок» ([август] 1921).

боту. Конечно, иногда бывает, что профессор ошибется и провалит студента, который работал. Поэтому экзамены сопряжены с риском. Но если бы ты и провалилась, то ведь потом осенью можно передержать. И вообще не нужно принимать слишком близко к сердцу всю эту историю. Ведь даже если провалишься, — особенной беды нет: еще поучишься — и только. А зато если выдержишь, у тебя лето будет свободное, а потом приедешь в Париж, будем жить вместе и обдумаем, что делать нужно. Главное, иметь в виду будущее. Пройдет два или три года и позовут вас в Россию — уже и теперь, даже большевики зовут — и будете вы там желанными гостями. Так что смушаться нечего — нужно только учиться и учиться: будущее все-таки за вами — за молодежью. Это вас должно вдохновлять и давать бодрость. У нас все по-старому. Мама хозяйничает, откармливает меня, устроила лекцию, теперь все считает доходы — вышло 400 фр. — а я езжу каждый день в город к М.Г.[Марья Георгиевна Сев] — зубы лечу. Но, Бог даст, и это кончится — можно будет начать заниматься, готовить к осени лекцию о Достоевском. (Дочерям, Кламар, 10(?).06(?).1921).

Лекцию я читал «о корнях вещей» — то, что, если помните, я читал в Киеве в философском обществе как доклад. Теперь и она уже напечатана в последнем [пятом] номере «Современных Записок», и я за нее получил 1000 фр. Да с лекции 500 осталось. Да еще в прошлом году я за нее из другого журнала [«Грядушая Россия»?] 800 фр. получил. Так что она мне 2300 фр. прннесла! Иногда и со статьями везет. (Дочерям, Кламар, 16.06.1921).

В конце июня Шестов записался в парижскую Академическую Группу. Он надеялся, что через нее удастся выпустить книгу по-русски или переиздать что-нибудь из прежних работ.

Когда Шестов приехал во Францию, никто о нем еще не слыхал, и ни одна из его книг еще не была переведена на французский язык. По-французски до его приезда вышла только одна статья (см. стр.185), которая прошла незаме-

ченной. На Шестова обратили внимание после того, как его подпись появилась во французском журнале «Нувель Ревю Франсез» («НРФ»). В то время, когда Шестов приехал в Париж, Жак Ривьер (Jacques Rivière), директор этого журнала, готовил номер, посвященный Достоевскому. Ривьер обратился к Шлецеру с просьбой указать ему для этого номера русского сотрудника. Шлецер посоветовал обратиться к Шестову, который принял предложение. Он написал статью «Преодоление самоочевидностей. К столетию рождения Ф.М.Достоевского». Черновая рукопись статьи сохранилась в архиве Шестова (Мс. №29). На обложке пометка «Clamart июнь-сентябрь 1921». По-русски статья была напечатана в «Современных Записках» №8 (1921), №9 (1922), №10 (1922), а по-французски только часть ее — 1 февраля 1922 г. в «НРФ». Этот этюд, как и почти все статьи и книги Шестова, был блестяще переведен на французский язык Б.Ф.Шлецером. В том же номере «НРФ» появились статьи о Достоевском Жака Ривьера и Андре Жида (André Gide). Оригинальность и глубина мыслей, высказанных Шестовым, произвели большое впечатление на французских читателей (см. стр.230-233).

В августе Шестов пишет Ловцкому в Бад-Гейстрих (курорт недалеко от Берна), где Ловцкий исполнял партию фортепиано в ансамбле, игравшем в городском отеле во время летнего сезона:

> Очень рад, что ты так хорошо с Heustrich справляешься. Я вот не так: немножко «изнываю» над срочной работой над Дост. А тут еще как будто нужно будет речь приготовить: «Достоевский и Паскаль» для франц. заседания. Боюсь, что не справлюсь. О Д. еще не начал писать: все его перечитываю и размышляю. (Кламар, 19.08.1921).

Не удалось определить, была ли речь приготовлена и прочитана по-французски. На тему речи Шестов впоследствии

читал в Сорбонне курс: «Философские идеи Достоевского и Паскаля» (см. стр.236).

Через несколько дней Шестов пишет Фане в Женеву о семейных и литературных делах:

> [При распределении денег] нужно будет держаться общего правила и не делать для меня, скажем, исключения, п.ч. у меня работа и т.п. Да мне это и не нужно. Все равно, такой кусок, который сопровождается всеобщими воплями, не полезет в рот. И теперь столько все вопят кругом, что я готов был бы, если бы думал, что это поможет, даже урезать свои получения — только бы не слышать всего этого. Но все равно не поможет. И agir все равно придется. Нужно стараться приспособиться. И, откровенно говоря, если бы я был здесь только один со своей семьей, то я был бы много спокойнее: всегда можно как-нибудь пробиться. Меня гораздо больше тревожат остальные семьи — Сони, Мани, Миши и Саша. Я знаю хорошо, что они сами во всем виноваты, что они и мне много напортили, что делали и делают гадости, живут не по средствам и т.д. и т.п. Но все-таки это братья и сестры, и даже в те дни, когда особенно сердишься на них, жалеешь их. Значит, остается одно: строго держаться установленных норм и никому не давать лишнего. Я вот получил только что письмо от Мани, из которого ты увидишь, что она уже успокоилась и примирилась со своим новым положением. Миша и Саша, видно, все еще не могут примириться. Соня — тоже. Но и они примирятся, — тогда морально легче будет... Что касается статьи Мин.* — я ее не читал, но, вероятно, она очень обывательская. Отвечать на нее совсем не будут: «Сов. З.» не решаются уделять мне так много внимания. Но в ближайшей статье Сем.Вл., посвященной общефилософской теме** (она еще раньше была ему заказана), будет сделан небольшой постскриптум, в котором он объяснит, что М. говорит о том,

* Н.Минский. Единственный светоч. — «Совремеиные Записки» №6 (5.08.1921). См. стр.216.

** С.Лурье. Два пути. — «Современные Записки» №7 (6.10.1921).

чего он не знает. На большее С.З. не соглашаются. Да и Бог с ними, не так это важно. (Кламар, 15.08.1921).

В сентябре к спешной работе о Достоевском еще прибавились хлопоты о кафедре. Шестов пишет Ловцким:

Здесь в Париже предполагается открыть русский исторический институт при Сорбонне* по образцу юридического института, уже существующего. Завтра буду об этом разговаривать с Милюковым. В этом институте будут читать лекции исключительно по русским предметам и на русском языке. Конечно, будет курс истории русской философии и литературы. Плата 12000 фр. в год... Но Парижский институт — только одни надежды — а надежды, по нынешним временам, большей частью, не осуществляются... Новостей у нас никаких. Кончаю переписывать статью о Достоевском. (Кламар, 18.09.1921).

Вчера был у председателя здешней академической группы, проф. Гронского — говорил по поводу историч. института и моих лекций. Определенного ничего не узнал. По его словам, французы очень хотели основать такой институт, но не было лекторов. Во второй половине октября вернется в Париж проф. Patouillet, от которого все зависит. Тогда видно будет...
[Приписка Анны Ел.]: Л. одно время хорошо поправился, но теперь работы было много: он кончил статью о Достоевском... так что он опять похудел и боли начались; как это странно, что кроме вас, его никто не жалеет и не уважает в нем человека, так нужного людям и такого исключительного дарования. [Кламар, 20(?).09.1921].

Так много нужно написать — не знаю, с чего начать. А писать вообще надоело до смерти: я теперь с утра до вечера пишу. Обязался к 1 октября дать статью о Достоевском (сто лет рождения). Статья вышла большая, хотя половина материала за бортом осталась и вот нужно дописывать, переписывать — с утра до вечера. Хоть

* Так Шестов называет Русский историко-филологический факультет при Парижском университете, основанный в 1922 г. (см. стр.183).

бы хорошо вышло... Очень рад, Герман, что ты благополучно кончил сезон и все-таки заработал порядочно. Я столько не могу заработать: статья о Достоевском отнимает у меня больше трех месяцев, а я за нее не получу 80 шв. франков. Вообще сейчас в «Совр. Записках» наши шансы падают. Вышла 6-я и выйдет 7-я книга, а моих работ там нет. О Достоевском — им нужно, ну а «Дерз. и Пок.» не так. И вообще нужно дать отдых читателю от меня. Журнал идет очень хорошо, увеличен тираж даже. Фонд. говорит, что надолго обеспечен журнал...

Сейчас мы сняли немебл. квартиру: 3 комнаты, небольших, с маленькой кухонькой и с комнатой для прислуги в 6 этаже — 400 фр. в месяц с отоплением. Новый дом — кончается постройка 15 октября. И сейчас, как подписали договор — получил повестку, что в Праге учреждается русский университет, что чешское правительство ассигновало на него деньги и запрос, хочу ли я туда ехать. Жалованье мизерное: 2000 крон, т.е. 300 франков в месяц. Но, говорят, там жизнь дешевая. Если и Анну возьмут, может поедем, буду объяснять студентам, что философия есть наука и что такое прогресс и т.д. Но все-таки это лучше, чем что-нибудь другое, хотя хуже, много хуже, чем играть в Heustrich'e, очень много придется готовиться. Одно только — если суждено дожить до 70 лет, то последние 10 лет буду читать по готовым /...?/ запискам. [Кламар, 22(?).09.1921[.

Насчет профессорства не нужно слишком обольщать себя. Я сам очень мало надеюсь, что удастся пройти. Видел Милюкова, но Милюков отозвался незнанием и я ничего от него добиться не мог. Вообще на «стучание», вопреки писанию, плохо открывают. Я тут был тоже у одного философа Мейерсона, друга Бергсона, автора довольно известных трудов. Он знает по-русски (выходец нз России), встречал меня в Москве, знает обо мне и кой-что читал. Я просил его помочь Анне получить место в учреждении Ротшильда. Связи у него громадные — и он мог бы много сделать, если бы хотел. Он обещал все разузнать и все сделать и сейчас написать. Но вот уже три недели

— и ничего от него нет. И Винавер пока ничего не сделал, хотя я довольно крепко к нему стучался. Правда, он все время болеет, и серьезно. Но вообще, видно, что нужно запастись большим терпением. Может, со временем, и удастся что-нибудь, но, видно, не скоро...

Кончил статью о Достоевском. Не знаю, хорошая ли она, по выполнению. Но если меня за нее Фонд. не выгонит, значит, выгонит за следующую. Кажется, его ужасно за меня донимают. [Кламар, 24(?).09.1921].

Приходится вас беспокоить, хотя очень бы не хотелось. Я вам писал, что мы уже сняли квартиру и в середине октября переезжаем. Нам необходимо иметь все те вещи, которые у нас есть в Женеве. Возьмите кого-нибудь, кто бы их сложил, упаковал и отправил. Вещи нужны все и кроме того часть книг. Дело в том, что я сейчас веду переговоры о предложенном мне курсе истории русской литературы и философии. Поэтому мне нужно, п.ч. в случае успеха, придется скоро приступить к чтению, все русские авторы — т.е. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Чехов и т.д. (все, что есть), дальше Иванов-Разумник, Белинский, Бердяев (особенно его книжка о Хомякове), Соловьев (о церкви) и т.д. Сверх того, т.к. придется говорить много о богословии /...?/ протестантскую энциклопедию, и затем Pohle, католическая догматика. И хорошо, 2-й том Виндельбанда история философии, его «Preludien», «Критика чистого разума» (по-русски). Очень попрошу вас выслать все это до вашего отъезда, т.к. вы ведь вернетесь, верно, нескоро, а лекции, пожалуй, если меня возьмут, придется начинать еще в ноябре; к ним нужно очень подготовиться, — и без книг никак нельзя. Меж тем, если я это место получу и если слушателей будет много, я буду иметь заработок обеспеченный и правильный (1000 фр. в месяц), и тогда придется возиться много только на первый год. Так что, хоть и совестно вас обременять, но ничего не поделаешь. Вы возьмите человека на помощь: у меня ведь предвидятся заработки, так что мне это не страшно. Статья о Достоевском дает мне 2000 фр., кроме того, верно, и лекция принесет 500-600 фр. ...

Я продолжаю agir. Вчера был у философа Мейерсона [Emile Meyerson]. Не знаю, слышали ли вы о нем. Это русский еврей, еще говорящий по-русски, но офранцузившийся. Он служит в учреждениях бар.Гирша и связи у него огромные. Он же автор двух капитальных, очень обративших на себя внимание работ, «Identité et réalité» и «Explication scientifique». Книг его я еще не читал, но он мне в общих словах рассказал их содержание и дал краткий, правда, отзыв о последней книге, недавно вышедшей в «revue scientifique». Темы очень интересные, он философ незаурядный и знакомство с ним представляет для меня большой интерес. Мы поговорили с ним о Бергсоне, специально на тему «nous ne pensons que pour agir». В этом пункте он радикально с Бергсоном расходится, хотя совсем по иным соображениям, чем я. Я бы сказал, что в этом пункте он подходит к Гуссерлю, хотя он Гуссерля не знает и не любит. Бергсона он лично знает, очень высоко ценит. Обещал и меня с Бергсоном познакомить. Это все очень интересно. Может быть, я даже, по поводу его книг статью напишу и попытаюсь выяснить, как /...?/ понимать «nous ne pensons que pour agir». Особенно, если лично узнаю Бергсона и проверю свое понимание его в беседе. Все это меня очень занимает и, если Париж даст мне возможность существовать проф. заработком и попасть в среду франц. философов, то выйдет много лучше, чем Прага, которую я, кстати, очень подозреваю в черносотенстве. Пока Мейерсон дал Анне письма к здешним благотворителям и может статься, что ей удастся получить место в каком-нибудь медицинском учреждении. Конечно, не нужно всего преувеличивать, но все-таки — и преуменьшать не нужно. И, по-видимому, не надо бросаться с места на место. Если не сейчас, то через ½ года, через год из всех возможностей, пожалуй, кой-какая осуществится. Тем более, что, если жить так, как мы живем, то и в Париже можно существовать не слишком дорого. [Кламар, 1(?).10.1921].

У Шестова с Мейерсоном установились дружеские отношения, но знакомство с Бергсоном не состоялось, и пись-

ма Мейерсона не помогли Анне Елеазаровне найти работу.

10 октября Анна Ел. поехала на месяц в Висбаден отдыхать и лечиться. 28-го Шестов с дочерьми переехал из Кламара в Париж, где они в сентябре нашли квартиру (7 rue Sarasate, Paris 15). Он пишет Анне Ел. и Ловцким о переезде и о выступлениях в Париже:

> Переезд оказался гораздо сложнее, чем можно было думать. И как бывает, к переезду, очень сложному, прибавилась еще целая куча все экстреннейших дел. Прежде всего, когда мы поручили конторе перевезти наши вещи, приехали точно за вещами во вторник, забрали их тогда же, а привезли на квартиру — в четверг. А тут, как нарочно, письмо из Берлина от Сева, что лекция устраивается. Нужно выяснить, будет ли разрешение от консула. Консул ставит препятствия — нужно бегать, добывать «доказательства», что я не хочу /...?/ въехать навсегда в Германию. Чтобы добыть «доказательство», приходится бегать в народный университет за свидетельствами. А они требуют, чтобы я пошел на их заседание о чествовании Достоевского и что-нибудь прочел им о Достоевском. Пришлось и на заседание пойти и о Достоевском сегодня днем буду читать (статью свою «Пророческий дар»). А потом — экспресс из Италии, нужно им спешно книгу выслать, т.к. они обещали к декабрю доставить перевод. А потом вещи из Швейцарии пришли. И т.д. без конца было. И еще, вдобавок, постричься пришлось. И письма писать: и в Италию, и в Берлин, и еще, и еще. Но все-таки справились. Сейчас уже две ночи ночуем в квартире. Квартира хороша. Но пока нет ни газа, ни электричества. Обедаем мы с Наташей то у Лурье, то у Данила (с участием в расходах). (Жене, [30.10.1921]).

> Понемногу начинают съезжаться в Париж люди. Везде концерты, выставки, лекции. Вчера было 1-е празднование Достоевского (народного университета*). И я был объ-

* Публичиое заседание Народного уииверситета (см. следующую стр.)

явлен в числе участников, но я только посидел за столом, а от разговоров мне удалось уклониться. В будущий вторник уже придется читать — у студентов*: я прочту «музыку и призраки»**. Там есть немного о Достоевском — и никто этой статьи не читал. Отказать студентам нельзя было. (Ловцким. [31.10.1921]).

Разрешение на поездку в Берлин удалось получить, и Шестов выехал туда 22 ноября, а 23-го читал там лекцию о Достоевском и, вероятно, через неделю вторую лекцию на ту же тему. В Берлине тогда жили Миша, Маня и Саша, с которыми он виделся. В понедельник 28-го они вместе ездили на могилу отца и поручили Саше заказать памятник. В Берлине Шестов вел переговоры с издателями (см. стр.190) и виделся с писателями: Ремизовым, который недавно приехал в Берлин (вероятно, в начале ноября), А.Белым, Зинаидой Венгеровой, Минским и, накануне отъезда, с пианисткой Изабеллой Венгеровой, только что приехавшей из Ковно. О Минском Шестов пишет, что «он всех здесь поражает своей элементарностью. Ничего не понимает». Во время пребывания Шестова в Берлине художник Леонид Пастернак написал его портрет. На нем дата: 1.12.1921. Портрет находится в Оксфорде, в коллекции семьи художника. Портрет был выставлен в Москве, вместе с другими картинами Л.Пастернака, в Третьяковской галерее в марте 1979 г. В Берлине Шестов ходил на чествование артистов Московского Художественного театра и присутствовал на первом собрании Вольной Философской Ассоциации (Вольфила), которая тогда была основана в Берлине. Лундберг описывает это собрание:

(30.10.1921), посвященное памяти Достоевского, в ознаменование 100-летия со дня его рождения при участии А.Карташева, Н.Кульмана, Д.Мережковского, Л.Шестова, Ж.Патуйе, Н.Чайковского, А.Экк.

* Союз Русских студентов во Франции. Вечер, посвященный памяти Достоевского (8.11.1921).

** Статья была опубликована в 1917 г. в журнале «Скифы» №1, затем вошла в книгу «Власть ключей» (2-я часть, афоризм №9).

А.Белый, проф.Ф.А.Браун и А.Шрейдер основали отделение Вольной Философской Ассоциации. Враждебные крики по моему адресу на первом заседании. А.Белый сказал нелепую речь о свободе и прелести разрушения. Л.Шестов отказался участвовать в Ассоциации, если она на первом же заседании не выразит протеста против большевистских насилий. (Лундберг, стр.203).

Лундберг не упоминает об Иванове-Разумнике, который, без сомнения, участвовал в Вольфиле. Шестов был выбран ее почетным председателем, но через несколько месяцев из нее вышел. В Берлине Шестов остановился в центре русского квартала, на Прагерплац (Pragerplatz Pension, Pragerplatz 4a, Berlin W).

В то время русские писатели часто встречались в берлинских кафе. Одна из таких встреч описана Лундбергом в «Записках писателя», другая — Эренбургом в книге «Люди, годы, жизнь»:

Группа русских писателей собралась пить чай и ликеры в нарядном кафе под рестораном Вилли... Начались тосты. Кто пил за литературу, кто за мудрость, кто за свободу. «Против насилия!» — поднял бокал, закусывая от внутренней боли губы, экспатриированный философ. Все стихли. Ясно было, против кого направлен тост. Помолчали, обнялись, выпили. Только И.Эренбург и я остались в стороне. (Лундберг, стр.209).

В кафе «Прагер-диле» иногда приходили русские писатели... Однажды Андрей Белый поспорил с Шестовым: говорили они о распаде личности, и говорили на том языке, который понятен только профессиональным философам. Потом настал роковой «полицейский час», в кафе погасили свет, а философский спор не был закончен. Как забыть последнюю сцену? В створках вращающейся двери кричали Андрей Белый и Шестов. Каждый, сам того не замечая, толкал вперед дверь, и они никак не могли выйти на улицу. Шестов, в шляпе, с бородой, с большой палкой, походил

на Вечного жида. А Белый неистовствовал, метались руки, вздымался пух на голове. (Эренбург, стр.428).

Нельзя с уверенностью сказать, что рассказ Эренбурга относится к приезду Шестова в Берлин в ноябре 1921 г. Возможно, что описанная встреча произошла в 1922 или 1923 гг.

В то время Ловцкие решили поехать в Берлин выяснить, не будет ли тамошняя обстановка более благоприятной для их занятий, чем Женева. Они выехали вместе с матерью из Женевы в середине октября и остановились в Висбадене. Там они прожили до конца января 1922 г., устроили мать и поехали в Берлин. Закончив дела в Берлине, Шестов заехал в Висбаден 4 декабря 1921 г. повидать Ловцких и мать и пробыл с ними три недели, отдыхая от берлинской беготни. 26 декабря он вернулся в Париж.

* *
*

Вернувшись в Париж, Шестов продолжает хлопотать о кафедре, об издании книг. 1 февраля 1922 г. появилась его статья о Достоевском в «НРФ» (см. стр.220). Обо всем этом он пишет Ловцким сначала в Висбаден, потом в Берлин. Герман согласился помогать Шестову вести переговоры с берлинскими издателями, и Шестов держит его в курсе своих литературных дел, не только берлинских, но и парижских. Шестов пишет Ловцким:

Новость у меня такая: деньги на историко-литературный институт фр. правительство уже выдало. Теперь вопрос — выберут ли меня в лекторы, и, если выберут, сколько часов мне дадут. Тут было меня собирались отвестн, т.к. у меня нет «стажа» академического. Но т.к. я был избран приват-доцентом Таврического университета, то, кажется, этот отвод не состоится. На будущей неделе, должно быть, выяснится. (14.01.1922).

Дела у меня неважные: неудача с институтом. Меня обошли. Не пригласили в организационную комиссию, куда всех пригласили. И потом решили (и это не окончательно) предложить мне один час в неделю — когда другим — 2, 3 и 4 часа дают. И кому дают! Карцевский будет из Страсбурга приезжать раз в неделю! Кульман 3 часа получил! Ну, а Милюков, конечно, 4, Кондакова (история русского искусства) из Софии выписывают и 4 часа дают. А мне час и тот под сомнением! (Париж, 22.01.1922).

В февральском номере Nouvelle Revue Française появилась моя статья (сокращенная в четыре раза — половина первой половины) о Достоевском с предисловием Б.Федор.Шл. [Шлецера]. Кажется, статья имеет успех. По крайней мере, André Gide, самый значительный из франц. критиков, отозвался о ней в очень сильных выражениях и прислал мне билет (в 50 фр.) на курс лекций о Достоевском*, который он прочтет в ограниченном кружке.

С Лундбергом у меня, видно, совсем плохо будет. Он не напечатал до сих пор о моем выходе из В.Ф.О.** — и мне пришлось самому принять меры к тому, чтобы оповестить публику об этом, т.к. большинство газет все время продолжали меня называть почетным председателем. (Париж, 12.02.1922).

Что касается предисловия к... [немецким изданиям моих книг], то я очень против того, чтобы поручить его какому-либо знаменитому немцу. Знаменитый немец ведь только прочтет одну или две книги и прочтет наскоро и, стало быть, не разберет ничего. Может выйти то же, что и с английским предисловием. По-моему, очень важно, чтоб предисловие составлял человек, который знает и хорошо

* Курс состоял из шести лекций, которые Жид прочел в театре Старой Голубятни. Первая состоялась 18.02.1921. Эти лекции Жид включил в книгу «Достоевский», которая вышла в Париже в издательстве «Плон» в 1923 г.

** Без сомнеиия, буквами В.Ф.О. Шестов обозначает Вольную Философскую Ассоциацию, на собрании которой в Берлине он присутствовал в ноябре 1921 г. (см. стр.227-228).

знает все мои сочинения. Я тебе пришлю «Nouvelle Revue Française» — ты покажешь Ефрону и он убедится, что французы тоже предпочли поручить предисловие не такому человеку, которого знают французы, а такому, который знает мои книги. Это так важно, что если бы Ефрон не согласился поручить предисловие какому-нибудь компетентному в моих сочинениях человеку, то лучше всего не давать никаких предисловий. Здесь, например, André Gide, сотрудник Nouvelle Revue Franç., очень хвалебно отзывался о моей статье, но все же редакция предпочла поручить предисловие не знаменитому, но не знающему моих книг французу, а Шлецеру, который, хоть и не знаменит, но мои книги знает. Так что я очень прошу тебя приложить старания к тому, чтоб отговорить Ефрона от его намерения. Либо — совсем без предисловия, либо с предисловием твоим, Шлецера — по его выбору, но чтоб был компетентный в моих сочинениях человек...

У нас все благополучно. Дети учатся. Я стараюсь работать, хотя «житейские волнения» /...?/ которые здесь устраивала мне «академическая группа» и которые Лундберг устраивал из Берлина, все-таки мешают. С институтом дело кончилось тем, что я все-таки назначен преподавателем (все решилось франц. факультетом), и т.к. назначено 11 человек, то жалование выйдет скромное: 4000 фр. в год. Еще читаю раз в неделю в народ. унив. [Народный университет]* и получаю за двухчасовую лекцию 25 фр. Вчера была первая лекция. Правда, готовлюсь мало, т.к. курс тот же, что в Киеве был. (Париж, 23.02.1922).

Сегодня пришло письмо от Гершензона. Он получил посылку. Живется ему очень, видно, плохо. Он просит, если можно, издать его переписку с Вяч. Ивановым и гонорар прислать ему и Вячеславу в виде посылки. Я написал Ефро-

* Шестов читал курс «Основные идеи древней философии». Вступительная лекция «Задачи философии (философия, наука, искусство и религия)» была прочитана 22.02.1922. Курс, состоящий из вступительной лекции и 9-ти лекций о древней философии, был закончен 19.05.1922. Затем (26.05-9.06.1922) Шестов прочел три лекции о Достоевском.

ну, но нужно узнать у Лундберга, к которому Герш. тоже обращался, не передал ли он уже кому-нибудь издания. Я постараюсь ему здесь устроить посылку и, если можно, более или менее правильные посылки. Может быть, Ефрон согласился бы издать и другие книги Гершензона — «Грибоедовскую Москву» или «Исторические записки»? Все книги маленькие и очень ходкие! (Париж, 9.03.1922).

Представьте себе, что моя статья о Достоевском имела здесь, по-видимому, очень большой успех. Не говоря о самой редакции Nouv.R.Fr. (сам редактор [Ж.Ривьер] и André Gide), появились в газетах сочувственные заметки, а одна статья в Radical* — так прямо до небес превозносит. И я уже получил, через Бор.Фед. предложение от одного издательства выпустить по-французски свою книгу (ту, в которую войдет статья о Дост.) — это предложение сопровождалось самыми преувеличенными похвалами по моему адресу**. Но теперь именно потому, что статья так быстро проложила себе дорогу, я стараюсь не торопиться с решением и пытаюсь, нельзя ли будет найти издателя на все сочинения, чтоб не повторилась история немецкая. Делаю все, что можно, и уже буду осторожен...

Для меня существенно не быть морально отягощенным. Если бы вы знали, что тут творилось по поводу исторического института! Да и со «Скифами» не очень приятно. А убрать квартиру или почистить платье — пустяки. Недавно, когда я убирал и чистил, я обдумал все предисловие к своей новой книге и вступительную лекцию к моему курсу. Главное, чтоб не путаться в разные поганые истории. И, Бог даст, в этом отношении, если с издательством все пойдет на лад, многое устроится к лучшему. Я свою

* Louis Raymond Lefèvre. L'individualisme de Dostoïevsky. — "Le Radical", Paris, 27.02.1921. Лефевр говорит про Шестова, что «этот критик, абсолютно неизвестный во Франции, удивляет своей логикой, своим пониманием... Его анализ сочинений Достоевского — шедевр».

** Предложеиие с «преувеличеиными похвалами» было, без сомиения, сделано Дю Босом (см. письмо от 16.04.1922, стр.234).

работу все же не сдаю. Конечно, неприятности мешали, мешают немного и глаза. Но, благодаря Анне, я так все-таки хорошо устроен, что как только отпускают меня внешние дела, я могу заниматься. И когда от внешних дел освобожусь, то и без прислуги будет очень хорошо. Все-таки успех статьи о Достоевском дает право надеяться, что будущий год будет много легче, чем этот, и я успею больше сделать. (Париж, 15.03.1922).

Статья о Дост. здесь в Париже во франц. литературных кругах имела очень большой успех. Уже без обиняков признают меня таким же remarquable, как и A.Gide'a (a Gide здесь крупная величина). Сам Gide дал мне статью Clarté* (это журнал Барбюса), где меня сравнивают с ним. Уже и издательские предложения начались**. Но это очень мучительная вещь. Приходится заводить relations, бывать повсюду, без конца разговаривать — все время на это agir уходит. Не знаю, чем кончится. Издатели хотят по-своему сделать и невозможно с ними бороться — придется, пожалуй, уступить. Но все же я попробую — авось, хоть часть отвоевать удастся. Досадно, главное, что после того приема, который встретила статья, при других обстоятельствах, можно было бы многого добиться. Не только во франц., но и в русских кругах*** я слышал такие похвалы, что даже неловко становится. А помочь издать как следует книги по-французски и по-русски никто не хочет. И, собственно, не отсутствие прислуги и femme de ménage мешает, а то, что всю энергию и время приходится тратить на мелочную борьбу, — то по поводу института, то со «Скифами», то теперь по поводу франц. издания. Но, авось, Бог и не без милости, и как-нибудь выпутаюсь. Теперь

* Parijanine. Les abîmes de la pensée russe. — "Clarté", 15.03.1922, №9.

** "Mercure de France" заказал Шлецеру статью обо мне для майской книги (прим. автора). [Статья появилась 1.10.1922 под заглавием «Léon Chestov, penseur russe»].

*** После прочтения статьи Шестова Зинаида Гиппиус написала ему два письма (12.03.1922 и 27.03.1922), в которых она пишет: «Вашу статью я читала с громадным любопытством... Я нахожу, что в смысле силы языка и экспрессивности Вы достигли высокого развития Вашего таланта, и все идете вверх».

один известный художник (Григорьев) начинает писать мой портрет*, который выставит 15-го апреля. Говорят, что поможет переговорам! Если бы кой-кто здесь захотел, то мне бы не пришлось воевать с издателями. Но пока еще не хотят: может, захотят. (Париж, 22.03.1922).

Вчера получил жалованье из Института — за первые три месяца: всего, увы, тысячу франков. Правда, я еще не читал, — но после Пасхи читать начну. Веду переговоры с французским издательством Plon. Это очень хорошее, старое книгоиздательство, но очень скупое. Оно хочет издать мою последнюю книгу (Странствования по душам) и приложить к выпускаемому ими изданию Чехова мою статью о Чехове. Но предлагает мне за все (это 22 печатных листа) — тысячу франков и Шлецеру за перевод всего (кроме статьи о Чехове) тоже тысячу франков всего. Анна возмущена, говорит, чтобы не соглашаться, а Шлецер настаивает, чтоб соглашаться. Сегодня вечером опять будем обсуждать этот вопрос со Шлецером. Я тоже думаю, что нужно попробовать торговаться. (Париж, 16.04.1922).

В этом письме Шестов пишет, что издательство «Плон» хочет издать по-французски его книгу «Странствования по душам». Но издало оно только небольшую книгу, содержащую две главы оригинальной рукописи. Договор был подписан 7 ноября 1922 г. Книга вышла в марте 1923 г. в количестве 3000 экземпляров под заглавием «Les Révélations de la mort. Dostoïevsky — Tolstoi» в «Серии иностранных авторов», которой руководил Шарль дю Бос (Charles du Bos, см. приложение). Как предисловие к книге дана статья Шлецера, опубликованная 1 ноября 1922 г. в «Меркюр де Франс» (см. стр.233). В 1958 г. издательство «Плон» выпустило 2-е издание этой книги с новым предисловием Шлецера. Статья о Чехове «Творчество из ничего. А.П.Чехов», о которой Шестов говорит в письме, не была приложена к полному собранию сочинений Чехова, которое «Плон» начал изда-

* Неизвестно, где находится этот портрет Шестова. Он был воспроизведен в ноябре 1922 г. в журнале «Жар-Птица» №8.

вать в 1922 г. в той же серии. Книга «Странствования по душам» в это время не вышла. Впоследствии Шестов включил в нее работы, написанные в 1922-1926 гг., и опубликовал ее в Париже в 1929 г. под заглавием «На весах Иова» с подзаголовком «Странствования по душам» (об этой книге см. стр. 306, 321-322 и второй том). Хотя Дю Босу не удалось осуществить все свои проекты издания работ Шестова, они сошлись и часто встречались. Через несколько месяцев Дю Бос подарил Шестову первый том своей книги «Approximations» с надписью «A Léon Chestov avec ma bien vive symphatie... 5 juillet 1922». Дю Бос в скором времени помог Шестову издать еще одну книгу по-французски (см. стр.252-254).

Как уже указывалось, Ловцкие в январе 1922 г. поехали в Берлин выяснять, возможно ли им там устроиться. Фаня хотела продолжать изучать психоанализ, который она уже изучала, когда жила в Женеве. В Берлине ей посчастливилось познакомиться с выдающимся немецким аналитиком русского происхождения доктором Максом Ефимовичем Эйтингоном (1881-1943), который согласился руководить ее занятиями. Об этом она сообщила Шестову в письме, которое не сохранилось. Шестов ей отвечает:

> Не сейчас ответил тебе на письмо, думал, что еще мне напишешь, и сразу отвечу. Очень уж много беготни всякой, а я все-таки не хочу забрасывать свою работу и потому всячески берегу время. Ужасно меня порадовало твое последнее письмо! Кто такой этот доктор Эйтингон! Я прежде никогда о нем ничего не слышал! Русский или немец? Судя по тому, что он читает мои книги, следует как будто русский — но как мог он тогда занять такое положение в Берлине? Очень хорошо будет, если у тебя наладится это дело. В добрый час! Вообще хорошо, что вы из Швейцарии выехали — давно это нужно было сделать. Можно было жить в Швейцарии — всем нам — когда были обеспечены. А теперь, когда нужно agir — приходится жить в больших центрах. Еще раз в добрый час!..

> Я читаю лекции — и, по возможности работаю. Все-таки стараюсь не сдавать своего дела. Не знаю, буду ли писать о Спинозе (еще не получил ответа) — но, если бы пришлось и если бы статья удалась, это было бы хорошо — и мне теперь по дороге. В пятницу читаю последнюю лекцию в нар. унив. по древней философии, а потом еще предлагают 3 лекции о Достоевском прочесть (т.е. мою статью «Преодоление самоочевидн.»). Все же в общем денег принесет франков 400. На будущей неделе начну в Сорбонне читать — успею всего 3 лекции прочесть, не больше, и за это получил уже 1000 фр. и еще 1000 получу. (Париж, 18.05.1922).

Как было указано, в феврале 1922 г. Шестов был назначен преподавателем на русском факультете при Парижском университете, который было принято называть русской секцией Сорбонны. Три первые лекции, о которых Шестов упоминает в письме к Ловцким, он прочел, вероятно, 1, 3 и 10 июня на тему «Современная русская философия». Шестов читал в течение 16-ти лет свой курс по субботам в пять часов, с середины ноября или с начала декабря до Рождества (осенний семестр) и с января до Пасхи (весенний семестр). В осенний семестр 1922 г. и весной 1923 г. он читал курс «Русская философия XIX столетия». Следующие четыре семестра (1923/1924 и 1924/1925) — «Философские идеи Достоевского и Паскаля». Названия этих курсов были найдены по афишам Института славяноведения (Institut d'Etudes Slaves), в книге М.Бейссак и в газете «Последние Новости». Осенью 1931 и весной 1932 гг.объявлений о курсе Шестова в газете не было, так как в 1931/1932 учебном году Шестов, вероятно, курса не читал (см. второй том). Названия курсов, которые удалось найти, внесены в приложение «Основные даты жизни Шестова». М.Федоров* рассказал о курсах, которые читали в Сорбонне Шестов и другие профессора:

* В русской Сорбонне. — «Русская Мысль», 2.06.1977.

> Тысяча девятьсот двадцать третий год. Со свидетельством, соответствующим званию бакалавра, включаюсь в группу русской секции филологического факультета Сорбонны. Возглавлял ее и профессорствовал в ней Emile Homan, русофил и эрудит... По классам и амфитеатрам Сорбонны шли чтения, доклады и лекции вольно и невольно покинувших советскую Россию писателей и поэтов, религиозных мыслителей и философов, искусствоведов и литературных критиков. Историю церкви читал златоречивый Карташев; с никогда не покидавшей его загадочно-застенчивой улыбкой, расщеплял на атомы поэтику Пушкина — Гофман; пленяли: красноречием — изящный Вышеславцев, — блеском своих не всегда беспристрастных критических суждений — Левинсон; во всепоглощающем превосходстве философии — убеждал овеянный печалью обреченности ветхозаветного пророка Лев Шестов; излюбленную им тему религиозной направленности русского мышления развивал, подергиваясь и заикаясь, мучимый тиком Бердяев... В сердце веками узаконенной вотчины интеллектуальной элиты Францни дышали мы воздухом России, воздухом ее серебряного века. (М.Федоров).

22 мая 1922 г. Шестов пишет Ловцким, просит их спешно передать «Скифам» для печатания книгу «Толстой и Нитше», так как в июне набор будет стоить на 35% дороже. В том же письме он пишет о Гершензоне и о своем портрете, сделанном Григорьевым. Через несколько дней он пишет Ловцким о своих парижских делах и матери — о посылках для родных, оставшихся в России:

> Получил письмо Гершензона... Ужасно жаль бедного Гершензона. Сделаю все, что можно, чтобы его вытащить хотя бы на полгода заграницу... Сейчас пришло письмо Мани. Она пишет, что Люся хотела бы сделать гравюру с моего портрета для моих сочинений, и спрашивает, соглашусь ли я. Можешь представить, что я был бы необыкновенно рад, если бы могло выйти что-нибудь, для Люси полезное. Но самому говорить со «Скифами» или с Ефроном

об этом — мне неловко. Я могу только одно сделать: если Ефрон или «Скифы» меня спросят, то я не только рекомендую Люсю, но буду настаивать, чтобы именно ей дали эту работу. Но мысль об этом, т.е. о приложении портрета, должна исходить не от меня, а от кого-либо другого. Здесь написал мой портрет художник Григорьев — его Ефрон очень уважает, и Григорьев хотел бы, чтобы его портрет был приложен к книгам. Но я предпочел бы, чтобы к книгам, которые издает Ефрон, т.е. к моим первым книгам, был приложен портрет мой прежний, т.е. того времени, когда книги были написаны. Т.е. один из тех, которые у тебя в Женеве (снимки Сем.Вл.) висят. Поговори об этом с Маней и, главное, придумайте, кто бы мог эту мысль предложить Ефрону или «Скифам». (Ловцким, Париж, 22.05.1922).

Получил твое письмо и письмо Лизы. По-видимому, Лизе теперь гораздо лучше. Наверное, она уже получила три посылки, посланные нами ей в марте — и этого ей надолго хватит. А в мае мы ей еще три посылки отправили, и столько же отправим в июне, так что продовольствия у нее надолго хватит. Лиде в Харьков тоже послали посылку, а Соломону — всего навсего три посылки и в июне еще четвертую пошлем. Так что в этом отношении делаем все возможное...

У меня все по-старому. Много хлопот, возни. Со всех сторон приходят всякого рода предложения — о сотрудничестве, об разрешении переводить книгн н т.д. Но все норовят как можно меньше заплатить и как можно больше получить, так что со всеми приходится грызться. И переписка — бесконечная, хотя толку пока мало. Но перемелется, мука будет. Нужно запастись терпением. Слава Богу, что можно ждать. В Висбаден мне можно будет поехать только в июле, когда кончатся лекции и все прочие занятия. Анна тоже поедет куда-нибудь в Германию лечиться, а детей их подруга пригласила к себе в Англию, в именье. Это во всех смыслах очень хорошо, и отдохнут там, н недорого будет стоить, и попрактикуются в английском языке. (Матери, Париж, 27.05.1922).

9 июня Шестов прочел последнюю лекцию в Народном университете, а 10 июня в Сорбонне. О своей работе того времени он пишет Фане в Берлин:

> В Висбаден я верно поеду 15-го или 20-го июля, так что мы скоро встретимся и тогда поговорим... Я надеюсь к 15-му уже свою статью о Спинозе сдать и у меня будет только небольшая работа о Вяч.Иванове. (Париж, 29.06.1922).

В письме к Фане от 18 мая Шестов тоже упоминает работу о Спинозе. А в письме к Ловцким от 12 декабря пишет: «Еврейская Трибуна отказалась от моей статьи, хотя гонорар я уже давно получил». В этих письмах речь, очевидно, идет о статье «Сыновья и пасынки времени. Исторический жребий Спинозы», которая должна была быть напечатана в еженедельнике «Еврейская Трибуна», но там не появилась. Статья вышла по-французски в «Меркюр де Франс» 15.06.1923, а по-русски только в 1925 г. в «Современных Записках» №25. Впоследствии она вошла в книгу «На весах Иова». В письме от 29 июня Шестов также говорит, что должен написать небольшую работу о Вячеславе Иванове. Никаких следов этой работы обнаружить не удалось.

Закончив статью о Спинозе и другие дела, Шестов выехал 17.07.1922 в Висбаден повидать мать и для лечения. В это время Ловцкие поехали на несколько недель в Женеву и звали Шестова их навестить. Он отвечает им:

> Спешу вам ответить на письмо. Очень благодарю вас за приглашение — конечно, теперь в Женеве было бы очень хорошо. Но, во-первых, я курс своих ванн окончу только к 1-му числу, а во-вторых, я решил поехать в сентябре в Берлин на 3 недели или даже на 4, чтоб как-нибудь устроить издание хотя бы своих новых русских книг, что для меня существенно важно. Так что, может быть, я поеду на неделю к Анне, а может быть — и прямо в Берлин, смотря по обстоятельствам. Нужно попытаться

сделать возможное и воспользоваться пребыванием в Германии...

Чувствую я себя очень хорошо. Теперь погода поправилась, и я много гуляю. Дети совсем великолепно устроились. Посылаю вам, для развлечения, их письма. (Висбаден, 18.08.1922).

Анна Ел. тем летом поселилась в Бад-Зальцширте, и Шестов к ней поехал в конце августа, после того как закончил курс ванн в Висбадене. Место ему очень понравилось, и жизнь оказалась вдвое дешевле, чем в Висбадене. Он пишет Саше, Фане и Соне: «Здесь чудесно», «Здесь действительно хорошо» — и зовет их приехать.

16 сентября, после двухмесячного отдыха, Шестов поехал в Берлин, а Анна — в Лейпциг, на медицинский конгресс. Мало что известно о его пребывании в Берлине. Он, конечно, бывал в издательстве «Скифы», где печатались его книги. Он поручил Ловцкому следить за изданием. Из Берлина он пишет матери:

Поздравляю тебя с новым годом, желаю тебе здоровья и желаю, чтобы в будущем году была у тебя и у всех такая же радость, какую принес конец прошлого года Мане и Володе*. Надеюсь, что уже и Лиза скоро будет здесь и мы ее все увидим. (Берлин, 23.09.1922).

В середине октября Шестов вернулся в Париж. По приезде художник С.Сорин пишет его портрет, который теперь находится в Нью-Йорке в музее Метрополитен. Через много лет снимок с портрета произвел большое впечатлении на Лео Зимни (см. том II). Он пишет Наташе (20.04.1977):

Ganz unerwartet erhalt ich... das Sorin-Porträt von Schestow, das mir so oft das Glühen des Geistes in russischer Erde versinnbildet — könnte es nicht das Gesicht eines Heiligen, eines Aszeten, ja eines Propheten, ein Rufer in der Wüste sein. Das Gesicht auf dem Porträt ist mir einfach "unvergesslich".

---

* Речь идет о помолвке Люси с С.Луцким в августе 1922 г.

Шестов часто виделся с Эйтингоном, который на некоторое время приехал в Париж. Эти встречи положили основание долголетней дружбе. Начиная с этого времени, они встречались почти ежегодно в течение 15-ти лет. Отношение Эйтингона к Шестову было совершенно исключительным. Он во многом ему помогал и оказал множество услуг не только ему, но и его друзьям. В архиве Шестова сохранилось 34 письма Шестова Эйтингону и 6 писем от Эйтингона. В настоящей работе не раз приводятся выдержки из этой переписки и упоминания о ней.

> Пока — первые дни, — пишет Шестов Ловцкому, — не принадлежу себе. По утрам приходит Сорин: портрет кончает. Потом нужно было побывать у Лурье, Винавера, сходить за жалованьем, поговорить с Бор.Фед. Был у меня уже Эйтингон — рассказывал о психоанализе и выяснял, что у меня общего с Фрейдом. Он очень неглупый и образованный человек: с ним говорить интересно. В воскресенье опять придет, будем опять разговаривать. [Париж, 20(?).10.1922].

В это время (вероятно, 19 октября) Гершензон приехал в Берлин.

> А Гершензон, — пишет Шестов Ловцкому, — даже не известил меня о том, что приехал в Берлин, и только из твоего письма узнал, что он приехал. Вот так сюрприз! Уже ему от меня достанется. (Париж, 27.10.1922).

После отъезда Шестова из Берлина Анна Ел. еще осталась там на две недели. Шестов рассказывает ей о парижских делах:

> Пишу тебе последнее письмо, дорогая Лизаровна — оно придет 30-го, а 31-го или первого я считаю, что ты должна уже выехать из Берлина. Ты, верно, уже видела Колю*, — и знаешь, что Наташа с механикой справилась. Слава Богу —

* Николай Леоиидович Слонимский. Музыкант, племяиивк Зииаиды Венгеровой. Близкий друг семьи Шестовых.

прямо не верю себе, что все так удачно кончилось. Теперь она может спокойно готовиться к école supérieure. И, к счастью, все ее лекции в нашей части города и на этот и на следующий год. Так что еще один из недостатков нашей квартиры сам собой уничтожился. Если б еще у Тани сошло благополучно! Я ей советую взять один еще предмет — русскую филологию у Омана и Кульмана. В случае, если она по фр. литературе провалится, у нее все-таки будет 4 certificats и, значит, licence. Поговорим об этом, когда приедешь: время терпит. Пока Таня и Наташа кутят. Нашли какую-то француженку, у которой великолепный теннис в Севре, и пропадают там по целым дням — благо дни стоят великолепные: с утра солнце, хоть и холодно. И сейчас с утра убежали, только вечером вернутся. И в концерты ходят — Таня и на Кусевицкого и на д'Альгейм ходила. В понедельник у нас будет и верно будет играть московский Орлов и т.д. Коля, верно, тебе все рассказал, впрочем. Вчера на д'Альгейм Марью Николаевну [Муромцеву] встретили. Может, я ее на Орлова приглашу, если успею. Досадно, что тебя нет, но может быть, удастся его еще раз заманить. Как видишь, все у нас благополучно, лучше быть не может. Только тебя не достает, и я уже даже начинаю сердиться, что тебя так долго нет, а дети плачут. (Париж, 28.10.1922).

В это время Фаня начала в Берлине практику. Сразу возникли трудности. Шестов советует ей выработать в себе необходимое «деловое спокойствие»:

Я думаю, что в будущем, никогда, когда ты будешь пользовать пациентов, тебе не удастся создавать для них идеальные условия. И всегда неизбежно будут трения с родными пациентов... Это, по-моему, zur Sache gehört. Во всех практических делах приходится приспособляться к условиям и мириться с тем, чего устранить нельзя. Нужно это себе раз навсегда сказать и относиться к этому, как все деловые люди относятся, т.е. спокойно... К возможным же трениям будь впереди более или менее готова и относись к ним с тем деловым спокойствием, которое ты должна во

что бы то ни стало в себе выработать, если решилась заниматься таким практическим делом, как лечение больных психоанализом. Если бы ты ограничилась одним теоретическим изучением психоанализа — ты могла бы, конечно, не «перевоспитывать» себя. Но раз нужно «agir» — и тебе, и всем нам нужно себя перевоспитать, т.е. приучить себя применяться к условиям жизни. Мне приходится делать на старости лет то же самое. Сначала я реагировал на все неприятности — теперь отношусь к ним спокойно: перемелется, мука будет... Может, не сразу — но все же тебе удастся сделать все, что можно, если только ты решишь сделать Schwamm drüber по отношению к разным встречающимся по пути препятствиям... Теперь о моих делах. Прежде всего еще раз спасибо тебе, Герман, за твои хлопоты, за то, что выслал книги, заехал в Кельн и т.п. (Париж, 4.11.1922).

В следующем письме к Ловцким Шестов говорит о своих встречах с Эйтингоном:

У нас все по-старому. Часто вижусь с Эйтингоном. Познакомился с его женой, очень милые люди. Дал мне читать статьи Фрейда — много интересного и значительного. Я сказал Эйт., что жаль, что Фрейд стал врачом — не философом, ибо, если бы у него не было специальных задач, связанных с медициной, его смелость и наблюдательность могли бы привести к очень интересным открытиям. А он мне сказал, что, если бы Фрейд знал меня, он бы пожалел, что я — не врач. Но, я думаю, что я ближе к истине. Правда, я читал только те статьи Фрейда, которые к медицине не относятся, ибо в медицине мало мог бы разобраться. И с Эйтинг. мы больше беседуем об самых общих вопросах психоанализа — и Oedipus-Komplexus в наших разговорах уходит на последний план. (Париж, 10.11.1922).

* *
*

В письме к Ловцким от 12.05.1921 г. (см. стр.212) Шестов говорит, что он боится, что статья «Дерзновения и покорности», которую он отдал в «Современные Записки», там совсем не пойдет. Статья состоит из 52 афоризмов, написанных в России и в Женеве. В ноябре 1922 г. выяснилось, что «Современные Записки» напечатают только первую половину статьи (афоризмы 1-20). Вторую половину (афоризмы 21-52) Шестову удалось пристроить в трехмесячник литературы «Окно», который осенью 1922 г. был основан Марьей Соломоновной и Михаилом Осиповичем Цетлиными. Об этом и о других парижских делах Шестов пишет Ловцким в Берлин:

> Вчера мне сказали в редакции [«Современных Записок»], что твоя, Герман, статья об Эйнштейне пойдет окончательно в XIV* книжке. Нужно иметь терпение. Из моей статьи** в XIII книжке всего пойдет 15 стр., в XIV — ничего не пойдет, а в XV — еще страниц 20. Они не знают, куда девать огромный материал, который у них накопился. Было бы совсем плохо, но, к счастью, Цейтлины*** тоже затеяли с января журнал-трехмесячник и, несмотря на наши напряжения, зовут и меня туда. Сегодня пойду разговаривать, может быть, удастся пристроить конец «Дерзн. и пок.»****. А затем вот что. Журнал Ц. нуждается пока в материале. Гершензон у них очень в фаворе. Гершензону же статья «Б. и Ш.» очень понравилась. Не напишешь ли ты, Герман, ему, чтобы он ее у Цейтлина пристроил, если не целиком — то вторую часть. Мне, ты понимаешь, неловко: но Гершензон это может свободно сделать. Попытка — не пытка.

---

* Статья появилась не в XIV книжке, а в XVIII (последняя книжка 1923 г.).

** «Дерзновения и покорности».

*** Шестов пишет Цейтлин вместо Цетлин.

**** Конец статьи (афоризмы 21-52) появился в 1923 г. в «Окне» №1 [март] и №2 под заглавием: «Из книги "Странствования по душам"».

Эйтингон уехал в Лондон и через неделю вернется. Мы с ним все больше и больше сходимся. Он был у Сорина и в таком восторге от портрета моего, что хотел ему заказать портрет своей жены и найти покупателя на мой (своего beau-frère в Америке), в расчете, что портрет к нему самому попадет. Но Сорин не хочет его в частные руки продавать*. Plon, кажется, при книжке приложит этот портрет. Т.е. Plon хочет с фотографии снять, а Сорин требует, чтобы fac simile было. Не знаю, сойдутся ли. Если будет факсимиле — у нас будут хорошие снимки. Может, и для немецкого издания пригодятся. (Париж, 17.11. 1922).

Что до твоей статьи [«Бергсон и Шестов»] — если будет случай, я с Цейтлиным поговорю. Но вообще у меня с ними очень напряженные отношения из-за Гершензона, о котором, когда его нужно было выписать из Москвы, они даже поговорить со мной не хотели. Я все же попытаюсь (хотя мало надеюсь на успех: ведь, главным образом, у них Мережковский и Гиппиус орудуют, которые почему-то опять на меня злятся — может думают, что я инспирировал Белого: читали вы его «Воспоминания о Блоке»**?), а ты, Герман, спишись с Гершензоном. (Париж, 27.11. 1922).

Сегодня я получил письмо от Бердяева: у них в Берлине затевается с января философский журнал***. Но туда едва ли тоже пустят: у них свои задачи. Через Лазарева можно узнать. С Marcan-Block я уже подписал договор. Я им два раза писал, что переводы не принадлежат тебе, Герман, а принадлежат «Скифам», и рекомендовал им обра-

---

* Портрет находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Он был приложен к нескольким публикациям Шестова ("Les Révélations de la mort", "Plon", 1923. Обложка "Auf Hiobs Wage", L.Schneider, 1929. Книги, изданные в Японии. См. статью в «Русской мысли», 1.09.1977).

** В этой книге А.Белый с иронией отзывается о Мережковских. Добрые отношения с Мережковскими, которые установились у Шестова в 1921 г., очевидно, оказались непродолжительными.

*** «София». См. стр.285.

титься к Лундбергу, который обещал мне в Кельие, что переводы будут им переданы. (Париж, 9.12.1922).

Вчера приходил ко мне Эйтингон проститься. Сегодня он едет в Италию, а оттуда в Германию. Я с ним говорил о тебе, Фаня. Он того мнения, что Фрейд не согласится на твою новую комбинацию. Он сказал, что лучше всего тебе оставаться у них. Я уже и не знаю, что тебе посоветовать — отсюда ничего не видно. Вчера Таня подошла после лекции к P.Janet и спросила его, взял ли бы он в ученики доктора философии, который им очень интересуется, и он ей ответил самым категорическим отказом. Д-р Эйтингон пригласил меня к себе в Германию — жить у него, сколько мне захочется. Я, конечно, теперь ехать не могу. С одной стороны, лекции, с другой, здесь затевается одно дело, которое, если оно удастся, может дать во многих отношениях и для меня хорошие результаты. Так как оно только началось, то я пока еще ничего не пишу. Недели через 3-4, думаю, кое-что выяснится: тогда напишу. (Париж, 12.12.1922).

Напрасно Анна написала вам про то, что здесь трудно устроиться. Конечно, лучше было бы, если бы возможно было заниматься только своим делом. Но ведь этого никогда не было. И прежде — вспомните, сколько я ухлопывал на заботы о житейских делах! Полжизни на них уходило! А другая была отравлена. И теперь, конечно, тоже — но раз нельзя изменить, нужно принять и примириться. Анна все убивается — но и другим тоже всегда материальные заботы очень мешали. Уехать же теперь из Франции было бы ошибкой. Многое положено и, быть может, в конце концов и плоды будут... Большое спасибо тебе, Герман, за все твои хлопоты. Я не знаю, чем уже отблагодарить тебя, и удастся ли когда нибудь отблагодарить — так много ты для меня делаешь. Жаль, что M.B.[Marcan-Block] не хотят предисловия: все-таки, оно немного бы читателям объяснило, с чем они дело имеют. Здесь в Париже, статья Шлецера много мне помогла. Надо было бы все-таки, если можно, повлиять на них, чтобы статья

> вводная была. Вот Plon выпускает и со статьей и с портретом (Сорина). Что это ты за работу затеял о Шопенгауэре, Юме и Канте? Конечно, тема очень интересная, но где ее пристроить? У нас ведь философских журналов совсем нет, а у немцев — не добьешься помещения статьи в философском журнале. Мне кажется, что в «Совр. Зап.» тебе легче будет пристраивать небольшие статьи. Может, в конце концов, у них и «Б. и Ш.» [«Бергсон и Шестов»] пойдет, так как я уже отдал все, что у меня было, Цейтлиным и не скоро что-нибудь для «Совр. Зап.» у меня найдется — а им эта твоя работа очень понравилась. (Париж, 17.12.1922).

На Рождество дети поехали в Висбаден провести рождественские каникулы с бабушкой. Ловцкие тоже приехали туда на несколько дней. Шестов им пишет:

> У нас все по-старому. Накопляется много работы — но все интересной, кроме лекций и корректур (русск., фр., нем. и итальянской!). Если с Паскалем справиться, как следует: тема замечательная. Из Берлина мне мало пишут, но, говорят, что высланные туда большевиками ученые и писатели очень оживили жизнь колонии. Правда это? Я склонен думать, что это правда. [Париж, 27(?).12.1922].

Фраза «Если с Паскалем справиться» является первым упоминанием в письмах Шестова о работе, которую он написал по случаю трехсотлетия со дня рождения Паскаля (см. стр.253-254).

31 декабря Тане исполнялось 25 лет. Шестов посылает ей поздравительное письмо в Висбаден:

> Поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе, конечно, бодрости и здоровья: раз будет бодрость и здоровье, все остальное и само придет. Мы с мамой очень жалеем, что тебя здесь нет с нами: хорошо бы этот день вместе провести! Мама бы попрятала все подарки по разным углам, ты бы искала, я бы играл «здравствуй, Таня, здравствуй, Таня», и хотя все это не очень ново, но есть такие вещи, которые приятны, хоть они и

не новы. Но зато — вы вместе с бабушкой и с Фаней: вам тоже, надеюсь, будет не скучно. Может быть, в конце концов Герман (не так хорошо, как я, конечно) сыграет и споет «здравствуй, Таня»*, а Фаня, пожалуй, спрячет подарок не хуже, чем мама. Все вместе вспомните о нас — и будете вроде, как дома. А прогулку, наверное, можно будет устроить очень хорошую. У нас все по-старому. Во вторник у нас был Метальников — прочел лекцию о бессмертии — не души, а тела. Народу было пропасть — негде сесть было. Пришла Соня со своими филиальными отделениями (Сережа и Жорж с супругами), Марья Любим. [Делбари], Марья Георг. [Сев], Ар.Винавер, Геня Винавер, Лида — да нас двое, вышло 14 человек. Он еще раз обещал быть у нас — это, когда уже вы приедете. Мама собирается вести светскую жизнь, сходила пока к Клели [Паперно] — и этим кончилось. А на новый год мы вместо вас пойдем к Шлецерам: там будет хорошая музыка. Марья Николаевна [Муромцева] опять телефонировала: сегодня ее концерт благотворительный, так она хотела, чтобы все пришли помогать ей, распоряжаться. Вот и все наши новости. Сейчас пришли ваши письма и мы с мамой очень были рады им и тому, что Фаня приехала с Германом. Еще раз поздравляю тебя и целую тебя, а ты поцелуй бабушку, Фаню, Германа и Наташу и Розочку. (Париж, 28.12.1922).

Первые месяцы 1923 г. Шестов поглощен работой о Паскале (о ней было упомянуто в письме от 27(?).12. 1922 — см. стр.247), которую он готовил для «Меркюр де Франс». Там же должна была появиться статья о Спинозе «Сыновья и пасынки времени» (см. стр.239). Об этом и о других своих делах он пишет Ловцким:

У меня теперь ужасно много работы. Помимо лекций, курсов, мелких дел, чтения, хозяйства, я взялся напи-

* Начальные слова песенки «Здравствуй, мама, здравствуй, мама,/ Поцелуй покрепче нас,/Нынче день веселый самый,/Нынче мама родилась!»

сать для Mercure de France статью о Паскале, и это поглощает все мое свободное время, так как нужно кончить к сроку (300-летие 19-го июня, но нужно ведь еще перевести), а я, видно, никогда уже не научусь скоро писать. И тема чрезвычайно интересная — только справлюсь ли я. А тут еще итальянский перевод «Дост. и Н.» пришел, нужно проверить. И корректура «Власти ключей», и потом корректуры французского перевода предстоят. Правда, я все-таки, главным образом, отдаю нремя Паскалю — но все же боюсь, что не справлюсь. (Париж, 12.01.1923).

У нас особых новостей нет. Много приходится и хлопотать и работать. Это полугодие будет для меня очень решающим. Выйдет моя книга у Plon'a и появятся н «Mercure de France» две моих статьи. На днях pr.Boyer сказал мне, что Bergson хочет со мной познакомиться. Может быть, скоро придется с ним нстретиться: не знаю, что из этого выйдет. У Тани тоже решительный момент: если она сдаст экзамены, все пойдет по-иному. (Париж, 26.01.1923).

У нас ничего нового. Но, кажется, все-таки мое литературное положение становится все прочнее. Книга у Плона набирается — скоро выйдет. Главное, удастся ли статья о Паскале и как будут приняты «Сыновья и пасынки истории»! Шлецер их уже переводит. (Париж, 29.[01] 1923).

Из-за тяжелого события в личной жизни Шлецер не мог продолжать перевода. Перевод статьи и работы о Паскале сделал М.Экземплярский. Почти все последующие переводы статей и книг Шестова были сделаны Шлецером.

Особенного у нас нет ничего. Кончаю статью о Паскале. Хотелось, чтобы вышло хорошо, работал очень много, но не знаю, что и как удалось. Немного переутомился — на глазах сказалось и на общем состоянии. И тебе, Фаня, советую не очень переутомляться: потом возни много и перерывы нсякие делать нужно. [Париж, 11.03.1923].

Ты, Герман, спрашиваешь, о чем еще для «Совр. Зап.» писать. Вот тебе две темы: 1) Книга Шлецера о Скрябине

2) «Окно» — журнал Цейтлиных, который или уже вышел в Берлине, или на днях выйдет. Обе темы очень благодарные. Но только нужно поставить себе за принцип: искать не недостатков, а достоинств. Особенно со Шлецером. Я видел его книгу — по-моему, очень хорошая. Может, ты в чем и не согласен с ним — сказать можно. Но необходимо отметить настоящие заслуги книги — особенно ввиду того, что сейчас Шлецер переживает очень трудное время. Чем больше ты похвалишь, тем будет лучше. Об «Окне», в котором собраны все почти, живущие в Париже писатели — тоже интересно написать. Но, ради Бога, не брани Мережковского. И побольше поговори на тему, что нопреки надеждам большевиков, русская литература за границей живет и крепнет. (Это сделай для моей души). Так что вот тебе темы — пиши. Я думаю, что ты скоро прин/...?/ «Совр. Зап.» и будешь необходимым сотрудником для них. И постарайся об этих обеих книгах дать отзывы положительные. У нас ничего особенного — Анна все ищет квартиру...

Я кончаю работу о Паскале — и потому привязан пока к Парижу. Хорошо, если работа удастся. [Париж, 30.03. 1923].

Напомню еще раз Герману, чтобы он написал о книге Шлецера о Скрябине, и об «Окне». Только не нужно бранить — нужно разыскивать хорошее и главное, поддерживать мысль, что русская литература за границей не гибнет, как хотят того большевики, а борется и живет. Это по каждому поводу нужно говорить. Вся литература (даже сочувствующая большевикам) перекочевала за границу и здесь живет, а в России пропадает. (Париж, 5.04.1923).

Работу о Паскале Шестов закончил 8.04.1923 (дата на рукописи). О книге Шлецера (см. стр.188-189) Ловцкий написал рецензию, которая была опубликована в «Современных Записках» №16, [июль] 1923. Об «Окне» рецензию написал не Ловцкий, а Шлецер. Шлецер пишет Шестову:

Я писал уже вам, что получил «Окно». Успел только просмотреть. Превосходный номер. Очень хорош Куприн и Ремизов. Зайцев — не изменился: поэтичный и «водянистый».

Бунин не из лучших. Помните, он у вас читал этот рассказ [«Безумный художник»]. Ваши афоризмы прочел прежде всего. Два из них в особенности взволновали меня, может быть, по личным... мотивам: «liberium arbitrium» и «познай самого себя». Читал и перечитывал и все открывал новое, может быть, и такое, о чем вы не думали...

Возвращаюсь к «Окну». Мережковского начал только читать: отдельные замечания прелесть и язык выразительный, живой. Но как только начинается теоретизирование, слышен скрип механических ножниц — один, два, три... Не выношу. (От Шлецера, Монте-Карло, 27.04.1923).

Рецензия Шлецера появилась в «Современных Записках» под заглавием «Окно. Трехмесячник литературы», в том же номере, что и рецензия Ловцкого о книге Шлецера. Совет поговорить на тему, что «русская литература заграницей живет и крепнет», Шестов, без сомнения, дал и Шлецеру, но ни Шлецер, ни Ловцкий им не воспользовались. В своей рецензии о первом номере «Окна», вышедшем, вероятно, в марте 1923 г., Шлецер пишет:

Отбор в нем производился по крупным, знаменитым именам и получилось действительно блестящее оглавление, в котором соседствуют Бунин, Бальмонт, Зайцев, Мережковский, Шестов, Куприн, Ремизов... На обложке читаю: «Париж 1923 г.». Но если бы написано было: «Петербург 1913 г.», все, думаю, поверили бы.

В конце рецензии Шлецер говорит об афоризмах Шестова, опубликованных в «Окне»:

Шестовский афоризм, в сущности, не начинается и не кончается: первые же фразы его погружают нас в самую глубину потока, последние же не выводят нас на берег, устойчивый и крепкий, но бросают на пол-пути. Точно так же, впрочем, написаны и книги Шестова: они не построены, в них нет фундамента и завершающей башни, но они органически вырастают и как все живое, — не замкнуты в себе. («Современные Записки», №16, стр.418 и 419).

После окончания работы о Паскале (апрель 1923 г.) надо было следить за ее переводом. Шестов пишет Ловцким:

> У меня сейчас все-таки много работы. Нужно редактировать и корректировать статью о Паскале и [статью] о Спинозе (пойдут в M. de F. 1-го и 15-го июня), читать лекции, редактировать итальянский перевод (кончаю уже) и мелкие всякие заботы. Но все же меньше, чем прежде было, и глаза немного отдыхают. (Париж, 8.05.1923).

Но вскорости оказалось, что статья о Паскале для журнала слишком длинная. Об этом Шестов сказал Дю Босу, который ему пишет:

> Voulez vous ainsi que Madame Chestov nous faire le grand plaisir de venir prendre le thé ici le mardi 29 Mai à 5 heures. Vous retrouverez les Daniel Halévy et les Robert de Traz (le directeur de la Revue de Génève) qui seront ravis de faire votre conaissance. J'ai parlé à Daniel Halévy de votre Pascal dont il m'a dit que sans pouvoir, bien entendu, prendre d'engagement à l'avance il serait en tout cas heureux de lire le manuscrit. Vous pourrez vous entendre avec lui à ce sujet chez moi. (Paris, 21.05.1923).

Галеви, директор серии «Зеленые тетради» в издательстве «Грассе», принял работу Шестова. Договор был подписан 18 июня 1923 г. Шестов сообщает Ловцким:

> Работы я окончил — но теперь нужно их пристраивать и по-русски и по-французски. И меня никто заменить не может. Сейчас пойдет в Mer. de France в паскалевском номере (15-го июня) моя статья о Декарте и Спинозе. Статья о Паскале вышла для журнала слишком большая: она выйдет отдельным изданием, как книга. Но должна выйти не позже 1-го июля: приходится спешно редактировать, корректировать и т.п. И еще в таком же роде масса дел. (Париж, 2.06.1923).

> Сейчас заканчиваю все мои дела. Уже вышел номер «Mer. de Fr.» [15.06.1923] со статьей «Декарт и Спиноза», и я получил за нее расчет. Через 10 дней выходит от-

дельной книжкой «Философия Паскаля» (у Grasset) статья вышла для «M. de F.» слишком большая и пришлось выпустить отдельным изданьем... В понедельник получу расчет у Grasset. Лекции закончились. Так что я свободен от своих собственных дел. Мне только нужно еще неделю прожить, чтоб дела Гершензона закончить. Так что числа 27, 28, если с визой устроится, я выеду. Хочу поехать в Кельн (написал Marcan Verl.), оттуда на пароходе в Висбаден — а из Висбадена в Берлин. Так что в начале месяца буду в Берлине. Поблагодарите за меня Д-ра Эйт. Буду, конечно, очень рад прожить у него, сколько позволят нремя и обстоятельства...

Таня и Наташа совсем тонут в разных страшных науках. И Анна экзаменуется, чтоб иметь диплом французской массажистки. Это даст ей право практиковать и, может быть, заработки. Она и теперь понемногу зарабатывает. Курс массажа обошелся ей в 500 фр. — но она все эти деньги уже покрыла из своих заработков и теперь понемногу (франков 50 н неделю) вырабатывает, что ее необыкновенно радует. Я не думаю, что ей удастся очень много, но франков 400-500 в месяц может и будет зарабатывать: и это тоже немало значит. Работает она очень много: и по массажу, и по больным бегает, и по хозяйству. Это тем более хорошо, что она нашла работу — еще потому, что ведь мои заработки пока случайны. А тут еще «Совр. Зап.» стали меня очень жать. Не дают места. Видно, у нас с тобою, Герман, общая беда: и тебя и меня теснят. Я не знаю, где мне пристроить «Паскаля». «Совр. Зап.» все хотят, чтобы я им писал на публицистические темы. Я бранюсь с ними, но толку выходит пока мало. Когда приеду, поговорим об этом. Хорошо было бы, если бы я мог в Берлине прочесть о Паскале. Не знаю, к кому обратиться. (Париж, 16.06.1923).

Статья о Паскале вышла отдельной книжкой с интересным предисловием Галеви в конце июня в издательстве «Грассе» под заглавием «La nuit de Gethsémani. Essai sur la philosophie de Pascal» как 23-й номер в серии

«Зеленые тетради». Весь тираж (4000 экземпляров) был продан за один год (см. стр.358, письмо к Эйтингону от 22.09.1929). Ни до, ни после этого издания не было продано такого количества экземпляров книг Шестова при его жизни. «Современные Записки» через некоторое время все же приняли статью о Паскале. Они ее опубликовали только в 1924 г. в №19 [март/июнь] и №20 [июль/сент.] под заглавием «Гефсиманская ночь. Философия Паскаля». Впоследствии она вошла в книгу «На весах Иова».

* *
*

Первое полугодие 1923 г. оказалось для Шестова удачным: вышли две книги по-русски, две книги и статья по-французски и появилось немало рецензий об этих работах. Отметим статью Массон-Урселя в «Меркюр де Франс» 15.11.1923 и статью Альбера Тибоде в «НРФ» 1.12.1923 о «Гефсиманской ночи» Шестова. Тибоде в «НРФ» пишет: «...кажется, что прикасаешься к почти русскому Паскалю». Шестов также получил немало писем, из которых привожу письмо профессора философии Бруншвика, письмо Бергсона и письмо Леви-Брюля:

> C'est un grand privilège, pour moi, de tenir de vous les deux ouvrages que vous avez publié, et je vous en exprime ma vive reconnaissance. J'ai lu aussi votre étude sur Descartes et Spinoza. J'avais eu l'impression vive de votre personnalité, en méditant avec vous sur Dostoïevski et Tolstoï; mais cette impression redouble quand vous décrivez votre réaction propre à l'égard de penseurs avec lesquels nous sommes familiers. Cette familiarité même nous fait admirer le relief singulier avec lequel vous reussissez à faire ressortir ce qu'il y a de plus caractéristique et de plus saisissant en eux, en les éclairant en quelque sorte par le sommet. (de L.Brunschvicg, Paris, 30.06.1923).

> Surchargé d'occupations et, de plus, très fatigué et indisposé pendant plusieures semaines, je n'ai pas encore pu vous dire

combien j'avais été interessé par la lecture de "Révélations de la Mort". C'est avec le même intérêt que je viens de lire "La Nuit de Gethsémani". Laissez-moi vous remercier pour l'aimable envoi de ces deux livres. Dans l'un et dans l'autre c'est la même psychologie pénétrante et profonde. Avec mes compliments pour ces remarquables études je vous prie d'agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments les plus distingués. (de H.Bergson, Paris, 6.07.1923).

Avant de vous remercier pour le très grand plaisir que vous m'avez fait en m'envoyant votre "Nuit de Gethsémani", j'ai voulu vous lire, et j'ai du attendre la fin des examens qui m'ont pris toutes mes journées pendant ce dernier temps. Enfin j'ai été libéré, et je vous ai lu d'un trait. Avec le même pénétrant talent que lorsque vous perliez de Dostoievsky, de Tolstoï, ou de Spinoza, vous nous faites pénétrer profondément dans l'âme de Pascal et vous nous laissez entrevoir votre propre pensée, sur les problèmes essentiels que ces grands hommes ont traités. C'est ce qui rend vos écrits si prenants. (de L.Lévy-Bruhl, 14.07.1923).

В следующей главе будут приведены письма русских друзей Шестова о его работах, которые до них дошли много позже.

* *
*

В конце июня или в начале июля Шестов уехал в Германию. Он заехал в Кельн повидать Маркана, у которого в это время (июль 1923) вышла по-немецки книга «Толстой и Нитше» и подготавливалось немецкое издание книги «Достоевский и Нитше». Затем он поехал к матери в Висбаден и оттуда около 20 июля в Берлин к Эйтингону, который пригласил Шестова остановиться у него. 22 и 24 июля Шлецер и Дю Бос послали ему письма в Берлин с приглашением приехать на литературную декаду в Понтиньи. Они пишут:

Я продолжаю крепко работать. Перевожу «Вечного Мужа» и первую половину отправляю на днях Шиффрину. Написал о Вас статью для «Звена» под заглавием «Паскаль и Шестов», но Левинсон счел это заглавие неудобным и написал «Паскаль и книга о нем Шестова»; получилась чепуха, ибо о Вас там столько же говорилось, как и о Паскале. Номер со статьей появится завтра [23.07.1923], и я Вам его пришлю... Когда кончу переводить «Мужа» (через две недели), то начинаю готовиться к статье о Вас для Америки. Я написал об этом Брэдли*.

Теперь должен передать Вам приглашение Дю Боса и Жида: вскоре после Вашего отъезда я получил большое письмо от Дю Боса, приглашающее меня в Pontigny (помните, в прошлом году был туда приглашен Бунин); вместе Du Bos спрашивает, интересно ли Вам было бы туда приехать и просит передать Вам приглашение...**

Тема беседы section Literature et arts в этом году несколько узкая: «Y a-t-il dans la poésie d'un peuple un trésor résérvé, impénétrable aux étrangers?» (От Шлецера, Париж, 22.07.1923).

Je sais que Schloëzer vous a déjè transmis l'invitation que m'avaient confiée pour vous Paul Desjardins et André Gide en ce qui concerne la troisième décade qui a lieu à l'Abbaye de Pontigny (Yonne) du 23 Août au 2 Septembre; et si je vous écris aujourd'hui à ce sujet ce n'est que pour joindre mes instances les plus pressantes aux leurs. Un grand nombre en effet de ceux qui se trouveront là témoignent pour vos deux livres de la plus vive, de la plus sincère et de la plus compréhensive admiration, et tout le monde se réjouirait de votre présence. S'il vous est donc possible de revenir d'Allemagne en temps utile, je vous en prie, faites-le: les éléments d'intérêt cette année seront grands et variés: parmi les étrangers nous aurons sûrement Litton Strachey, et nous espérons des allemands

---

* Брэдли (Bradly) — американский издатель. Статью, о которой пишет Шлецер, разыскать не удалось.

** О собеседованиях Поитиньи и о Дежардеие, который их создал, см. стр.260-261 и приложение).

de la qualité de Rilke et de Kassner, des espagnols tels que Unamuno et Ortega y Gasset: parmi les français il y aura en déhors de Gide et de Desjardins, Schlumberger, Maurois, Martin du Gard, Jacques de Lacretelle, etc. Schloezer nous a deja fait le plaisir d'accepter. Je joins à ma lettre un petit prospectus qui vous renseignera sur le sujet des entretiens, je vous rappelle qu'a Pontigny vous venez en qualité d'invité. J'ai fait parvenir et votre lettre et votre livre à Gide à l'adresse que Rivière m'avait indiquée comme la plus sûre. Merci pour l'exemplaire de la Nuit de Gethsémani. Je ne vous parle pas aujourd'hui du livre lui-même, car je suis en train de rédiger sur lui et sur Les Révélations de la Mort une note pour la Nouvelle Revue Française qui vous laissera voir j'éspère avec quel interêt je vous lis. (de Du Bos, Paris, 24.07.1923).

О своем намерении писать статью о Шестове Дю Бос упоминает несколько раз в своем «Дневнике» («Journal»). Он пишет в его первом томе (1921-1923):

Sitôt après avoir expédié à Rivière ma note sur le Browning des *Cahiers Verts* dans le train qui me ramenait à Vaucresson, j'ai repris la *Veillée de Gethsémani* et le soir dans ma bibliothèque *Les Révélations de la Mort* ainsi que l'étude de Schloëzer sur Chestov; et ce matin dans le train j'ai beaucoup pensé à la note conjointe que je vais faire sur les deux livres dans la N.R.F. Cette note je la veux très serrée, n'hésitant pas — d'ailleurs, et Schloëzer et Chestov m'en ont prié — à faire des critiques et des objections. Il est évident qu'elle doit porter beaucoup plus sur Chestov lui-même que sur ses sujets. J'ai d'ailleurs un bon journal du 6 février — relu ce matin — qui repère certains des points du trajet que je veux parcourir. L'étude de Schloezer est d'une parfaite comprehénsion, et c'est d'elle que je partirai. A peu près ainsi: "Dostoïevsky, Tolstoï, Pascal, oui, cependant c'est surtout de Chestov qu'ici je voudrais parler s'il n'était si difficile d'ajouter à l'étude où Boris de Schloezer le présente". (10.07. 1923).

Во втором томе «Дневника» (1924-1925) он пишет:

> Je voudrais remettre à Rivière le 5 mars pour le numéro d'avril [de la N.R.F.]: "Chestov, les Révélations de la Mort et La Nuit de Gethsémani". (11.02.1923).

Статья Дю Боса в то время в «НРФ» не появилась. После выхода в августе 1926 г. на французском языке книги Шестова «Достоевский и Нитше» Дю Бос опять намеревался написать о Шестове. В третьем томе «Дневника» (1926-1927) он пишет:

> Chestov. La philosophie de la Tragédie. [Ecrire] note [pour le numéro de février de la N.R.F.]... prenant l'ensemble de l'œuvre de Chestov et utilisant largement ma longue note rédigée en 1924, abandonnée en cours de route et jamais publiée. (13.11.1926).

> Peut-être pourrai-je en même temps que le Gide conduire à terme la note sur Chestov: elle est de celles auxquelles les trajets en chemin de fer pourraient être propices, parce que de celles où le contenu... m'intéresse moins que la parfaite mise au point de l'expression elle-même, que le tour de force de faire tenir en cinq ou six pages... ce que je souhaite dire. (13.07.1923).

Намерение свое Дю Бос снова не осуществил. В 1927 г., как и в 1924, статьи Дю Боса о Шестове в «НРФ» не появилось. Она, очевидно, осталась незаконченной. В архиве Дю Боса (Fondation Doucet, Paris) ее не нашли.

В то время почта между Францией и Германией работала неисправно, и Шестов получил в Берлине письмо Шлецера и письмо Дю Боса с приглашением в Понтиньи только в начале августа 1923 г. О своей жизни у Эйтингона и о приглашении в Понтиньи Шестов пишет из Берлина сестре Соне, дочерям и жене:

> Вот я уже несколько дней в Берлине... Живу я здесь у д-ра Эйтингона. Он очень приветлив и любезен, так что я чувствую себя совсем как дома. Комната у меня ве-

ликолепиая, выходит в сад. В двух шагах — Тиргартен, где я провожу целые часы. Так что чувствую себя уже гораздо лучше. Ничего не делаю — только письма пишу. Хотя и это работа, т.к. приходится писать французские письма — тем, кто отозвался на мою книгу (между прочим, и Бергсон, написал, откликнулся — написал очень короткое, но любезное письмо). (Соне, 26.07.1923).

Я здесь устроен великолепно. У меня огромная комната — больше, чем вся наша квартира. Тихо, спокойно. В двух шагах — Tiergarten, где можно даже гостей принимать. Ничего не делаю — и уже чувствую, что отдохнул как следует. Поживу здесь, верно, еще недели две, а может и дольше, т.к. у меня начались разговоры с чехами о переводах. Конечно, нельзя знать, выйдет ли что-нибудь, но попробовать нужно. По-немецки моя первая книга [«Tolstoi und Nietzsche»] уже вышла и я даже получил 3,000,000 марок, но за неделю, пока деньги пришли из Кельна в Берлин, марка так упала, что эти три миллиона обратились в 4 доллара. (Дочерям, 29.07.1923).

Жизнь здесь [в Берлине], конечно, не очень приятная: тревоги много среди немцев. Еще у д-ра Эйтингона, человека спокойного, это не чувствуется. А в других домах это чувствуется сильно. Все волнуются, кричат, что Германия гибнет, и т.д. По-моему, тут есть преувеличение — и, кажется, большое. Германия все же не Россия, и она так легко не сдастся большевикам. Все-таки здесь и сейчас все работают — а с Россией все беды произошли от того, что работать перестали. Но так или иначе, большинство немцев в ужасном настроении, и жизнь здесь не веселая...

У меня все хорошо. Если с чехами сладится — то и зубы и вся поездка моя оплатятся. Только бы у тебя и у детей было бы все хорошо. С нетерпением жду твоих писем. Все же лучше было бы, если бы не нужно было писем — если бы вместе были. В будущем году постараемся так устроиться, чтобы надолго не разъезжаться. А то еще два месяца врозь жить. (Жене, [31(?).07.1923]).

У меня очень приятная новость, которая, кстати, и все мои планы летнего устройства изменяет. Получил от Du Bos'а очень горячее письмо: зовут меня туда, куда в прошлом году звали Бунина... Отказаться от такого предложения, по-моему, совершенно невозможно. И вот я решил до 15-го августа прожить в Берлине у Эйтингона, а 15-го поехать опять через Кельн в Висбаден, оттуда в Париж, потом в Pontigny...

Завожу знакомства с немцами-писателями. Книга по-немецки [«Tolstoi und Nietzsche»] уже вышла. Посмотрим, как встретят. Лундб. уже старается и так смешно, по-детски говорит о «слове» моем. Здесь уже читаются переводы моих книг по-франц. Была в голландской газете большая статья о моем Паскале* и я мечтаю уже о гульденах. (Жене, 3.08.1923).

Я здесь живу в отличных условиях и очень хорошо отдохнул. Здесь теперь Лиза и Лев, Гершензоны и Ремизовы. Может быть, съезжу на день к Бердяеву, который живет поблизости отсюда, на берегу моря. И дела, кажется, удастся устроить. Уже вышла в немецком переводе моя книга «Т. и Н.». Сейчас переговоры о переводе на чешский «Т. и Н.» и «Д. и Н.». Если удастся, наши дела поправятся. Так что вы спокойно живите, ни о чем не думайте. Бог даст, все устроится к лучшему. (Дочерям, 4.08.1923).

Чешское издание книг Шестова, по всей вероятности, не состоялось. Возможно, что в двадцатые годы появились несколько его статей в Чехословакии.

Приглашение Дежардена Шестов принял и поехал в Понтиньи на 3-ю декаду в августе 1923 года. На собеседованиях в Понтиньи собирались ежегодно в поместье Поля Дежардена философы и писатели со всей Европы

---

* Léon Chestov. La nuit de Gethsémani. — «Nieuve Rotterd. Courant», 28.07.1923. (Заглавие рецензии написано по-французски, текст по-голландски).

(см. приложение). Собеседованиям Понтиньи и Дежардену, который их создал, посвящена книга «Paul Desjardin et les décades de Pontigny». В ней на стр.411 дана фотография участников декады, на которую был приглашен Шестов, Среди присутствующих на фотографии — сам Шестов. Под ней подпись:

> 1923. 3e Décade: Arts et Lettres (23 août — 2 septembre)
> "Y a-t-il dans la poésie d'un peuple «un trésor réservé»?".

В этой же книге (стр.405) эта декада названа «Le trésor poétique réservé ou de l'intraduisible». На фотографии 35 участников, среди них Дю Бос и Жид, с которыми Шестов уже был знаком, П.Дежарден, А.М.Шмидт, Жан Тардье, Роже Мартен дю Гар, — с которыми он в Париже часто встречался, познакомившись, вероятно, в Понтиньи. Впоследствии Дежарден приглашал Шестова на приемы и собрания, которые он устраивал в Париже.

Свое пребывание в Понтиньи Шестов описал в двух письмах к Ловцким и в письме к Эйтингону:

> Вот уже пять дней я здесь. Все собираюсь написать, да никак не улучу времени. После обеда и вечером собеседования, а по утрам нужно читать сочинения А.Жида, т.к. он здесь, а я почти ничего его не знаю. И пройтись иной раз хочется: весь день и уходит. Здесь очень хорошо. Старое аббатство, превращенное в жилой дом. Кругом поля, луга, леса. Воздух дивный. И люди очень интересные: французы мастера говорить. Есть и несколько англичан, но когда они говорят по-французски, мне все кажется, что они говорят по-английски, и я ничего не понимаю. Испанцы и итальянцы не приехали. Из немцев явился только Генрих Манн. Я не очень разговариваю — неловко перед большим обществом произносить... помалкиваю. Но очень рад, что попал сюда — первый раз настоящий контакт с французами. В будущем году хотят филос.-религиозн. собеседование устроить с Бергсоном и т.п. Бергсон друг хозяина, Дежардена. (Ловцким, Понтиньи, 29.08.1923).

Послезавтра кончается наша декада — и я уезжаю в Париж. Прошли эти дни очень интересно. Наконец, после двух с половиной лет пребывания в Париже, попал я в среду французов — и все французы очень образованные, любящие литературу и много читающие. Даже как-то странно видеть перед собой сразу так много образованных и начитанных людей. Ведь тут не только такие, как Жид, Дежарден, Дю Бос и т.д., а есть много молодежи, ученых и т.д. И вот все это страстно интересуется самыми трудными вопросами философии, истории, литературы. Относятся ко мне очень хорошо. Большинство уже знает мои работы или слышали о них. Хозяин (это Desjardin), тот сразу при встрече со мной сказал, что он давно уже не читал книгу, которая бы так взволновала его, как мой «Паскаль». Так что можно и слушать, можно и беседовать. Заводятся знакомства и т.д. Словом, я очень рад, что приехал сюда, иначе я никогда бы не сблизился с французами — а раз живем во Франции, конечно, очень важно во всех смыслах установить возможность более близких отношений с французами. (Ловцким, Понтиньи, 31.08.1923).

Очень я виноват перед Вами: до сих пор никому не написал. В оправдание свое могу только сослаться на то, что все время хворал. Пока жил у Вас, чувствовал себя превосходно. Но уже в Висбадене стало не совсем хорошо. А как приехал в Париж, стало и совсем плохо. Так что боялся, что и в Понтиньи поехать не придется. Но все-таки, хотя я и чувствовал себя неважно, поехал. И там все время мучался. Сейчас я уже пять дней в Париже, и только сегодня мне стало настолько лучше, что я могу взяться за свою корреспонденцию. В Понтиньи было очень интересно. В особенности для меня. Ведь я до Понтиньи — хотя и прожил два года во Франции — совсем почти французов не видел. А тут сразу попал во французское общество и очень хорошее французское общество. Всего там было 45 человек, из них человек 10 иностранцев, остальные французы. И итальянцев не было: Муссолини не пустил. Испанцы тоже не приехали — дорого для них.

Из немцев был только Генрих Манн (Рильке и Каснер не приехали), а англичан и англичанок человек 5-6. Беседы были в высшей степени любопытные. Французы мастера говорить. Особенно блистали — сам хозяин (Desjardin), Du Bos и A.Gide. Desjardin цикл лекций читал — иногда продолжительностью в час — и ни сам не уставал, ни публика не уставала. И Du Bos и Gide очень интересно говорили. Поразило меня тоже отношение французов к русским и к русской литературе. Все знают, во всем чудесно разбираются — и как все любят. Я прислушивался к частным разговорам за столом или в отдельных группах и часто ушам своим не верил. Когда еще восхваляют Достоевского — куда ни шло. Может быть, это мода, да Достоевский уже давно известен. Но послушали бы, что и как говорят о Чехове. «Скучная история» вышла всего два месяца тому назад, и все уже ее читали, превосходно, до мелких деталей все помнят и понимают лучше, чем патентованные русские критики. Когда увидимся — расскажу Вам подробнее. Что у Вас? Где Вы? Где Мирра Яковлевна? Отдыхаете ли Вы? Что Вы думаете зимой предпринять? Из Германии тревожные слухи. Дороговизна там теперь неслыханная — жизнь стоит столько же, как и во Франции. Это очень плохо — как население, у которого /...?/ вынесет это? Можно ли будет жить в Берлине? И поедете ли Вы на зиму домой? Я получил одно за другим два письма от Ремизовых. Они взвыли. Хотят ехать в Париж, т.к. не знают, как будут в Германии существовать... Всего Вам доброго — позвольте еще раз поблагодарить Вас за Ваше гостеприимство: воспоминание о проведенном у Вас времени — одно из приятнейших в моей жизни. (Эйтингону, Париж, 7.09.1923).

Фондану Шестов рассказал о своей беседе с Жидом в Понтиньи:

«Это один из самых умных людей, которых я знаю. Он догадывается обо всем. Ничего нельзя от него скрыть. Вышла в свет его книга о Достоевском*. Мы были тогда в Пон-

* A.Gide. Dostoievsky. "Plon", 1923 (см. стр.230).

тиньи. Он спросил, что я о ней думаю. Я ответил, что книга очень хорошо написана и еще что-то в этом духе. Он сразу все понял и перевел разговор на другое. Но с тех пор больше никогда не говорил со мной...»*.

Позднее (уже после встречи в Понтиньи), Жид послал Шестову свое только что опубликованное эссе о Монтене, с очаровательным посвящением. Но когда Борис де Шлецер попросил Жида написать короткое введение к книге Шестова «Избранное», которая должна была появиться в издательстве «Нувель Ревю Франсэз»**, Жид сослался на недостаток времени. Возможно, тут сыграло роль и его сочувственное отношение к Советскому Союзу. (Фондан, стр.77).

* Мы предположили, что беседа Шестова с Жидом произошла в Понтиньи летом 1923 г Возможно, что ее надо отнести к лету 1924 г

** Речь идет о книге Leon Chestov Pages choisies, которая вышла в мае 1931 г в издательстве «Нувель Ревю Франсез» (Галлимар) без предисловия (см также письмо к Эйтингону от 18 10 1929, стр 358-359)

Глава IX

Переписка с Гершензоном (1922-1925). — Поездка Гершензона в Баденвейлер. — Смерть Гершензона. Некролог. — Переписка с Бердяевым. — Переезд Бердяева в Париж. — Доклад в Религиозно-философской Академии (1925).

Живя в Париже, Шестов не терял связи с русскими друзьями. Сохранилась его переписка с М.О.Гершензоном, Н.А.Бердяевым, В.Г.Малахиевой-Мирович, Д. и А.Жуковскими, Е.Герцык, относящаяся к началу 20-х годов.

Самая значительная переписка была у Шестова с Гершензоном. Сохранилось 53 письма Гершензона к Шестову, написанных между 1920 и 1925 годами, 30 писем Гершензона к Ловцким (1922-1925), 4 письма Марьи Борисовны Гершензон к Шестову (1922-1925), 6 писем Шестова к Гершензону (1923). Гершензону и его семье (жена — Марья Борисовна, урожденная Гольденвейзер, дети: Сережа, Наташа) в Москве жилось очень трудно, и они часто болели. Шестов много хлопотал, чтобы им помочь. Он заботился о том, чтобы Гершензону посылали посылки, а в мае 1922 г. решил «сделать все, что возможно, чтобы его вытащить хотя бы на полгода заграницу» (из письма к Ловцкому от 22.05.1922). В сентябре Гершензоны начали готовиться к отъезду. Они предполагали выехать в начале октября и встретиться с Шестовым в Берлине, но задержались и прибыли туда, вероятно, 21 октября, когда Шестов уже уехал в Париж. Прожив несколько дней в Берлине, Гершензоны уехали в Баденвейлер (Badenweiler). Шестову

удалось собрать деньги, чтобы они могли там спокойно отдыхать. Деньги Шестов им пересылал через Германа Ловцкого, который тогда жил в Берлине. В письмах Гершензона к Шестову, написанных в Москве до поездки в Германию, говорится, главным образом, о трудностях московской жизни, о проекте поездки в Германию, о деньгах. В них, кроме того, Гершензон коротко рассказывает об общих знакомых, о своей работе и о «Сборнике четырех философов». Гершензон пишет Шестову из Москвы:

> Твоя посылка через Ара пришла аккуратно и уже поделена согласно твоему письму, которое раньше пришло... Мне очень жаль, что единственное письмо, которое за такой долгий срок дошло до нас, опять, по твоей привычке, ничего не рассказало нам о тебе и твоей семье. Не знаю даже, все ли вы вместе, вышла ли Таня замуж, чем ты занимаешься и зарабатываешь, что написал и напечатал за это время. Написать об этом было бы не менее, а более дружественно, чем посылка, потому что ведь и посылку я принимаю от тебя только потому, что нечто чувствую к тебе и следовательно прежде всего интересуюсь твоей участью. Я читал... твою работу о посмертных произведениях Толстого. Кстати: к тебе обратится петербург. издатель Е.Я.Билицкий* («Эпоха») с просьбой написать на 2-3 печ. листах изложение твоих основных мыслей (он хочет дать в 1 книге четыре или 5 таких статей: ты, Бердяев, Булгаков и т.п. — как корифеев современной русской мысли; просит пока держать это в секрете). Билицкий очень порядочный человек, издает всего А.Белого, друг Ремизова, теперь у меня купил книжку. Заплатит хорошо... Здесь трудно, а у вас там, кажется, тяжко и душно, в своем роде не лучше здешнего. Я занимался эти годы, по/...?/ далекими предметами: написал, за эти два года две книжки листов по 5-6: «Ключ веры» и «Гольф-

* В других письмах Гершензон пишет Белицкий. В дальнейшем мы сохраняем орфографию первого письма.

стрем»; обе теперь набираются. А еще служу — в Главархиве и т.п. (26.02.1922).

Ты мне много дарил за эти годы, — даже деньги, но конечно, самой большой жертвой на алтаре дружбы, при твоей неохоте писать письма, было то большое письмо, которое ты мне написал. Зато и много денег, и много посылок Ара не принесли бы и отдаленно такой радости, как это письмо, — (даже в 1920 г., когда мы голодали тяжко: вот до чего идет сравнение). Не шутя: тот день, когда пришло твое письмо, был для меня праздником; из этого я понял, что очень люблю тебя, а раньше, не зная, только подозревал; тут впервые нащупал в себе, как орех в мешке. Потом читал его вслух Марье Бор., и мы говорили много хороших слов о тебе. Но ты и без того упоен славой, английской и французской. О делах скажу прежде всего: сердечно благодарю за посылки уже посланные, но прошу тебя, тотчас останови дальнейшую отправку их. В Нью-Йорке, в «Ара», как мне пишут из Берлина — если помнишь Нат.Мих. Давыдову, — положено посылать ежемесячно посылки мне, Бердяеву, Вяч. Иванову. Если те посылки действительно будут приходить, — мне одной довольно; если же они прекратятся, я тебе напишу. И теперь, при столкновении 2 посылок, я одну передам Союзу Писателей... Мы жили трудно; прошлой зимою дети тяжело болели крупом, эту — Сережа болел брюшным тифом, очень затянувшимся. И тут же, в начале февраля, я слег; у меня, как определили врачи, от общего истощения возобновился давнишний процесс в легких, — которого я никогда не подозревал. Два месяца держалась температура, исхудал страшно, слабость была такова, что за все это время я ни разу не мог читать, даже беллетристику. Лечили меня, и к теплу я оправился. Теперь уже выхожу понемногу, но очень слаб. М.Б. [Марье Борисовне, жене Гершензона] одной, без прислуги, приходилось трудно; то я носил из холодной кухни дрова и воду, колол дрова, и печь топил, и бегал по посылкам, а тут пришлось все самой. И тесно было, мы очень уплотнены; жили только в столовой и прилегающей к ней крошечной спальне, —

ты верно помнишь. М.Б. не очень постарела, только седых волос прибавилось много, а я очень одряхлел, слаб стал до крайности. Первое время — в 18-м году, до половины 19-го, я писал много — дописывал раньше начатых Пушкина и Тургенева [«Мудрость Пушкина» и «Мечта и мысль И.С.Тургенева»]. Обе эти книги посылаю тебе, они давно вышли. Потом писал мало, только в теплое время; и тут я совсем ушел от русской литературы. Эти годы я много читал, впервые опять так же много, как в годы студенчества, — должно быть, много думая по-своему, не думал. И на многие вещи взглянул иначе; этот тяжелый опыт жизни, которого вы, в эмиграции не вкусили, был серьезною школой. В результате, я долго корпел над Ветхим Заветом, и наконец написал статью или книгу «Ключ веры». Она печатается теперь книжкой в Петербурге. Потом (и еще в то же время) еще дальше носился с сумасбродной мыслью, и три года читал-читал о первобытной культуре, о диких нарсдах, и надолго зарылся в сравнительное языкознание, — и наконец написал книгу «Гольфстрем». Она печатается теперь в Москве, в возродившемся изд-ве «Шиповник». Потянуло меня к истокам, в даль времен, к корням человеческого духа. Ты меня не бей за это: я нечаянно; сам не думал, а шел, куда тянуло неодолимое чувство, и только в этих занятиях находил удовлетворение. Верно, не я один; когда впервые сам и на близких познаешь подлинно Голод, тогда сам собою пропадает интерес к «истории литературы», — и Холод, и когда кругом муки еще горьшие, и смерть от них.

Я и теперь люблю «историю литературы», но только отвел ей место, где ей следует быть, да и наполняю ее другим содержанием. По твоему примеру, и я не грешил пером, — напротив, стал много строже прежнего: ничего не писал и не пишу сколько-нибудь безразличного, чего можно бы и не написать, пишу только обязательное для меня, и так как просьб от новых издательств, альманахов, журналов — много, а я все отклоняю, то и терплю за сие великие денежные убытки, и живем мы одними продуктами, почти без денег; а впрочем, этим не огорчаемся...

Ты спрашиваешь о приятелях. Бердяевы живут по-прежнему, и недурно; обе дамы служат и получают много, он много пишет — написал за эти годы, кажется, 5 больших книг; и по-прежнему у них по вторникам «церковно-приходские журфиксы», — так я их прозвал, — с докладами на темы мистические, церковные и национальные. Я с ним при встречах обмениваюсь парой слов, и только. Кроме той ссоры — наши мысли уж очень далеко разошлись, мы вероятно обо всем мыслим противоположно. Шпет процветает, много получает, нисколько не изменился; выпустил недавно книжку «Философское мировоззрение Герцена» — и 2-й выпуск журнала «Мысль и Слово», где и твоя статья — «Сократ и бл.Августин»; печатает 1-й том «Истории философии в России». Вяч. Ив. [Иванов] по-прежнему с дочерью и мальчиком живет в Баку, читает множество лекций и пьет много вина; дочь этой зимой долго болела тифом; он изредка мне пишет, а я ему... Ты верно знаешь... о смерти Т.Ф.Скрябиной. Ее жизнь после Киева была сплошной кошмарный ужас. Недели две назад приехала дочка Булгакова. Он — протоиерей в Ялтинском соборе и живет там со своей семьей хорошо, но ему хочется в Москву; его страстные проповеди имеют там большой успех...

Да насчет моих дел. Видишь, что я думаю. До сих пор жить здесь надо было, и вы ведь много потеряли духовно, не быв здесь; но теперь, кажется, все, — можно и отдохнуть; а здоровья даже требуют этого. Правда, решиться трудно, потому что по возвращении через 6-8 месяцев неизвестно, застанешь ли свою квартиру в целости, как ни обеспечь ее. Но и это не главное — главное, на что прожить за границей с семьей. А я хотел бы проехать прямо в какое-нибудь такое место на юге Германии, даже не заглядывая в Берлин, и там прожить для отдыха, не думая о заработке. Это едва ли не утопия...

Я много, много раз скучал о тебе; у меня нет теперь никого так близкого, как ты; и при перемене моих мыслей мы были бы теперь ближе прежнего. Иногда беру с полки твою книгу и читаю час-другой. (23.04.1922).

> Наши здоровья, как уже писал я тебе, плохи; нам придется зиму провести за границей, ежели я смогу накопить там денег... Насчет сборника 4 философов, который издает Е.Я.Билицкий, хочу написать тебе. Я видел две статьи, которые ты прислал ему. Мне кажется, что тебе следует написать к ним предисловие ad hoc, т.е. именно для сборника, хоть в 1-2 страницы, как у тебя выйдет. Твои статьи говорят только «нет» людской мысли; ты должен пояснить, что в них напрасно стали бы искать изложение твоего положительного мировоззрения, потому что по самому существу твоего мировоззрения, оно не имеет положительной формулы, — оно может в словах только отрицать истинность всякой оформленной истины, говорить ей «нет», а не самой устанавливать свою оформленную истину. Дело в том, что Бердяев (я видел его статью) сам излагает свое учение в формулах, приблизительно так же сделает вероятно и Белый: они положительно излагают свои мировоззрения. Я отказался писать о себе, обо мне пишет другой, но я дам коротенькое предисловие или пояснение. (26.06.1922).

Через несколько месяцев выяснилось (письмо Гершензона Шестову от 27.02.1923), что «Сборник четырех философов» не выйдет. Неизвестно, что сталось со статьями, которые Шестов дал Билицкому.

Как было указано, в Германии Гершензоны поселились в Баденвейлере. Оттуда они пишут Шестову:

> Третьего дня мы сюда приехали и поселились, кажется, в хорошем пансионе. От Москвы ехали до Берлина сушей 4 дня, по вагонам довольно удобно, но с 6 таможенными осмотрами и со многими тревогами, неизбежными теперь. В Берлине прожили 4 дня. Никто нас не принял так дружески и не помог мне так много, как Г.Леоп. [Герман Леопольдович Ловцкий]. Обрадовала нас встреча с Анной Елеазаровной, познакомились с Мандельбергами. Твои родные были в моем чувстве как бы мои родные. С Г.Л. мы ехали от Берлина, он ехал в Женеву на пару дней, так что мы ехали вместе до Mulheim'а за ½ часа

отсюда... В Берлине не видал ни Белого, ни Лундберга, ни Ремизова, — не успел. (От М.О.Гершензона, 27.10.1922).

В Берлине Михаилу Осиповичу очень помог в деловом отношении Герман Леопольдович, с которым вместе мы и поехали в Шварцвальд. Провели с ним приятные 15 часов в вагоне. Он по пути читал нам статью свою о Вас и Бергсоне... Баденвейлер — очаровательное местечко. Мы в хорошем пансионе и, кажется, попали в условия, в которых можно поправиться... Не могу выразить, как благодарна я Вам, Лев Исаакович, за то влияние и помощь, которые Вы оказали Михаилу Осиповичу в его решении ехать с нами за границу. Если бы мы остались в наших московских условиях с коптящей печью в полторы комнаты, в которых приходилось жить и готовить четверым — то вряд ли могла быть речь о поправке легких; не говоря уж о климате. (От М.Б.Гершензон, 31.10.1922).

Вижу, ты имеешь успех в Европе — и по-немецки, и по-французски. Это хорошо, потому что 1-2 человека прочитают тебя в Европе как следует, а прочие читатели, есть они или нет, — не все ли равно? Для одного или двух таких только и стоит писать. Ты теперь, на мой взгляд, пишешь очень сильно, лучше, чем писал в Москве. Твой «Достоевский» в общем показался мне знакомым, но и в нем есть места, которые пронзали меня. А афоризмы я читал и читаю все с большим волнением. В общем твоя установка мне в высшей степени близка, но что-то не позволяет мне перейти на твой берег: меня удерживает на этом — если не ошибаюсь, конкретность моего зрения и чувства, т.е. страстное восприятие всего земного, человеческого, и сердечное участие в нем...

Читаешь ли ты русские берлинские газеты? Какую пошлую и глупую деятельность развивают там Бердяев, Ильин, Франк и др. Не доставало только этого, чтобы еще более запутать и без того сбитую с толку эмигрантскую молодежь...

Вышла твоя «Власть ключей», поздравляю и надеюсь получить. (От М.О.Гершензона, 27.02.1923).

Сегодня получил твое заказное письмо от 27-го, а дней пять назад послал тебе тоже заказное. Твое письмо подняло во мне столько чувств, что трудно писать. Прежде всего, твоя удивительная доброта, способность любить и помочь: разве только родной брат или жена чувствуют и делают то, что ты для меня. Ты таков, конечно, от природы; но эта твоя врожденная способность, конечно, углублена твоей философией — и это ее прекраснейший цвет...

Ты понимаешь, конечно, что мне все время было нелегко получать собранные деньги и жить на них; у меня не было выхода из-за здоровья детей. И они знают, и им тяжело, не говорю уже о М.Б. Долго продолжать это невозможно. Мне было мучительно читать в твоем сегодняшнем письме, как ты ходишь собирать для меня франки, хотя, конечно, меня трогает доброта ко мне незнакомых людей. Я почти уже решил; хочу только еще сходить к врачу (это тот самый Geheimrath Schwarer, здешняя медицинская знаменитость, который лечил умиравшего здесь Чехова). Полтора месяца назад он еще не нашел у меня заметного улучшения, спрошу теперь, и, ежели он не скажет ничего страшного (тут, главное, конечно, М.Б.), то мы поедем...

М.Б. тебе кланяется и мы оба всем твоим. Вот мечта: жить бы мне с семьею тоже в Париже, пошли бы мы с тобою, — ты бы за мной зашел, или я за тобой, — пошли бы в Булонский лес гулять, часов в 5, весною. И вечером посидели бы вместе, и Б.Ф.Шлецер зашел бы, поговорили бы. Как в Москве в первые годы войны! И я твою Таню ввел бы в такие глубины истории и литературы, которых французские профессора ей не покажут. (От М.О.Гершензона, 5.03.1923).

Шесть месяцев в Баденвейлере прошли для нас как чудесный живительный сон после густой суровой жизни последних лет. Срок этот довольно велик, и мы, конечно, хорошо отдохнули, и мои больные надышались горным

воздухом. Для М.О. и детей эта поездка была спасительною, и если бы не Вы и не Ваши настойчивые письма, мы никогда не решились бы и не смогли подняться на такое путешествие. Милый Лев Исаакович, никогда не забуду того, что Вы сделали для нас, и всегда буду Вам горячо благодарна. Еще, м.б., не меньшую поддержку получила я, уже лично для себя, и опять от Вас же. Я говорю о Ваших статьях в «Совр. З.» и о предисловии к книге. Об этих вещах мне трудно писать в письме. Вы большой, а я маленькая, но в своих постоянных скитаниях по первозданному хаосу я несколько раз в жизни пересекала Ваш путь, Вами уже пройденный, и каким счастьем бывало увидеть мерцающий впереди свет и нащупать неверной ногой твердые следы...

Здешний врач находит, что дети смело могут возвращаться в Россию, относительно М.О. он колебался, но при последнем осмотре остался доволен его поправкой и сказал, что он тоже может ехать, только должен быть все время под присмотром врача и при всяком ухудшении принимать тотчас нужные меры. Вот мы все это обсуждали, обсуждали и, наконец, кажется, решили — что надо ехать. Отсюда мы едем через неделю, думаю, что в Берлине останемся дней десять. Оттуда М.О., конечно, напишет Вам. (От М.Б.Гершензон, 30.04.1923).

Около 8 мая Гершензоны поехали в Берлин с намерением пробыть там дней десять и затем уехать в Москву. Но в Берлине М.О.Гершензон плохо себя почувствовал, и, вместо того, чтобы вернуться в Москву, семья вернулась в Баденвейлер. Там Гершензон прочитал только что появившиеся работы Шестова:

Все эти дни читаю твои французские книги. Увидимся, поговорим. Паскаль, потому ли, что читаю его по-французски, или потому, что ты писал его для иностранцев, — самя ясная твоя книга, написана claire et distincte. Экземплярский великолепно перевел. Спрашивается: что хуже (или лучше): убить Бога, чтобы без помехи устраиваться на земле, — или так понять Бога, чтобы обезбожить, обез-

душить все земное? Я не могу принять первого (Декарт), но не могу принять и второго, твоего. Я сегодня все 4 часа лежания читал тебя, и очень свежо и сильно думал, читая; а после обеда нашли облака, стало легче, пошли мы погулять и забрели в деревушку, состоящую из трех изб. На одной — на стене — надпись; изба построена в 1874 году, с тех пор и надпись:

Ein neues Haus hab' ich erbaut;
Von vielen wird es angeschaut.
Die da gehen aus und ein
Lass dir, Herr Christ, befohlen sein.

Какая прекрасная гордость и самодовольство в первых двух строках! Верно, своими руками строил. — Это не безбожная жизнь, которую жил этот крестьянин, — это жизнь в Боге. Нельзя человеку не спать; но если он весь день трудился, строя себе новый дом, и вечером, усталый, ложится с мыслью о том, что и он сам, и его новый дом, во власти Божьей, то сон его — благой сон. — У тебя выходит так, точно человек сам себе создал разум; но ведь разум — оттуда же; и откуда ты знаешь: разумность, логичность разума — не таинственнее ли всякой неожиданности оттуда? Я же думаю, что и разум, и «закон» тоже божественны, но напрасно претендуют на монополию божественности. И сон того мужика, и сон Петра (от великой, может быть, усталости, от нервного утомления) кажутся мне лучше больной бессонницы Паскаля. — Это моя оговорка. А в общем я думаю так же, как ты. Но все это долгий разговор. Очень хорошо у тебя написан двойной Спиноза, только поймут ли читатели эпиграф? Богатый эпиграф, завидую. И все, от начала до конца, необыкновенно увлекательно. (15.07.1923).

На это письмо Шестов ответил Гершензону из Берлина:

Как видишь — я уже в Берлине, вчера приехал. Проживу здесь две, три, а может и четыре недели... Здесь, в Берлине, я живу у д-ра Эйтингона, подле Тиргартена, и мне кажется, это лучше всякого курорта. Д-р Эйтингон необычайно дружески ко мне относится, так что мое пребы-

вание ему не в тягость, по-видимому, и, если только я здесь стану поправляться, то уезжать отсюда было бы неразумно...

Твоя критика моего «Паскаля» меня огорчила. Ты говоришь, что написано clare et distincte, но, по-видимому, в моем изложении есть какой-то крупный изъян. Если даже ты, такой тонкий и умелый читатель, мог допустить, что я упрекнул крестьянина за то, что он, окончив работы, отдыхает — значит я написал не clare et distincte, и можешь понять, как это меня огорчает. Ведь у меня даже и разговору об этом нет. Книга называется «Гефсиманская ночь», значит, вопрос о том только, почему агония Иисуса была такая мучительная и почему Ему не дано было спать, в то время, когда другие спали (понятно, от великой усталости). Неужели такой вопрос, по-твоему незаконен? И неужели для Петра, который мог уснуть, обидно, если кто-нибудь вспомнит и о Иисусе, который тоже хотел уснуть («да минет Меня чаша сия»), но которому уснуть не пришлось («да будет воля Твоя»)? Мне кажется, что наоборот. Или еще лучше: что спящий Петр и неспящий Иисус не сталкиваются. Не сталкиваются даже тогда, когда Петр от Иисуса отрекается. И вообще, ведь в «Паскале» и в «Rev. de la mort» не этический вопрос рассматривается, а то, что в другой плоскости, чем этика. Так, по-видимому, в моем изложении есть что-то, что дало повод тебе к другому истолкованию. Может, когда увидимся и потолкуем, я выясню, что именно в книжке внушило тебе увидеть такое, чего я сказать не хотел. Век живи, век учись писать — и писать не научишься никогда. Пиши мне в Берлин — адрес Эйтингона на конверте. Очень хочется увидеться, когда я выясню твои планы и свои, сговоримся о встрече. (20(?).07.1923).

За это время Шестов выхлопотал для Гершензона возможность прожить за границей еще 8-9 месяцев. Несмотря на уговоры Шестова, Гершензоны в начале августа поехали в Москву, с остановкой в Берлине, где они, наконец, встретились с Шестовым. Об этой долгожданной встрече Шестов

упоминает только вскользь в одном письме (к дочерям, 4.08.1923), а Гершензон — в трех письмах, которые он написал Шестову после того, как вернулся в Москву:

> Баденвейлер — как сон в Елисейских полях, встреча с тобой — как совершившееся чудо. Ты был все время очень нервен, разочарован... Да это был у тебя не отдых; на тебя было слишком много родственного и приятельского спроса, ты разрывался ежедневно. Разве уже около Анны Елеазаровны потом отдохнул. (3.09.1923).

> Вчера он [Вячеслав Иванов] читал у меня свое последнее стихотворное произведение, род трагикомедии; много таланта, главное, восхитительные стихи. Заставь его прочитать эту вещь у д-ра Эйтингона, как в прошлом году Ремизов читал своего Петьку*. (16.06.1924).

> Передай поклон твоему милому Амфитриону [М.Е.Эйтингону ?] и скажи, что я с удовольствием вспоминаю прелестный вечер, проведенный у него. (23.06.1924).

Сохранилось 23 письма, написанных Гершензоном Шестову после возвращения Гершензона в Москву. В них он благодарит за ежемесячное пособие (75 долларов), которое выхлопотал ему Шестов, рассказывает о своей жизни в Москве, менее трудной, чем раньше, о своем здоровье (он часто хворал), об общих знакомых — Е.Лундберге, Г.Шпете, В.Иванове, Варваре Гр.Малахиевой-Мирович и о др. Варвара Гр. в то время жила под Москвой в Сергиево и часто оставалась без денег и без работы. Гершензон и Шестов ей помогали, не раз выручали ее в трудных обстоятельствах. Она тоже переписывалась с Шестовым. В это время Шпет прочитал «Гефсиманскую ночь» Шестова. Гершензон пишет:

> Он [Шпет] прочитал Паскаля и говорит о нем с большой похвалой... он говорит об этой книге то же, что и я сказал: это уже потому твоя лучшая книга... что в ней нет твоей иронии или сарказма, который тебе не

* Петька — имя мальчика, описанного в рассказе Ремизова «Петушок».

> идет... а это не мало, когда 8-я или 9-я книга, под старость, оказывается едва ли не лучше прежних: итак, гордись. (3.05.1924).

Гершензон пишет об «иронии и сарказме» Шестова. И сам Шестов об этом говорит в записи от 8 октября 1919 г. в «Дневнике мыслей»:

> Не надо иронии — надоела. Не надо пафоса — в нем искусственность, он ничего не дает. Не надо спокойствия — оно симуляция. Что же надо? И вопросы надоели, и ответы — фальшивые. Стало быть, не писать. Это возможно. Но не думать — нельзя. (Дневник мыслей, стр.241).

Больше всего в своих письмах Гершензон говорит о Вячеславе Иванове. Он дает красочное описание пребывания Иванова в Москве перед выездом за границу:

> «Событие» у нас — приезд Вяч. Ив. — 6 июня — 125 годовщина рождения Пушкина; по этому случаю Общ. Люб. Рос. Слов. устраивает в Большом театре грандиозный вечер — и выписало В.И. для произнесения речи. Он согласился, и дней 5 назад приехал один. Хорош, как давно не был: молод, свеж, бодр и светло настроен — очарователен; и весь блеск прежнего великолепия знаний, памяти, чудесного произнесения иностранных фраз и цитат, и тонкость и сложность афоризмов; и так как принимают его всюду царственно, то окрылен и весело-возбужден и каждого окутывает волной ласки и доброты; словом, Крез-триумфатор, лучезарный Ра, или тому подобный. Нет, правда, в высшей степени обаятелен и удивителен. Он приехал с целью выхлопотать себе командировку с содержанием, и наверное получит ее; тогда он осенью уедет с Лидией и Димой, и вы увидитесь. Он пробудет здесь недели 3-4, живет в Доме Ученых. Видимся каждый день, и я наслаждаюсь им и опять влюбился в него; обыкновенно приходит вечером, часов в 9, после дневной беготни и приглашенного обеда, усталый и светлый, и сидит до часу, рассказывая о дневных своих хлопотах и встречах и о жизни в Баку. Но и о тебе я должен был подробно рассказать ему. Он

физически очень хорош и прекрасно выглядит: сед и брит...

Самому не пишется (за полной ненадобностью). Единственно — служба, т.е. Академия и Н.-Исслед. Институт, — и чтение. Счастлив ты, что пишешь, хоть немного; ведь только и жизни у нас, что пока пишется; а в промежутках — какое тягостное прозябание! (4.06.1924).

Вяч. Ив. уже на отлете — все готово, ждет только итальянской визы. Лидия и Дима приехали из Баку. Оба прелестны, а Лидия привезла свои композиции очень талантливые. Они выедут вероятно около 20-го, в Венецию, оттуда скоро переберутся в Рим. Несомненно, он зимой приедет в Париж, уже для заработка, для издания своих книг. Вот в ком сильна воля жить! он, погляди, еще женится. Весел, игрив, неутомим в хождении, в ходатайствах, в добывании денег и удобств. (7.07.1924).

В сентябре Вяч. Иванов уже в Берлине (см. письмо Шестова к Эйтингону от 12.09.1924). Поселившись в Риме, он переписывается с Гершензоном, который об этом рассказывает Шестову:

Получил я на днях письмо от Вяч. Ив., пространное и содержательное. Живут они очень приятно, он опять, после стольких лет, начал писать, дети хорошо устроены; одно горе: деньги тают, а заработка никакого; эта забота очевидно отравляет его существование. Он хотел бы отсюда иметь работу, но это, конечно, пустая мечта. (9.01.1925).

* *
*

В письмах к Шестову Гершензон часто упоминает и об Андрее Белом. В последнем из сохранившихся писем он пишет:

На прошлой неделе Б.Н. [Борис Николаевич Бугаев — Андрей Белый] предложил прочитать у меня написанное

начало его нового романа «Москва»... Б.Н. читал весь вечер; ты знаешь, что я его обожаю, — мне очень понравилось; глубоко задумано и великолепно на мой взгляд вырисовано; язык прежний, как в «Пет.» [«Петербурге»]. А несколько дней спустя в Акад.Х.Н. был Пушкинский вечер, годовщина смерти, — и речь говорил Б.Н., полтора часа. Были опасения, что он ляпнет что-нибудь неподходящее, как с ним бывало, но он был корректен, говорил хотя и не очень вдохновенно, но интересно. А после него артисты читали и пели из Пушкина, в том числе Качалов с Тарасовой прелестно сыграли две сцены из «Камен. Гостя». Тарасова очень красива и очень симпатична; я говорил с нею, она тотчас спросила про тебя и говорила о тебе много лестного и просила написать тебе ее привет. (14.02.1925).

19 февраля 1925 Михаил Осипович Гершензон внезапно скончался. Об этой потере Шестову пишут Мария Борисовна, Вяч.Иванов и Варвара Григорьевна:

Как трудно мне, тоска моя растет. Все кажется, если бы увиделась с Вами, Вы бы мне помогли, хотя бы в мыслях разобраться... Каждый день стою я перед ужасной тайной и снова переживаю смерть Михаила Осиповича. Знаю, конечно, что надо нести это одной, потому что помочь никто не властен, но невольно тянет к другу, старшему, любящему. (М.Б.Гершензон, Москва, 15.04.1925).

Давным давно собираюсь писать Вам и попытаться возобновить прежнее наше дружеское общение. Покойный Михаил Осипович даже корил меня за месяц до своей кончины, отчего я все медлю написать Вам... Итак, прежде всего, суждено мне, заговорив после долгих лет с Вами, обменяться выражением нашей общей глубокой скорби об утрате дорогого нам обоим человека, несравненного по тихому, но могучему свету своей дивной души, милого друга. (Вяч.Иванов, Рим, 4.05.1925).

Больше недели прошло с той ночи, когда я прочла «Гефсиманскую ночь», но все еще звучит во мне ее «Ad tuum,

> Domine tribunal appello». И второе, такое мне знакомое, — что агония Христа будет длиться до скончания века...
>
> Марья Борис., которая дала мне «Гефсиманскую ночь», согласилась со мной, что от этой книги — сильный, свежий ветер горных вершин... Она думает, что оттуда, где теперь Михаил Осипович. И она в чем-то права. Я рада, что она может со мной говорить о нем. Буду заходить к ней почаще, приезжая в Москву. (В.Г.Малахиева-Мирович, Москва, 8.05.1925).

Шестов написал о Гершензоне статью-некролог «О вечной книге. Памяти М.О.Гершензона», которая была опубликована в «Современных Записках», №24 [апрель/июнь], 1925.

В архиве Шестова сохранилось 12 писем, написанных Шестову Евгенией Казимировной Герцык, Аделаидой Казимировной Жуковской и Дмитрием Евгеньевичем Жуковским между 1924 и 1926 гг. Они были опубликованы в 1973 г. как приложение к книге Е.Герцык «Воспоминания».

* *
*

В 1922 г. советское правительство выслало за границу свыше 160 представителей интеллигенции — ученых, писателей, журналистов, общественных деятелей. Основная группа была выслана из Москвы и Петрограда в Берлин. В эту группу входили философы Н.А.Бердяев, Б.П.Вышеславцев, И.А.Ильин, С.Л.Франк, Л.П.Карсавин и др. В своей книге «Самопознание» Бердяев рассказывает о выезде из России и о жизни этой группы в Берлине:

> Группа высланных выехала из России в сентябре 1922 г. Мы ехали через Петербург и из Петербурга морем в Штеттин и оттуда в Берлин. Высылаемых было около 25 человек, с семьями это составляло приблизительно 75 человек...
>
> Присутствие в группе высланных людей науки — профессоров, дало возможность основать в Берлине Русский

Научный Институт. Я активно участвовал в создании этого Института, был деканом отделения Института. Читал курс по истории русской мысли, при очень большой аудитории, и по этике. Немецкое правительство очень интересовалось этим начинанием и очень помогло его осуществлению. Вообще нужно сказать, что немцы очень носились с высланными, устраивали в нашу честь собрания, обеды, на которых присутствовали министры. Правительство тогда состояло из католического центра и социал-демократов... Гораздо большее значение, и при этом надолго, имело для меня образование в Берлине русской религиозно-философской академии. Это уже была моя личная инициатива. По приезде заграницу у меня явилась мысль создать что-то вроде продолжения московской Вольной Академии Духовной Культуры и религиозно-философских обществ. Для религиозно-философской академии было достаточно сил среди русских за границей, главным образом, среди высланных. Наименование «академия» было слишком громким и не соответствующим моему вкусу. Я никогда не считал религиозно-философской академии академией. Но другого наименования мы не придумали. Религиозно-философская академия могла образоваться благодаря активной помощи американского Союза Христианских Молодых Людей (Y.M.C.A.). ...Деятельность религиозно-философской академии открылась моим публичным докладом* на тему о религиозном смысле русской революции, на котором были высказаны некоторые мысли, чуждые эмиграции... Кроме лекций, религиозно-философская академия устраивала каждый месяц публичные доклады с прениями... Интересно отметить, что тогда, в Берлине, еще не чувствовалось абсолютного разрыва между русским зарубежьем и советской Россией. Я этим дорожил. Были возможны литературные собрания, на которых присутствовали писатели эмигрантские и писатели советские. Тогда еще существовала третья категория — высланных. В Париже уже почувствовался большой разрыв. (Самопознание, стр.268-273).

---

* В сб. «София» (см. прим на стр 285) указано, что Бердяев прочел публичный доклад 26 ноября 1922 г.

Приехав в Берлин, Бердяев просил Шестова навести справки о возможности устроиться в Париже. Шестов отвечает ему:

> Не писал тебе до сих пор, т.к. не о чем писать было. Все ждал случая, когда удастся увидеть кого-нибудь из здешних влиятельных французов. И только вчера [11.11. 1922] удалось. Нас (преподающих в Сорбонне) пригласил проф. Boyer* на обед, и после обеда я завел с ним разговор о вас, высланных из Советской России. Рассказал ему о вашем положении — и, к величайшей радости, вызвал в нем большое к вам всем сочувствие. В разговоре меня очень поддержал Карташев**, потом Кульман***, П.(?) и др. Boyer считает, что есть все основания надеяться, что французское правительство ассигнует нужные суммы для того, чтобы сосланных философов (Лосского, Карсавина, Ильина, Франка и тебя) пригласить для чтения лекций при Сорбонне. Вопрос, значит, в том, что вы все должны возбудить (даже неофициально — а в частном письме ко мне или Карташеву) об этом ходатайство. По мнению Карташева (в этих делах больше, чем я, компетентного), хорошо было бы, если бы те из вас, которым идея Boyer придется по вкусу, прислали бы свои краткие curriculum vitae с обозначением работ. Подумай, расскажи остальным и, не откладывая (т.к. теперь разрабатывается в палате бюджет) напиши мне. Между прочим, я не уверен в том, что суммы, которые ассигнует фр. правительство, будут достаточны для того, чтобы вы с семьями жили в Париже. Но можно будет, я думаю, устроить, чтобы «главы» семьи приезжали на месяца три одни в Париж для чтения лекций. Тогда оставшихся сумм хватит на остальное время для него и семьи в Германии. Пишу тебе по старому адресу — надеюсь, письмо перешлют, если ты переехал. Других новостей пока нет.

---

* Речь идет о директоре Школы Вост. Языков проф.Поле Буайе.

** Антон Владимирович Карташев, профессор Богословского института в Париже (1875-1960).

*** Николай Карлович Кульман, профессор русской литературы (1871-1940).

Разве то, что здесь с января будет выходить по-русски «трехмесячник литературы» [«Окно»] — журнал без всякой политики, в котором можно будет свободно сотрудничать. Издатель — Цейтлин, значит, вероятно, редактировать или во всяком случае близко стоять к редакции будут Мережковские. Что у вас? Как ты и другие устроились? Кто еще приехал из России? (Париж, 12.11.1922).

Наконец, получил твое письмо. Как раз, когда торопиться нужно было, вышло, что мое письмо вернулось обратно! И сейчас новая задержка: мне нельзя разговаривать с Boyer только о твоем деле. Нужно иметь сведения и об остальных: Лосском, Карсавине, Франке, Лапшине, Ильине — чтобы Boyer уже мог сразу выяснить вопрос о том, в какой мере можно оказать поддержку русским ученым. А между тем ты об остальных ничего не пишешь. Почему? Нужно ли это истолковать в том смысле, что Ильин и Франк поедут в Прагу и отказываются от Парижа? И что петербуржцы — Лосский и др. — тоже отказываются? Когда я писал тебе первое письмо, я уже просил тебя сообщить все данные по поводу находящихся в Берлине русских философов. Без этого ничего нельзя начинать. Так что постарайся, по возможности скорее переговорить с Лосским и другими. Пусть те, кто хочет в Париж, сделают, как ты сделал, т.е. сообщат нужные данные о себе. Я надеюсь, что удастся устроить так, чтобы вы все, живя в Германии, считались преподавателями при Сорбонне и приезжали сюда только на время. Тогда это будет для всех вас очень выгодно. Но удастся ли это и вообще удастся ли вся затея Boyer, конечно, наверное сказать не могу. Но т.к. Boyer очень /...?/ вам, то попробовать нужно. Только необходимо сразу обо всех хлопотать — и очень торопиться. Очень рад за вас, что вам удалось уже приступить к работе. Несомненно для русской эмиграции вы своими лекциями и курсами будете очень кстати: все ждут, все ищут духовной поддержки. (Париж, 1.12.1922).

Можно предположить, что в начале 1923 г. Бердяев решил не продолжать хлопоты о переезде в Париж, так как ему

удалось устроиться в Берлине, как видно из вышесказанного.

В конце 1923 г. жизнь в Берлине стала очень трудной, и русские эмигранты начали его покидать. В конце 1923 или в начале 1924 г. Бердяев попросил Шестова помочь ему и его друзьям переехать в Париж. По этому поводу Бердяев переписывался с Шестовым (год на письмах не указан, но нет сомнения, что они относятся к началу 1924 г.). В этих письмах Бердяев и Шестов также высказывают свои мысли о книге Шестова «Гефсиманская ночь», которую он послал Бердяеву осенью 1923 г. Приводим три письма Бердяева и два письма Шестова из их переписки того времени:

> Давно уже хочу тебе написать. Но я все время был в разъездах. Совсем недавно вернулся из Рима, где провел две недели и читал по-французски для итальянцев доклад «Русская религиозная идея». Путешествие и пребывание в Риме были, конечно, отличные. Устроил это Институт Восточной Европы. До этого ездил в Прагу, где была христианская студенческая конференция*. До этого был у моря. Так что спокойно и длительно в Берлине до этого сезона еще не жил. На этих днях начал уже лекции в Научном Институте и религ.-философской академии. Нужно сказать, что в этом году в Берлине безмерно хуже и труднее, чем в прошлом году. Будущее совсем неопределенно. Пока мы еще держимся. Я чувствую себя связанным с Академией и Институтом. Я ведь их организовывал. Но невозможно ручаться, что русские учреждения смогут длительно держаться в Берлине. Могут наступить всякого рода катастрофические события. Денежный вопрос приобретает все более и более фантастический характер. Много молодежи уехало из Берлина и это дает себя чувствовать в нашей деятельности. В Берлине спокойнее, чем это может казаться со стороны, немцы очень спокойный и очень терпеливый народ. Но все-

---

* Первый съезд русских студентов в Пшерове (1-8 октября 1923), положивший основание РСХД (Русскому Студенческому Христианскому Движению).

таки может наступить момент, когда отсюда нужно будет уезжать. И необходимо подготовить возможность отступления. Когда мы говорим о том, что, может быть, придется уезжать из Берлина, то чаще всего приходит в голову мысль о Париже. Но это очень трудно. Ведь нас четыре человека. Здесь мы пока элементарно обеспечены, хотя жизнь все время дорожает в валюте. Как ты думаешь, есть ли какая-либо надежда, в случае крушения наших начинаний здесь и неизбежности переезда, устроиться как-нибудь в Париже? Хотелось бы это выяснить, чтобы не быть застигнутым врасплох. Сам я смотрю на это довольно пессимистически. А.В.Карташев, которого я видел в Праге, говорил мне, что есть предположение об образовании чего-то вроде русского философского института в Париже, где можно было бы получить некоторую материальную базу. Что ты об этом слыхал? Ты меня спрашивал, что я хотел бы перевести на французский язык, и предложил свою помощь в этом направлении. Я думаю, что имело бы смысл перевести на французский язык книгу «Миросозерцание Достоевского» или «Смысл истории». Из статей подошли бы «Русская религиозная идея», которая есть уже на французском языке и которую у меня просит французский католический доминиканский журнал «/...?/ Сenесiаnа», которая уже переведена на английский язык, и статью «Демократия, социализм и теократия». Книгу о Достоевском взялся переводить очень хороший переводчик на немецкий язык Грегер. Думаешь ли ты, что можно было бы найти издателя и переводчика или печатать в каком-либо французском журнале? Я бы это хотел независимо от того, придется ли переехать во Францию. На итальянский язык кое-что мое переведено и напечатано, совершенно без моей инициативы. Перевод твоей книги о Паскале сделан превосходно. Я не только с большим интересом прочел твою книгу, но и написал о ней небольшую статью для «Софии»*. Книга очень интересная,

---

* В 1923 г. вышел в Берлине под редакцией Бердяева сб. «София». Статья, о которой пишет Бердяев, туда не вошла. (см. следующую стр.)

очень хорошо написанная, но вызывает во мне живой протест. Ты упорно не желаешь знать, что безумие Паскаля, как и апостола Павла, было безумием во Христе. Благодать ты превратил в тьму и ужас. Опыт ап.Павла, Бл.Августина, Паскаля, Лютера не имел ни малейшего смысла вне христианства, вне бесконечно серьезного принятия христианских реальностей. Шлецер, твой переводчик, единомышленник, написал в «Совр. Записки» рецензию о моей книге о Достоевском*. Заметь, что то, что он говорит обо мне и против меня, он мог бы сказать против всякого верующего человека, всякого христианина. Он не принимает самого факта веры. Религия представляется ему статичной и бездвижной. Я думаю, что статично и бездвижно неверие и скептицизм. Я вижу «выход» (против чего ты больше всего восстаешь), потому что я верующий христианин и до конца всерьез беру свою веру. «Выход» и есть движение, безвыходность же есть кружение. Достоевский тоже был верующий православный и это нельзя опровергнуть никакими софизмами. В конце концов есть только одна вещь, которой стоит заниматься в жизни — искать «выхода», и движение есть лишь в том, кто его находит. И ты, и Шлецер, и все люди вашего духа восстаете против всякого, кто признает положительный смысл жизни. Но ведь признавать положительный смысл жизни и есть признак всякой религии. И напрасно вы думаете, что состояние верующего не трагично, а трагично лишь состояние неверующего. Как раз наоборот. Верующий большим рискует. Верующий рискует проиграть вечную жизнь, а неверующий рискует только проиграть несколько десятилетий, что не так уж трагично и страшно. Обо всем этом хотел бы поговорить, в письме трудно объяснить.

Вот еще что хотел бы выяснить. Если нужно будет ехать во Францию, то не следует ли заранее озаботиться о визах для нас. Думаю, что визы мог бы устроить для

По-видимому, она была предназначена для второго выпуска сборника, издать который не удалось.

* Б.Шлецер. Н.А.Бердяев. "Мировоззрение Достоевского". (Прага, 1923). — «Современные Записки» №17, 1923, стр.458-465.

нас Е.Ю.Пти. Он это очень любезно устроил для Зайцевых. Буду тебе благодарен, если ты мне напишешь о возможных предположениях. (Бердяев, Берлин, конец 1923 или начало 1924 г.).

Ты не допускаешь, что Бог философов не есть Бог Библии. Ты скорее, как Фихте, повторяешь, что смысл христианства в первом стихе четвертого Евангелия. Этим разногласием объясняются все наши несогласия. Ты обоготворяешь идеи, а я не выношу обоготворения идеи. (Шестов, Париж, [март(?) 1924]).

Я все принимаю, что ты пишешь о своих переживаниях. Я даже до твоего письма не раз говорил разным людям, с которыми приходилось беседовать, что твой «оптимизм» или твое «благодушие», в котором принципиально тебя упрекают, есть только твой в н е ш н и й лик. В книгах ты действительно соблазнительно догматичен, но опыт твой много сложнее, чем книги. И о п ы т а твоего я не отрицаю и отрицать не хочу. Я спорю с тобой, когда ты опыт, при посредстве готовых предпосылок разума, превращаешь в «истину». Ты заявляешь, что о христианском опыте не могут судить стоящие вне христианства, и всякий другой опыт ты относишь к области «психологии». Это очень характерно для тебя. В этом я вижу тот «этический идеализм», от которого ты на словах открещиваешься. Так, как ты говоришь, говорят и католики. Вот эта погоня quand même за привилегией правоты, это желание свой опыт признавать превыше всего, унаследовано от древней этики, и воспринято христианством всех исповеданий и воинствующей философией всех оттенков. И ведь главное — эта привилегия совершенно мнимая, как несущественна и та Sancta Superbia, которая породила стремление к обладанию этой привилегией. И еще существенно: ведь пелагианство, которого ты, конечно, не приемлешь, оно-то жило и питалось исключительно этими выдуманными привилегиями. А древнее пелагианство в наше время называется этическим идеализмом и пропитало собой не только философию, но и религиозную догматику. Только опыт смерти

или равнозначущий ей опыт трагического переживания, который открывает человеку глаза на суетность всяких земных привилегий, не исключая и моральных. Тебе это кажется «тьмой», но мне кажется наоборот ужасом та «правота», которой люди поклоняются, как поклонялись идолам. Ведь идола можно сделать не только из дерева, но и из идеи. «Единство» истины — один из таких идолов. Кажется, и говорят так все, что «единство» положит конец «вражде» и начнет эру «любви», на самом деле наоборот: ничто не приносит миру столько вражды, и самой ожесточенной, сколько идея единства.

Еще многое можно бы сказать, но письмо писать долго нельзя. Разве напомнить тебе слова Паскаля, взятые мной эпиграфом к «Гефсиманской ночи»*. Ты как будто и не заметил их. Отчего? (Шестов, Париж, [март(?) 1924]).

Приходится нам очень серьезно задуматься над вопросом о переезде из Берлина. Мы остались здесь, потому что Берлин был самым дешевым городом в Европе и в нем было сосредоточено наибольшее количество русской молодежи. Теперь все изменилось, Берлин стал самым дорогим городом в Европе и русским центром стал Париж. Мы материально не можем больше здесь существовать. Доходы не только не увеличиваются, но уменьшаются. Положение Научного Института почти безнадежное, и я сомневаюсь, чтобы до осени он мог продолжать свое существование. Рел. фил. Академия имеет жалкий бюджет и совсем нас не обеспечивает. Американцы склонны давать меньше денег, а не больше. Русские издательства совсем прекратили свою деятельность в Берлине. Чувствую, что Берлинский период нашей жизни кончается, и прежде всего приходит в голову мысль, что нужно переезжать в Париж. Может быть, удастся частично или полностью перевести рел.-фил. Академию в Париж. Но это нас не обеспечит. И в этом случае необходимо искать других заработков.

* Jesus sera en agonie jusqu'a la fin du monde. il ne faut pas dormir pendant ce temps-là. (Муки Христа будут продолжаться до конца света, и нам в этом время спать не должно).

Что ты думаешь о возможности получить что-нибудь от французского правительства, хотя бы для небольшой философской группы высланных, в связи со Славянским Институтом или Сорбонной? И как по-твоему, мне следует действовать для выяснения этого вопроса? Не было ли бы полезно мне написать Софье Григорьевне или самому Евгению Юльевичу Пти? Я не знаю парижских соотношений и не знаю, через кого наиболее тактично действовать? Да и есть очень большая неловкость в том, чтобы за самого себя хлопотать. Вот я и прошу твоего совета и помощи. Есть ли какие-нибудь перспективы литературных заработков в Париже? Буду тебе очень благодарен, если ты мне напишешь. Каков по твоим сведениям скромный месячный бюджет в Париже для семьи из четырех человек. Б.П.Вышеславцев пытался уже выяснить возможность устройства в Париже. Но я не знаю, нашел ли он правильно путь. Теперь уже наступает для нас крайняя необходимость все это выяснить. Не знаю еще, кто из нашей компании хотел бы переехать в Париж. Но я лично охотнее всего переехал бы в Париж и наши дамы тоже этого хотели бы.

Наша переписка с тобой в связи с твоей книжкой о Паскале прервалась. Я вообще очень плохой корреспондент, да и мешает мне писать письма страшная перегруженность работой.

Меня очень волнует тема нашей переписки. Ты глубоко неправ, друг мой, когда говоришь, что я верю в Бога Фихте и Гегеля. В этом нет никакого сходства с моей внутренней жизнью и судьбой. Я даже склонен думать, что Фихте и Гегель в Бога не верили и молиться не могли. Фихте я вообще не люблю и считаю его философом непонятной гордыни. Гегеля я ценю, как очень сильного мыслителя, но в моей духовной жизни он никогда не играл никакой роли. Я бы хотел дать тебе когда-нибудь понять и почувствовать, что меня менее всего можно обвинять в благополучии и оптимизме. Если бы ты на одно мгновение ощутил, как истерзана моя душа не сомнениями и скептицизмом, действительно чуждым моей природе, а

моей религиозной жизнью, то ты перестал бы судить обо мне по идеологическим схемам. Я всегда писал в очень догматической и резко утвердительной форме и никогда не обнаруживал прямо драмы моей души и противоречий моего духовного опыта, потому что я очень замкнут и, вероятно, слишком горд по своему характеру.

Если бы я умел до конца преодолеть свою скрытность, то я заставил бы тебя почувствовать, как трудна, как трагична жизнь внутри христианства, для некоторых по крайней мере. Иногда от смертельной усталости я дохожу до зависти к Фихте и Гегелю, которых я религиозно презираю, иногда даже до зависти к позитивистам, как ни дико и ни чудовищно это сказать. Моя трагедия не есть трагедия н е в е р и я. Это трагедия в е р ы. Бывают минуты, когда так представляется судьба человеческая: земная жизнь от рождения до смерти в большей части есть мука и страдание, а после смерти представляет всякие адские муки, так как себя считаешь более заслуживающим именно такой участи. Сознанием своим я отрицаю вечные адские муки и совесть моя противится этой страшной идее. В сознании своем я оригенист. Тип Оригена мне ближе Тертулиана. Но в опыте моем мне очень ведомо и близко то, что я отвергаю в своем христианском сознании. И дело совсем не в том, что у меня есть ветхозаветный страх перед Богом (я думаю, что для тебя Бог всегда ветхозаветный Бог. Ты как будто забываешь, что Бог Авраама, Исаака и Иакова также Бог, который окончательно открыл Себя в Сыне и лишь через Сына можно узнать Его близость), дело в том, что у меня страх перед своей греховностью. Фихте и Гегель, вероятно, совсем не чувствовали этого страха. Извне люди совсем не понимают трудностей и тех страданий, которые существуют внутри христианства, внутри Церкви. Есть много проблематического внутри христианства для тех, которые в е р н ы ему и не сомневаются в нем. Я думаю, что о христианском опыте совсем не могут судить те, которые не в нем, которые его не испытали. Это мое главное возражение против тебя. Ты роковым образом обречен на

непонимание Паскаля, поскольку ты сам не находишься внутри христианского опыта. Никакой ум, никакой талант, никакая душевная изощренность тут не поможет. Ты слишком умно, слишком тонко, слишком психологично пишешь о Паскале. Для тебя раскрывается Паскаль лишь со стороны психологического, а не религиозного опыта. Верующий есть для тебя лишь психологический эксперимент. Но твои собственные исследования носят благородный характер, за ними чувствуется переживаемая тобой драма и мучительное искание правды. Те же, на кого ты влияешь, не имеют благородства первичного опыта. Им нравится, что ты оправдываешь двойную бухгалтерию: сочетание непросветленной и неодухотворенной обыденности в жизни и ни к чему не обязывающей трагичности в литературе, в мыслях, в творчестве, в оторванных от жизни переживаниях. Это мне более всего неприятно. Трагична вся полнота и целостность нашей жизни, трагична и вся история, а не какой-то отдельный уголок душевного опыта. Я теперь работаю над книгой «Проблематика христианского сознания»*, которую хочу писать иначе, чем до сих пор писал. Она будет посвящена лишь проблематическому в христианстве.

Странная моя участь: левые считают меня правым, правые считают левым, ортодоксы считают еретиком, еретики считают ортодоксом, и всегда я чувствую свой образ искаженным. Теперь какие-то газетные болваны прославили реакционером, в то время, как преобладающая реакция, которая у меня сейчас есть, это реакция против все нарастающего среди русских за границей мракобесия. Я задыхаюсь от этого мракобесия. И мне одинаково противно мракобесие большевистское и мракобесие правое. Задыхаюсь и от той злобы, которой все проникнуто. Говорят, что у Вас в Париже особенно много злобы. (Бердяев, Берлин, 11.04.[1924]).

---

* Книга Бердяева вышла в Париже, в издательстве ИМКА-Пресс, в 1927 г., под заглавием «Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства».

> Ты мне все-таки не дал совета, какими путями лучше действовать, чтобы выяснить возможность устройства в Париже. Софье Григорьевне я напишу. Но что можно было бы еще сделать на расстоянии? Очень трудно и неприятно непосредственно хлопотать о себе у французов. Вопрос следовало бы поднять для небольшой группы русских философов разом. Вопрос о переезде в Париж мне нужно было бы решить в принципе к началу июня, хотя самый переезд мог бы состояться осенью. Но как можно решить этот вопрос, не имея определенных перспектив. Очень рад буду увидеть тебя в середине мая в Берлине. Но очень хотел бы поскорее выяснить, в каком направлении следует действовать. Лучше всего было бы, конечно, мне самому приехать в Париж для переговоров. Но я не имею возможности сделать для этого необходимые затраты и мог бы поехать лишь в том случае, если бы поездка в Париж каким-либо образом была мне оплачена. Если ты с твоей стороны можешь мне дать какое-либо указание, то напиши. (Бердяев, Берлин, 30.04.[1924]).

В это время Шестов получил нужные сведения о философах, желающих поехать в Париж, и переслал их Софье Григорьевне:

> Посылаю Вам собственноручно написанные Бердяевым, Франком, Ильиным и Карсавиным сведения об их преподавательской и ученой деятельности. Люшер*, по словам Тани, в четверг уже будет в Париже. По-моему, ему во всяком случае легче, чем кому бы то ни было, что-нибудь сделать. Хорошо было бы, если бы Вы успели поговорить с ним до моего отъезда. Тогда бы я смог уже на словах передать, что нужно Бердяеву и его товарищам. (Париж, 13.05.1924).

Очевидно, Софья Григорьевна очень скоро достала для всех нужные разрешения, и Бердяевы уже летом или осенью приехали в Париж. Туда же была перенесена Религиозно-

---

* О Люшере см. письмо 16.01.1924, стр. 304.

философская академия. В Париже Бердяев сразу проявил большую активность. 9 ноября 1924 г. состоялось открытие парижского отделения русской Религиозно-философской академии, и 18 ноября Бердяев начинает там читать систематический курс «Русские духовные течения». В Париже, как и в Берлине, академия устраивала, кроме лекций, публичные доклады, на которых Шестов бывал и выступал (см. стр.294-295 и т.II). Начиная с осени 1926 г., академия помещалась в Русском доме на бульваре Монпарнасс (10 Bd. Montparnasse, Paris 15), предоставленном YMCA русским организациям, которые она поддерживала (РСХД, русское издательство ИМКА-Пресс и др.). В 1937 г. академия была переведена в центр «Православного Дела», на ул. Лурмель (77 rue Lourmel, Paris, 15) и издательство ИМКА-Пресс переселилось на улицу Сен-Дидье (29 rue Saint Didier, Paris 16). О своем переезде в Париж и о своей деятельности в этом городе Бердяев пишет в «Самопознании»:

> В 24 г. я переехал из побежденного Берлина в победивший Париж. Через 16 лет мне суждено было узнать Париж побежденный. Много было оснований для перенесения центра деятельности туда. Берлин переставал быть русским центром и им становился Париж. (Самопознание, стр.275).

Оригиналы двух вышеприведенных писем Шестова к Бердяеву от марта 1924 г. не сохранились, и приводимые тексты, вероятно, не полны. Эти два письма и вторая часть письма Бердяева от 11 апреля того же года были напечатаны в журнале «Мосты» №8, 1961. В архиве Шестова сохранилось всего девять писем Шестова к Бердяеву и семь писем Бердяева к Шестову (рукописные копии, сделанные Евгенией Рапп). Семь из этих писем, касающиеся переезда Бердяева из Берлина в Париж, даны выше. Из оставшихся два даны ниже в этой главе и два в следующей. Здесь не воспро-

изводятся письмо Шестова от 10.09.1924, в котором он дает Бердяеву сведения о Виши, два письма Бердяева о немецких иэдателях (от 26.07.1925 и 9.04.1926) и две открытки Шестова (21.02.1929 и 18.05.1929). Письма были опубликованы в журнале «Континент» (№30, 1981).

* * *

После приезда в Париж (лето или осень 1924 г.) Бердяев поселился в Кламаре (Clamart — пригород Парижа). В это время он разошелся со многими старыми друзьями, но многолетняя дружба с Шестовым не только уцелела, но и окрепла. Бердяев пишет:

> Я живу в Париже более 20 лет. Париж за это время стал русским культурным центром. И тут жили в это же время люди, с которыми я был связан в прошлом, с которыми был даже близок. Но у меня не было общения и почти не было даже встреч с этими людьми моего прошлого. Большее общение было с новыми людьми. С Мережковским я не встречаюсь долгие годы. Мережковский писал про меня грубые статьи. Со Струве тоже перестал встречаться, он тоже очень резко нападал на меня в печати. С А.Карташевым я почти не встречался, мы очень разошлись политически. Также не встречаемся с Б.Зайцевым. С П.Муратовым, с о.Булгаковым у нас не было никакого разрыва, но мы встречались очень редко и больше на деловых собраниях. Боюсь, что если бы мы встречались чаще, то разошлись бы гораздо дальше. Из старых отношений сохранилась и даже окрепла дружба с Шестовым, с которым у меня бывали наиболее значительные разговоры. (Самопознание, стр.299).

Они часто встречались, и уже в январе 1925 г. Шестов обещал Бердяеву выступить в Религиозно-философской академии. Шестов пишет Бердяеву:

> Сейчас получил твое письмо. Само собою разумеется, что я воскресенье 1-го февраля отстоял, как и обещал

тебе, от всяких на него покушений и готов в этот день читать у вас. Выдумывать новое название для доклада не стоит — пусть так и будет: «Наука и Библия». Собираетесь вы завтра (в пятницу, 23-го января) на вечер Ремизова? Приходите — будет очень интересно. Кроме самого Ремизова — участвуют Плевицкая, Могилевский, Александрович. Ехать недалеко — Hôtel Lutetia. (Париж, 22.01.1925).

О своем выступлении Шестов пишет Ловцкому:

В воскресенье я читал доклад в религ.-фил. Академии. Было много народу, так что хотя плата и была очень скромная (2 фр.), мне пришлось на долю 250 фр. (Париж, 4.02.1925).

Бердяев устраивал у себя в Кламаре разного рода собрания, а по воскресеньям чаепития, после которых происходили беседы на какую-нибудь интересовавшую его тему. Шестов часто бывал на Бердяевских воскресеньях. Так, он пишет Бердяеву:

Ужасная досада! А.Е. опять неожиданно оказывается завтра днем занята и не может приехать в Clamart. Боюсь уже обещать, что приедем в следующее воскресенье: А.Е. никогда себе не принадлежит и не может собой распоряжаться. Но если ничего не произойдет неожиданного — постараемся приехать. Я уезжаю 23 или 24 мая, т.к. придется еще и во Франкфурте читать. Очень бы хотелось повидаться с тобой до отъезда и побеседовать. Может, когда будешь в Париже, завернешь ко мне. Я прочел обе твои статьи о Беме* и тоже статью в «Сов. Зап.»** — многое бы нужно сказать тебе. Главное, почему ты, который так страстно и неутомимо ищешь Бога (в этом же и смысл русской философии — и именно той, которая, как ты сам

---

* Из этюдов о Я.Беме. Этюд I. — Учение об Ungrund'е. — «Путь» №20, февраль 1930. Этюд II. — Учение о Софии и андрогине. Я.Беме и русские софиологические течения. — «Путь», №21, апрель 1930.

** О характере русской религиозной мысли XIX века. — «Современные Записки», №42, [апр.] 1930.

указываешь, нашла себе выражение не в ученых трактатах русских профессоров — а в художественном творчестве Пушкина, Гоголя, Толстого, Дост. и т.д.) — идешь все-таки за истиной к «умозрению»? Когда ты, вслед за Беме, утверждаешь, что без нет не может быть да — ты ведь ставишь этим самым навсегда и окончательно истину разума над откровением. А в Писании сказано, что, если будет у вас веры с горчичное зерно — то не будет для вас ничего невозможного. И для Бога возможно да без нет, для Бога возможна свобода и для него и для твари. О Боге спрашивать не нужно, хорош ли он, ибо от него все хорошее. Так учит Писание — мы этого не понимаем — но это и не нужно понять. Нужно только приучиться к свободе мыслить без всяких a priori, и не думать, что только то есть истина, что для нашего разумения кажется возможным. Если увидимся, потолкуем об этом. Как ни интересен Беме (по-моему, его интерес не в том, что он приготовил идеи для нем. идеализма, а в том, что эти идеи его...) — истина, все-таки, в Св.Писании. (Париж, 9.05.1930).

Пьер Паскаль (Pierre Pascal) регулярно посещал Бердяевские воскресенья после своего возвращения из Советского Союза в 1933 г. В статье «Berdiaev — l'homme» он описывает эти собрания:

Il y avait des Russes, des étrangers de passage, des Français. Après un moment, autour de la table, on prenait le the, toujours avec une excellente et généreuse pâtisserie, chef-d'oeuvre de Lydie ou d'Eugénie, en causant de choses et d'autres. Nicolas Alexandrovitch interrogeait, orientait la conversation vers l'entretien plus sérieux qui allait occuper le reste de l'après-midi. Ce n'etait plus l'Académie de Moscou: plus de président ni de procès-verbal des séances, mais Berdiaev n'en dirigeait pas moins les débats. Il les animait, les rendait intéressants, savoureux parfois, par ses saillies, ses généralisations, ses conclusions catégoriques, et les explosions de colère dont j'ai parlé... Le régal, pour le commun des auditeurs, était le duel Berdiaev — Chestov. Il manquait quelque chose,

> quand Chestov était absent... Bref, ces réunions du dimanche, malgré les manières un peu professorales de Berdiaev, avaient quelque chose de familier. Je ne pense pas m'y être jamais ennuyé. (Berdiaev — l'homme, стр.17, 18).

Шестов был не только интересным собеседником, любителем словесных дуэлей, но и одаренным лектором. Его выступления и доклады пользовались успехом. Об одном из них рассказала Наталья Викторовна Резникова в главе «Алексей Ремизов в Париже» своей книги «Огненная память»:

> Я не могу забыть одно выступление Шестова. Он прочел большой доклад на волновавшую его тему: конфликт разума и веры. Когда Шестов кончил, оппонентом выступил Ф.Степун. Он подошел к теме шутливо: «Зачем создавать драматический конфликт?» Разум представляется Степуну в виде маленького голубоглазого мальчика, которого стоит погладить по головке и пройти мимо... Шестов встал, и мы увидели перед собой разгневанного библейского пророка, мечущего громы и молнии. (Огненная память, стр.86, 87).

К сожалению, Наталья Викторовна не могла вспомнить, на каком собрании она слышала Шестова. В настоящей работе тоже рассказывается о нескольких блестящих выступлениях Шестова (см. стр.215-217 и том II).

* * *

В Париже Бердяев вместе с П.Ф.Андерсоном и Б.Вышеславцевым руководил издательством ИМКА-Пресс, основанным в Праге в 1921 г., затем переведенным в Берлин (1923) и в Париж (1925). В Париже, между 1925 и 1940 гг., ИМКА-Пресс издало значительное количество книг русских философов, богословов и писателей. В это время журнал «Современные Записки» тоже создал свое издательство — «Современные Записки». Оба издательства были закрыты в 1940 г. в начале войны. Деятельность ИМКА-Пресс возобновилась

в 1944 г. и впоследствии сильно развилась. Деятельность же «Современных Записок» не была возобновлена. Живя за границей, Шестов написал три книги: «На весах Иова» (том 8), «Киркегард и экзистенциальная философия» (том 9), «Афины и Иерусалим» (том 10, состоящий из четырех частей). Издательство «Современные Записки» опубликовало 8-й том в 1929 г. При жизни Шестова ИМКА-Пресс опубликовало только маленькую книгу в 1932 г. («Скованный Парменид» — первая часть 10-го тома). 10-й том полностью и 9-й том при жизни Шестова не появились по-русски. Начиная с 1951 г., ИМКА-Пресс опубликовало три книги Шестова и переиздало четыре (с финансовой поддержкой семьи Шестова).

Кроме книг, ИМКА-Пресс публиковало несколько журналов. Среди них журнал «Путь». Он начал издаваться в 1925 г. под редакцией Бердяева. На обложке значится: «Орган русской религиозной мысли. Издание Религиозно-философской Академии». «Журнал "Путь", — пишет Бердяев в "Самопознании" (стр.276), — объединил все наличные интеллектуальные силы за исключением течений явно обскурантных... Журнал не был моего направления... Как редактор я был довольно терпим, печатал нередко статьи, с которыми не был согласен». Всего вышел в свет 61 номер «Пути», между августом 1925 и мартом 1940 г. Семь статей Шестова было опубликовано в нем между 1930 и 1937 гг. После войны журнал не выходил.

Глава X

Париж 1923-1927. — Болезнь. — Знакомство с Жюлем де Готье и с Бенжаменом Фонданом. — Нитшевское общество (Nietzsche-Gesellschaft). — Статьи о Гуссерле, о Плотине и о Владимире Соловьеве.

Получив в июне 1923 г. французский диплом массажистки, Анна Ел. поехала на курорт Шатель-Гюйон (Châtel-Guyon, Puy-de-Dôme) с намерением заняться там медицинским массажем. Вскоре после приезда ей удалось найти работу. С тех пор Анна Ел. уезжала каждое лето на четыре-пять месяцев на этот курорт и создала себе там неплохую практику. Курортный врач, д-р Боман, охотно посылал ей больных, и с ним и его семьей у Шестовых сложились дружеские отношения. Начиная с 1924 г., Шестов каждое лето приезжал в Шатель на 6-8 недель лечиться и отдыхать. За его лечением внимательно следил д-р Бауман. Окончив сезон в середине сентября 1923 г., Анна Ел. поехала в Виши.

Из Понтиньи, где Шестов присутствовал на третьей декаде (23.08-2.09.1923, см. стр.260-263), он вернулся в Париж и оттуда поехал в Виши, где встретился с Анной Ел. Они пробыли там недели три и возвратились в Париж вместе. Уже в августе, перед поездкой в Понтиньи, Шестов чувствовал себя плохо, но в Виши ему стало лучше. После возвращения в Париж он опять почувствовал себя плохо: начались невыносимые боли в бедре. В конце октября ему пришлось лечь в больницу. Об этом он пишет Эйтингону и Фане:

Наконец, вышел из больницы. Сегодня чувствую себя лучше и могу присесть к столу — написать Вам письмо. Исследования в больнице (одна радиография, три рентгеноскопии, анализ крови и т.д. и т.д.) привели врачей к заключению, что органических заболеваний у меня нет. Все сводится к невралгии, которая объясняется более менее приблизительно, как Вы и сами знаете. Конечно, и тому нужно радоваться, что нет ничего, грозящего операцией и т.п. Теперь под наблюдением А.Е. веду гигиенический образ жизни — усиленно питаюсь, хожу по утрам гулять и пр. Нужно надеяться, что больше припадки не повторятся, и зима пройдет спокойно. Вчера говорил по телефону с Миррой Яковлевной [женой Эйтингона]. Поехать к ней еще не отваживаюсь: все-таки порядочное путешествие. М.Я. говорила мне, что беседовала с Вами по телефону и что Вы в прекрасном настроении, что в Берлине не так плохо, как это кажется по газетам. Дай Бог, чтобы так было на самом деле. Обычно ведь когда разговаривают за тысячи верст по телефону, тоже не все рассказывают. Конечно, это я Вам пишу, а М.Я. я ничего не сказал. Вчера тоже, после всяких злоключений, и Ремизовы, наконец, доехали до Парижа. И он тоже, от меня, говорил с М.Я. по телефону и передал Ваш — довольно запоздалый — привет и тоже передает не менее запоздалые письма. В воскресенье М.Я. и Е.Я.* собираются к нам. Очень рады будем их видеть. На завтра меня приглашают к Desjardin'у. Там я увижу всех знакомых французов и англичан — может быть, можно будет что-нибудь и для Ремизова там сделать...

Приписка Анны Ел.: Лев Исаакович вернулся из госпиталя. Боли у него еще не прошли, но самочувствие несколько лучше. Постараюсь ему устроить все, что в моих силах: уговорила его утром выходить гулять, а не прямо садиться за книги. (Эйтингону, Париж, 9.11.1923).

Оказывается, Соня уже написала тебе, что я был нездоров. С самого приезда из Висбадена все тянулось. Пришлось поступить в больницу (Ротшильда: там меня даром лечили и

* Елизавета Яковлевна Райгородская, сестра М.Я.

отдельную комнату дали). Исследовали всячески, всякие анализы сделали... органических заболеваний не нашли. Сейчас я уже из больницы вышел, буду ездить туда на радиотерапию. Мне теперь лучше и, Бог даст, радиотерапия поможет. (Фане, Париж, 10.11.1923).

* *
*

В «Современных Записках» №17 [октябрь] 1923 г. вышла статья Ловцкого «Ритм мировых движений (теория относительности Эйнштейна)». По прочтении ее Шестов пишет Ловцким:

Книгу «С.З.» получил. Статья твоя, по-моему, хорошо написана — очень дельно: в таких статьях это самое главное. Не согласен я с тобой в том, что для философии у Эйншт. есть пища. По-моему, если он и вносит большие пертурбации в физику (я все-таки их ясно не представляю себе — верю на слово ему и тем, кто его принял), то в принципиальных вопросах философии — все остается по-старому и в этом гуссерлианцы, конечно, правы. (Ловцким, Париж, 20.11.1923).

В это время Шестов получил письмо от известного писателя Жюля де Готье (Jules de Gaultier) с предложением выпустить какую-нибудь работу Шестова в новом издательстве («Les éditions de Siècle»), в котором Готье должен был заведовать философским отделом. Готье пишет:

Je ne connais de vous en dehors de votre nom et de la très grande réputation qui s'y attache que votre étude de Mercure sur Descartes et Spinoza et votre Pascal de la Nuit de Gethsémani. La première de ces deux rencontres avec votre pensée au cours de mes lectures ont suffi pour me révéler un esprit pour qui la philosophie n'est pas un métier mais une angoisse personnelle, un problème dans lequel est engagée la sensibileté toute entière. Vous m'apparûtes dès lors comme un de ceux qui font naître à un premier contact

le désir secret de relations intellectuelles plus étroites et d'un commerce personnel. Or il s'est trouvé que peu de mois après cette rencontre "les Editions du Siècle" qui viennent de se fonder me demandaient de diriger une collection de "Philosophie" destinée à ne comprendre qu'un petit nombre d'oeuvres choisies, repondant à une certaine direction de pensée dont il m'était laissé de prendre l'initiative. Et il s'est trouvé en même temps que mon ami Mons. Lambert me faisait part de son intention d'aller vous voir en sorte que je l'ai prié aussitôt de vous entretenir de la très grande satisfaction que j'aurais à vous compter parmi les premiers auteurs de cette collection. Il m'a écrit qu'il avait pu vous dire quelques mots à ce sujet et que vous aviez bien voulu le prier de me donner votre adresse. J'en profite pour vous exprimer à vous même le désir dont je l'avais prié d'être l'interprète. Les livres actuellement prévus pour la collection sont des volumes assez courts d'environs deux cents pages. Les conditions offertes par les éditeurs dont vous auriez le cas échéant à vous entretenir avec eux sont celles que font actuellement je crois la plupart des maisons d'éditions et c'est à ce point de vue un pis aller peut-être que je vous propose, votre nom pouvant vous faire trouver des conditions d'exception, et plus favorables. Je crois seulement que dirigées par des hommes jeunes, intelligents et actifs les Editions du Siècle s'efforceront de prendre les mesures les plus efficaces en vue d'assurer la diffusion et la vente de leurs livres. Au cas où ma proposition vous paraitrait acceptable et ou vous auriez quelques ouvrages en préparation je vous saurais gré de vouloir bien m'en informer. Je serai d'ailleurs d'ici quelques semaines à Paris où je viens d'avoir la chance de trouver à me loger et nous pourrons de vive voix nous entretenir plus longuement de l'objet de cette lettre. (Pardic, Côtes de Nord, 22.11.1923).

О Ламбере, упомянутом Готье, Шестов пишет Фане:

Это [тот] самый француз, который начал со мною переписываться, не будучи знаком. Оказывается... [это он дал Жюлю де Готье] «Паскаля» моего, и тот очень заинтересовался моими работами. (Ловцким, Париж, 26.11.1923).

В архиве Шестова сохранилось несколько писем Э.Ламбера к нему.

Вскоре после получения письма Шестов начал вести переговоры с Готье об издании по-французски своих работ и с ним познакомился. «Веду переговоры об издании по-французски "Достоевский и Нитше" и "Толстой и Нитше"», — пишет он Эйтингону 16 января 1924. Готье, который тогда поселился в Булонь-сюр-Сен (19 rue du Chalet), шлет приглашение Шестову:

> M.Kahan, M.Louis Rougier, l'auteur des paralogismes du rationalisme, Constant Bourquin, M.Fondianu*, se réuniront chez moi mercredi [27.02], vers 4 heures et demi. Voulez-vous me faire le plaisir de vous joindre à nous. J'espère que nous reussirons à résoudre le problème de la publication de votre livre. [25.02.1924].

Констан Буркен, о котором пишет Готье, был директором издательства «Сьекль» («Siècle»). Через некоторое время (контракт был подписан 6.04.1925) Шестов с ним договорился о французском издании книги «Толстой и Нитше». Книга вышла в 1925 г. (вероятно, в ноябре) под заглавием «L'idée de bien chez Tolstoi et Nietzsche. Philosophie et prédication» с предисловием Готье. Перевод с русского на французский был сделан Таней и Жоржем Батаем (Georges Bataille, 1897-1962), в будущем известным писателем. В то время он увлекался Нитше и часто бывал у Шестова. Впоследствии он от Шестова отошел. Хотя вначале переговоры велись об издании не только книги «Толстой и Нитше», но и «Достоевский и Нитше», эта последняя в издательстве «Сьекль» не вышла. Дружественные отношения с Готье сохранились у Шестова на всю жизнь; они часто бывали друг у друга.

* *
*

---

* Речь идет о Бенжамене Фондане, см. о нем ниже (стр.342).

В начале 1924 г. здоровье Шестова несколько улучшилось, о чем он сообщает Эйтингону в двух письмах:

> Спешу поделиться с Вами приятной новостью. Оказалось, что предположение пр. Сироткина не оправдалось — и вышло, как предсказывали Вы и А.Е. Вчера вечером мне произвели рентгеноскопию: никаких камней в почках, ни новообразований в кишечнике нет. Только почки и еще что-то опустились, вследствие, как предполагает доктор (Сироткин, хотя и обещал, не пришел), от похудения и истощения. Так что остается только выдержать режим — усиленно питаться и «отдыхать» — и Бог даст, к следующему учебному году силы восстановятся и боли пройдут. Теперь, когда все ушло в прошлое, можно и Ф.И. рассказать: мне все-таки трудно много писем писать, тем более, что сейчас пошли хлопотливые дни...
>
> У Тани сегодня свидание с Люшером, инспектором высших учебных заведений во Франции и членом комиссии S.D.Nat. [Лиги Наций] по поддержке «умственных» работников, где председательствует Бергсон: может быть, он даст ей интересную работу. (16.01.1924).

> Я себя лучше чувствую. Был еще раз у Сироткина. Он снова осмотрел меня и пришел к заключению, что это спазматические сокращения. Прописал беладон, и, представьте, беладон оказал очень хорошее действие. Боли стали легче — так что я могу все-таки теперь немного больше работать. Правда — быстро устаю, но, надеюсь, и это пройдет. Выдерживаю, по-прежнему, строго режим — и так решил до лета выдерживать. Авось, после лета, опять силы вернутся. (18.02.1924).

В первом письме Шестов пишет о своих надеждах на встречу Тани с Люшером (Luchaire), где может решиться вопрос о ее работе. Таня летом 1923 г. окончила университет (Licence ès lettres), осенью изучила стенографию и машинопись и в это время искала место. Возможно, что после свидания Люшер дал Тане временную работу. Постоянное место он ей дал в октябре 1924 г., взяв ее секретаршей

(см. стр.312). В ноябре 1925 г. был основан Международный Институт Интеллектуального Сотрудничества (Institut International de Coopération Intellectuelle), директором которого был назначен Люшер. Он предоставил Тане интересную работу в Институте с самого его основания. Таня работала там пять лет (см. второй том).

О своей работе в начале 1924 года Шестов упоминает в письмах к Ловцким и Эйтингону:

> Спасибо вам за поздравления и пожелания. Хорошо будет, если твое, Герман, пожелание сбудется, и моя ближайшая статья выйдет удачной. Я уже начал писать предисловие к «Странств. по душам» — очень важно было бы, чтоб удалось, а удастся ли, не знаю. (Ловцким, 13.02.1924).

> Вы спрашиваете, над чем я работаю: написал вчерне все то же предисловие, о котором мы с Вами столько говорили уже. Но с тех пор, как у нас пошли болезни, пришлось работу прервать, т.к. я живу сейчас у сестры, книг у меня с собой нет и т.д. (Эйтингону, 11.03.1924).

В первом письме Шестов пишет о своей «ближайшей статье». Без сомнения, речь идет о работе «Неистовые речи. Об экстазах Плотина». В обоих письмах он говорит о предисловии к книге «Странствования по душам» (заглавие предисловия: «Наука и свободное исследование»). В архиве Шестова сохранилось три рукописи, относящиеся к этим работам (Мс. №32, №37, №40). Даты, поставленные на рукописях, позволили определить ход работы: «Неистовые речи» были написаны вчерне между 25 января и 4 апреля и переписаны набело в мае, а предисловие было написано вчерне сразу после «Неистовых речей» и переписано в декабре. Надо заметить, что о предисловии Шестов упоминает в нескольких письмах 1923 г., возможно, что оно было задумано раньше, чем «Неистовые речи», о которых, кроме как в письме от 13.02.1924, нигде не упоминается.

Статья «Неистовые речи» появилась только через два года в журнале «Версты» №1 ([июль] 1926, см. стр.332).

Нет сомнения, что, окончив статью, Шестов ее передал «Современным Запискам», что там она пролежала около полутора лет и что именно по поводу этой статьи у Шестова возникли нелады с «Современными Записками», о которых рассказывает М.Вишняк в книге «"Современные Записки". Воспоминания редактора»:

> На мое имя, как редактора, выполнявшего секретарские обязанности, пришло за подписью Шестова письмо от 26 января 26 г. — без обращенья, — в котором автор выражал крайнее возмущение, что его статья, вопреки обещанию, вторично отложена: «Вам, очевидно, уже давно хочется выжить [меня] из "Современных Записок". Так или иначе — хотя Вы хозяин, а я работник, — но ведь и в буржуазных государствах работники — свободные люди. И потому — больше сотрудничать в "Современных Записках" я не буду». Я был лично в наилучших отношениях со Львом Исааковичем. Но оставить «инвективу» без ответа я счел невозможным — ниже достоинства своего и «Современных Записок», и, не скрою, ответ мой вызвал сильные нарекания со стороны общих Шестову и мне знакомых. Впрочем, разрыв наших дипломатических отношений затянулся не надолго. Сотрудничество Шестова было прервано не больше, чем на три книги журнала. (Вишняк, стр.127).

Предисловие к книге «Странствования по душам» было опубликовано в парижской ежедневной газете «Последние Новости» 19 и 20 марта 1925 г. под заглавием «Наука и свободное исследование». Книга была составлена из работ Шестова, написанных в 1920-1924 годах, о которых говорилось выше. Ее содержание дано в письме Шестова к Ловцкому от 27 января 1926 г. (см. стр.321). Книгу тогда издать не удалось. Она вышла только через пять лет с добавлением работы «Что такое истина» под заглавием «На весах Иова. Странствования по душам» (см. том II).

В это время Жак Ривьер, директор журнала «НРФ», послал Шестову свою книгу «Etudes». Шестов ему пишет:

> Vous vous excusez dans l'avant-propos pour avoir réimprimé vos études jeunes. Mais à mon avis — et je crois que pour cette fois tout le monde sera de mon avis — les lecteurs vous doivent être tout autrement redevables pour cette réimpression. Peut-être vous avez raison, je suis même sûr que vous avez raison: on sent dans les études la jeunesse. Mais — tant mieux: le charme de jeunesse ne passe pas quoique jeunesse passe. D'autant de plus que dans ces études on sent déjà votre talent, fin et puissant et cette audace et ce courage de propre opinion, pour lesquelles vous differez des autres confrères. Déjà le choix des thèmes prouve que nous avons dans ce livre à faire à une personne qui veut non seulement écrire mais qui cherche et qui sait trouver. Vous n'avez pas eu peur d'écrire l'éloge d'André Gide pour lequel ses compatriotes dispensent, comme vous dites, leur admiration avec tant de parcimonie et regret. Vous parler de Claudel, de Moussorgski, qui eux aussi — n'étaient pas encore connus il y a 16 ans... Entre les musiciens vous avez élu César Frank et Débussy! Et cet amour pour la littérature et les arts que vous savez déjà avec tant d'ingéniosité communiquer à vos lecteurs! En somme un livre qui peut et doit être dans beaucoup de rapports un exemple pour les écrivains non seulement jeunes — mais aussi pour ceux qui terminent leur carrière. On lit et on relit votre livre avec énorme plaisir. (17.05.1924).

Ривьер скончался 14.02.1925, меньше чем через год после приведенного письма. Шестов написал о нем теплый некролог, который был напечатан в апреле 1925 г. в номере «НРФ», посвященном Ривьеру.

* * *

Весной 1924 г. Эйтингон опять приглашает Шестова погостить у него в Берлине. Анна Ел. и Шестов пишут ему из Парижа:

> Лев Исаакович все еще не может избавиться от своих болей, хотя они значительно легче; они мешают ему делать нужное напряжение, чтобы, как он выражается, увидеть

свет, подсмотреть в щелку. Раз, когда он занимался утром, у него был такой момент, что у него всегда вызывает большое общее напряжение нервов и волнение; но боли заставили остановиться, ие работать дальше. (От Анны Ел., 3.04.1924).

Одно время я чувствовал себя настолько плохо, что не решался ехать к Вам, боялся, что буду Вам слишком в тягость. Сейчас чувствую себя лучше и, в конце концов, решил, что авось мне хуже не станет и что можно ехать. Очень рад, что можно будет повидаться с Вами и Миррой Яковлевной, и очень Вам благодарен за Вашу готовность дать мне у себя приют. Пока больше не пишу — приеду, Бог даст, расскажу все наши несложные новости. (От Шестова, 18.05.1924).

У Эйтингонов Шестов прожил июнь и вернулся в Париж около 4 июля. Он заехал к Балаховским, так как Шестовы в это время оказались без квартиры. (Присмотрев лучшую квартиру, они отказались от старой, но новую не получили.) В июле их приютили Балаховские, а после каникул — Лурье; в октябре они нашли новую квартиру. В начале лета Анна Елеазаровна уехала работать в Шатель-Гюйон, где она уже работала в предыдущем году и где ей удалось наладить практику. До самой войны 1940 г. она ездила туда каждое лето на три-четыре месяца, и Шестов, начиная с 1924 г., к ней приезжал на летний отдых, как только он кончал дела в Париже. Шестовы очень полюбили этот уголок центральной Франции. По возвращении из Шателя в Париж Шестов пишет Эйтингону:

Таню застал еще — но на следующее утро она уехала на урок к Высоцким. От А.Е. бодрые письма: у нее есть работа — и она довольна... В Chatel поеду в среду, т.е. через два дня. У нас здесь проф. обед — нужно и мне принять участие. Зато потом опять 4 недели буду под наблюдением А.Е. «поправляться». Чувствую себя совсем недурно, дорога не утомила. Видно, берлинский санаториум сказывается. Все утверждают, что вид у меня

прекрасный. А я занимаю всех рассказами о берлинских чудесах «июньского сезона» и все слушают с разинутыми ртами. И ведь есть что рассказывать!.. Ремизова уже видел. Сидит в своей драгоценной квартире — без гроша. Пришлось ему фунты сейчас отдать. Он совершенно оборвался. Но все больше и больше завоевывает симпатии французов. По-видимому, Plon выпустит «В поле блакитном». С miss Harrison они переводят протопопа Аввакума. Серафима Павловна уже утверждена преподавательницей при Institut Slave (4000 фр. в год жалованья). Я думаю, что, хотя ближайшие месяцы и будет трудно, но все же, в конце концов, все устроится, насколько такой человек, как он, может устроиться. Всего Вам доброго. Лечитесь и Вы, Мирра Яковлевна, держите в прижим М.Е.: пусть уж он к сентябрю вернется совсем здоровым. Не забывайте и мне писать (в Chatel) — как Вы живете. Еще раз всего доброго и еще раз спасибо за сердечное отношение и за всю заботу, которой Вы меня окружили в Берлине. (6.07.1924).

9 июля Шестов поехал в Шатель. Анна Ел. оттуда пишет Эйтингону о здоровье Шестова:

Я нахожу, что он поправился у вас, хотя боли все продолжаются, никак нельзя от них отделаться. Он с удовольствием вспоминает, как жил у вас, это время было для него моральным отдыхом; также о блинах и варениках рассказывает с удовольствием, особенно после неудачного здешнего обеда. (17.07.1924).

18 июля Наташа успешно сдала последний экзамен для получения диплома инженера парижской Высшей Электротехнической школы. Шестов сообщил об этом событии Гершензону и другим русским друзьям. Гершензон его поздравляет с окончанием «родительского курса»:

И дочка — инженер, разве не хорошо? Все очень хорошо; вы с Анной Ел. кончили заданный вам урок и теперь можете дать себе больше свободы. Я сказал бы даже, что этот момент — вот день окончания курса вашей Наташи — торжественный момент: это и вы кончили курс, другой,

ваш родительский. И вас от души поздравляю. (Москва, 29.07.1924).

«Родительский курс» был нелегким — плата за учение была высокой. В школе в течение девяти месяцев Наташа была перегружена работой. Чтобы ей помочь, ее часто «освобождали» от домашних работ, которые падали на других членов семьи. Хотя у Наташи и были хорошие отметки, но полной уверенности, что она справится с работой, не было. Очень мешали болезни: Шестова (в октябре и ноябре), Наташи, Тани и Анны Ел. (в феврале и марте). Когда диплом был получен, вся семья вздохнула с облегчением.

* *
*

В 1924 году, как и в предыдущем, Шестов был приглашен в Понтиньи (декада «Муза и благодать», 8-18 августа 1924 г.). Он поехал туда из Шателя через Париж и потом вернулся в Шатель. Перед отъездом из Шателя он пишет Эйтингону:

Время бежит — уже не только июнь, а и июль прошел и на Ваше письмо, писанное в Франценсбаде, приходится отвечать в Баварию. Письмо Ваше очень порадовало и меня, и Анну Елеазаровну. Видно, лечение и отдых пошли Вам на пользу. Нужно надеяться, что после месячного пребывания в Баварии — Вы вернетесь в Берлин совсем обновленным. Очевидно, что «отдых необходим» — это одна из тех истин, которые все знают и все забывают, пока она так или иначе о себе сама не напомнит. Хорошо, что Вы вспомнили вовремя — и приняли меры, и что Мирра Яковлевна успела сделать, что нужно. Теперь остается и на будущее время не забывать. У нас тоже все благополучно. Здесь в Chatel'e чудесно. Мы живем почти в горах, наш дом — последний в городе, и за ним уже холмы, поля, леса, виноградники. Прогулок сколько угодно и одна лучше другой. Я исходил здесь уже все окрестности и за

один месяц, который я здесь провел, по-видимому, я очень окреп. Боли стали появляться реже, стали не такими назойливыми, я заметно прибавил в весе. Чувствую себя сильнее. Устроены мы хорошо — А.Е. в этом отношении мастерица и умеет подчинить себе даже пансионных хозяек*. Все данные за то, что ближайший год будет лучшим, чем предыдущий, тем более, что мои каникулы протянутся еще целых два месяца. Но уже и сейчас я начал немного работать. И опять потянуло меня к Плотину. По-моему, он в некотором отношении самый загадочный из всех когда-либо живших философов, по крайней мере из древних. Из новых ему можно противопоставить разве только Спинозу. И как когда-то со Спинозой, так теперь я не могу расстаться с Плотином, пока не «достранствую» до тех невидных глубин его внутренней истории, о которых в истории философии принято думать, что их не бывает. У него, как и у Спинозы, на поверхность выплывает как раз то, что для него имело меньше всего значения, а то, что для него было *το τιμιωτατον*, что он больше всего ценил и искал, об этом он говорит всегда мимоходом, как бы нехотя и к соблазну всех его изучающих, т.к. это находится в противоречии с тем, чему он сам всегда «учил» в своей школе. Конечно, и у других философов чувствуется такое противоречие. Но у Плотина это противоречие между системой, общим построением и отдельными признаниями особенно заметно и кажется мне особенно знаменательным. Каждый раз представляется, что все больше и больше постигаешь смысл этой двойственности и потому хочется еще и еще раз вернуться к нему и его писаниям. И ужасно досадно, что приходится, подчиняясь режиму (хотя и благодатному) отдавать Плотиновским загадкам часы — а все время заботам о лечении. Но, авось, зимой будет иначе. Послезавтра еду, через Париж в Pontigny, где пробуду 8-18 августа. На всякий случай сообщаю Вам свой тамошний адрес: Abbaye de Pontigny (Yonne).

* Пансион «Кремер». Шестовы жили в этом пансионе лето 1924 и лето 1925 года.

От Маркана уже больше месяца ничего не получаю. Вероятно, книга [«Dostoiewski und Nietzsche»] уже вышла. Может быть, Вы даже и получили уже экземпляр — я попросил его выслать Вам во Франценсбад. Получил уже и итальянскую корректуру — набрана первая половина «Т. и Н.». Нужно надеяться, что к осени появится и итальянский перевод*. (Шатель, 4.08.1925).

Вернувшись из Понтиньи в Шатель, Шестов снова пишет Эйтингону:

Таня еще на уроке, но получила уже от Luchaire предложение с 1-го октября начать у него работать. Наташа (я, кажется писал Вам, что она из 210 кончила десятой свою школу) еще пока отдыхает — верно, на днях приедет к нам: А.Е. нашла здесь для нее урок. Таковы наши дела. Как видите, жаловаться нельзя. Я даже понемногу работаю — хотя писать еще не решаюсь — только читаю и обдумываю. В Pontigny было много любопытного — но в письме этого не расскажешь. Уж подождем, когда увидеться придется. (1.09.1924).

Между прочим, когда я был в Pontigny, пришло письмо от Karl Einstein'a, в котором он мне сообщает, что он сейчас очень близок к издательству Kiepenteuer и что он предлагает мне у этого издателя выпустить одну из своих книг. В Pontigny было несколько немцев, между ними Max Scheeller и Curtius (с Шеллером я, между прочим, очень сошелся: он оказалось — в этом я убедился из беседы с ним — хорошо прочел «Т. и Д.»). Я спросил его о Kiepenteuer'e. Он сказал, что это один из лучших нем. издателей. Тогда я написал Marcan'y — ссылаясь на Шеллера. Но и это не помогло — Маркан до сих пор не дал своего согласия. Т.к. мне хочется быть оптимистом, то я стараюсь думать, что это к лучшему. И в самом деле, если только

* Не удалось определить, вышла ли в то время книга по-итальянски (см. также стр.214). В 1950 г. появилась книга «La filosofia della Tragedia» в издательстве «Эдиционы Шентифике Итальяне». Имя переводчика не указано.

в Германии условия изменятся, все вероятия, что и Маркан будет иметь больше возможности печатать и эту возможность использует. Сегодня получил письмо от Гершензона. Он до сих пор жил в санатории под Москвой, теперь едет в Г.(?), под Севастополем. Говорит, что за лето окреп. Я надеюсь, что в Крыму он еще больше окрепнет и что помощь пришла вовремя к нему. Живется им очень нелегко. Все уплотняют — существование постоянно отравлено борьбой за всевозможные мелочи. Вдобавок ко всему жена его руку сломала. Я даже не представляю себе, что с ними было бы, если бы его не поддержали. Мирра Яковлевна может рассчитывать, что на том свете ей много грехов простят за ее хлопоты! И вообще жизнь в России трудна — а для такого человека, как Гершензон, она ужасна. А В.Иванов — уже в Берлине. Очень жаль, что меня там нет: я бы его Вам показал — есть на что посмотреть. А Вы все-таки, Макс Ефимович, не очень уж погружайтесь в работу и не забывайте «режима». Берите пример с меня: я все отдыхаю и лечусь, лечусь и отдыхаю. Все время почти ничего не делал — только изредка в Вашего Diltey заглядывал и каждый раз мысленно благодарил Вас: его книги мне очень и очень полезны. Из Chatel поедем в Vichy. А.Е. могла бы уже уехать, т.к. работа у нее окончилась, но она не хочет меня бросить и пробудет со мной здесь до конца моего лечения, то есть до 20-22.9. (12.09. 1924).

Немецкий издатель Кипентейер, о котором пишет Шестов, его книг не издал. О своем пребывании в Понтиньи Шестов написал довольно кратко. Можно предположить, что, несмотря на несколько интересных встреч, ему там в этом году было не совсем по душе. Впоследствии он туда больше не ездил, вероятно, потому, что у него было чувство, что атмосфера этих собраний была неблагоприятна для высказывания его мыслей. Про Таню, которая с ним поехала, он пишет Фане из Понтиньи: «Таня, конечно, на седьмом небе». Она ездила туда еще несколько раз одна (1927 — см. стр.348; и, возможно, 1925, 1926, 1928).

Как указано в последнем письме, Шестовы поехали 22 сентября в Виши, где уже были Ловцкие. Они вместе остановились на вилле «Роше». Все четверо в Виши «отдыхали и лечились, лечились и отдыхали». Шестов пишет матери:

> Получили твое поздравление — спасибо. Поздравляем тебя тоже и с праздником и с новым годом. Бог даст, новый год принесет с собой и новую жизнь, люди забудут о вражде и войне, начнут думать о мире и устраивать мир: тогда всем станет легче... Таня и Наташа уже в Париже, живут пока у Сем. Вл. и приискивают для нас временное помещение. А мы тут — с Фаней и Германом. Фане необходимо полечиться и отдохнуть. И ей очень хорошо, что она здесь с Анной. Анна отлично знает Виши и даст ей полезные советы. Я себя тоже лучше чувствую и, надеюсь, после Виши (я здесь, как и в прошлом году, выдерживаю полный курс лечения) совсем оправлюсь. (2.10. 1924).

16 октября Шестовы поехали в Париж, а Ловцкие — в Берлин. Фаня прямо, чтобы возобновить занятия с Эйтингоном, а Герман через Висбаден, куда он заехал, чтобы перевезти Анну Григорьевну в Берлин. Она туда переехала в начале ноября. В Париже Шестов остановился у Лурье, пока Анна Ел. и Наташа устраивали новую квартиру (41 rue de l'Abbé Grégoire, Paris 6), которую им удалось найти. Шестов туда переехал 1 ноября. Он пишет Фане:

> Наконец я уже в своей квартире — до сегодняшнего дня жил у Сем. Вл., а А. и Наташа устраивали квартиру. Таня тоже жила со мной у С.В. — так как целый день она на службе и помогать не могла. Квартира превосходная — в общем лучше старой: гораздо просторнее и в хорошем месте. (1.11.1924).

В то время Таня уже служила, и Наташа, наконец, нашла место. Материальное положение Шестовых несколько улучшилось, но жалованья дочерей были небольшими, и Шестов

не был освобожден от житейских забот. Он пишет матери и Фане о своей жизни:

> Поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе здоровья, долголетия и радостных вестей от всех наших. Надеюсь, что этот год будет лучше предыдущих...
>
> У нас тоже, слава Богу, дела поправляются — с 15 декабря и Наташа служит: получает 800 фр. в месяц. Таня получает 700 и у Анны сейчас есть работа. Ей один известный врач, проф. Гужеро, начал посылать больных: уже прислал троих. Так что, Бог даст, и мы станем на ноги. (Матери, 22.12.1924).

> У нас все по-старому. Ты напрасно думаешь, что я очень волнуюсь по поводу того, что Анне, Тане и Наташе так много работать приходится. Конечно, веселого в этом ничего нет, но я покоряюсь необходимости. А. не может отказываться от массажей, т.к. и без того у нее бывает, что нет работы. Таня и Наташа тоже не могут уменьшить работу. Но у меня обычно недомогание связывается со своей работой: написал предисловие к «Странствованиям по душам» — и мне стало хуже. Если что-нибудь сделаю — опять хуже. И с этим приходится мириться, т.к. изменить условия невозможно. Но что делать? Не я первый, не я последний. Такие, как Достоевский, Бодлер и Спиноза и т.д. жили в трудных условиях. Нужно смириться, раз изменить нельзя, делать возможное в этих условиях. Огорчаюсь я больше за Маню, Люсю, Мишу — но и тут ничего не сделаешь. (Фане, 29.12.1924).

О том же он пишет сестре Лизе несколько месяцев спустя:

> Особенно плохо приходится молодежи — работают, чтобы пропитаться, питаются, чтобы работать. (20.07.1925).

* *
*

Как было указано, в немецком издательстве «Маркан» вышли по-немецки две книги Шестова: «Толстой и Нитше» в 1923 г. и «Достоевский и Нитше» в 1924 г. (см. стр.192).

Книги заинтересовали членов немецкого Нитшевского общества (Nietzsche-Gesellschaft). Член президиума д-р Фридрих Вюрцбах в письме от 31 декабря 1924 г. просит Шестова дать статью для подготовляемого первого выпуска ежегодника «Ариадне» («Ariadne: Jahrbuch der Nietzsche-Gesellschaft»). Шестов рассказывает Фане об этом письме:

> Я вчера получил очень милое письмо из Мюнхена — от Nietzsche-Gesellschaft. Они пишут, что мои книги заинтересовали немцев, что до меня никто еще не рассматривал Нитше в такой перспективе, и просят дать статью для организованного ими имени Нитше журнала. Я им, конечно, отвечаю благодарностью и готовностью сотрудничать. (3.01.1925).

> Спасибо за присланную рецензию. Любопытно, что из Nietzsche-Gesellschaft мне пишут почти то же и они утверждают, что никто еще не подходил так к Нитше. Боюсь только, что сперва-то они как будто и довольны, но потом, как во Франции случилось, рассердятся. (11.01. 1925).

Нет сомнения, что Фаня прислала Шестову рецензию Рейнольда Линдермана «Новая литература о Нитше», которая появилась в журнале «Граль». Линдерман пишет:

> Die ausländische Nietzsche-Literatur ist natürlich ein Kapitel für sich. Doch dürften zwei bedeutende russische Bücher, die durch ihre Zusammenstellung Nietzsches mit zwei grossen Russen des 19 Jahrhunderts in den eben behandelten Kreis von Nietzsche-Büchern hingehören, nicht unerwähnt bleiben. Es sind dies die beiden Werke von Leo Schestow "Tolstoi und Nietzsche" und "Dostojewski und Nietzsche", kürzlich (1923/24) in einer vorzüglichen Uebersetzung im Marcan-Verlag zu Köln erschienen und damit im weiteren Sinne der deutschen Nietzsche-Literatur zuzurechnen... Vielleicht konnte nur ein Russe Nietzsche derartig sehen, aber seine psychologischen Tiefblicke geben wertvolle Ergänzungen zu unserem deutschen Nietschebilde. ("Der Gral", Jan.1925).

Для ежегодника Шестов послал Вюрцбаху свою работу о Паскале. Вюрцбах также предложил Шестову войти в президиум (Vorstand) Нитшевского общества и стать соиздателем (Mitherausgeber) ежегодника. Вюрцбах объясняет Шестову:

> Bei Gründung der Nietzsche-Gesellschaft bestand die Absicht, jedes Land durch eine hierfür geeignete Persönlichkeit im Vorstand vertreten zu lassen. So ist bereits Oesterreich durch Hugo von Hofmannsthal und die Schweiz durch den Kunsthistoriker Heinrich Wölfflin vertreten und so schlug ich jetzt dem Vorstande vor, das geistige Russland durch Sie, sehr verehter Herr Professor, vertreten zu lassen. Wenn ich sage, das geistige Russland, so meine ich das Russland Dostojewskis, welches im Augenblick vielleicht nicht besteht, aber sich einmal gestalten wird. Die sämtlichen Vorstandsmitglieder gaben mir sofort ihre Zustimmung und so erlaube ich mir heute der Bitte heranzutreten, diese Vorstandsschaft gütigst annehmen zu wollen.
>
> In der festen Hoffnung, dass Sie dieses für die Entwicklung der Nietzscheschen Philosophie wichtige Ehrenamt annehmen werden, bitte ich mir höflichts mitteilen zu wollen, unter welchem Titel ich Sie in dem jetzt erscheinenden Bericht der Nietzsche-Gesellschaft anführen darf. (12.08.1925).

Шестов принял предложение. Работа о Паскале была опубликована под заглавием «Die Nacht zu Gethemane. Pascals Philosophie» в первом номере ежегодника, который вышел в 1925 г., вероятно, в августе. Перевод был сделан новым переводчиком Иваном Федоровичем Руофом (Hans Ruoff), который впоследствии блестяще перевел много работ Шестова. На стр.150 ежегодника дан состав президиума Нитшевского общества: Эрнст Бертрам, Гуго фон Гофмансталь, Томас Манн, Лев Шестов, Генрих Вельфлин, Фридрих Вюрцбах.Те же имена значатся как издатели ежегодника на заглавной странице. Тогда же Руоф перевел пять афоризмов Шестова, взятых из книги «Власть ключей». Они были опубликованы в июне 1925 в «Нейе Меркур».

В это время «Нитше-Гезельшафт» приняло к изданию по-немецки книгу Шестова «Власть ключей». В письме от 12 октября 1925 г. Вюрцбах сообщает Шестову, что Руоф уже перевел треть книги. Она появилась в Мюнхене в конце марта или начале апреля 1926 г. под заглавием «Potestas Clavium oder die Schlüsselgewalt» в издательстве «Нитше-Гезельшафт». «Thomas Mann liest gerade mit grösstem Interesse Ihr Buch, — пишет Вюрцбах Шестову 1 апреля 1926 г. — und sprach kürzlich mit mir darüber. Ich hoffe, dass er ebenfalls eine Besprehung darüber machen wird». Две вышеуказанные работы Шестова были изданы в столь короткий срок, несомненно, благодаря Вюрцбаху, который был руководителем (Geschäftsführer) издательства «Нитше-Гезельшафт». Других работ Шестова это издательство не выпустило, очевидно, потому, что прекратило свою деятельность. Однако связь с Нитшевским обществом и Вюрцбахом не прервалась. Шестов не раз с ним встречался и познакомил его с Эйтингоном, и Вюрцбах приглашал Шестова читать доклады в Обществе (см. второй том).

Вероятно, в этом время Шестов стал членом Кантовского общества. В начале 1925 г. он вел переговоры с журналом «Кант-Штудиен», во главе которого стояли Пауль Менцер и Артур Либерт. О своих делах с этим журналом Шестов пишет Фане и Герману:

> Пока — маленькое дело. Представьте себе, что, против всякого ожидания, я уже получил ответ из Kant-Studien*. Оказалось, что статья о Спинозе понравилась Pr. Menzer'y, но т.к. она была уже напечатана по-французски, то Kant-Studien ее печатать не могут, хотя Menzer о ней «ausert sich anerkennend daruber». Они просят нигде не напечатанную статью, и я хочу им предложить статью о Плотине [«Неистовые речи»]. Но как быть с переводом? (30.04.1925).

*Письмо А.Либерта Шестову от 24 апреля 1925 г.

> Очень хорошо, что Вальтер обещает перевести мою статью. Нужно только, во избежание недоразумений, выяснить условия. В случае, если Kant-Studien примет — он получает половину гонорара — если же не примет, я думаю, что все-таки придется ему кое-что заплатить, хотя по 25 марок за лист.
>
> Теперь вот что: я хочу кой-что в статье переменить. Прежде всего — заглавие и эпиграф. Хочу эпиграфом взять стих из книги Иова (VI, 2.3): "Wenn man doch meinen Ummut woge, und mein Leiden dazu auf die Wage legte! Denn nun ist es schwerer denn Sand am Meer; darum gehen meine Worte irre". И озаглавить «Die irre gehenden Worte» («Неистовые речи»). (6.05.1925).

> Получил твое, Герман, письмо на имя Liebert'a. Пожалуй, я глупо сделал с заглавием — напугал их. Можно — либо прибавить подзаголовок: «Об экстазах Плотина», либо вообще назвать статью «Об экстазах Плотина». Боюсь только, что Menzer и читать не станет, заглавие оттолкнет...
>
> Очень хорошо, что Liebert даст тебе возможность написать для Kant-Studien рецензии. Из-за этого стоило начать с ним разговоры. (24.05.1925).

Статья «Неистовые речи» была переведена Вальтером, но «Кант-Штудиен» ее не напечатал. Очевидно, она их «напугала». Журнал опубликовал в №2/3 за 1926 г. две рецензии Ловцкого о книгах Шестова, изданных по-немецки Марканом. Перевод статьи Шестов передал С.Франку, в то время профессору в Русском Научном Институте в Берлине, для немецкого сборника «Русские философы», который тот подготовлял к печати, но который ему, вероятно, не удалось опубликовать.

В это время Маркан принял еще одну книгу Шестова «Апофеоз беспочвенности», переведенную на немецкий Вальтером. Маркан обещал начать ее печатать в июне или июле 1925 г., но издания не осуществил, ссылаясь на застой в делах. Отрывок из книги «Апофеоз бес-

почвенности» был опубликован в декабре 1925 г. в журнале «Нейе Рундшау», который издавал тогда С.Фишер (S.Fischer). Вступительную заметку к статье написал редактор журнала Рудольф Кайзер. Шестов пишет Ловцким:

> Вы, верно, знаете, что в декабрьской книге Neue Rundschau появились мои афоризмы из «А.б.». Всего, правда, 4 страницы. Но заплатили мне за них 70 марок. И, главное, я получил письмо от Kayser'a, в котором он просит меня быть постоянным и близким сотрудником журнала и неотлагательно дать ему еще одну статью. Затем, от имени Fischer'a просит начать переговоры об издании моих книг, т.к. на Fischer'a эти 4 страницы из «А.б.» произвели очень большое впечатление. (13.12.1925).

> Между прочим, как я уже вам писал, я получил от Kayser'a предложение войти в круг ближайших сотрудников Neue Rundschau, дать в возможно близком будущем статью для Neue Rundschau и книгу для Fischer-Verlag'a.Я ему предложил для Neue Rundschau — статью о Чехове, а для Fischer'a — «Ап. бесп.». Сегодня получил ответ — он отклоняет и то, и другое: Чеховым в Германии, будто бы, не интересуются, а книга афоризмов не годится для начала. Вышло, что начал за здравие, а кончил за упокой. Отвечу ему, но, боюсь, что ничего из этого не выйдет. (21(?).12.1925).

Насколько нам известно, книга «Апофеоз беспочвенности» по-немецки не появилась. Рукопись перевода не сохранилась. Несколько отрывков, кроме вышеуказанного, были опубликованы в журналах «Эуропеише Ревю» (сент.1926 и авг. 1927), «Индивидуалитет» (№5/6, 1927) и, вероятно, «Квершнитт» (1926). В скором времени Кайзер возобновил переговоры с Шестовым об издании его работ. Шестов пишет Ловцким:

> Я получил от Kayser'a письмо. Он не уехал из Берлина и, видно, уехать не собирается. Он уже прочел мое предисловие к «Стр. по душам». Оно ему понравилось и он хочет его напечатать, но, т.к. в ближайшнх номерах Neue Rundschau мало места, то он просит его сократить.

Я бы ничего не имел [против], но я уверен, что сокращения ослабят статью, а статья ведь необычайно ответственная. Поэтому я ему написал, что, по-моему, лучше подождать.

Затем он спрашивает меня, не подойдут ли для Fischer'а «Стр. по душам»*, и просит, чтобы я ему об этой книге рассказал. Я ему в общих чертах рассказал и прибавил в конце, что попрошу тебя, Герман, сходить к нему, чтобы ему рассказать подробнее. Созвонись с ним и сходи, пожалуйста. Книга состоит из предисловия и трех частей. Часть первая: «Откровения смерти» — a) преодоление самоочевидностей, b) на страшном суде. Часть вторая: «Дерзновения и покорности» — написана в форме афоризмов. Часть третья: «Философия истории» — 1) Сыновья и пасынки времени, 2) Гефсиманская ночь, 3) о Плотине. Вся книга — 400 страниц. Дальнейшие подробности расскажешь уже сам...

Скажи ему... что о Спинозе это не историческое отступление (?) — а мой, особенный (тебе легче ему сказать, чем мне) метод, который у меня заменяет диалектику и только один и может привести к свободному исследованию. (27.01.1926).

И на этот раз переговоры ни к чему не привели. Всё же отвергнутые работы были опубликованы по-немецки. Книга вышла в 1929 г. в изд. «Ламберт-Шнейдер» под заглавием «Auf Hiobs Waage» (см. второй том), а предисловие появилось в третьем номере 1926 г. трехмесячника «Креатур», одним из редакторов которого был Мартин Бубер (Buber), с которым Шестов познакомился через некоторое время (30 апреля 1928 г., см. второй том).

Осенью 1926 г. Кайзер опять просит Шестова, чтобы он ему дал что-нибудь для его журнала, а в декабре публикует сочувственную рецензию о книге «Potestas clavium oder die Schlüsselgewalt». Шестов пишет Фане о просьбе Кайзера:

* Впоследствии Шестов назвал книгу «На весах Иова», поставив название «Странствования по душам» как подзаголовок в русском издании.

Он хочет, чтобы было коротко и не слишком философское. Я ему хочу предложить из V-го тома («Начала и концы») отрывок под названием «Лебединая песня»... Я напишу Kayser'у, чтобы он прислал к тебе свою переводчицу за книгой. [3(?).11.1926].

Переводчица Кэте Розенберг, вероятно, вскоре перевела указанную в письме статью, но вышла она в «Нейе Рундшау» только в марте 1928 г., и то с сокращениями, чем Шестов был сильно возмущен. После этой неудачной публикации Шестов с Кайзером на некоторое время разошелся, но потом помирился. В конце мая 1929 г. вышла книга Шестова «Auf Hiob's Waage», и Кайзер, на этот раз без промедления, написал на нее сочувственную рецензию, которая была опубликована в «Нейе Рундшау» в июле 1929 г. В октябре 1930 г. в этом же издании появилась часть афоризмов, опубликованных в «Числах» №1 (см. второй том), и через два года (апрель 1932) часть афоризмов, опубликованных в «Современных Записках» №43 (см. второй том). Как видно, предложение Кайзера о «близком сотрудничестве» с «Нейе Рундшау», сделанное в 1925 г., не осуществилось.

В это время были переведены на немецкий, но не опубликованы, еще две книги Шестова: «Шекспир и его критик Брандес» (T.I) и «Начала и концы» (T.V). Неполные рукописи этих переводов находятся в архиве Шестова.

Всеной 1925 г. сестра Шестова Елизавета (Лиза) и ее муж Лев Евсеевич Мандельберг поселились в Палестине (вероятно, в Тель-Авиве). Шестов пишет им:

Получил ваши письма. Слава Богу, что вы, хотя н с трудом и медленно, но как будто устраиваетесь. Может быть, чего-нибудь добьетесь! Во всяком случае — много значит, что морально вы себя хорошо чувствуете. Не знаю только, как дальше будет — сдержит ли Англия свои обещания. Здесь об этом разно думают, и нам очень трудно судить, какое мнение ближе к истине. Конечно, после

советского режима вы вздохнули свободнее. Все то, что ты, Лев, пишешь, мне хорошо памятно. И я с трудом себе представляю, как живут люди в Советской России, даже те, которые, как Бах например, материально очень хорошо устроены. Мне кажется, что, если бы я не уехал, меня бы давно уже на свете не было...

Жаль, что я по-еврейски не знаю. Может быть, если бы знал, меня бы в Палестинский университет тоже пригласили. Правда — не люблю я читать лекции — не мое это дело. Но все-таки, если бы я знал по-еврейскн, и меня пригласили бы хоть на один семестр, я бы с большой радостью поехал посмотреть, что такое происходит в Палестине. Правда, могло случиться, что я знал бы еврейский и все-таки меня не позвали бы. Стоящие во главе сионистского и еврейского вообще движения не очень разбираются в культурной работе, в особенности далека им философия. Но все же была бы надежда...

Пишите и вы подробно обо всем и о своем житье-бытье и о жизни в Палестине вообще. Нас все это очень интересует. (27.08.1925).

В ответ на это письмо Лиза и Лев написали Шестову, что они берутся организовать для него поездку в Палестину. Шестов в восторге. Он пишет Фане и Мандельбергам:

Сегодня получил письмо от Льва и Лизы. Они предлагают мне приехать к ним на 2 месяца, прочесть курс. Говорят, что слушатели будут платнть и все расходы по путешествию покроются. Сейчас — наиболее благоприятное время для морского путешествия. И в Палестине сейчас жара уже идет к концу н наступает лучшее время года. Я, конечно, в восторге от этого и, как только они действительно устроют так, чтобы мне прислали билет взад и вперед н визу, немедленно поеду. Я все завидовал, что С.Вл. удалось сделать такое путешествие — может, Бог даст, и мне приведется. (Фане, 22.09.1925).

Только что получил ваши письма. Когда я вам писал о поездке в Палестнну — это была чистая лирика или по-русски, бессмысленное мечтание. И вдруг оказывается,

что мечтание может превратиться в действительность! Нечего и говорить, что я, если устроится дело, буду в восторге. Для меня тоже первая половина зимы — т.е. до нового года, самое подходящее время. Я начинаю обыкновенно читать в конце ноября, но можно устроить так, что я начну после Рождества, т.е. с 7-го января. За это время я мог бы съездить, прочесть курс и вернуться. Я бы выехал сейчас же, как только получил визу и деньги. Подчеркиваю, деньги, т.к. увы! мои обстоятельства таковы, что я могу поехать только в том случае, когда расходы по путешествию будут оплачены...

Курс я предложил бы такой, в котором соединится и философия и литература. Я бы назвал его «влияние Библии на русскую и европейскую философскую мысль». Из русских я коснулся бы подробно — Чехова, Толстого и Достоевского. Из европейских мыслителей — Декарта, Спинозы, Паскаля и Нитше. Все это в связи с древней и средневековой философией. Я начал бы, как с подготовительного (после вступительной лекции) с Чехова, потом коснулся бы этической проблемы у Толстого и Нитше и т.д. — приблизительно в том же плане, в каком писались мои книги. (Мандельбергам, 22.09.1925).

Трудно вам сказать, как я радуюсь возможности побывать в Палестине и как я благодарен вам за ваши хлопоты. Мне даже начинает казаться, что мое путешествие может иметь более серьезное значение, чем мне представлялось раньше. Но об этом пока говорнть преждевременно — об этом потолкуем, когда приеду к вам. Поблагодарите от меня и Бялика за его готовность помочь мне. Мне давно хотелось с ним встретиться н познакомиться, но все не удавалось. Я думаю, что нам с ним будет о чем побеседовать...

Кончаю, т.к. во-первых, надеюсь, что скоро увидимся, а во-вторых, я так волнуюсь (радостно) по поводу возможной поездки, что не могу ни письмо писать, ни вообще что-нибудь делать. У меня сейчас срочная работа, но ничего в голову не идет: в голове Палестина. Еще раз благодарю вас за заботы. Не забудьте и Бялику

передать от меня принвет и благодарность. Анна шлет вам свой привет. Она в восторге тоже от того, что мои мечты начинают сбываться, и тоже благодарит вас. Дети сейчас на службе, и они тоже радуются за меня. (Мандельбергам, 8.10.1925).

Оказалось, что поездку не так легко было организовать, как думали Мандельберги, и пришлось ее отложить. Шестов им пишет:

Неделю тому назад я писал вам, что уже теперь я ехать не могу в Палестину, т.к. до первого января осталось слишком мало времени, а теперь почти одновременно получилось и ваше заказное письмо с бумагой на удеш. проезд и телеграмма. Мне остается только повторить то, что писал: т.е. что, еслн бы я и успел к 1-му декабря выехать, то, т.к. 1-го января мне необходимо быть обратно, то в моем распоряжении было бы всего 3 недели. В Сорбонне же я должен вести курс либо с 15 ноября (я уже начал его) и до Пасхи, либо с начала января — до конца июня. И то это уже большая льгота. Собственно говоря, нужно читать от 15-го ноября до конца июня. На большую льготу я рассчитывать не могу, как я и писал уже с самого начала наших переговоров. Значит — нужно поездку отложнть: либо до Пасхи, если на Пасху удобно приехать, лнбо — до следующей осени. Может быть, это н к лучшему. Может быть, к тому времени удастся как-нибудь организовать лекции без того, чтобы пришлось рисковать, как ты пишешь. Ибо риск для меня слишком велик. Даже если будет льготный билет, поездка обойдется не меньше, чем в 60 фунтов — а может выйдет и дороже. Это — 7,800 фр. — сумма огромная. А мне сейчас, как я писал тебе, и без того очень трудно и я не знаю, как сведу концы с концами, т.к. предстоящая перемена квартиры обойдется мне очень дорого. Теперь, когда есть достаточно времени впереди, нужно постараться на этом основании. И без того, чтобы существовать, приходится 2/3 своего времени тратить на заботы о добывании денег. Если бы еще войти в долги — тогда

совсем придется бросить свои занятия. Конечно, очень хочется съездить в Палестину — но это такая дорогая поездка, которую можно предпринять только в том случае, если она будет оплачена. Об этом мы еще, впрочем, успеем списаться. (21.11.1925).

Несмотря на старания Льва и Лизы, поездка не состоялась ни на Пасху, ни следующей осенью. Лишь через одиннадцать лет, в 1936 г. Шестову удалось осуществить свою мечту — поехать в Палестину (см. второй том).

В начале 1925 г. Шестов написал и опубликовал некролог Гершензона и некролог Жака Ривьера. В феврале того же года он начал рабочую тетрадь (Мс. №53 архива Шестова), куда заносил выписки и наброски (см. второй том). Других работ в 1925 г. Шестов не написал.

* *
*

Как всегда, Шестов окончил свой курс в Сорбонне перед Пасхой. Сразу после окончания он поехал на несколько недель в Берлин (5 апреля), где остановился у Эйтингона. В Берлине Шестов, конечно, встречался со своими немецкими корреспондентами и издателями, но сведений об этом не сохранилось. Виделся с Ловцкими и матерью и вместе с ними встречал Пасху. Чтобы окупить расходы по поездке, он прочитал две лекции: «Наука и Библия» (23 апреля на открытом собрании русской Религиозно-философской академии) и «Исторический жребий Спинозы» (в Союзе русских евреев).

В устройстве лекций и переговорах с немецкими издателями ему, как всегда, самоотверженно помогали Ловцкие. По приезде в Париж он пишет им: «Большое вам спасибо за все, что вы для меня в Берлине сделали. Пришлось вам для меня побегать, ужасно совестно». (30.04.1925).

4 июля 1925 г. Шестов прочел доклад «Творчество из ничего (Антон Чехов)» на литературном вечере, организованном в Париже Союзом Молодых Писателей.

Как и в предыдущем году, лето 1925 г. Шестов провел в Шатель-Гюйоне. Там он получил письмо от Димитрия Алексеевича Шаховского (ныне Архиеп. Иоанн) с просьбой дать статью для нового журнала «Благонамеренный», основанного Шаховским. Вышло всего два номера журнала, в январе и апреле 1926 г. Шестов пишет Шаховскому:

> Как мне ни грустно это — но, по-видимому, в близком, по крайней мере, будущем, мне не суждено сотрудничать у Вас. Вы хотите непременно статью о русском писателе — и Вы, конечно, правы: у Вашего журнала свои задания, которые Вы стараетесь возможно полнее осуществнть. А я сейчас работаю в другой областн и вырваться, вернее вырвать время для работы, которая бы подошла Вам, ннкак нельзя. Вы знаете, что при условиях нашего эмнгрантского существования — две трети дня уходят на внешние дела и заботы. Оставшихся немногих часов не хватает и в малой степени на то, чтоб выполнить хоть отчасти имеющиеся замыслы. Где уж там думать о статьях ad hoc! Еще раз скажу — очень жаль мне, что не мог быть полезен Вам. Вашему журналу я вполне сочувствую — но, что делать: не дано нам...
>
> Может быть, Вам пригодится мой совет?! Хотя Ваш журнал — чисто литературный, но все-таки, я думаю, под литературой Вы разумеете не только нзящную словесность. Русская литература — всегда интересовалась фнлософскими проблемами. За последние годы философия из Россни была нзгнана — но за границей, в изгнании она продолжала свою работу. Бердяев, Ильин, Федотов, Лосский, Карсавин и др. все выпускали труды, большей частью на религиозно-фил. тему. По-моему, если бы Ваш журнал дал в одном или двух номерах обозрение того, что сделали в последние годы русские фнлософы — чтобы опыт содействовал его задачам. Я могу Вам, если хотите, рекомендовать и человека, который возьмется за такую за-

> дачу. Это сотрудн. «Сов.З.» — Г.Л.Ловцкий. Его адрес: Berlin-Wilmersdorf, Nassauischerst 2. Если эта мысль представляется Вам удачной — напишите ему. (6.09.1925).

Приведенное письмо опубликовано в книге Архиепископа Иоанна Шаховского «Биография юности».

«Две трети дня уходят на внешние дела и заботы», — пишет Шестов Шаховскому. Теперь, как и раньше, Шестов страдает оттого, что так мало времени и сил остается для настоящей работы. И в письмах его к Ловцким и Эйтингону, главным образом, говорится о внешних делах, и это, конечно, отразилось в настоящей книге, основанной в большей части на этих письмах. Много, порой слишком много говорится в ней о житейских делах и мало о самом главном для Шестова.

* * *

В октябре 1925 г., наконец, вышла по-французски в издательстве «Сьекль» (серия «Collection de philosophie intellectualiste») книга «Толстой и Нитше». На нее обратили меньше внимания, чем на книги Шестова, вышедшие по-французски в 1923 г.

Осенью 1925 г. выяснилось, что Шестовы не могут оставаться на квартире, в которой они жили (41 rue de l'Abbé Grégoire), и надо было думать о новом устройстве. Найти квартиру в Париже было чрезвычайно трудно, и Шестовы с радостью приняли предложение Балаховских поселиться у них. У Балаховских была большая квартира в восемь комнат (1 rue de l'Alboni, Paris 16), где они жили с детьми и их семьями. К тому времени их дочь Женя с детьми уехала в Америку, а сын Сережа в Москву (декабрь 1925), куда годом раньше уехала к своим родителям его жена Ира. С родителями остались только сын Жорж и его жена Надя. Освободилось три комнаты, которые Балаховские уступили Шестовым. Соня пишет Фане:

> Леля поселяется с нами. Справлюсь ли я с хозяйством? Хватило бы только сил. Большое для меня утешение — это мысль, что о нем будет, если я сумею, большая забота и что, когда А. [Анна] уезжает в мае, он не останется один. Бедный мой Лелечка! Из-за него всегда душа болит. Дал бы мне только Бог силы и разум сделать для него то, что ему нужно. (13.12.1925).

Шестовы переехали к Балаховским в первые дни января 1926 г. и остались у них до весны 1929 г. Шестов пишет матери:

> Мы живем у Сони и понемногу устраиваемся. Кажется, и ей, и нам будет хорошо вместе жить. Соня нам отдала три сообщающиеся между собой комнаты: большую, среднюю и маленькую. В большой помещаются Таня и Наташа, в средней — я, а в маленькой Анна. Комнаты хорошие, теплые и светлые, — все выходят на юг и все с балконами. До сих пор у нас такого помещения в Париже не было. Хозяйство у нас общее — это и приятнее, н удобнее и веселее. Анна всячески старается внушить Соне гигиеническне свои идеи — посмотрим, удастся лн ей это. Соне важнее всего было бы побольше выходить на прогулки. Но она этого не любнт. А между тем поблнзости от нашей квартиры, прямо в двух шагах — превосходные прогулкн. Я каждый день два раза — утром и днем выхожу гулять н чувствую, что это очень полезно. А Соня много раз и два дня подряд, даже в хорошую погоду не выходит. А прогулки полезнее всяких лекарств. [Матери, 8(?).01.1926].

К этому времени у Шестова уже создался широкий круг знакомств среди русских, французских и немецких литераторов и философов, с которыми он охотно встречался. После переезда к Балаховским эти встречи участились, отчасти потому, что Шестов мог располагать просторными передними комнатами новой квартиры, что позволяло время от времени устраивать многолюдные приемы, на которых собирались виднейшие представители литературы и

философии. Шестовы прожили у Балаховских 1926, 1927, 1928 и начало 1929 г. Эти три года можно считать самым интересным периодом жизни Шестова в эмиграции, хотя и тогда, как и в предыдущие и последующие годы, его очень тяготили хлопоты, связанные с изданием книг, и другие житейские заботы.

Уже в конце января 1926 г. (22-го или 24-го) Шестов устроил два приема — первый по случаю приезда в Париж Макса Шелера, второй — в честь Томаса Манна. О первом приеме он пишет Фондану:

> Demain (jeudi, le 22) il y aura chez moi une petite réunion de philosophes russes et philosophes allemands — Max Scheler sera aussi présent. On parlera allemand — M.S. ne comprend pas le français — mais, je sais que vous comprenez l'allemand. Or, si vous êtes libre — venez aussi à 8.30 le soir, vous serez le bienvenu. (21.01.1926).

О втором приеме Томас Манн рассказывает в своей книге «Pariser Rechenschaft» (стр.73-76), в которой он описал поездку в Париж в январе 1926 г., куда его пригласила французская секция Фонда Карнеги. Подробно Манн рассказывает только о Шестове и его семье и о своем знакомстве с Буниным, с которым он уже раньше переписывался. С кем еще он встретился у Шестова, где собралось много гостей, — он не говорит. 26 января Шестов был на банкете, устроенном в честь Томаса Манна в Cercle Littéraire International (парижское отделение ПЕН-Клуба). (Pariser Rechenschaft, стр.94).

* * *

13 февраля 1926 г. (по нов. стилю) Шестову исполнилось шестьдесят лет. По этому случаю появилось несколько статей в газетах (две статьи С.Лурье, статьи Г.Ловцкого, С.Познера, А.Ремизова, П.Рысс). Шестов пишет Мандельбергам:

Спасибо большое, что вспомнили о дне рождения. Здесь газеты (из энциклопедического словаря) узнали, что в этом году мне 60 лет исполнилось, пропечатали, и теперь у меня новое занятие: отвечать на поздравительные письма. (23.02.1926).

В мае Шестов познакомился с Германом Кейзерлингом. Он пишет Ловцким и Эйтингону:

Вчера был у меня гр.Кейзерлинг (он приехал сюда читать доклад). Представь себе, он даже не подозревал, что есть мои книги в нем. переводе. Он только в прошлом году, когда был в Италии, узнал от итальянцев обо мне — ему в Риме «Révélations de la mort» дали. Если Кейзерлинг ничего не слышал — то другие и подавно. А ведь Кейзерлинг очень заинтересовался мною (когда он приехал в Париж, то первым делом потребовал, чтобы ему устроили свидание со мной и всяких мне комплиментов наговорил) — он ничего не знал о моих немецких переводах! Я, конечно, дал ему «Potestas clavium» и Паскаля. (Ловцким, 10.05.1926).

У меня теперь началась переписка с гр.Кейзерлингом. Мы здесь, в Париже, с ним познакомились, и он предлагает мне приехать в Darmstadt, прочесть лекцию (по-немецки), с тем, что школа мудрости оплатит расходы. Лекции мне читать — не большая охота, но в Германию поехал бы с радостью. От Дармштадта и в Берлин уже недалеко. (Эйтингону, 3.07.1926).

В архиве Шестова сохранилось несколько писем Кейзерлинга того времени. Тема лекции, предложенной Шестовым для «школы мудрости» (Schule der Weischeit), которую Кейзерлинг основал в Дармштадте, не подошла, и Шестов туда не поехал. В 1930 и 1931 гг. Кейзерлинг вновь переписывался с Шестовым по поводу выступления Кейзерлинга в Париже.

* *
*

В начале июля 1926 г. в Париже начал выходить новый журнал «Версты». На обложке значится: «Под редакцией кн.Д.П.Святополк-Мирского, П.П.Сувчинского, С.Я.Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова». Фактически «Версты» оказались не журналом, а ежегодником. Всего вышло три номера, между 1926 и 1928 гг. Из редакции ближе всех к Шестову стоял Дмитрий Святополк-Мирский. Он был в это время лектором русской литературы в Лондонском университете и сотрудником передовых французских и английских литературных журналов. В 1926 г. он выпустил на английском языке книгу «Современная русская литература. 1881-1925», которая впоследствии послужила второй частью однотомника «История русской литературы». Три страницы этой работы посвящены Шестову. Мирский жил в Лондоне, но часто бывал в Париже, где он навещал Шестова. «Ближайшее участие» Шестова в «Верстах», вероятно, ограничилось тем, что он дал для первого номера журнала статью «Неистовые речи. По поводу экстазов Плотина» (см. стр.305). В то время, когда журнал создавался, Ремизов иногда рассказывал Шестову о ходе дела:

Журнал будет называться ОРДА. (24.01.1926).

В понедельник на конспиративном заседании окончательно решено. Денег достали. Идут и дальнейшие действия подобные. Готовь рукопись. (9.02.1926).

Поздно вечером нагрянула орда. Я предложил по случаю твоего юбилея назвать журнал ШЕСТОВ. Нет, народ еще робок, ни «Орды», ни «Шестова» не допускают. Называй, говорят, ВЕРСТЫ. ПОЛОСАТЫЕ ВЕРСТЫ. (22.02.1926).

* * *

О своем знакомстве с Люсьеном Леви-Брюлем, директором «Ревю Философик» («Revue Philosophique de la France et de l'étranger»), Шестов рассказал Фондану:

Когда я приехал во Францию, русских принимали очень хорошо (коммунисты не были в моде), нас чествовали и т.д. Я был на приеме у Буайе, меня представляли разным людям, представили также Леви-Брюлю. Он тотчас сказал:

— Я читал ваши две книги, переведенные на французский язык*. Нельзя лучше выразить то, что вы хотели сказать, чем так, как вы это сделали.

И немного погодя:

— Но не думайте, что вы меня убедили.

И затем:

— Чему это может послужить?

Я указал правой рукой на небо.

Я думал, что после этого он не захочет, чтобы я сотрудничал в его журнале. (Фондан, стр. 147).

Все же весной 1925 г. Шестов попросил Готье узнать у Леви-Брюля, не примет ли он в свой журнал его статью «Memento mori. По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля» (см. стр.148), в которой Шестов критикует феноменологию Гуссерля. Готье пишет Шестову:

J'ai parlé à M.Lévy-Bruhl de votre étude sur Husserl. Il paraissait assez disposé à la publier. Il y aurait lieu de s'entendre avec lui au sujet de la traduction et vous savez qu'il reçoit le lundi à 11 heures à la Revue Philosophique. Il vous connait déjà et aura certainement plaisir à vous voir. [Май (?) 1925].

В понедельник, вероятно, 8 июня, Шестов пошел к Леви-Брюлю говорить о своей статье. Леви-Брюль ее принял. Шестов рассказывает Фондану:

Когда я ему [Леви-Брюлю] рассказал содержание моей статьи о Гуссерле, он несколько ужаснулся; но тотчас же успокоился, когда я ему сказал, что эта статья была напечатана в русском философском журнале, который за-

* Речь идет о книгах Шестова «Les Révélations de la mort» и «La Nuit de Gethsémani», опубликованных в Париже в марте и июне 1923 г. (см. стр.234, 253).

висел от Московского университета [«Вопросы философии и психологии», сент./дек. 1917]. (Фондан, стр.148).

Начиная с этой работы, Леви-Брюль постоянно печатал в «Ревю Философик» крупные работы Шестова. Шлецер в интервью, данном им для журнала «Ар-Луазир» в 1967 г., вспоминает: «Леви-Брюль открывает перед ним двери "Ревю Философик". Вероятно, рационалист Леви-Брюль был совершенным антиподом Шестова, но считал исключительно интересным его вклад. Вот так-то в 1925 г. в статье "Memento Mori"... Шестов познакомил Францию с феноменологией Гуссерля». Фондан рассказывает, что однажды Леви-Брюль сказал Беспаловой: «Я совершенно не согласен с Шестовым, но это талантливый человек, и он имеет право высказывать свои мысли». Говоря об этом с Фонданом, Шестов заметил: «Это было прекрасно с его стороны. Такой образ мыслей начинает исчезать на этом свете» (Фондан, стр.33). Записи Фондана создают впечатление, что мысли Шестова были совершенно чужды Леви-Брюлю, да и сам Леви-Брюль говорит в письме от 28 января 1936 г.: «Я далек от позиций Шестова» (см. второй том), но тотчас же прибавляет смягчающую фразу: «...но я им восхищаюсь и симпатия моя к нему огромна»; однако, читая письмо, написанное Леви-Брюлем Шестову 14 июля 1932 г. (см. второй том), и письма Шестова к Ловцким и Лазареву, в которых он описывает свои встречи с Леви-Брюлем (письма от 30.06.1925, 14.09.1925, 27(?).01.1930 — во втором томе), убеждаешься, что они были ближе друг к другу, чем можно предположить при чтении записей Фондана.

По поводу публикации в «Ревю Философик» статьи о Гуссерле Шестов пишет Ловцким из Парижа и Лазареву из Шатель-Гюйона:

Я здесь проживу еще дней 10. Задержался я потому, что совершенно неожиданно Lévy-Bruhl принял у меня для

Revue Philosophique статью о Гуссерле. И даже согласился — в виде исключения — заплатить 10 франков за страницу (они платят всего 5 франков), чтоб я мог возместить все расходы по переводу. И был необычайно любезен: и в разговоре, и в присланном письме очень настойчиво подчеркивал, что хочет моего сотрудничества. Теперь Шлецер ее переводит — а я просматриваю. И т.к. статья очень большая, то раньше 10-го июля мы едва ли закончим работу, а 11-го я поеду в Châtel. (Ловцким, 30.06.1925).

У меня, конечно, тоже всяческое есть — и дурное и хорошее. Не стоит только в письме обо всем этом говорить. Особенно о дурном, которое всегда сводится к тому, что прибавляет озабоченности и мешает работать. Обидно это очень, что нужно думать о квартире, франках, издательстве, переводах, лекциях и т.п. — когда уже жить осталось недолго и когда чувствуешь себя, больше, чем прежде, созревшим для другого дела. Работы накопилось очень много и очень трудной работы, а будет ли возможность зимой заниматься — Бог весть. Из новостей благоприятных — Леви-Брюль принял для Ревю Философик мою статью о Гуссерле и принял /...?/ даже весьма прелюбезно. Торопил все время Шлецера с переводом. (Лазареву, 14.09.1925).

Статья появилась в «Ревю Философик» в номере 1/2 (январь/февраль) за 1926 г. под заглавием «Memento Mori. A propos de la théorie de la connaissance d'Edmond Husserl». В ответ на статью Шестова страсбургский профессор Жан Геринг (ученик Гуссерля), написал статью, озаглавленную «Sub specie aeternitatis. Eine Erwiderung auf L.Schestows Artikel "Memento Mori" enthaltend eine Kritik der Husserlischen Pholosophie», рукопись которой он послал в немецкий журнал «Философишер Анцейгер», который издавался в Мюнхене. Прочитав статью, издатель журнала Гельмут Плеснер попросил переводчика Шестова Вальтера, который тоже жил в Мюнхене, узнать у Шестова, не со-

гласится ли он написать ответ на статью Геринга. Шестов согласился. «Я сообщил Плеснеру о Вашей готовности ответить на статью Геринга, — пишет Вальтер Шестову 28.05.1926, — он был очень рад». Плеснер послал Шестову статью Геринга. «Он [Плеснер] просит сообщить Вам, — пишет Вальтер Шестову 3.06.1926, — что он может уделить 1½ до 2 листов для Вашей статьи, что он против парадоксальности отнюдь не возражает... и что он очень приветствует Ваше любезное сотрудничество». Шестов написал ответ на возражения Геринга под заглавием «Что такое истина». Он спешил закончить ответ до отъезда на летний отдых (работа завершена 1 июля). Об этих работах Шестов пишет Эйтингону (см. ниже письмо Эйтингону от 19 октября 1926 г., стр.356-357). Ответ Шестова Герингу появился в скором времени по-русски в «Современных Записках» (№30, 1927), по-французски в «Ревю Филозофик» (№1/2, январь/февраль 1927) и по-немецки, в переводе Вальтера, в «Философишер Анцейгер» (№1, 1927, вышедший, вероятно, в июле). Статья Геринга о Шестове «Sub specie aeternitatis» появилась по-немецки в том же номере «Философишер Анцейгер», что и статья Шестова, а по-французски в журнале «Ревю де л'истуар э де ля философи религьез» (июль/август 1927). Шестов пишет Эйтингону: «Через Геринга разговариваю с Гуссерлем». Можно с уверенностью сказать, что Гуссерль понял, что именно с ним беседует Шестов (об их знакомстве и дружбе см. во втором томе). Благодаря статьям Шестова во Франции заинтересовались Гуссерлем, которого до этого мало знали. Леви-Брюль и Шестов обменялись несколькими письмами по поводу публикации в «Ревю Филозофик» статьи «Что такое истина». В одном из писем Леви-Брюль отмечает:

> La Revue Philosophique est heureuse de votre collaboration, et elle s'en fait honneur. Ce que vous voudrez bien lui donner sera toujours bienvenu. (17.07.1926).

Небезынтересно указать, что в 1926 г. появилась книга Геринга «Phénoménologie et philosophie religieuse», которую он послал Шестову с надписью: «A Monsieur le Professeur L.Chestov, hommage respectueux de l'auteur, Strasbourg le 29 sept. 1926».

* *
*

В эти годы Шестов много занимался Плотином. В мае 1924 г. он закончил статью «Неистовые речи» (см. стр.305). В 1925 г. он продолжал работать над Плотином и в октябре начинает тетрадь с заметками о Плотине и выписками из него (рукопись №34). В феврале 1926 г. он начал писать книгу «Об источниках мистического опыта у Плотина», две первые главы которой были опубликованы 7 марта 1926 г. в берлинской газете «Дни» под заглавием «О добродетелях и звездах». В конце статьи пометка «Париж, 25-го февраля 1926». В архиве Шестова сохранилась черновая рукопись этой книги (манускрипт №35). Она содержит 19 глав (130 стр.). 19-я глава не закончена. Можно предположить, что по получении рукописи статьи Геринга Шестов прервал писание книги для того, чтобы написать ответ на статью Геринга. В этот ответ вошли элементы из неоконченной книги. По-видимому, Шестов после написания ответа уже продолжал работу над ней. Незаконченная книга и тетрадь с выписками из Плотина представляют ценнейший, еще не исследованный материал для всех, работающих над Шестовым и Плотином. В статье «О добродетелях и звездах» Шестов пишет о Плотине: «Особенно важное и значительное почти всегда так говорится, чтоб быть сказанным и не быть услышанным». Нет сомнения, что в вышеуказанные работы Шестов занес то, что для него у Плотина было «особенно важным и значительным». О своих работах Шестов обыкновенно рассказывает Ловцким и Эй-

тингону в переписке с ними. О книге, посвященной Плотину, он не упоминает ни в одном из сохранившихся писем.

Статья «О добродетелях и звездах» поразила Марину Цветаеву*. Она пишет Шестову:

> Не пришла вчера, потому что завтра еду. Мне очень грустно уезжать не простившись, — Вы моя самая большая человеческая ценность в Париже — даже если бы Вы не писали книг! Но Вы бы не могли их не писать, Вы бы их все равно — думали. Никогда не забуду Вашей (плотиновской) утренней звезды, затемняющей добродетель. До свидания — осенью. Из Вандеи напишу, и буду счастлива увидеть на конверте Ваш особенный, раздельный, безошибочный — нет! — непогрешимый почерк (графический оттиск Вашего гения). (23.04.1926).

Закончив статью «Что такое истина», Шестов поехал в первые дни июля на летний отдых в Шатель-Гюйон. Как и в предыдущие годы, там его уже ждала Анна Ел. Поселились в новом пансионе «Вилла Флоранс», где они будут жить каждое лето до 1929 г. Туда же приехали Ловцкие. 10 августа они поехали в Виши отметить годовщину смерти отца Шестова (Исаак Моисеевич скончался в Берлине 16 августа 1914 г.). Шестов пишет матери:

---

* Марина Ивановна Цветаева (1892-1941), очевидно, познакомилась с Шестовым вскоре после своего приезда в Париж (1.11.1925). В архиве Шестова сохранилось 9 писем Цветаевой к Шестову, которые были опубликованы в «Вестнике РХД» №129, 1979. Одно из них приведено выше. Письма были написаны между 25.01.1926 и 31.07.1927. Сохранилась еще книга Цветаевой «После России» с надписью Шестову, датированной 31.05.1928. Судя по письмам, в этот период Цветаева благоговела перед Шестовым, и они довольно часто встречались (см. стр.346). Встречались ли они после 1928 г., определить не удалось. В 1979 г. оригиналы девяти писем и книга с дарственной надписью Шестову были переданы в Музей Цветаевой в Москве, фотокопии хранятся в архиве Шестова в Сорбонне.

Как только мы получили твое последнее письмо, мы начали искать здесь синагогу — но не только синагоги, даже евреев здесь не нашли. Тогда мы решили поехать в Виши — и вчера туда отправились. Там нам все удалось устроить как нельзя лучше. Нашлась и синагога, нашлись и очень почтенные евреи, которые пришли составить для нас миньем. Пришел grand Rabin (великий раввин — так называется у французов главный раввин) Алжира и привел с собой почтенных евреев из Алжира, потом был писатель Семен Юшкевич и еще разные евреи из разных стран. Все молились, а алжирский великий раввин, после еврейской молитвы, еще прочел по-французски, как здесь водится, молитву об упокоении души. В Виши мы пробыли весь день, а вечером вернулись домой. Кадиш я читал, повторяя слова за Германом. (11.08.1926).

В Шатель Шестов получил письмо от Эйтингона, в котором он описывает любопытную встречу с читателем Шестова:

Auf der Reise nach Wien habe ich im Eisenbahncoupé übrigens ein Erlebnis gehabt, das auch Sie interessieren dürfte, Lew Isaakowitsch. Ich hatte ein Exemplar Ihrer "Révélations" mit mir und etwas dort nachschlagen wollend, vertiefte ich mich wieder in das Buch. Etwa eine Stunde oder zwei später, sprach mich ein mir gegenübersitzender Herr, dessen interessantes Gesicht mir beim Betreten des Coupés in München sofort aufgefallen war, mit den Worten an: "Gestatten Sie, dass ich meinem freudigen Erstaunen darüber Ausdruck gebe, dass Sie dasselbe Buch lesen das ich bei mir habe und dass mich seit einigen Monaten ausnehmendst interessiert!" Auch ich war uber den Zufall erstaunt, 2 Exemplare eines französischen Buches von Ihnen in einem Zugabteil in einem Winkel Deutschlands. Fast den ganz Weg bis Wien interpellierte er mich dann über Sie und Ihre Philosophie. Er war ein Kroate aus Agram (Zagreb), wenn ich ihn richtig verstanden habe, Musikschriftsteller vom Fach, mit Namen ein Herr von Mihalowitsch. Er und eine ihm befreundete Dame, eine Gräfin Prascovich, in Agram auch, fanden in einem französischen Journal das

Buch erwähnt oder referiert, liessen sich das Buch kommen und seien von Ihrer Art ganz frappiert. Beide interessierten sich sehr für russische Litteratur und Philosophie; er bat mich ganz eindringlich Ihnen zu bestellen, dass Sie nun in Agram zwei "glühende Verehrer" hätten. (30.08.1926).

* *
*

Весьма вероятно, что, вернувшись из Шателя в Париж, Шестов начал заниматься Владимиром Соловьевым и не возобновил работу над книгой о Плотине, которую он прервал весной (см. стр.337). В 1926/27 учебном году он читал в Сорбонне курс «Владимир Соловьев и религиозная философия».

Осенью 1926 г. редакция «Верст» готовила второй номер журнала, который должен был выйти в 1927 г. В отделе «Материалы» решили напечатать «Апокалипсис нашего времени» В.Розанова. С.Эфрон пишет Шестову:

Повторяю свою просьбу — написать несколько страниц о В.Розанове. Редакционное предисловие к Апокалипсису напишет Сувчинский, Ваша статья будет напечатана не при материалах, а сама по себе. Просьба срочная, ибо номер уже в наборе. Размер статьи — чем сжатее, тем для нас лучше... Точнее: три-четыре-пять страниц. (9.10.[1926]).

Статьи о Розанове Шестов тогда не написал, но, очевидно, много о нем думал. Подготовляя поездку в Берлин, Шестов пишет Ловцким в январе 1927 г., что хотел бы в Берлине прочесть лекции на тему «Антихрист у Вл.Соловьева и Апокалипсис Розанова». Неизвестно, сохранил ли Шестов это название для лекций, которые он прочел в Берлине, или дал им заглавие своего курса в Сорбонне («Владимир Соловьев и религиозная философия»). В статье о Соловьеве, которую он писал в июне 1927 г., он о Розанове не говорит. Только в 1929 г. Шестов написал о нем работу «В.В.Розанов» (см. второй том).

11 ноября 1926 г. Шестов читал доклад «Лебединые песни. (О произведениях Гейне и Ибсена)» в Союзе Молодых Поэтов.

В июле 1926 г. вышла по-французски книга Шестова «Достоевский и Нитше» (см. стр.354). Фондан, которому Шестов послал книгу, ему пишет:

> Cher Grand Ami et maître, je viens de terminer la lecture de Dostoïevsky et Nietzsche; à la place du livre égaré par la poste, Schloezer m'en a offert un autre. Il est vrai qu'y manque sur la première page, votre écriture. Je ne saurai vous dire la curiosité passionnée que je mets à suivre votre pensée, toute... Vous vous rappelez peut-être qu'un jour sous le viaduc de Passy, vous m'avez demandé quelle était l'influence la plus profonde que j'avais jusqu'alors éprouvée... De Nietzsche j'aurais du vous parler mais je m'était déjà aperçu, grace à vous que je l'avais mal lu, que j'aimais en lui son éloquence, le professeur /...?/ d'orgie logique, l'artiste aussi — mais rien de [ce] qu'il appelait l'artiste tragique et que vous mettez à nu si bien. Vous me faites non seulement comprendre Nietzsche, Tolstoï etc. mais aussi des hommes auxquels vous n'avez pas pensée, Rimbaud, Baudelaire. J'ai eu même un instant l'idée de vous soumettre quelques textes, de vous interesser à Rimbaud p.ex. tant votre pensée me semble de nature à pouvoir éclaircir certains grands mystères.
>
> Je peux avec vous poser le problème mais ne peux y aboutir. Je me refuse encore de vous suivre et c'est avec une peur pleine de délices. Ne souriez pas. Je voudrais que cela fût du dilettantisme. Vous même pensez qu'il faut un malheur pour franchir l'obstacle et je n'ose me le souhaiter. Y viendrais-je tout seul? (17.01.1927, Фондан, стр.175).

Много лет спустя в своей книге «Rencontres avec Léon Chestov» («Встречи со Львом Шестовым»), которую он начал писать в 1933 г., Фондан вспоминает о том, как он познакомился с Шестовым (см. также стр.303), как он написал приведенное письмо и какое оно произвело впечатление на Шестова:

Когда весной 1924 г. я встретил Шестова в Париже, у Жюля де Готье, каковы были мое удивление и радость познакомиться с писателем, чья книга («Откровения смерти») глубоко меня потрясла за два года до этого. (Я написал по-румынски пять или шесть статей об этом произведении.) Но по складу моего ума, родственному Малларме, я никогда не задавался вопросом, когда и где жил этот писатель, и никогда не думал о том, что он реально где-то существует. Когда он задал мне общепринятые вопросы, я, вероятно, ответил, повторяя слово в слово то, что он мне сам сказал через многие годы: «Я изучал право, никогда не слушал курса по философии, меня считали и я сам себя считал поэтом и эссеистом...» Когда, через два года, появился французский перевод «Философии трагедии», он любезно прислал мне экземпляр книги. Я написал ему благодарственное письмо. Я ему просто сказал, что его книга поразила меня, как, впрочем, и предыдущие его произведения, но что, помимо этого, она встревожила меня, в чем я осмеливаюсь ему признаться: «Если трагедия, несчастье являются условием для поиска истины, — а именно таково было его исходное положение, — кто тогда добровольно последует за ним, кто посмеет пожелать самому себе трагедии, будь это даже для прекрасных глаз истины». В заключение я написал: «Вы никогда не сможете иметь последователя». Через несколько дней Шестов пригласил меня к себе. У него были гости. Шестов встретил меня так, что я никогда не смогу забыть этого. Он прочел мое письмо друзьям, которые были у него, и сказал мне: «Я так привык, что мне говорят о моем писательском таланте, о моем критическом "даре", о справедливости или спорности моего толкования того или иного, что Ваше письмо меня удивило. Вы не заинтересовались ни моим стилем, ни моим психологическим чутьем, но самой сутью вопроса. Это удивительно...»

Именно с этого дня Шестов заинтересовался мною. Я не помню, когда он разрешил мне приходить к нему, одному (не раньше 1926 г., но до 1929), и когда начались наши беседы, сначала редкие, потом все более и более час-

тые. Прекратила их только смерть Шестова. (**Фондан**, стр.41-43).

Между Шестовым и Фонданом, одним из редких людей, услышавших его «вопрос», с этого времени установилась настоящая духовная связь на всю жизнь. Фондан был не только его талантливым учеником, но и близким другом.

В воскресенье 13 февраля 1927 г., в день своего рождения, Шестов устроил у себя прием. «45 человек пришло», — пишет он Ловцким. Среди гостей был Леви-Брюль, с которым у Шестова наладились дружеские отношения.

Закончив курс лекций в Сорбонне, Шестов поехал в Берлин (8.04.1927), где гостил у Эйтингона. В своих воспоминаниях Фондан рассказывает о двух встречах Шестова с Альбертом Эйнштейном в Берлине, не указывая, когда они произошли:

> Как-то вечером Шестов оказался за столом соседом Эйнштейна. Он знал Эйнштейна только по имени, мало что зная о математической физике, а Эйнштейн, вероятно, узнал о существовании Шестова только в этот вечер — большой русский философ, друг Гуссерля и т.д. Оказавшись рядом с Шестовым, Эйнштейн попросил его объяснить в нескольких словах, если это возможно, философию Гуссерля.
>
> — Но, — ответил Шестов, — этого нельзя сделать в двух словах. Для этого мне нужно, по меньшей мере, час или полтора.
>
> — Я не спешу, — сказал Эйнштейн.
>
> — С чего же начать? Предположим, что Вы сегодня встретились с Ньютоном, на этом свете или на том, — начал Шестов, — о чем бы Вы с ним заговорили? Об очевидности, о доказательствах, об истине или же скорее о массе света, о кривизне земли и т.п.?
>
> — Безусловно, о последнем, — согласился Эйнштейн.
>
> — Ну вот, — заметил Шестов, — а философ спросил бы Ньютона, что такое истина, бессмертна ли душа,

существует ли Бог. Но Вы, Вы полагаете, что все это вещи известные.

— Безусловно.

— Так вот, — продолжал Шестов, — эти вещи, которые Вам представляются столь известными, философу вовсе не кажутся таковыми. Он ставит все разрешенные вопросы так, будто они не были разрешены.

Он попытался затем рассказать Эйнштейну об очевидности Гуссерля, коснулся даже той борьбы с очевидностью, которую он начал со знаменитым философом из Фрейбурга, но Эйнштейн уже не следил за его мыслью. Они встретились еще раз, и Эйнштейн попросил Шестова продолжить объяснения. Но он уже не помнил ничего из того, что ему было сказано в первый раз. (Фондан, стр.108-109).

Мы отнесли описанные встречи с Эйнштейном к апрелю 1927 г., так как Шестов вскользь упоминает об Эйнштейне в письме к жене из Берлина, в апреле 1927 г.: «Мое первое свидание [с Эйнштейном], — пишет Шестов, — было очень удачно». Если наше предположение, что встречи состоялись в апреле 1927 г., справедливо, то Фондан неточен, называя Шестова в своей записи «другом Гуссерля», ибо Шестов и Гуссерль познакомились только в 1928 г.

Вернувшись в Париж (4 мая ?) Шестов пишет Герцык о своей поездке и о других делах:

Дорогая Е.К. Ваше письмо пришло сюда, когда меня здесь не было. Я ездил в Берлин — там у меня мать живет. Чтобы вернуть расходы по путешествию, прочел там две лекции «Влад. Соловьев и религиозная философия». Я здесь в течение зимы читал целый курс на эту тему (тоже по-русски в Сорбонне), а в Берлине пришлось рассказать это в сокращенном виде. Вот вам сразу несколько страничек из моей жизни. Я говорю Н.А.Бердяеву «до чего мы с тобой пали — под старость профессорами сделались». Он со мной не соглашается, он даже гордится своим профессорством. Но я — увы! — не могу гордиться. Разве можно профессорствовать о «земле обетованной». Помни-

те в послании к евреям (XI. 8) «верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие; и пошел, не зная куда идет». Об этом только и думать хочется. Хочется идти, и идешь, не зная куда идешь. А когда пытаешься другим рассказать — на тебя смотрят такие недоумевающие и грустные глаза, что язык иной раз прилипает к гортани и начинаешь завидовать В.Соловьеву, с которым только что спорил, и завидуешь именно в том, что он знал, куда идет. А потом опять о том же начинаешь и говорить и писать. Недавно я об этом по-русски напечатал «Неистовые речи» (о Плотине). Нужно ли это кому — не знаю. Недавно встретил я одного молодого француза, который год назад вернулся из Китая. Он рассказал мне, что перевел на китайский язык почти всего Достоевского и что китайцы им зачитывались. А потом еще сообщил мне, что как приложение к Достоевскому выпустил мою книгу: «Les révélations de la mort». И что моя книга мгновенно раскупилась и китайцам очень подошла. «Sans doute, — пояснил он мне, — ici on vous admire beaucoup, mais ici on se tient à l'écart de vous», а китайцы так вот, мол, полностью приняли. Так что, как видите, мое место вот где — в Китае, и я, пожалуй, тоже выхожу евразийцем. — Нужно бы вам написать о разных движениях в духовных областях во Франции, Германии. Но я не очень могу следить за всем — времени мало, и силы тратятся на другое. Мне впрочем кажется, что ничего особенно значительного не происходит. Работают много, очень много, но больше заняты практикой, зализывают раны, устраиваются наново. И в этом очень преуспевают. Даже в Германии — ей ведь труднее, чем другим странам. Люди ходят сытые, одетые, обутые — театры, кино, кафе переполнены. Лет через пять о войне, пожалуй, и совсем забудут. (18.05.1927. Герцык, стр.114-116).

В конце мая в изд-ве «Плеяда» вышел «Апофеоз беспочвенности» («Sur les confins de la vie»). Об этом и о своей работе над Соловьевым он рассказывает Эйтингону:

> Четыре недели подряд каждый день собираюсь написать Вам — и вот только теперь собрался. Не хотелось писать, пока не вышлют Вам «Ап. бесп.». И вот только что пришло письмо из «Плеяды», что книга Вам выслана...
>
> Пишу теперь о Вл.Соловьеве — надеюсь кончить до отъезда. Немного досадно, что приходится об религиозной философии писать в связи с Вл.Соловьевым. Лучше было бы в связи со столкновением Шеллинга и Гегеля. Соловьев, как философ, не слишком уж оригинален — больше повторяет Гегеля и Шеллинга. Может быть, когда я вернусь из Chatel'я, я использую свой материал для другой статьи — уже без Соловьева. (4.06.1927).

В том же письме Шестов рассказывает Эйтингону о встрече кузины Эйтингона с Мариной Цветаевой:

> На днях пришла ко мне вечером Ваша кузина, Софья Ильинична*, очень взволнованная — поговорить о Марине Цветаевой. Она была у нее, видела, как та живет — и хотела узнать от меня, что можно для нее сделать. Сама она не решилась ей предложить денежную помощь и просила меня передать Марине Ивановне 1000 фр. Я, конечно, взялся и, конечно же, когда я приехал к М.И., оказалось, что деньги нужны до зарезу. Я думаю, что теперь уже С.И. не трудно будет и лично с М.И. разговаривать. На днях обе они будут у меня и лично обо всем столкуются. С.И. такая милая и деликатная женщина, М.И., с другой стороны, так тронута ее заботливостью, что, вернее всего, они сразу подружатся. Я очень рад за М.И., что нашелся человек, который за нее готов похлопотать и о ней подумать. А то — все ополчились против нее. (4.06.1927).

Лето (10.06.-10.09.) Шестов провел в Шатель-Гюйоне. Как и в предыдущем году, Шестовы жили в пансионе «Вилла Флоранс». В августе Таня поехала в Швейцарию, в горы. В письмах к родителям она подробно описывает свое путешествие. Ее бодрые письма радовали Шестовых, и Шестов ей отвечает:

---

* Софья Ильинична Либер, член Парижского о-ва «Быстрая помощь».

Сейчас получили твою открытку. Мама, конечно, вне себя от радости, что ты на Monte Rosa взошла. Я уж ей всячески эту Monte описываю — говорю, что труднее, чем все вершины в Альпах, чем Jungfrau, Mont Cevrin, чем Mont Blanc. Насчет Моиблана мама спорит, но, кажется, уступит: очень ей хочется, чтобы ты на самую высокую вершину взобралась. Я, во всяком случае, всем буду говорить, что самое трудное восхождение — это Monte Rosa. У нас — ничего особенного. Сезон идет на убыль, и с четверга, верно, у мамы уже меньше работы будет. Я лечение кончил — и со вчерашнего дня отдыхаю. Сегодня мама ведет меня в Hôtel du Parc к одной из своих пациенток, которая мои книжки читала. Мама будет чай пить и танцы смотреть, а я чтобы умные разговоры разговаривал. И досрочно пришлось стричься, надеть черный костюм и т.д.

Прислал фотограф мои карточки*; мама довольна, но тоже у нас спор вышел. Мне нравится самая благородная, а маме не нравится. Она говорит, что благородства у меня в лице нет, что в лучшем случае, можно ум заметить — стало быть, нечего и на карточках изображать благородство. (16.08.1927).

Много лет позже Шестов рассказал Фондану, с «прелестным юмором», по выражению Фондана, о том, как он с Анной Ел. посетил даму в «Гранд-Отеле» в Шателе. Весьма возможно, что речь идет о визите, описанном Шестовым в письме к Тане, и что Фондан написал по ошибке Grand Hôtel вместо Hôtel du Parc.

Примерно восемь лет тому назад мы жили летом, как обычно, в Шатель-Гюйоне. У моей жены там пациенты. Вероятно, Вы знаете — я этого не знал, — что есть журнал, который во Франции читают все, — это «Анналы»

* Речь идет о фотографиях, сделанных парижским фотографом Маркевичем. В архиве Шестова сохранилась фотография с надписью «Моей дорогой жене на память. Chatelguyon, 10.09.1927». Фотография была опубликована в книге «Le pouvoir des clefs», вышедшей в 1928 г.

(«Les Annales»). Однажды во время обеда к нам подходит дама с номером «Анналов» в руках и говорит: «Смотрите, графиня де Ноай пишет о Шестове». Дама уходит, оставляя нам номер «Анналов». Через десять минут появляется другая дама с экземпляром «Анналов». Мне становится жарко. Наконец, записка от третьей дамы, очень важной, которая жила в «Гранд-Отеле». После чтения в «Анналах» статьи о муже г-жи Шестовой ей захотелось познакомиться с самим г-ном Шестовым, и она приглашала нас на ужин. Я в нерешительности, но моя жена уже начинает отдавать приказания, не как жена, конечно, а как врач — дама была ее клиенткой. «Ты пойдешь к парикмахеру, но не к тому грошовому, у которого ты обычно бываешь, а к шикарному, на главной площади». Потом, глядя на мой галстук, она находит, что он нехорош. «Надо купить тебе новый»... Мы расходимся: я иду к шикарному парикмахеру, она — за галстуком. Ей этого не надо говорить, но я должен признаться, что не люблю бесполезных расходов. Зачем платить 10 или 12 фр., если можно обойтись 5-ю! Все парикмахеры одинаковы. Следовательно, иду к моему обычному парикмахеру. Вернувшись в отель, застаю жену в кресле за чтением газеты. Рядом с ней — галстук... Вечером мы были у дамы из «Гранд-Отеля», которая сообщила мне, что графиня де Ноай написала обо мне в «Анналах». Я был очень доволен. (Фондан, стр.104-106).

Статью, в которой Анн де Ноай пишет о Шестове, найти не удалось.

Из Швейцарии Таня поехала в Понтиньи на собеседование «Романтизм и его глубина» (21-31 августа). Шестов ей туда пишет:

Очень порадовало нас твое письмо — хотя, конечно, мы и вперед знали, что тебе в Pontigny будет хорошо. Любопытно, что D.H. [Daniel Halevy ?] скажет о Розанове и как к Розанову в Pontigny отнесутся. Переводить его тебе не легко будет, но зато, если удастся, то это тебе будет большой заслугой. Скажи от меня D.H., чтобы он уж воспользовался случаем и из своего доклада сделал

статью для «N.R.F.» — и может быть, заодно и для какого-нибудь английского журнала. Это было бы очень интересно да и нужно уже. [24(?).08.1927].

Конечно, жаль, что Desjardin устал и Du Bos нездоров. Но все же, вероятно, в конце концов, беседы наладились, и тебе не придется жалеть, что ты поехала в Pontigny. Плохо, что в будущем, если Desjardin и Du Bos не поправятся, некому им помочь. Но, авось они все же поправятся, а может быть и найдут себе помощников...

Отчего ты о Бердяеве ничего не написала? Как ему понравился Pontigny и как он понтинийцам понравился? (29.08.1927).

Возвращаясь в Париж, Шестов заехал на три дня в Виши повидаться с Ловцкими, которые приехали туда на летний отдых, и прибыл в Париж 13 сентября. Статью о Соловьеве, над которой он работал в июне, Шестов закончил 25 сентября. Она появилась в «Современных Записках» №34 (первая книга 1928 г.) под заглавием «Умозрение и откровение. Религиозная философия Владимира Соловьева». Через некоторое время статья появилась по-французски («Paris-Palestine», №№4-9, 1929) и по немецки («Jena Die Tat», №№5-6, 1929). Получив статью, редактор журнала Адам Кукхоф пишет Шестову: «Ihr Aufsatz... hat mich leidenschaftlich interessiert... ich liebe ihr sehr». (10.01.1929 и 13.05.1929).

В то время, когда Шестов кончал статью о Соловьеве, он написал длинное письмо своему другу А.М.Лазареву, который тогда жил в Реймсе:

О том, что Вы пишете по поводу моих книг, правда, было бы целесообразнее потолковать при личном свидании, чем переписываться. Но несколько слов сказать можно. Вы пишете, что не понимаете моих книг. И мне приходит в голову, что, пожалуй, ведь так оно и должно быть. Понять можно Пифагорову теорему, менделеевскую периодическую систему, теорию Эйнштейна и даже любое

философское построение. Ибо тут задача сводится к тому, чтоб неизвестное привести к известному. Но когда задача меняется, когда неизвестное хочет отстоять свою независимость и не дается в плен известному — тогда ведь и задача меняется. «Понимание» оказывается ненужным, понять неизвестное тогда равносильно тому, чтоб потерять его. Я полагаю, что даже бесспорные научные объяснения в конце концов не приводят все-таки к пониманию. Считается, что мы «понимаем» воду, когда говорим, что вода есть соединение двух газов, взятых в известных количествах. Но разве, в сущности, это есть «понимание»? Вода, как была, так и осталась непонятною. Отчего кислород и водород дают воду, а не воздух или серебро? На этот вопрос никто не даст ответа. Никто тоже не даст ответа на вопрос, почему вода есть не то же, что серебро, или воздух не то, что золото. Ведь глухой может отлично постичь теорию звуковых волн, но он никогда не узнает, что такое звук. Так вот, мне кажется, что каждый раз, когда открывается действительно какое-нибудь неизвестное, все наши попытки «понять» его заранее обречены на бесплодность. Плотин говорит: «оно не нуждается в споре, как если бы оно само не могло себя нести» (Эпиграф в моей статье «Что такое истина»). Как вы это поймете, когда мы под пониманием разумеем именно отыскание опоры, когда, чтоб понять, нам нужно ввести подлежащее пониманию в «связь вещей»? Но, в сущности, всякая вещь, поскольку она существует, рвется прочь из связи. Вода, воздух, золото и т.д. тоже находятся вне связи и, хотя возникают при известных условиях, но в своем возникновении совершенно своеобразны и своевольны. И вот, мне кажется, что, когда Вы говорите, что не понимаете моих книг, это происходит, быть может, потому, что Вы все, мною рассказываемое, хотите тоже ввести в «связь вещей».

Если бы вы от этого отказались или, лучше, когда и поскольку Вы от этого отказываетесь и просто слушаете, — вы слышите, как вы видите воздух, серебро или золото, когда вы на них смотрите, а не хотите их получить, как «вывод» из системы Менделеева или атомистическую

теорию. Ни система М., ни атомистическая теория не делают окружающее нас понятным, а только, в лучшем случае, позволяют им распоряжаться. «Понимание» предполагает потому, что «мы думаем только для того, чтобы действовать», чтоб выразиться по Бергсону. Когда же «действовать» не нужно, не нужно и понимать, не нужно искать ни связи вещей, ни всеединства, ни достаточных оснований, ни закономерностей. Наоборот, тогда «свободная внезапность» кажется человеку и нужнее, и милее, и даже истиннее всяких обоснований. (22.09.1927).

Письмо было опубликовано в парижской газете «Русская Мысль» 27 февраля 1969 г.

* *
*

Еще в России Шестов стремился издать полное собрание сочинений. В Петербурге в 1911 г. издательство «Шиповник» издало первые шесть томов (см. стр.113), но из-за политических событий издание не было продолжено. Поселившись в Париже, Шестов после выхода первых работ по-французски начал думать об издании полного французского собрания сочинений. В это время (1922, нач. 1923 г.) Я.С.Шифрин (J.Schiffrine) основал в Париже издательство «Плеяда» («Editions de la Pléiade») и в 1925 г. обсуждал с Шестовым возможность предпринять французское издание его книг. Шестов пишет Ловцким:

«Плеяды» выпустили целый ряд русских книг в роскошных изданиях («Пик. дама», «Первая любовь», «Вечный муж», рассказы Гоголя) и книги идут очень хорошо. И вот Шифрин, основываясь именно на том, что по-французски вышли мои две книги, утверждает, что теперь издать полное собрание моих сочинений по-франц. имело бы обеспеченный сбыт. К несчастью, денег у него мало, а тут его жена (пианистка Юра Тюнер) заболела, ей делали операцию, и это ему влетело в 30,000 фр. — так что,

> пожалуй, из наших переговоров ничего не выйдет. Но знакомство с книжным рынком у него есть, и я думаю, что его соображения правильны. Он и теперь еще уверяет меня, что есть какой-то человек, на которого он рассчитывает, не откажется его поддержать на издание моих сочинений. Правда, я на этого человека не очень рассчитываю. (15.02.1925).

Узнав о намерениях Шифрина и его затруднениях, друзья Шестова задумали основать комитет с целью финансировать издание. Но наладить дело оказалось труднее, чем они думали. В это время Шестов поехал на несколько недель в Берлин (5 апреля). Анна Ел. пишет Эйтингону о комитете:

> Лев Исаакович уехал, и я могу Вам написать без его ведома. Для него как морально, так и материально было бы очень важно, чтобы собрание его сочинений вышло по-французски. Для этого издания нужно от 60 000 — 70 000 франков; деньги эти вернутся затратившему их, потому что имя Л.И. известно во Франции и его сочинения интересуют очень многих. Познер говорил с Найдичем, тот хотел как будто бы составить общество для издания, но пока из этого ничего не выходит; не могли бы Вы принять участие в этом деле? Вы бы лучше могли объяснить значение Л.И. и почему евреям особенно следовало бы его поддержать. Я потому решилась написать Вам, что вижу, как пропадает работа Л.И. По его собственному выражению «душа работает как никогда» и, может быть, теперь он мог бы дать лучшее из всего им написанного раньше, как плод 30-летней неустанной работы; но силы его, к сожалению, уходят на материальные заботы, а сил мало. Он очень поправился в Châtel; благодаря Вашему авансу, я могла создать ему подходящую обстановку, он лучше чувствовал себя эту зиму, чем прошлую, но почти все его время ушло на переписку, корректуры, поддержку отношений с нужными людьми. А для настоящей работы ему нужна душевная свобода и не такая материально трудная обстановка, в какой мы живем. Хотя мы все работаем, но зарабатываем мало, так что дети и я не можем его

избавить от материальных забот, дать ему возможность отдать последние годы жизни его работе. Я пишу об этом Вам, потому что знаю, как Вы понимаете и цените его труд и, может быть, не захотите, чтобы Л.И. ушел от нас, не давши того, что он еще может дать, самого ценного из всего его труда. Л.И. очень не любит говорить о себе, оттого я решилась сказать за него; об этом письме он ничего не должен знать. (5.04.1925).

Через несколько месяцев все же показалось, что удастся создать комитет для издания книг Шестова. Об этом Шестов пишет жене:

Был в четверг у Пасманика. Если удастся его затея — будет очень хорошо. Пасманик говорит, что Слиозберг переговорит с grand rabbin'ом, который (это мне сам Сл. сказал) в восторге от моих книг, а grand rabbin убедит Ротшильда дать нужные для издания деньги. Шифрин, Беспалова и Слиозберг образуют комитет, который будет заведывать делом. Предполагается выпустить два издания — обыкновенное и роскошное. Обыкновенное издание пойдет на покрытие расходов по переводу и печатанию, а роскошное (1000 фр. за 8 томов) пойдет в мою пользу. Беспалова сказала, что 19 подписчиков у нее уже есть. Grand Rabbin наверное тоже 5 подписчиков (если не больше) найдет, да Эйтингон тоже среди своих, надеюсь, найдет 5 человек. Значит, для начала почти обеспечено двадцать подписчиков. Так как дополнительные расходы по изданию 100 экземпляров роскошных не превысят 5 000 фр., то от первых 20 экземпляров мне может остаться 15 000 фр., а потом еще 80 экземпляров, которые, по мере продажи, будут давать каждый по 900 фр. мне. Всего вероятнее, что за несколько лет остальные 80 экземпляров тоже разойдутся — в Америке, Голландии, Германии, Скандинавских странах. Роскошные издания обычно берут люди, которые не читают книг — а только устраивают библиотеки. Так что если Слиозберг и grand rabbin достанут нужные деньги, может выйти очень хорошо. К сожалению, grand rabbin в воскресенье едет на три дня в Лондон, и Слиоз-

берг на три, четыре дня куда-то уехать должен. Но к концу будущей недели оба вернутся, и я, верно, опять повидаюсь со Слиозбергом. Пасманик ужасно как волнуется и проявляет большую настойчивость. Авось, что и выйдет у него. Тогда — лучше не нужно. Ты сможешь гордиться: великолепно все устроила. Но, конечно, пока денег не достанут, радоваться еще преждевременно. [22(?).06.1925].

Доктор Д.Пасманик, о котором говорится в письме, был, очевидно, уже давно знаком с Шестовым. В 1925 г. он познакомил свою дочь, Рахиль Беспалову, с Шестовым. Беспалова вспоминает о своей первой встрече с Шестовым в письме, которое она написала Анне Ел. после смерти Шестова:

Я никогда не забуду моей первой встречи с Шестовым на rue de l'Abbé Grégoire. Я пришла к нему с моим отцом. Из разговора я запомнила только две или три фразы Льва Исааковича. Уже тогда его речь пробудила во мне нечто, что уже не смогло заснуть... Всегда, когда я его слушаю, его слова меня глубоко волнуют.

С этого времени Рахиль Беспалова сделалась другом семьи Шестовых. Она изучала философию и считала себя ученицей Шестова, преклоняясь перед его мыслью. Через несколько лет она начала выступать в печати (см. второй том).

Кроме С.Слиозберга, который тоже упомянут в письме, дело принял близко к сердцу Семен Владимирович Лурье, который всячески старался привлечь Найдича. Меценатов найти не удалось, несмотря на старания друзей. В конце года Эйтингон решил взять на себя финансирование французского издания. Первый взнос (50 фунтов) был сделан в январе 1926 г., и в начале февраля Шлецер приступил к переводу книги «Достоевский и Нитше». Она вышла тиражом 3000 экземпляров в июне 1926 г., несколько позже, чем было намечено. О ходе издания и о своих занятиях Шестов ведет переписку с Эйтингоном:

Ich beeile mich, Ihnen etwas mitzuteilen, was ich zu meiner grossen Freude erfahren habe; ich war dessen zwar immer sicher gewesen, aber erst heute habe ich es realisieren können: wir haben einen II Anteil für unsere französische Ausgabe Ihrer Werke, weitere 150 Pfund, die sofort oder jedenfalls sobald sie nur nötig sind, Schiffrin zur Verfügung gestellt werden können. Mein Schwager Matwej Isaakowitsch [Eitingon] hat diesen Anteil übernommen. Die "Apotheose" und die "Potestas" werden doch nun möglichst gleichzeitig und, vor allem, raschestens erscheinen können. (Эйтингон Шестову, 16.09.1926).

Не знаю, как уж и благодарить Вас за Вашу заботливость. Теперь, когда и Матвей Исаакович войдет участником к нам, дело подвинется много быстрее. Сегодня я был уже у Шифрина и сказал ему, что нашлись новые средства. По его расчету, теперь средств хватит, чтобы к концу 1927 г. выпустить четыре тома (считая и III-й — уже напечатанный) — т.е. III, IV, VII и VIII, т.е. большую, значительно большую часть моих сочинений. Теперь, конечно, я больше колебаться не буду, и мы непосредственно приступим к выпуску «А.б.»... И, т.к., судя по началу, можно рассчитывать, что продажа пойдет хорошо, то, пожалуй, через год или полтора мне удастся так устроиться, как это нужно для того, чтобы успешно работать. И можно будет, наконец, освободиться от постоянных забот и отдаться исключительно своей работе. Когда я думаю об этой возможности и вспоминаю, что всем этим я обязан Вашей дружбе и заботе — я не знаю, как и благодарить Вас. Тем более, что сейчас, больше, чем когда бы то ни было, мне хочется продолжать работать. Возражения д-ра Hering'а на мою статью о Гуссерле показали мне лишний раз, что борьба, которую я начал 25 лет тому назад, есть действительно борьба за *το τιμιωτατον* за самое для нас драгоценное. Сама по себе статья Hering'а, как я Вам, кажется, писал, не представляет из себя ничего особенного. Но она вся пропитана духом Гуссерля — и, через Hering'а, я, конечно, разговариваю с Гуссерлем или, лучше сказать, с «Духом нашего времени». Между прочим,

я изменил заглавие своей статьи о Плотине, которая напечатана в «Верстах». Она по-немецки (в сборнике Франка, который выйдет к январю [1927], вероятно, у Reichl'a) уже будет называться: «На весах Иова»*. Мне кажется, что это заглавие лучше выражает сущность статьи — и всего того, что занимает меня в последнее время. Есть ли еще такие весы Иова — когда-то ведь были они? И как сделать, чтобы люди убедились в их существовании! И мне хочется думать, что, если я оставшиеся мне годы жизни смогу отдать работе, то, может быть, мы опять увидим то, что, выражаясь языком Платона, видели «блаженные и древние мужи, которые были лучше нас и стояли ближе к Богу»... Одновременно с этим письмом посылаю Вам номер журнала «Версты», где напечатаны вещи Ремизова и моя статья — «На весах Иова» (я надписал новое заглавие, перечеркнув старое). (Шестов Эйтингону, 21.09.1926).

Шлецер уже кончил перевод моей ответной статьи Hering'y (вчера я уже сдал его в «Revue Philosophique») и теперь приступает к переводу «А.бесп.». Перевод «Д. и Н.» сделан им великолепно: все французы с восторгом говорят об этом. Надеюсь, что и «А. б.» выйдет не хуже. По всей вероятности, он через пять, шесть недель окончит работу и к новому году, либо сейчас после нового года книга выйдет в свет. И тогда немедленно же приступит к переводу «Pot. cl.». Теперь уже задержек не предвидится. Ответ мой Hering'y сдан сейчас и по-немецки, и по-французски, и по-русски в редакции журналов, в ближайших книжках которых он будет напечатан. Вы пишете, что Вас эта статья очень интересует. Я и сам, откровенно сказать, очень волнуюсь ею. Она написана так, что, вероятно, покажется очень вызывающей академическим философам, да, пожалуй, не только академическим. И, т.к. она касается всех четырех основных проблем философии — в ней

* Статья о Плотине вышла в журнале «Версты», №1, [июнь] 1926 под заглавием «Неистовые речи. Об экстазах Плотина». Затем Шестов ее включил в книгу «На весах Иова» (Париж, [июнь] 1929). Сборник Франка, в котором статья должна была появиться в немецком переводе, найти не удалось. Вероятно, сборник не вышел из печати.

я говорю об этике, онтологии, теории познания и теодицее, и говорю еще более открыто, чем говорил раньше — то у меня нет полной уверенности даже, что редактора решатся в своих журналах напечатать ее. Я боюсь, чтоб не повторилась такая же история, какая была с Kant-Studien. Ведь и K.S. мне статью заказали — а потом, когда ознакомились с ее содержанием, печатать отказались. «Весы Иова» кажутся философам XX-го столетия верхом нелепости. Пока что еще месяц или полтора — до получения корректуры — я буду находиться в неизвестности. Но все-таки, я не жалею, что написал эту статью — по-русски, во всяком случае, она появится. А, может быть, все-таки и «Phil. Anzeiger» и «Revue Philos.» ее напечатают. Levy-Brühl в своем последнем письме ко мне говорил, что все, что я ему ни предложу, будет напечатано... [см. стр.336].

О Ремизове Вам Мирра Яковлевна рассказала. Те пять фунтов, которые Мирра Яковлевна оставила мне для него, я решил подержать до конца месяца — я дам ему перед 1-м ноября. У него перед первым числом — он за квартиру помесячно платит — всегда бывает особенно трудно. Опять, верно, скажет «чудом спасаем бываю» и спросит, что такое «спасаем» — причастие или деепричастие!..

Еще раз спасибо Вам большое, дорогой Макс Ефимович, за Вашу дружбу и заботы. Без Вас, конечно, никогда бы не быть франц. изданию моих сочинений. (Шестов Эйтингону, 19.10.1926).

Шестов рассчитывал, что «Апофеоз беспочвенности» выйдет в январе 1927 г. На самом деле, он вышел в мае. Следующая книга «Власть ключей» появилась только через год (апрель 1928), и книги продавались медленно.

Так что дела издания неважны. Мне ужасно совестно пред Вами, я всячески хлопочу, чтобы исправить дело, но ничего пока не выходит. Знал бы, что так будет — ни за что, конечно, не затеял бы этого издания. (Шестов Эйтингону, 14.06.1928).

В 1929 г. продажа не улучшилась, и «Плеяда» других книг не издала. Три уже изданных тома были переданы издательству «Сан Парей» в октябре 1929 г. Шестов пишет Эйтингону:

> От Шлецера получил письмо, что он закончил порученный ему «Sans Pareil'ем» проспект об издании моих книг, так что в октябре он будет разослан, и французы, наконец, узнают, какие из моих сочинений переведены на их язык и где можно мои книги достать. Если бы «Sans Pareil'ю» удалось распространить хоть по 500 экземпляров каждой книги за год (Плон за первый год продал 2000, а «Паскаль» даже в 4000 разошелся), то можно было бы в будущем году «На весах Иова» по-французски выпустить. Поживем — увидим. (22.09.1929).

> С французским изданием дело окончательно устроилось: Шифрин уже передал книги «Sans Pareil». Владелец «Sans Pareil» [René Hilsum] очень энергичный человек и умеет распространять книги. Кроме того, по-видимому, в отношении французов ко мне произошла какая-то перемена. Шифрин мне рассказал, что на днях пришел к нему André Gide и в самых сильных словах выражал ему свои «восторги» по поводу моих книг, которые он только теперь прочел. Говорил, что после «встречи» с Нитше — никто не производил на него такого впечатления, как я. В таком же роде говорил он и Шлецеру. Gide имеет огромное влияние во Франции и его поддержка может много помочь. Потом еще Malraux, который сейчас тоже занял очень выдающееся положение, сказал Шлецеру, что он постарается выпустить в издательстве «Nouv. Rev. Franç.» избранные места из моих сочинений*. Если это удастся и, если притом Gide согласится дать свое предисловие, то мое положение станет совсем другим, и сбыт книгам будет обеспечен. Ужасно буду рад, если все устроится: мне так совестно перед Вами и М.Ис., что я не умел использовать ока-

* «Избранные места» из сочинений Шестова вышли в мае 1931 г. в Галлимаре (Editions de la Nouvelle Revue Française) под заглавием «Pages choisies», но без предисловия Жида.

> занной Вами поддержки. Но если Gide и Malraux не ограничатся словами, то все уладится и, вероятно, не только можно будет довести до конца издание, но и вернуть через года два-три затраченные Вами и М.И. деньги. Не сглазить бы только. (18.10.1929).

После передачи книг «Сан Парей» продажа не улучшилась. В 1936 г. издательство «Сан Парей», в свою очередь, передало оставшиеся книги издательству «Врен» (см. второй том).

Когда начинались переговоры, Шифрин уверял Шестова, что «собрание сочинений... имело бы обеспеченный сбыт», и было условлено, что деньги, внесенные Эйтингоном и его шурином Матвеем Исааковичем, будут возвращены по мере продажи книг. Но этого осуществить не удалось, что доставило Шестову много огорчений.

В тридцатые годы Эмиль и Алина Майриш, владельцы замка Кольпах в Великом княжестве Люксембург, сторонники сближения Франции и Германии и приверженцы «европейской идеи», устраивали в своем замке собеседования, на которые они собирали французских и немецких писателей и деятелей культуры. Из французских писателей здесь бывали Жак Ривьер, Андре Жид, Жюль Ромен, из немецких — Ясперс, Кейзерлинг, Гретхюизен и многие другие. Шестов также приглашался в Кольпах, но нам не удалось утановить, в каких годах он туда ездил, с кем встречался и на какие темы велись собеседования.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 16 MAI 1983
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 8255